

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет

На правах рукописи

КАШКИН ЕГОР ВЛАДИМИРОВИЧ

**ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ФАКТУРЫ ПОВЕРХНОСТЕЙ
(ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ
КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ)**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Кузнецова Ариадна Ивановна

Москва – 2013

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. История вопроса. Теоретико-методологическая база исследования.....	15
1.1 Лексическая типология и история ее развития.....	15
1.2. Теоретическая база данного исследования: фреймовый подход.....	33
1.3. Семантическая область фактуры поверхностей: история исследования.....	44
Глава 2. Лексемы, описывающие фактуру поверхностей: системы прямых употреблений....	56
2.1. Лексемы со значением отсутствия неровностей.....	57
2.2. Лексемы со значением наличия неровностей.....	76
2.3 Некоторые итоги.....	85
Глава 3. Лексемы, описывающие фактуру поверхностей: системы переносных употреблений.....	87
3.1 Теоретические подходы к лексической многозначности.....	87
3.2 ‘Скользкий’.....	93
3.3 ‘Гладкий’.....	96
3.4. ‘Ровный’.....	99
3.5. Лексемы со значением наличия неровностей.....	105
3.6. Некоторые итоги.....	111
Глава 4. Лексемы, описывающие фактуру поверхностей, в уральских языках.....	112
4.1 Финский язык.....	112
4.2 Эстонский язык.....	127
4.3 Эрзянский язык.....	142
4.4 Мокшанский язык.....	160
4.5. Марийский язык.....	173
4.6. Коми-зырянский язык.....	193
4.7 Удмуртский язык.....	204
4.8 Венгерский язык.....	218
4.9 Хантыйский язык.....	242
4.10 Ненецкий язык.....	267
4.11 Обсуждение: родственные языки и лексическая типология.....	281
Заключение.....	299
Приложение 1. Анкета для исследования семантики наименований качественных признаков, описывающих фактуру поверхностей.....	303
Приложение 2. Список глосс.....	311
Библиография.....	312

Введение

Предмет исследования

Предметом исследования в данной работе является семантика лексем, служащих наименованиями качественных признаков и описывающих фактуру поверхности, характеризуя поверхность с точки зрения отсутствия неровностей или наличия неровностей (примерами могут послужить русские прилагательные, выделенные в следующих словосочетаниях: *скользящая дорога, гладкий камень, ровное поле, шершавая ладонь, шероховатая доска*)¹. Исследование выполнено на материале десяти уральских языков (финского, эстонского, эрзянского, мокшанского, марийского, коми-зырянского, удмуртского, венгерского, хантыйского, ненецкого) и пяти языков других семей, привлекаемых в качестве типологического фона (русского, английского, испанского, китайского, корейского), см. подробнее раздел «Материал и методика его сбора». Рассматриваются как прямые, так и переносные употребления указанных лексем.

Под «наименованиями качественных признаков» подразумеваются прежде всего прилагательные. Вместе с тем в ряде случаев оказалось необходимым привлекать к анализу и слова других грамматических разрядов, выражающих по сути ту же самую семантику, что и прилагательные, – например, наречия (ср. в венгерском языке наречие *egyenletesen* ‘равно’, образованное от

¹ Слово «фактура» используется нами для наименования исследуемого класса лексем вслед за работой [Шрамм 1979], где содержится детальная семантическая классификация русских прилагательных. Там выделяется класс прилагательных, которые описывают «фактуру поверхности, характеризуемую ровностью-неровностью» (примерами служат слова *гладкий, ровный, морщинистый* и под.), и другой класс прилагательных, которые описывают «фактуру поверхности с точки зрения отсутствия на ней чего-л.» (пары вроде *чистый – грязный, лысый – волосатый* и т.п.). Наша работа посвящена первому из указанных классов. В дальнейшем мы, чтобы уменьшить громоздкость формулировки, будем обозначать входящие в него лексемы как характеризующие просто «фактуру поверхностей». Отметим, кроме того, что подобное употребление слова «фактура», на наш взгляд, не входит в противоречие и с данными словарей, описывающих его семантику в современном русском языке, ср. одно из выделенных в [МАС 1999] значений этого слова: «Характер обработки, строение какого-л. материала, определяющие внешний вид ткани, стекла и т. п.»

прилагательного *egyenletes* ‘ровный’), стативные глаголы (ср. ненецкий глагол *насортӓсь* ‘быть шершавым’), идеофоны (ср. идеофоны *čаж* и *čаж-čаж*, описывающие в северных говорах удмуртского языка определенный тип негладкой поверхности). Кроме того, использование термина «прилагательное» как объекта типологического исследования, вообще говоря, не вполне корректно, поскольку в языке может вовсе не быть части речи «прилагательное», а соответствующая семантика будет в таком случае передаваться словами других частей речи, например стативными глаголами (подробнее см. [Плунгян 2011: 106 – 110]). Именно поэтому мы объединяем исследуемые нами лексические единицы под более широким ярлыком «наименования качественных признаков». Вместе с тем в тех случаях, когда обсуждаемые в работе слова являются прилагательными, мы будем свободно обозначать их этим ярлыком².

Что касается состава лексем, привлекаемых к исследованию, то они разделены в данной работе на два класса: лексемы со значением отсутствия неровностей и лексемы со значением наличия неровностей.

В первый класс входят слова, аналогичные по семантике русским прилагательным *скользящий*, *гладкий* и *ровный* (привлечение к рассмотрению слова *скользящий* и его аналогов в других языках подробно обосновано в Главе 2). Отметим, что мы не рассматриваем подробно русское слово *плоский* и его аналоги в других языках, поскольку оно первично описывает не фактуру поверхности, а форму предмета, см. [Шрамм 1979: 27], [НОСС 2004: 982 – 986], [Спиридонова 2004] (останавливаясь на употреблении этого слова мы только в тех случаях, когда оно описывает некоторые типы поверхностей, сближаясь в

² Отметим, кроме того, что для прилагательных может оказываться важным противопоставление атрибутивной и предикативной позиций: так, например, прилагательное в атрибутивной позиции может иметь более жесткие сочетаемостные ограничения, см. теоретический контекст и анализ русского материала в [Рахилина 2000 / 2008]. Для нашего материала, однако, данный фактор не оказался релевантным, в силу чего мы будем приводить примеры и на атрибутивные, и на предикативные контексты и не будем каждый раз оговаривать это противопоставление.

этом случае по семантике с прилагательным *ровный* и его аналогами). Кроме того, в работе не рассматриваются прилагательные типа *осклизлый*, которые описывают наличие / отсутствия вещества на поверхности объекта и при этом не дают однозначной характеристики фактуры поверхности с точки зрения наличия или отсутствия неровностей.

Состав второго класса (лексем со значением наличия неровностей) отличается бóльшим богатством, что объясняется присутствием в их семантике дополнительного компонента – собственно неровностей, свойства которых оказываются вариативными, и часто за лексемой закрепляется обозначение узкого класса неровностей на поверхности узкого класса объектов. Подтверждением служит уже материал русского языка (ср. такие прилагательные, как *бугристый*, *кочковатый*, *сучковатый*, *ухабистый*, *холмистый* и пр.), аналогичная ситуация наблюдается и в обследованных уральских языках. Часто такого рода прилагательные образованы от имен, описывающих очень конкретные виды неровностей (как, например, сучок, холм, бугор и пр.), порой релевантные для какой-то ограниченной территории. Например, такова ситуация в ижемском диалекте коми-зырянского языка, где для описания участков местности используются прилагательные *чулькесь*, *мылькесь*, *латиш юрэсь*, *вутши юрэсь*, образованные от существительных *чульк* ‘бугор небольшого размера’, *мыльк* ‘холм, бугор’, *латиш юр* ‘земляная кочка’ и *вутши юр* ‘травянистая кочка’; семантика и употребление слов *латиш юр* и *вутши юр*, кроме того, смешиваются во многих идиолектах.

В то же время, при всём обилии лексем со значением наличия неровностей, среди них выделяются лексемы с достаточно широкой семантикой и сочетаемостью (например, это прилагательные, использованные в русских словосочетаниях *шершавый язык*, *шероховатое дерево*, *грубая кожа*, *морщинистое лицо*), между которыми, в свою очередь, обнаруживаются типологически релевантные семантические противопоставления. Кроме того, именно эти лексемы в большей степени склонны развивать метафорические

переносы, систематизация которых является одной из задач нашей диссертации. Именно на таких лексемах и противопоставлениях между ними мы сосредоточимся в данной работе. Рассмотрение лексем, описывающих конкретные типы неровностей на поверхности ограниченного класса объектов, мы оставляем за рамками настоящего исследования – во-первых, потому, что они соответствуют особому классу контекстов, в которых, как правило, не используются лексемами с широкой сочетаемостью типа *шершавый*; во-вторых, потому, что характеризуемые ими объекты действительности достаточно специфичны и далеко не всегда являются универсальными для носителей всех языков (ср. с прилагательными типа *гладкий* или *шершавый*: для соответствующих им типов ситуаций легко находятся сопоставимые друг с другом примеры реализации в любом языке). Необходимо также отметить, что этот особый лексический класс может быть предметом отдельного лексико-типологического, а также в значительной степени этнографического анализа, ср., например, работу [Burenhult, Levinson 2008], обобщающую результаты проекта по изучению типологии ландшафтной лексики.

Отметим, наконец, что мы, как правило, не рассматриваем причастия / отглагольные прилагательные, образованные от каузативных глаголов (типа русских *разглаженный* и *разровненный*): обозначаемые ими состояния, по сути, сводятся к семантике базовых прилагательных вроде *гладкий* или *ровный*, выражая дополнительно лишь идею возникновения этого состояния под внешним воздействием. Отступление от этого правила производится лишь в отдельных случаях для лексем, описывающих морщинистые поверхности, поскольку отглагольные дериваты оказываются в этих случаях основным способом выражения данной семантики.

Цели, задачи

Целью работы является исследование принципов, в соответствии с которыми организована семантическая область фактуры поверхностей в привлеченных к анализу языках, и типологически ориентированное описание семантики соответствующих лексем в выбранных уральских языках. Выполнение этой цели предполагает решение следующих задач:

- определить набор ситуаций (или, в принятой в работе терминологии, фреймов³), релевантных для противопоставления лексем, описывающих фактуру поверхностей, в проанализированных языках;
- определить общее устройство системы этих фреймов;
- определить набор переносных употреблений, развиваемых лексемами со значением фактуры поверхностей;
- определить группы переносных употреблений, развиваемых лексемами, входящими в различные классы исходных значений;
- на основе выделенных закономерностей описать системы лексем, описывающих фактуру поверхностей, в привлеченных к анализу уральских языках.

Актуальность

Актуальность работы определяется:

- тем, что в последние годы происходит бурный рост интереса к лексической типологии (ср. исследования [Lang 2002] о семантическом поле размера, [Newman 2002] о глаголах позиции, [Майсак, Рахилина (ред.) 2007] о глаголах движения в воде, [Majid et al. 2007a, 2008] о глаголах разделения объекта на части, [Брицын и др. (ред.) 2009] о глаголах боли, [Newman 2009] о глаголах еды и питья, [Круглякова 2010] о глаголах вращения, [Kopecka, Narasimhan (eds.) 2012] о глаголах

³ Под фреймами мы понимаем простейшие внеязыковые ситуации, подробнее см. в теоретическом обзоре в Главе 1.

размещения объекта и глаголах со значением ‘брат’», [Koptjevskaja-Tamm forthc.] о семантическом поле температуры, и др.);

- тем, что данная работа востребована для ведущихся сейчас исследований тех закономерностей, которым подчиняется семантика наименований качественных признаков (и на материале русского языка – см. [Рахилина и др. 2009], [Карпова и др. 2010], [Карпова и др. 2011] о Базе данных по многозначным качественным прилагательным и наречиям русского языка; и в типологическом аспекте – см. типологические работы [Кюсева, Рыжова 2010], [Кюсева 2012] о лексемах ‘острый’ – ‘тупой’, [Тагабилева, Холкина 2010] о лексемах ‘полный’ – ‘пустой’, [Наний 2012] о лексемах ‘прямой’ – ‘кривой’, ‘косой’, ‘изогнутый’, ‘извилистый’, и нек. др.).

Научная новизна

Научная новизна настоящей диссертации определяется тем, что:

- Семантическая группа фактуры поверхностей ранее не изучалась систематически на материале уральских языков.
- На сегодняшний день не создано ни одного типологического исследования семантики лексем, описывающих фактуру поверхностей. Имеется лишь ряд работ, описывающих отдельные слова этой группы в русском, английском и польском языках, а также исследования семантических переходов прилагательных со значением ‘ровный’ в английском и немецком языках (более подробно содержание этих работ изложено в Главе 1). Кроме того, уже в период работы над настоящей диссертацией были проведены исследования данного семантического поля в корейском и испанском языках ([Иванова 2011], [Спесивцева 2012]), однако они сосредоточены на описании данных конкретных языков и не содержат более широких типологических обобщений.

Теоретически значимые результаты исследования

Теоретически значимыми результатами исследования являются:

- созданный нами формат описания лексем, описывающих фактуру поверхностей, который может быть использован при работе с другими языками (примеры такого описания данных 10 уральских языков представлены в Главе 4, см. также анкету в Приложении 1);
- выявление и описание асимметрии между устройством, с одной стороны, системы лексем со значением отсутствия неровностей, с другой стороны, системы лексем со значением наличия неровностей (Главы 2, 3);
- проведенное на материале исследования доказательство методологических преимуществ включения большого числа родственных языков в выборку лексико-типологического исследования (Глава 4, раздел 4.11).

Практическое значение

Результаты нашей работы могут быть использованы:

- в лексикографии при составлении описаний лексем, описывающих фактуру поверхностей, а также как образец описания других групп признаковой лексики;
- в исследованиях по семантической реконструкции, выполняемых на материале уральских языков;
- при изучении лексем, описывающих фактуру поверхностей, в других языках;
- в преподавании учебных курсов по лексической семантике и типологии или по уралистике.

Материал и методика его сбора

Выводы настоящей работы основаны на материале, во-первых, десяти уральских языков (деяти финно-угорских и одного самодийского)⁴: финского, эстонского (прибалтийско-финская ветвь финно-угорской группы); марийского, эрзянского, мокшанского (финно-волжская ветвь финно-угорской группы); коми-зырянского, удмуртского (пермская ветвь финно-угорской группы); хантыйского, венгерского (угорская ветвь финно-угорской группы); ненецкого (самодийская группа); во-вторых, пяти языков других семей и ареалов: русского (индоевропейская семья, славянская группа), английского (индоевропейская семья, западногерманская группа), испанского (индоевропейская семья, романская группа), корейского (алтайская семья / язык-изолят) и китайского (сино-тибетская семья).

При подборе уральских языков для исследования мы руководствовались двумя следующими соображениями:

1. Учесть данные как можно большего числа групп и ветвей, выделяемых внутри уральской семьи.

2. Привлекать к анализу только те языки, по которым для нас в период работы над диссертацией оказалось доступно достаточное количество хорошо владеющих родным языком информантов (в силу того, что вторичные источники содержат крайне скудную информацию).

Языки, не входящие в уральскую семью, привлекаются к исследованию в целях создания типологического фона, который бы позволил увидеть, насколько релевантными в типологической перспективе оказывается приводимый в работе уральский материал и, шире, насколько вообще выборка из родственных языков релевантна для лексической типологии. Мы отдаем себе отчет в том, что данные по языкам, с которыми не работали мы лично и

⁴ Для целого ряда из этих уральских языков принимались во внимание данные более чем одного диалекта. Более подробная информация о том, какие идиомы рассматривались в случае каждого конкретного языка, приведена в разделах Главы 4, содержащих детальный анализ материала этих языков.

которые в некоторых случаях не являются нам хорошо знакомыми, могут содержать какие-либо лакуны либо могут быть неточно проинтерпретированы лично нами (этим же соображением обусловлен и тот факт, что мы не включаем в работу разделов, посвященных подробному отдельному рассмотрению каждого из языков, не входящих в уральскую семью). Мы отражаем в нашей работе только тот материал этих языков и только те выводы по ним, которые, на основании имеющихся данных, кажутся нам в достаточной степени надежными. Тем не менее, эти данные, на наш взгляд, достаточно представительны для того, чтобы уральский материал оказался включен в теоретический и типологический контекст, позволяющий делать общие выводы о его типологическом своеобразии.

Материал уральских языков собирался автором настоящей диссертации в первую очередь методом анкетирования информантов, а также в ходе работы со словарями и с корпусами текстов либо электронными поисковыми системами (для тех языков, для которых последний источник данных в принципе доступен)⁵. Более подробно источники материала охарактеризованы в начале обсуждения данных каждого конкретного языка в основном тексте работы. Материал русского языка собран нами на основании данных словарей, опубликованных работ ([НОСС 2004], [Спиридонова 2004]), Национального корпуса русского языка, в отдельных случаях путем опроса носителей, а также методом интроспекции. Материал испанского языка приводится по данным работы [Спесивцева 2012], корейского языка – по данным работы [Иванова 2011] (при этом авторы обеих упомянутых работ ориентировались в том числе на достигнутые в то время результаты нашего исследования). Материал английского и китайского языков получен от специалистов по этим языкам (О. И. Виноградовой для английского языка и Л. С. Холкиной для

⁵ Материал по финскому языку и по тазовскому говору ненецкого языка автору настоящей работы также помогали собирать (по анкете, составленной лично автором данной работы) специалисты по этим языкам – Н. А. Муравьев для финского языка и И. А. Стенин для ненецкого языка. Все окончательные интерпретации данного материала принадлежат лично автору настоящего исследования.

китайского⁶ языка), заполнявшим разработанную лично автором настоящей работы анкету на основании материала словарей и корпусов, а также путем опроса информантов.

Подача материала в диссертации

Языковые примеры подаются в данной работе в соответствии с теми требованиями и в том формате, которые принято соблюдать в современных работах по лингвистической типологии. Примеры из общеизвестных языков приводятся с пословным глоссированием, доступным во второй строке примера. В третьей строке дается литературный перевод примера на русский язык. Отметим, что в литературном переводе могут, во-первых, использоваться синонимы тех лексем, которые подписаны под словами других языков в строке глоссирования (например, для лучшего соблюдения норм лексической сочетаемости русского литературного языка); во-вторых, может изменяться синтаксическая конструкция (в том случае, если буквальный перевод исходной конструкции другого языка не соответствует нормам русского литературного языка); в-третьих, могут появляться дополнительные лексемы, призванные более точно передать смысл каких-либо грамматических показателей другого языка. В случае значительных расхождений литературного и буквального переводов, затрудняющих понимание общего смысла примера, в скобках при литературном переводе дается буквальный перевод с пометой «букв». Переводы примеров, взятых из вторичных источников, цитируются нами из этих источников. Литературные переводы примеров, записанных от информантов, принадлежат лично автору настоящей работы (адекватность этих переводов языковому примеру в каждом случае была детально проверена с информантами). Примеры, неправильные для рассматриваемого языка⁷,

⁶ Подробное изложение китайских данных о поле фактуры поверхностей (как и о ряде других полей) см. также в [Холкина forthc.].

⁷ Или, иначе, так называемый «отрицательный языковой материал», который является очень важным в современной лингвистической типологии, поскольку позволяет точнее очертить пределы межъязыкового варьирования, и о важности которого в лингвистических исследованиях, заметим, писал еще Л. В. Щерба ([Щерба 1974]).

отмечаются нами, согласно общепринятой практике, символом «*»⁸; примерам, правильность которых вызывает значительные сомнения у носителей языка (но полностью не отвергается), соответствует помета «??», также широко используемая в лингвистических работах.

При примерах, цитируемых по вторичным источникам, дается указание на этот источник. Если при примере не стоит ссылка на источник, это означает, что данный пример получен в ходе работы с информантом.

Все примеры из Глав 2 и 3, обобщающих типологические данные, в верхней строке содержат указание на язык. В Главе 4, поскольку каждый из ее разделов посвящен отдельному, эксплицитно названному в заглавии языку, такие указания отсутствуют.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертационного исследования были изложены на Международном форуме молодых ученых «Ломоносов» (г. Москва, 2011 г.), конференции «Проблемы компьютерной лингвистики» (г. Воронеж, 2011 г.), международной конференции «XXVI Дульзоновские чтения» (г. Томск, 2011 г.), Восьмой и Девятой Конференциях по типологии и грамматике для молодых исследователей (г. Санкт-Петербург, 2011, 2012 гг.), конференции «Проблемы лингвистической прогностики» (г. Воронеж, 2012 г.), Международной конференции по ареальной лингвистике, грамматике и языковым контактам (Эстония, г. Тарту, 2012 г.), III Международном коллоквиуме по лексической типологии (Испания, г. Гранада, 2012 г.), международной конференции «Лингвистическая типология: методы и направления исследований» (Украина, г. Каменец-Подольский, 2013 г.), X Конференции Ассоциации лингвистической типологии (Германия, г. Лейпциг, 2013 г.), II Конференции-школе «Проблемы

⁸ В отдельных случаях этот же символ маркирует в нашей работе и реконструированные формы. Мы не претендуем на какое-либо исправление двусмысленности символа «*», сложившейся в современной лингвистике, но, тем не менее, полагаем, что в каждом конкретном случае для внимательного читателя должно быть очевидным, идет ли речь о неприемлемости какого-либо примера в обсуждаемых языках на синхронном уровне или же о реконструкции слова в праязыке.

языка: взгляд молодых ученых» (г. Москва, 2013 г.). Работа прошла обсуждение на заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. По теме диссертации опубликовано семь работ, в том числе три в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы

Работа состоит из Введения, четырех Глав, Заключения, двух Приложений и Библиографии. Во Введении дается общая характеристика диссертации. Глава 1 содержит обзор литературы и изложение теоретико-методологической базы исследования. Главы 2 и 3 посвящены принципам, которым следует организация систем лексем, описывающих фактуру поверхностей (на материале как уральских языков, так и языков типологического фона): в Главе 2 обсуждаются прямые употребления, в Главе 3 – переносные употребления. В этих двух Главах, кроме того, вводятся те основные понятия и тот формат описания лексем, которые затем используются в Главе 4, где содержится детальное описание данных каждого из проанализированных нами уральских языков. В последнем разделе Главы 4 обсуждаются методологические выводы, связанные с привлечением большой группы родственных языков к лексико-типологическому исследованию. Заключение суммирует выводы работы. Приложение 1 содержит анкету для типологического исследования наименований качественных признаков, описывающих фактуру поверхностей, Приложение 2 включает список глосс. В Библиографии приводятся выходные данные цитируемой в работе литературы.

Глава 1. История вопроса. Теоретико-методологическая база исследования

1.1 Лексическая типология и история ее развития

Данная работа выполнена в рамках сравнительно молодой, активно развивающейся начиная со второй половины XX в. ветви лингвистической науки – **лексической типологии**. Существуют различные понимания задач этого направления, о чем мы и поговорим подробнее в ходе дальнейшего изложения, но исходно, в самом общем виде, под лексической типологией мы будем понимать раздел типологии, в рамках которого сопоставляются лексико-семантические системы различных языков (как системы в целом, так и отдельные семантические группы слов) и делается попытка установить и объяснить **универсальные** закономерности их устройства и **универсальные** ограничения на их структуру (см. в частности [Рахилина, Плунгян 2007], [Круглякова 2010], [Рахилина, Резникова 2011, 2013], [Koptjevskaja-Tamm 2008, 2012])⁹.

Важным аспектом нашего предварительного обсуждения станет и сопоставление различных **методик** лексико-типологической работы. Как уже было сказано, лексическая типология – сравнительно молодая ветвь лингвистики, и в ней нет единого теоретического подхода к методам сбора и анализа материала. Обзоры этих подходов уже давались в работах наших предшественников (см. ссылки, приведенные в прошлом абзаце). Нам, однако, кажется целесообразным сформулировать достоинства и недостатки различных

⁹ Поясним здесь, что мы не относим к лексической типологии работы, посвященные сопоставительному анализу какой-либо лексической группы в двух языках (как, например, [Дюрович 2000] о сопоставлении глаголов со значением ‘резать’ в русском и словацком языках; [Рахилина, Лемменс 2003] о глаголах со значением ‘сидеть’ в русском и нидерландском; [Рахилина, Прокофьева 2004, 2005] о глаголах вращения и колебания в русском и польском). Конечно, такие работы содержат сопоставление лексики разных языков и могут представлять ценный эмпирический материал для лексической типологии, но они всё же не формулируют универсальных закономерностей устройства естественного языка и формулировку ограничений на возможные в языке структуры (в случае лексической типологии – на возможные лексические системы).

подходов и мотивированно выбрать тот из них, который представляется наиболее подходящим для данного диссертационного исследования, посвященного семантике прилагательных фактуры поверхностей.

1.1.1 Грамматические исследования как «точка отчета» для лексической типологии

При всём существующем разнообразии проблематики типологических работ не будет преувеличением сказать, что основной и наиболее развитой ветвью типологии уже долгое является типология грамматическая. При этом, с одной стороны, проблематика некоторых работ по грамматической типологии может в определенной степени сближаться с лексической типологией; с другой стороны, исходной точкой для работ по лексической типологии могут становиться грамматические исследования.

Яркой иллюстрацией первого из названных выше вариантов могут служить исследования по типологии **грамматикализации**, т.е. такого явления, когда лексическая единица эволюционирует в грамматический показатель (ср., например, английскую конструкцию *to be going to*, где глагол с исходным значением 'идти' утрачивает исходную семантику и выражает аспектуальное значение, подробнее об этом явлении и о посвященных ему работах см. [Croft 1990 / 2003: 253 – 272]). Естественно, что исследования моделей грамматикализации не делают акцента на детальном описании какого-либо семантического поля, но в то же время предполагают установление зависимости между эволюцией лексемы и ее исходной семантикой, и в этом смысле в определенной степени сближаются с лексической типологией.

Еще одна исследовательская программа, исходно опирающаяся на грамматическую проблематику, образована работами по описанию так называемых **скрытых категорий**, или **криптоклассов**. Это понятие было введено в языкознание американским лингвистом Б. Уорфом ([Whorf 1956]) применительно к таким значениям, которые в одних языках выражаются грамматическими показателями (например, показателями согласовательного

класса), а в других языках выражаются скрыто, т.е. проявляются в языковом поведении лексем (сочетаемости, использовании в различных конструкциях). Например, в работе [Кретов, Борискина 2003], посвященной исследованию криптоклассов в русском и некоторых западноевропейских языках, выделяются криптоклассы «горящих / жгучих объектов», «живых объектов», «шарообразных предметов» и т.д., и что важно, подробно исследуется сочетаемость лексем, признающихся элементами того или иного криптокласса. При этом к настоящему моменту рано говорить о создании сколько-либо системной типологии криптоклассов в языках мира, но, на наш взгляд, это исследовательское направление имеет общие черты с современными работами по лексической типологии (в частности с теми из них, которые опираются на анализ сочетаемости лексем) и в какой-то мере послужило предвестником развития этой области.

Наконец, некоторые достаточно поздние работы по лексической типологии тоже ориентированы в первую очередь на грамматические свойства лексем. К числу таких исследований можно отнести проекты, руководимые канадским типологом Джоном Ньюманом. Посвящены его работы глаголам передачи ([Newman 1998]), глаголам позиции ('сидеть', 'стоять', 'лежать', [Newman 2002]), а также глаголам еды и питья ([Newman 2009]). Исходным пунктом этих работ является сопоставление грамматических свойств глаголов, входящих в указанные семантические группы (например, описываются особенности их маркирования показателями аспекта, для глаголов еды и питья анализируется соотношение их переходных и непереходных употреблений, и т.п.). Но помимо этого делаются и попытки анализа семантики исходных употреблений данных глаголов, а также рассматриваются типологически частотные для них метафорические модели. Эмпирической базой этих исследований служит достаточно разнообразная языковая выборка (например, в [Newman 2002] описаны глаголы позиции в лаосском, японском, английском, нидерландском, тибето-бирманских языках, в некоторых языках Центральной и

Северной Австралии). Существенным недостатком, однако, является отсутствие единого плана, по которому сопоставлялись бы языки, единой анкеты, по результатам сбора которой можно было бы полноценно сравнить данные разных языков. Каждый из экспертов по входящим в сборники языкам оказывается достаточно свободен и самостоятелен в формулировании задач своего исследования и в расстановке приоритетов при сборе материала. Собранные таким образом данные, с одной стороны, пополняют эмпирическую базу лингвистической семантики, но, с другой стороны, вряд ли можно считать подлинно типологическим исследование, результаты проведения которого на материале разных языков оказываются несопоставимы между собой.

Таким образом, мы рассмотрели целый ряд исследований, повлиявших на развитие лексической типологии и близких ей по постановке задачи (а иногда и обоснованно причисляемых к лексико-типологическим, ср. упомянутые работы Дж. Ньюмана), но всё же отгалкивающих прежде всего от грамматических свойств лексем. В последующих разделах будут обсуждены работы, для которых первоочередной является уже задача системного сопоставительного исследования лексической семантики.

1.1.2 Лексическая типология и этнография: термины родства

Пожалуй, первые системные исследования в области лексической типологии были связаны с изучением терминов родства (а также терминов свойства). Выбор именно этого поля кажется не случайным, поскольку, во-первых, оно представляет междисциплинарный интерес – не только для теоретической лингвистики и лингвистической типологии, но и для этнографии и культурологии, и, во-вторых, его описание легко может быть систематизировано (а именно, представлено в виде генеалогического дерева) и формализовано (т.е. более «сложные» термины родства, например *племянник X-а*, можно описать через небольшой конечный набор более простых терминов, например *сын брата / сестры X-а* и, далее, *сын Y-а, такого, что у X-а и Y-а есть общий родитель*). Методика сбора такого материала обычно состоит в

построении генеалогического дерева и в вопросах к информанту о том, как называется на его языке то или иное родственное отношение. Что же касается типологических выводов о системах родства, то они были сформулированы уже в работе [Kroeber 1952], где перечислено восемь различающих их семантических параметров (приводятся по [Кузнецова и др. 1980: 89 – 90]):

1. Принадлежность к определенному поколению (относительно Ego, т.е. того субъекта, с которым соотносятся термины родства).
2. Характер родственной связи (по прямой линии или боковой линии).
3. Относительный возраст внутри одного поколения.
4. Пол родственника.
5. Пол Ego.
6. Кровное родство vs. свойствó.
7. Пол лица, через которое устанавливается родство Ego с другим лицом.
8. Живой vs. мертвый родственник.

Вместе с тем ясно, что, во-первых, семантическое поле терминов родства и свойствá значительно легче поддается систематизации по сравнению с другими полями (например, не вполне очевидно, как можно было бы построить аналогичную генеалогическому дереву систему для глаголов звучания или прилагательных размера), во-вторых, его элементами являются предметные имена, в то время как при исследовании прилагательных или тем более глаголов возникают дополнительные проблемы в связи с описанием их сочетаемости и аргументной структуры. Поэтому для типологического изучения большинства семантических полей необходимы другие подходы и методики, которые и будут освещены далее.

1.1.3 Теория семантических примитивов как база для лексической типологии

Важным этапом в развитии лексической типологии стало появление теории семантических примитивов, разработанной польским лингвистом Анной Вежбицкой [Wierzbicka 1972, 1980, Goddard, Wierzbicka 2002]. Эта теория базируется на допущении, что существует универсальный, одинаковый для всех языков набор простейших значений, или, иначе, «семантических примитивов», с помощью которых можно точно сформулировать значение любого другого слова конкретного языка. Список семантических примитивов в разное время претерпевал изменения, на сегодняшний день, согласно информации с официального сайта проекта (http://www.griffith.edu.au/data/assets/pdf_file/0004/419152/NSM-Exponents-Russian.pdf) он содержит (в русскоязычной версии) 64 единицы, например: ‘я’, ‘ты’, ‘этот’, ‘быть’, ‘делать’, ‘думать’, ‘жить’, ‘двигаться’, ‘большой’, ‘род / вид’ и т.д.

Мы видим, таким образом, что теория Анны Вежбицкой фактически претендует на формулировку семантических универсалий, касающихся, в данном случае, состава списка простейших единиц. При этом к такому подходу можно предъявить целый ряд критических замечаний (в основном эти замечания сформулированы в [Рахилина, Плунгян 2007: 15 – 17], и мы с ними солидарны).

Во-первых, не вполне ясно, на каких основаниях принимается решение включить ту или иную единицу в число семантических примитивов, создается ощущение некоторой априорности и произвольности выбора. И не случайно сам список семантических примитивов в разное время подвергался изменениям.

Во-вторых, возникают серьезные сомнения в семантической элементарности примитивов и их тождественности в разных языках. Даже в приводимых Анной Вежбицкой версиях этого списка на русском и английском языках нет взаимно однозначного соответствия между элементами: например,

двум русским лексемам *говорить* и *сказать* в списке соответствует одна английская – *say*, что сразу же ставит под сомнение семантическую элементарность данного английского глагола. Кроме того, далеко не очевидна и тождественность однозначно соответствующих друг другу элементов, более того, для некоторых случаев эта тождественность уже опровергнута (ср. приведенное в [Апресян 1994] доказательство нетождественности и неэлементарности входящих в список русского глагола *хотеть* и английского *want*).

В-третьих, не кажется очевидным принимаемое в рамках данного подхода утверждение о возможности тождественного перифразирования значения лексемы с помощью выражения, составленного из семантических примитивов. Ведь и сама толкуемая лексема, и ее толкование являются языковыми выражениями, при этом тезис о возможности тождественного совпадения смыслов двух языковых выражений неоднократно ставился под сомнение (см. об этом [Рахилина, Плунгян 2007: 16]), т.е. толкование всегда может прибавить какие-то смысловые нюансы по сравнению с исходной лексемой или же, наоборот, что-то упустить.

Таким образом, теория семантических примитивов, хотя и имела важное значение для развития лингвистической семантики, на наш взгляд, содержит целый ряд серьезных препятствий к тому, чтобы являться методологической базой для современных исследований в области лексической типологии.

1.1.4 Психолингвистические методики лексико-типологических исследований

Суть подхода, которому будет посвящен этот раздел, состоит в следующем: носителям исследуемого языка предъявляются некоторые материальные стимулы (предметы, картинки, видеоклипы и т.п.), после чего он должен подобрать подходящее слово для описания каждого из них. Обсудим далее работы, основанные на использовании такого метода исследования.

Впервые такая методика лексико-типологической работы была реализована в проекте американских ученых Б. Берлина и П. Кея по изучению цветообозначений в языках мира ([Berlin, Kay 1969]). Объектом исследования стали так называемые «базовые» цветообозначения (basic colour terms), т.е. те, которые, во-первых, являются непроизводными и не относятся к сложным словам (ср. рус. *синий*, но не *сине-зеленый* или *небесно-голубой*); во-вторых, являются «психологически выделенными» (psychologically salient), а именно присутствуют во всех идиолектах, в ответ на просьбу к информанту перечислить известные цветообозначения попадают в число первых ответов, имеют устойчивый денотат для разных носителей; в-третьих, имеют широкую сочетаемость (ср. рус. *красный*, *зеленый*, но не *пегий* или *карий*). Материал был собран в ходе психолингвистического эксперимента, суть которого состояла в следующем. Носителям 20 языков из различных семей и ареалов было предъявлено 320 раскрашенных в разные цвета пластинок (colour chips), которые они должны были соотнести с предварительно отобранным по названным выше критериям списком базовых цветообозначений для конкретного языка. В результате были установлены некоторые межъязыковые закономерности, например: «Все языки различают хотя бы 2 цветообозначения – *черный* и *белый*¹⁰», «Если в языке есть три цветообозначения, то среди них есть обозначение *красного* цвета», и т.д.

Нужно понимать, что исследование Берлина и Кея имело немалую ценность для своего времени и явило собой важную веху в развитии лексической семантики и лексической типологии. Однако методика его проведения является, на наш взгляд, во многом ошибочной, вследствие чего полученные результаты оказываются недостаточно полными и не всегда корректными. Дело в том, что при методике работы с визуальными стимулами

¹⁰ В качестве метаязыка для наименования цветообозначений при этом использовался английский, что, заметим, порождает некоторые исследовательские проблемы, ср., например, наличие в английском «базового» прилагательного *blue*, которому в русском соответствуют две лексемы – *синий* и *голубой*.

(например, цветовыми табличками) за рамками внимания исследователя остается языковое поведение лексических единиц, их сочетаемость, их значение в каждом конкретном контексте. Между тем, учет контекстов употребления цветowych прилагательных позволил бы обнаружить, что они характеризуются существенными сочетаемостными ограничениями, а это, в свою очередь, свидетельствует о наличии дополнительных нюансов в их семантике. Так, в [Рахилина 2000 / 2008: 168 – 196] продемонстрированы многочисленные ограничения на лексическую сочетаемость русских цветowych прилагательных – например, прилагательное *коричневый* не сочетается с названиями природных объектов и живых существ: в русском языке аномальны употребления вроде **коричневая земля, *коричневый ствол дерева, *коричневый медведь*, ср. также неприемлемость сочетания **коричневые глаза* – при свободно употребляемых сочетаниях *коричневая краска, коричневая рубашка, коричневые ботинки* и т.п., описывающих денотативно тот же самый цвет, которым характеризуются объекты из предъявленных выше аномальных примеров. Из этого в [Рахилина 2000 / 2008] делается логичный вывод о том, что русское прилагательное *коричневый* описывает цвет, в который покрашены изготовленные человеком объекты, и это естественно считать важной и типологически релевантной семантической характеристикой. При изучении же семантики цветообозначений методом предъявления информантам цветowych табличек подобные различия очевидным образом останутся незамеченными¹¹.

Сходный метод работы использовался и при исследованиях прилагательных размера (*широкий, глубокий, высокий* и т.п.). Результаты этой работы, начатой еще в конце 60-х гг. XX в. немецким лингвистом

¹¹ Любопытно, что идеи о невозможности обеспечить исчерпывающее описание поля цветообозначений с помощью методики Берлина и Кея встречаются и в работах тех авторов, которые принимают эту методику в своих собственных исследованиях. В этом отношении показательна статья [Uusküla 2011], где на примере венгерских и чешских прилагательных со значением ‘красный’ показано, что для их полной семантической характеристики необходимо учитывать не только результаты экспериментов с цветовыми табличками (а именно такова была первоначальная методика автора статьи), но и сведения о сочетаемостном поведении лексем.

Манфредом Бирвишем сначала на материале немецкого языка, а затем и на более широкой языковой выборке ([Bierwisch 1967], [Bierwisch, Lang 1989]) обобщены в типологическом обзоре его ученика Эвальда Ланга ([Lang 2002]). Материалом для этого исследования послужили данные 18 языков (русский, болгарский, польский, словацкий, итальянский, французский, английский, голландский, немецкий, новогреческий, финский, венгерский, китайский, вьетнамский, монгольский, корейский, японский, юкатек). Сбор материала осуществлялся в ходе работы с информантами, которым предлагалось описать какое-либо измерение предъявленного им объекта, например, сказать, будет ли он *широким*, или *узким*, или *толстым*, и т.п. (заметим, что в большинстве случаев стимулом служило абстрактное геометрическое тело, исследователями не ставилось цели перебрать в ходе эксперимента как можно больше реальных объектов действительности). В результате был определен список семантических компонентов, ярлыков, с помощью которых можно описывать значение прилагательных размера:

Max – максимальное измерение объекта.

Vert – вертикальная ось объекта.

Obs – измерение объекта, соответствующее оси наблюдателя.

Across – измерение объекта, перпендикулярное одному из измерений **Max**, **Vert** или **Obs** (примерно соответствует русскому *широкий* или английскому *wide*).

Min – минимальное измерение объекта, не идентифицируемое как **Max** или **Across**.

Значение прилагательного может формулироваться с помощью комбинации этих ярлыков, например, семантика английского прилагательного *tall* описывается в [Lang 2002] как Max | Vert (т.е. «объект, имеющий максимальное измерение по вертикальной оси»).

Итогом данного исследования явилось не только описание значений прилагательных, но и типологическая классификация их систем,

встречающихся в различных языках. В результате работы было выделено три класса систем, обозначенных в [Lang 2002] следующими англоязычными ярлыками: P-fixed (proportion-fixed), O-fixed (observer-fixed) и P/O-mixed. Основанием классификации послужили свойства прилагательного, соответствующего компоненту **Across** (\approx *широкий*). В том случае, если в конкретном языке это прилагательное всегда обозначает измерение, перпендикулярное максимальному измерению объекта, то система прилагательных размера в этом языке считается ориентированной на пропорции объекта, т.е. входит в класс P-fixed. Если же прилагательное **Across** характеризует измерение, перпендикулярное не максимальному измерению, а оси наблюдателя, то система прилагательных размера попадает в класс O-fixed (т.е. является ориентированной на позицию наблюдателя). Наконец, существуют и промежуточные случаи, в этом случае система прилагательных размера будет отнесена к смешанному типу, или, в терминах [Lang 2002], P/O-mixed.

Исследование Бирвиша и Ланга, при всей его важности для семантической теории и лексической типологии, имеет, с нашей точки зрения, ряд весьма существенных недостатков, во многом совпадающих с недостатками проекта Берлина и Кея. В описанном только что исследовании прилагательных размера лексемы точно так же описываются вне их языкового поведения. Информантам предъявляются абстрактные стимулы вне их языкового контекста, при этом отсутствует анализ сочетаемости, не ставится цель полностью исчислить релевантные контексты. Как следствие, в работах Бирвиша и Ланга оказывается проигнорирован и тип конструкции, описывающей размер. Так, при анализе русских примеров рассматриваются (достаточно хаотично) не только прилагательные (*высокий*), но и соответствующие существительные (*высота*), ср., однако, бросающиеся в глаза различия в их употреблении: правильное предложение *Вася высокий* vs. неправильное **Высота Васи метр девяносто* – из чего возникают подозрения в семантической неравносильности, казалось бы,

«синонимичных» существительных и прилагательных и, соответственно, сомнения в адекватности проведенного анализа. Наконец, не совсем подходящим для лексико-типологического описания нам кажется и оперирование автономными компонентами значения (подобными выделяемым в [Lang 2002] Max, Across и т.п.), поскольку значение лексемы в целом отнюдь не обязано сводиться к сумме таких дискретных значений (ср. обзор развивающих подобную позицию теорий когнитивной семантики в [Рахилина 2000 / 2008]).

В наши дни психолингвистическая методика лексико-типологических исследований развивается группой ученых Института психолингвистики им. Макса Планка (г. Неймеген, Нидерланды). Ими исследованы семантические группы названий частей тела ([Majid et al. 2006]), лексики, описывающей положение объекта в пространстве ([Levinson 2008]), ведутся исследования семантических полей звука и запаха, и др. Но, пожалуй, самым известным проектом этой группы является исследование глаголов разделения объекта на части (cutting&breaking), подробно описанное в работах [Majid et al. 2007a, 2008]. На его примере мы и проиллюстрируем принципы работы неймегенских исследователей (более подробный анализ методики, использованной в этом проекте, и его результатов см. в частности в [Кашкин 2009], [Кашкин 2010: 11 – 15], ср. также обсуждение в [Круглякова 2010: 19 – 21]).

В ходе сбора материала для этого проекта носителям 28 языков из разных языковых семей и ареалов был показан 61 видеоролик (их описания даны списком в [Majid et al. 2007a: 147 – 148]), в которых демонстрировались различные ситуации разделения объекта (например, разрывание тряпки на две части руками, переламывание палки через колено, разрезание моркови ножом поперек на несколько частей, разрезание веревки ножницами на две части), и от информантов требовалось описать на родном языке то, что они видели на экране. Затем, в ходе обработки результатов, анализировалось, какие ситуации чаще описываются одним и тем же глаголом, а какие – разными. В результате

прежде всего было выявлено, что наиболее важным семантическим параметром, различающим глаголы данной группы, является **предсказуемость** (в англоязычном тексте использован термин *predictability*) той точки объекта, в которой произойдет его разделение. Значения этого параметра образуют шкалу и могут быть разделены на три класса. Первый класс – это ситуации с высокой предсказуемостью, например, нарезание моркови на кусочки ножом (разделение объекта в данном случае произойдет ровно в том месте, куда попадет нож, и мы, совершая это действие, можем с очень большой вероятностью предсказать место попадания ножа и, соответственно, место разделения объекта). Второй класс включает ситуации со средней предсказуемостью, например, отрубание ветки дерева топором (разделение объекта произойдет ровно в месте попадания топора, но само это место можно заранее указать только с некоторым доверительным интервалом отклонения). Наконец, третий класс объединяет ситуации с низкой предсказуемостью, например, разбивание тарелки (объект в данном случае может разделиться в любом, заранее не предсказуемом, месте на любое, заранее не предсказуемое, количество частей). По утверждению авторов, ситуации, находящиеся на крайних точках шкалы предсказуемости, всегда описываются разными глаголами. В свою очередь более близкие на этой шкале ситуации могут обозначаться одинаково.

В результате этого исследования были выявлены и некоторые другие типологические закономерности. Так, например, было показано, что ситуации разделения плоского гибкого объекта руками (например, *рвать руками тряпку*), как правило, кодируются специализированными глаголами. Кроме того, оказалось, что характеризующиеся низкой предсказуемостью ситуации разделения объекта с жесткой структурой (например тарелки или горшка) путем нанесения удара часто кодируются иной лексемой, нежели ситуации разделения длинного объекта (например палки) на две части руками или через колено.

Описанный выше подход, на наш взгляд, имеет ряд серьезных недостатков. Прежде всего, он применим далеко не ко всем семантическим группам: например, не вполне ясно, как можно было бы исследовать с его помощью глаголы боли (анализ которых, между тем, успешно проведен с использованием иной методики в [Брицын и др. (ред.) 2009]).

Для тех групп лексики, где можно применить психолингвистическую методику, ее основной недостаток состоит в том, что подвергаемые анализу лексемы оказываются при использовании такого метода в каком-то смысле «вырванными» из своего языкового контекста. Например, при подобном психолингвистическом эксперименте нельзя получить полной информации о сочетаемости лексемы или о ее модели управления и тех конструкциях, в которые она входит.

Еще одним недостатком подобной методики является подход к составлению экспериментального материала и проблематичность доработки анкеты при столкновении с теми языковыми фактами, которые не были априорно учтены в момент составления анкеты. Так, в случае исследования глаголов, описывающих разделение объекта на части, неясны критерии отбора экспериментальных ситуаций. В целом ясно, что их может быть значительно больше, чем 61, но непонятно, почему были отобраны именно такие контексты (сами авторы нигде это не эксплицируют). Заметим также, что в обсуждаемом проекте многие из экспериментальных контекстов оказывались неестественными для информантов (так, например, в описываемом эксперименте информантам демонстрировались ситуации разрубания моркови топором, разрывания натянутой тряпки молотком и срезания ветви дерева с помощью мачете – все эти ситуации либо культурно специфичны, как в случае с мачете, либо вовсе неестественны и не склонны встречаться информантам в реальной жизни).

Итак, мы видим, что использование психолингвистических методик оказывается достаточно популярным в лексической типологии, и их

сторонникам удалось привнести в науку новые ценные результаты, которые во многих случаях могут служить основой для будущих, более глубоких исследований. В целом, однако, на наш взгляд, недостатки этих методик оказываются более существенными, чем их возможные достоинства.

1.1.5 Типология семантических переходов: база данных Анны А. Зализняк

Еще один интересный лексико-типологический проект представляет собой база данных семантических переходов, разрабатываемая под руководством Анны А. Зализняк (см., например, [Zalizniak 2008], [Зализняк 2009], [Zalizniak et al. 2012] и приводимые в этих статьях ссылки). Под семантическим переходом в этом проекте, согласно [Zalizniak et al. 2012: 633 – 635], понимается когнитивная близость между двумя значениями, которая может проявляться в синхронной полисемии либо в диахроническом изменении семантики слова, а также некоторыми другими способами (в частности, во внимание также принимаются грамматикализация, семантические сдвиги при словообразовании, а также изменения в семантике слова, происходящие при заимствовании из другого языка). Для каждого из зафиксированных семантических сдвигов в базе отмечается его направление, таксономический класс и грамматические характеристики слов, выражающих исходное и результирующее значения, даются некоторые сопутствующие комментарии, а также приводятся примеры реализаций этого семантического сдвига для конкретных лексем из разных языков. База данных содержит несомненно ценный эмпирический материал по большому массиву языков – ценный в том числе и для развития теоретических представлений об устройстве лексической многозначности и для типологических обобщений, касающихся возможностей межъязыкового варьирования в этой области. Вместе с тем этот проект, охватывая огромный массив данных по самым разным семантическим полям, во-первых, не ставит задачи детального типологического исследования каждого из этих полей и выявления всех параметров варьирования между «прямыми» значениями лексем: например, согласно [Zalizniak et al. 2012: 650], в базе не

различаются значения ‘толстый’ / ‘тонкий’ (о плоских объектах) и ‘толстый’ / ‘тонкий’ (об округлых / шарообразных объектах¹²), несмотря на то что в типологических работах зафиксировано подобное противопоставление. Во-вторых, основным источником для базы данных служат опубликованные работы (в первую очередь словари), тогда как работа с корпусами и информантами, судя по изложению методики в [Zalizniak et al. 2012: 638], остается на периферии. Из-за этого качество материала в базе сильно зависит от качества используемых словарей, которые могут содержать лакуны или неточные формулировки.

1.1.6 Лексическая типология и диахрония: работы по семантической реконструкции

Безусловно релевантными для лексической типологии являются работы, посвященные семантической реконструкции различных лексических групп (т.е. установления на основании материала современных языков того, как была организована эта семантическая группа в праязыке). В качестве примера можно привести работы [Дыбо 1996] о реконструкции названий частей тела и их систем или [Норманская 2005] о реконструкции систем цветообозначений. Ставящаяся в этих работах задача во многом близка синхронным лексико-типологическим исследованиям, поскольку и в том, и в другом случае происходит детальное выделение семантических противопоставлений внутри конкретной группы слов и эта работа основывается на материале большого числа языков. В [Дыбо 2011: 389] в этой связи справедливо отмечается, что исследования в области семантической реконструкции «должны развиваться параллельно с продвинувшимися в последнее время синхронно-типологическими исследованиями по семантическому картированию лексики». В то же время, нужно понимать, что синхронные работы по лексической типологии и исследования в области семантической реконструкции исходят из не тождественных друг другу теоретических и методологических предпосылок.

¹² В англоязычном тексте статьи приведена дефиниция «round objects».

Синхронно-типологическое исследование ставит задачу поиска универсальных закономерностей устройства человеческого языка, во-первых, всегда основывая свои выводы на ограниченной выборке языков, во-вторых, как правило, предполагая анализ языков из разных семей и ареалов. Работа же в области семантической реконструкции, во-первых, накладывает более жесткие требования на охват языкового материала, требуя в частности учета материала всех языков той группы или семьи, для которой проводится реконструкция, во-вторых, предполагает установление регулярных правил фонетических переходов, которым должны неукоснительно отвечать все построения в рамках этой реконструкции (для синхронной же лексической типологии последнее абсолютно нерелевантно). При этом работы по семантической реконструкции не ставят перед собой задачу выявить универсальные свойства того, как может и как не может быть устроена реконструируемая группа слов в языках мира. Подводя итог этому обсуждению уже применительно к нашему исследованию, поясним, что мы ставим задачу синхронного описания семантической области фактуры поверхностей и не преследуем цели ее реконструкции в каком бы то ни было языке. Вместе с тем результаты, полученные в ходе настоящего исследования (как и в ходе любого другого лексико-типологического исследования, выполненного на синхронном уровне), могут представлять эмпирическую базу и для диахронических работ.

1.1.7 Квантитативный подход к лексической типологии

Помимо исследований частных семантических полей или частных типов переходов, в лексической типологии возможны и исследования, ставящие своей задачей сопоставление целых лексических систем разных языков. Примером может послужить квантитативный подход к лексической типологии, активно развиваемый в последние годы представителями воронежской лингвистической школы ([Титов 2002, 2004], [Титов, Кретов 2011]).

Авторы упомянутых выше работ определяют разрабатываемое ими научное направление как «лексико-семантическая макротипология языков».

Возникновение такого направления представляется нам закономерным этапом развития лексической типологии. Дело в том, что все обсуждавшиеся нами ранее исследования концентрируются на отдельных семантических полях (например, глаголах вращения, прилагательных цвета и т.п.), и выбор поля для анализа каждый раз произволен и зачастую определяется личными предпочтениями авторов. Целью же количественного подхода является исследование не отдельных лексико-семантических полей, а лексико-семантической системы языка в целом, выделение ядра и периферии лексики языка. Источником материала служат словари, причем преимущественно словари небольшого объема (10-12 тыс. слов). Принимается допущение, что ядро лексико-семантической системы языка при этом образовано лексемами, имеющими наибольший параметрический вес, под которым понимается величина, рассчитываемая как совокупность вычисляемых по определенной формуле весов по следующим четырем параметрам:

1. Функциональный вес слова (его количественной оценкой служит длина слова: чем короче слово, тем больше его функциональный вес).
2. Синтагматический параметр (его значение тем выше, чем больше у слова фразеологизмов).
3. Парадигматический параметр (значение этого параметра тем выше, чем больше синонимов имеет слово).
4. Эпидигматический параметр (у этого параметра значение тем выше, чем больше значений у слова выделяется в выбранном для анализа словаре).

Результатом исследования становится выделение лексико-семантических доминант различных языков, т.е. слов, имеющих наибольший вес в системе. Например, согласно [Титов, Кретов 2011: 8 – 9], лексико-семантической доминантой русского языка оказывается глагол *дать*, украинского – глагол *іти* ‘идти’, итальянского – глагол *fare* ‘делать’, французского – прилагательное *doux* ‘сладкий, тихий, мягкий’.

Вместе с тем данный подход к лексической типологии, на наш взгляд, нельзя признать методологически безупречным. Ключевым недостатком этой методики служит чрезмерная зависимость результатов от выбранного для анализа словаря. В каком-то смысле авторами таких работ строится не типология языков, а типология словарей. Ведь количество представленных синонимов слова, число фразеологизмов с ним и количество выделяемых значений может существенно варьировать по разным словарям одного и того же языка и определяться субъективными предпочтениями лексикографа, а не объективными принципами устройства системы конкретного языка. Между тем все эти параметры используются для количественной оценки веса слова, на основе которой выделяется доминанта лексико-семантической системы языка и в конечном счете строится типология.

Рассмотрев несколько важных на сегодняшний день подходов к лексико-типологическим исследованиям, перейдем к обсуждению еще одного из них – фреймового подхода. Поскольку именно он составляет теоретическую базу нашего исследования, он будет описан нами наиболее подробно.

1.2. Теоретическая база данного исследования: фреймовый подход

1.2.1 Теоретические установки

Подход, о котором пойдет речь в этом разделе, активно развивается представителями Московской лексико-типологической группы ([Рахилина, Резникова 2011, 2013], [Рахилина 2013]). Исследования, проведенные в рамках этого теоретического подхода, охватили такие семантические поля, как температурные выражения ([Кортъевскаја-Тамм, Rakhilina 2006]), глаголы движения в воде ([Майсак, Рахилина (ред.) 2007]), глаголы боли ([Брицын и др. (ред.) 2009]), глаголы вращения ([Круглякова 2010]), глаголы разделения объекта на части ([Кашкин 2010]), в настоящее время проводятся исследования и ряда других семантических полей: глаголов звучания ([Рахилина 2010], [Kashkin et al. 2012]), колебания ([Shapiro 2013]), а также ряда наименований качественных признаков, о которых будет подробно сказано далее.

Исходным для сторонников этого подхода является соображение о том, что сопоставление лексики разных языков в типологическом исследовании должно строиться на единой методологической базе. И действительно, если мы посмотрим на грамматическую типологию, изучающую выражение различных грамматических категорий в языках мира, то там выделяется т.н. «универсальный грамматический набор» ([Плунгян 2003: 234]), т.е. набор базовых грамматических значений, которые затем объединяются в некоторые классы в зависимости от того, каким грамматическим показателем они будут выражаться – и это разбиение на классы в разных языках может происходить по-разному.

Аналогичным образом, в лексической типологии тоже должна существовать некоторая универсальная «матрица», на которую будут накладываться результаты, полученные при работе с конкретными языками, и элементами этой «матрицы» должны быть какие-то внеязыковые сущности, иначе исследователь неизбежно столкнется с порочным кругом, когда значения лексем будут истолковываться друг через друга. И здесь представители Московской лексико-типологической группы опираются на теоретическое положение, высказанное американским лингвистом Ч. Филлмором ([Fillmore, Kay 1992], цитируется по [Рахилина, Плунгян 2007: 18]): «...языковое сознание структурирует простые фреймы, в которых однозначно и некоторым типичным образом распределены роли и функции участников ситуации». И именно **фреймы**, под которыми в рамках этого подхода понимаются простейшие внеязыковые ситуации или объекты, становятся в нем элементами «универсального лексического набора». Например, для лексем со значением ‘острый (о конкретных физических объектах)’, как показано в типологическом исследовании [Кюсева 2012], выделяется четыре фрейма. Во-первых, это режущие инструменты с заостренной кромкой (нож, ножницы, пила, коса, бритва и т.д.). Во-вторых, это колющие инструменты с заостренным кончиком (иголка, гвоздь, шило, стрела и т.п.). В-третьих, это предметы с сужающейся к

концу формой (носок ботинка, шпиль здания, гора, верхушка дерева и т.п.) – в отличие от первых двух фреймов, для объектов данного класса свойство ‘быть острым’ не является функционально значимым (т.е. человек специально изготавливает нож или гвоздь острыми для того, чтобы затем использовать это их свойство для каких-либо своих нужд, но в случае горы или верхушки дерева ничего подобного, очевидно, не происходит). Наконец, в-четвертых, это природные объекты и части тела, которые могут оказывать воздействие на контактный объект, сходное с воздействием заостренных инструментов, но, в отличие от этих инструментов, являются таковыми от природы, а не в результате деятельности человека (колючки шиповника, иглы хвойных деревьев, локоть и т.п.).

Естественно, что к такой методике работы сразу же возникает вопрос о том, каким образом устанавливается набор релевантных фреймов. Ответ, предлагаемый Московской лексико-типологической группой, таков: основой для выявления релевантных фреймов должен служить анализ сочетаемости лексем. Теоретической базой в данном случае служат работы представителей Московской семантической школы (см., например, [Апресян 1995]), в которых семантика слов также изучается путем анализа их сочетаемости¹³. Приступая при анализе нового семантического поля к работе с первыми языками, необходимо сформировать по доступным источникам данных детальный список слов, с которыми сочетаются рассматриваемые исследователем лексические единицы, после чего сгруппировать их по фреймам на основании семантической близости (например, при анализе глаголов движения в воде ясно, что в предложениях *Видно, как в прозрачной воде плавают караси; В речке плавают щуки* и *В большом аквариуме плавали разные рыбы* представлен по сути один фрейм, а в предложении *На поверхности воды недалеко от берега*

¹³ В какой-то мере предвестником этого подхода можно считать и датского лингвиста А. Виберга, сопоставляющего лексику разных языков на основе анализа параллельных текстов (наиболее известное его исследование посвящено глаголам восприятия, см. [Viberg 1984]).

плавали щепки – совершенно другой). Часто (хотя и не всегда) для такого рода первоначальной работы выбираются хорошо описанные языки, для которых составлены объемные корпуса текстов, служащие представительным источником данных о сочетаемости. Полученный таким образом первоначальный список фреймов служит основой для составления анкет, используемых затем при работе с более широкой языковой выборкой. Такая анкета представляет собой структурированный список ситуаций, для каждой из которых информанту предлагается подобрать подходящие лексемы из исследуемого семантического поля и привести языковые примеры, которые бы иллюстрировали сочетаемость изучаемых слов (например, информанту предлагается ответить на вопрос, как бы он описал на своем языке острый, хорошо режущий нож или какой глагол бы он применил по отношению к бревну, плывущему по течению реки)¹⁴. Естественно, что при работе с каждым новым языком может обнаружиться неполнота или неточность первоначально составленного списка фреймов: в этом случае он должен быть соответствующим образом скорректирован, а все внесенные в него обновления должны быть проверены на материале ранее исследованных языков. Несмотря на это, выделение такого списка фреймов (не исключаящее, опять же, его дальнейшего уточнения) представляется абсолютно обязательным, поскольку иначе результаты описания разных языков окажутся несопоставимыми и построение типологии на их основе станет невозможным. Кроме того, существенно, что, как показывает опыт проведенных к настоящему моменту исследований (обобщенный, например, в [Рахилина, Резникова 2011: 129]), после изучения уже 9 – 10 языков многие выявленные семантические противопоставления начинают повторяться при увеличении выборки и вероятность выявления принципиально новых центральных фреймов для

¹⁴ При этом, конечно, выдерживается установка на то, чтобы предлагаемые ситуации были естественны для информанта. Так, собирая пример на фрейм объекта заостренной формы, исследователь не будет спрашивать у информанта, живущего в сибирской деревне, как он опишет заостренные башни крепости – будет подобрана какая-либо более естественная для данной местности реалия, представляющая тот же фрейм.

какого-либо семантического поля будет незначительна¹⁵. Безусловно, каждый новый привлеченный к исследованию язык может добавить новые семантические оппозиции, но они будут являться дополнением к уже выстроенной системе. В то же время проверка того, как кодируются уже выявленные к этому моменту центральные фреймы в новых языках, позволит получить достаточно детальное описание материала этих языков.

Подводя итог обсуждению основных теоретических установок фреймового подхода, можно, с одной стороны, заключить, что такая методика работы провоцирует вопросы о том, уверен ли исследователь, что ему удалось учесть исчерпывающим образом все релевантные фреймы, ничего не упустив. С другой стороны, от таких вопросов не застрахован также любой из остальных обсуждающихся в этом обзоре подходов и, не исключено, любое лингвистическое исследование вообще. При этом, на наш взгляд, фреймовый подход имеет значительные преимущества по сравнению с остальными:

Во-первых, он рассматривает лексические единицы в их языковом контексте, учитывая такие факторы, как их сочетаемость, синтаксические свойства и т.п., часто остающиеся за рамками исследования при других методах работы.

Во-вторых, опора на сочетаемость лексем дает больше уверенности в полноте охвата материала по сравнению, например, с психолингвистическими экспериментами Института психолингвистики им. Макса Планка, стимулы для которых выбираются произвольным образом.

В-третьих, этот подход обеспечивает теоретически обоснованную и наглядную базу для сопоставления разных языков.

¹⁵ Ср. в этой связи и цитату из статьи [Haspelmath 2003: 217], посвященной методике построения семантических карт – одного из широко применяющихся в грамматической типологии способов обобщения данных: «Experience shows that it is generally sufficient to look at a dozen genealogically diverse languages to arrive at a stable map that does not undergo significant changes as more languages are considered» (Опыт показывает, что, как правило, достаточно учесть данные дюжины генетически различных языков, чтобы создать надежную карту, которая не претерпевала бы значительных изменений при увеличении языковой выборки. *Перевод мой – Е.К.*)

1.2.2 Источники данных

Отдельно необходимо остановиться на том, каковы могут быть источники данных для исследования, выполняемого в рамках фреймового подхода. В грамматической типологии материал часто заимствуется из вторичных источников, т.е. из грамматик или каких-либо еще публикаций. В лексической типологии опора только на вторичные источники оказывается малопродуктивна, поскольку словари, как правило, содержат множество лакун и не предоставляют всей необходимой информации о семантике и сочетаемости лексем¹⁶, а количество публикаций, с достаточной полнотой описывающих все интересные для лексических типологов группы слов, на сегодняшний день невелико. Поэтому в рамках лексико-типологического исследования необходимо более глубокое погружение в язык, предполагающее работу с корпусами текстов, а также детальное анкетирование информантов и проверку с информантами словарных и корпусных данных¹⁷. Тем самым, наиболее

¹⁶ В настоящее время, однако, делаются попытки лексико-типологических исследований на основе словарей, см., например, [Rakhilina, Marushkina 2013] о типологии лексем со значением 'старый'. Анализ словарей в данном случае позволяет установить общее устройство системы этих лексем в самых разных языках (хотя, в любом случае, не раскрывая всех нюансов этих систем), но важно – и сами авторы отмечают это в качестве одного из исходных допущений своего исследования – что для такой работы исследователь должен иметь надежную априорную гипотезу о том, какие семантические параметры могут быть типологически значимыми для рассматриваемого поля. Этому соображению удовлетворяют прилагательные со значением 'старый', ранее описанные, например, в [Taylor 1992], [Рахилина 2000 / 2008], [Кузьмина 2011], благодаря чему имеются первичные данные о возможностях межъязыкового варьирования в этой области, на основе которых можно строить типологию на более объемной языковой выборке. Исследовать же на основе словарей такое семантическое поле, которое прежде никем подробно не изучалось и о типологии которого в результате нет никаких предварительных сведений, оказывается затруднительно.

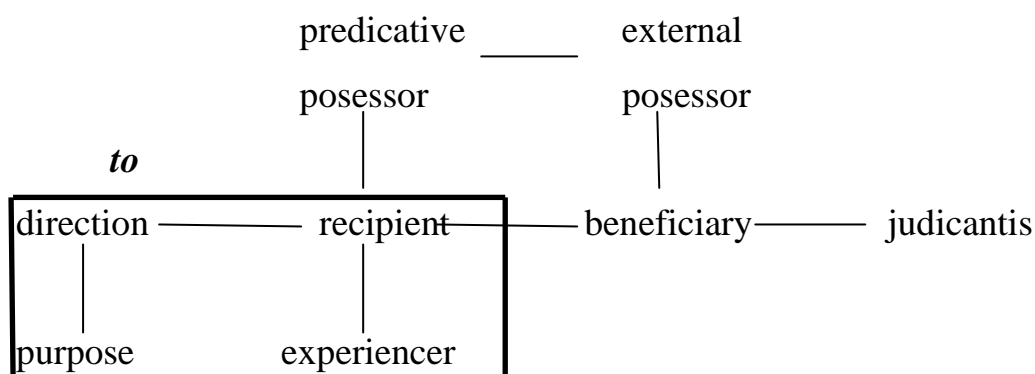
¹⁷ Как верно замечено в [Рахилина, Резникова 2013: 8 – 9], именно это соображение во многом и обуславливает небольшой по сравнению с грамматической типологией объем выборок в лексико-типологических исследованиях: ведь значительный объем выборок в грамматических исследованиях, оперирующих материалом многих десятков (а то и сотен) языков, достигается во многом за счет большого количества вторичных источников данных. С другой стороны, нужно понимать, что традиционный для грамматической типологии подход к сбору материала несет очень большой риск ошибок, возникающих за счет

благоприятной для лексического типолога ситуацией будет та, при которой ему доступны три источника данных: во-первых, словари, во-вторых, корпуса текстов, в-третьих, информанты. При этом для каждого конкретного языка возможности использования этих источников данных могут быть по объективным причинам ограничены: например, при анализе данных мертвого языка невозможно прибегнуть к помощи информантов, а для малоописанных языков могут отсутствовать подробные словари или имеющие адекватный объем корпуса. В таких случаях к работе привлекаются все реально доступные источники данных, при этом, если исследователю доступны носители нужного ему языка, то он обязан провести их подробный опрос.

1.2.3 Построение семантических карт

Сопоставление устройства исследуемого семантического поля в различных языках осуществляется представителями фреймового подхода с использованием **семантических карт**. Метод семантического картирования активно используется в грамматической типологии (см., например, [Haspelmath 1997] о неопределенных местоимениях, [van der Auwera, Plungian 1998] о категории модальности, [Татевосов 2002] о кванторных словах). Проиллюстрировать методику построения семантических карт можно на примере посвященной этому вопросу статьи [Haspelmath 2003]. В этой статье семантическая карта понимается как геометрическое представление функций (значений) языковых единиц, при котором эти функции соединены линиями связей и образуют сеть. В качестве примера можно привести семантическую карту функций датива (цитируется по [Haspelmath 2003: 213], примеры выражения этих функций можно найти в цитируемой статье на сс. 212 – 213, здесь мы опускаем их, чтобы излишне не отвлекаться от основного обсуждения), на которой, кроме того, отмечено, какие из этих функций может выполнять английский предлог *to*.

неполноты вторичных источников и / или за счет неправильного понимания исследователем того, что в них написано. В этом смысле принятая в лексической типологии «ручная» работа оказывается значительно более надежной.

В [Haspelmath 2003] формулируются следующие принципы организации семантической карты:

1. На карту наносятся только те функции, которые существенны для сравнения языков, т.е. те, для которых существует хотя бы один язык, где данные функции противопоставлены по средствам выражения, и для которых существует хотя бы два языка, различающиеся в отношении этих функций.

2. Близость на карте отражает возможность двух функций выражаться одним и тем же средством.

3. Карта должна отвечать принципу смежности: любые две функции на семантической карте кодируются одним и тем же средством тогда и только тогда, когда это же средство кодирует все функции, расположенные между ними (если переходить между функциями только по линиям связи). В случае представленной карты функций датива, если какой-либо показатель (в широком смысле, включая предлоги и пр.) выражает значения *purpose* (цель) и *recipient* (получатель), то этот показатель выражает и значение *direction* (направление). Если же в каком-либо языке это условие не выполняется, это значит, что карта построена неверно и нуждается в уточнении. Обсуждаемая карта также утверждает, что в языках мира не бывает показателя, который выражал бы значение *purpose* (цель) и *experiencer* (экспериенцер), не выражая значений *direction* (направление) и *recipient* (получатель) – это видно по отсутствию линии связи между узлами *purpose* и *experiencer*¹⁸.

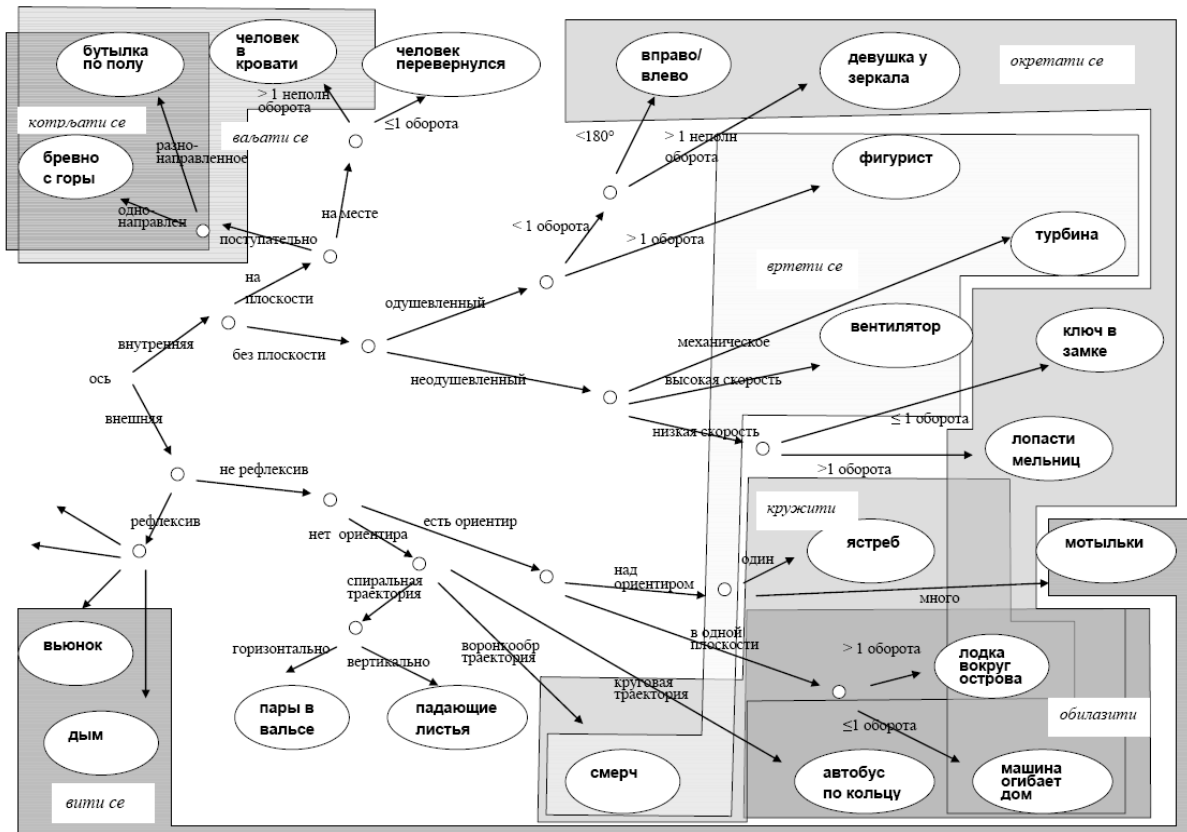
¹⁸ Как справедливо отмечено в [Татевосов 2002: 35], строго говоря, ни из чего не следует, что для любого явления на любом языковом материале возможно построить семантическую карту, не нарушая принципа смежности. В то же время, как утверждается по указанной

В лексической типологии семантическая карта представляет собой структурированный набор фреймов, на который «накладываются» исследуемые лексические единицы каждого языка: тем самым обеспечивается сопоставимость данных разных языков¹⁹. В большинстве исследований, однако, формализм карт устроен иначе по сравнению с описанным выше: карта содержит информацию о классификации фреймов; при этом, хотя принцип смежности в его буквальном понимании на такой карте может и не соблюдаться, пространственная близость узлов карты друг к другу отражает семантическую близость соответствующих фреймов. В качестве иллюстрации приведем семантические карты глаголов вращения для сербского и валлийского языков, взятых из [Круглякова 2010] (другие примеры и комментарии к ним см. также в [Рахилина, Резникова 2013: 13 – 17]). Обведенные в овалы слова и словосочетания на карте (например, «фигурист», «лопасти мельниц») представляют собой условные ярлыки для различных фреймов, характеристику каждого фрейма можно проследить по ведущим к нему на карте стрелкам. Закрашенные разным цветом области на картах соответствуют областям употребления глаголов.

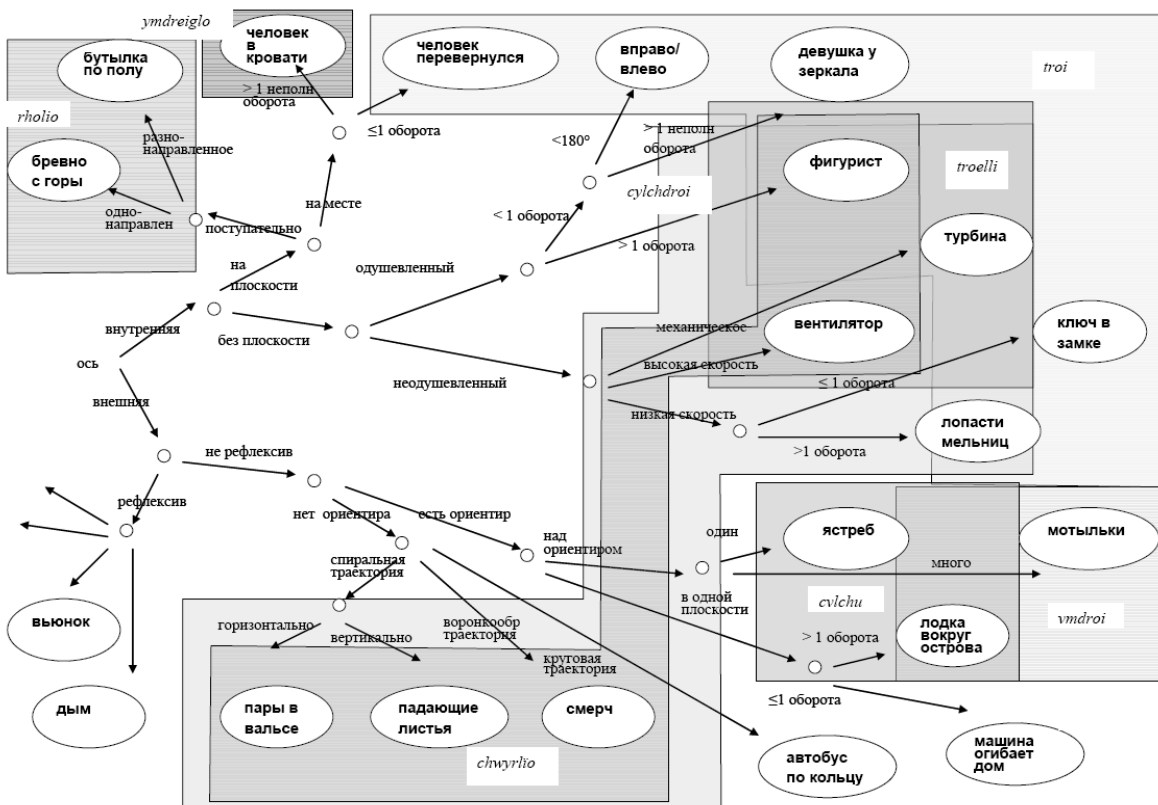
ссылке, чаще всего на практике выполняется гипотеза последовательности: «Данные о языковом явлении в произвольном числе языков поддаются обобщению в виде семантической карты, которая согласуется с дистрибуцией этого явления в любом языке, нигде не нарушая принцип смежного кодирования».

¹⁹ Для лексической типологии «предвестником» семантического картирования можно также считать Н. И. Толстого, строившего в своих сопоставительных работах по славянской лексике т.н. «модели-сетки» (см., например, такие модели в [Толстой 1963 / 1997], обобщающие данные о семантике лексем «дождь – погода – время – год – час»). Однако в этих моделях эксплицитно не упоминаются никакие внеязыковые сущности, которые служили бы основой для сопоставления лексем, а кроме того, схемы Н. И. Толстого не содержат тех типологических импликаций, которые предполагает метод семантического картирования в его современном понимании (в частности, в них не формулируется эксплицитно принцип смежности и они не позиционируются как обобщение, имеющее предсказательную силу).

Семантическая карта глаголов вращения для сербского языка
([Круглякова 2010: 101])

Семантическая карта глаголов вращения для валлийского языка
([Круглякова 2010: 182])

Проиллюстрированный формализм лексико-семантических карт имеет, однако, определенные слабые места.

Одно из них (наше внимание на него было обращено Т. И. Резниковой) состоит в том, что классификация фреймов во многом является конкретно-языковым явлением: мы имеем определенный набор фреймов, который может по-разному члениться разными языками, но само это членение не является универсальным, а производится каждым языком по-своему. И в этом смысле априорное указание того, на каких основаниях расклассифицированы фреймы на карте, может выглядеть не совсем корректно.

Другая проблема состоит в том, что некоторые фреймы (особенно те из них, которые по каким-либо причинам имеют промежуточный статус) может быть трудно однозначно отнести к какой-либо из классификационных категорий. Так, например, на процитированных выше картах из [Круглякова 2010] представлен фрейм кругового движения, совершаемого субъектом вокруг внешнего ориентира на значительной вертикальной дистанции от него (например, таким образом кружит над добычей ястреб, поэтому на карте данный фрейм имеет условный ярлык «ястреб»). В то же время, в [Круглякова 2010: 303] отмечено, что этот фрейм, хотя и предполагает вращение вокруг внешней, а не внутренней оси, иногда описывается глаголами, базовая семантика которых лежит как раз в зоне внутренней оси. Предложенное в цитируемой работе объяснение состоит в том, что при кружении ястреба над добычей человек может явно наблюдать круговую траекторию, что стандартно для фреймов вращения вокруг внутренней оси, но чего обычно не происходит в случае вращения вокруг внешней оси. Таким образом, этот фрейм оказывается в каком-то смысле промежуточным между зонами внешней и внутренней оси, тогда как классификация, представленная на карте, однозначно относит его к зоне внешней оси.

Исходя из сказанного выше, в нашей работе мы применяем более традиционный формализм семантических карт, изложенный, в частности, в

[Haspelmith 2003]. Подчеркнем, однако, что, во-первых, это никак не препятствует системному представлению собранного нами лексико-типологического материала, а во-вторых, наша карта может быть при необходимости сведена и к тому формализму, который использован, например, в [Круглякова 2010].

1.3. Семантическая область фактуры поверхностей: история исследования

1.3.1 О задаче типологического исследования семантики слов, описывающих качественные признаки

Рассматриваемые в нашей работе лексемы, описывающие фактуру поверхностей, являются одной из групп слов, служащих наименованиями для качественных признаков (прототипически такими словами являются прилагательные, но для конкретного языка может оказаться необходимым привлечь к анализу и слова других частей речи, например наречия или стативные глаголы). Поэтому, прежде всего, необходимо остановиться на задаче типологического исследования таких слов в целом, тем более, что такая работа активно ведется с использованием теоретических подходов Московской лексико-типологической группы.

Первым шагом на пути к такому исследованию стала работа над созданием Базы данных по многозначным качественным прилагательным и наречиям русского языка (см, например, [Рахилина и др. 2009], [Карпова и др. 2010], [Карпова и др. 2011]). Для этой базы было выбрано около 300 русских прилагательных (наиболее частотных в НКРЯ, например, *высокий*, *грубый*, *кривой* и мн. др.) и соответствующих им наречий (*высоко*, *грубо*, *криво*). Далее для каждого прилагательного фиксировались все его значения и типы семантических переходов между ними (метафора, метонимия, а также некоторые более сложные случаи). Результат такой работы открывает возможности по поиску закономерностей, существующих на множестве русских прилагательных и наречий и касающихся развития полисемии у прилагательных заданного семантического класса, исходных семантических

зон, из которых могут развиваться определенные метафоры, типов изменений, происходящих в семантике лексемы при том или ином сдвиге, и т.п.

Эту задачу, поставленную первоначально на русском материале, естественно расширить и в типологической перспективе, поскольку все вопросы, сформулированные выше по отношению к русскому языку, весьма любопытны для анализа и в типологическом аспекте. Такая работа предполагает сбор обширного эмпирического материала (на основании которого будет возможно построение типологических обобщений относительно закономерностей в сфере признаковой лексики). Задача сбора подобного типологического материала постепенно решается, примером чему могут послужить работы о прилагательных ‘острый’ – ‘тупой’ ([Кюсева, Рыжова 2010], [Кюсева 2012]), ‘полный’ – ‘пустой’ ([Тагабилева, Холкина 2010]), ‘чистый’, ‘прозрачный’ – ‘грязный’, ‘мутный’ ([Архангельский и др. 2011]), ‘прямой’ – ‘кривой, косою, извилистый’ ([Наний 2012]), ‘тяжелый’ – ‘легкий’ ([Кюсева и др. 2012]) и нек. др. Еще раньше было начато исследование температурных выражений (‘горячий’, ‘холодный’, ‘теплый’ и пр., [Kortjevskaja-Tamm forthc.]), безусловно релевантное для типологических исследований признаковой лексики. Наша работа тоже представляется как логически вписывающаяся в этот ряд исследований.

Далее перейдем к рассмотрению непосредственно тех работ, которые посвящены семантической области фактуры поверхностей.

1.3.2 Предыдущие исследования лексем, описывающих фактуру поверхностей

Некоторую информацию, которая может служить точкой отсчета для типологического исследования прилагательных фактуры поверхностей, можно почерпнуть из работ по русскому языку, выполненных в традициях **Московской семантической школы**. Так, в [НОСС 2004: 982 – 986] детально проанализирована семантика русских прилагательных *ровный* и *гладкий*, относимых нами к этой зоне, а также, в сопоставлении с ними, семантика

прилагательного *плоский*. В результате было установлено, что семантика этих прилагательных различается по восьми параметрам (см. [НОСС 2004: 982]):

1. Характеризует ли прилагательное форму поверхности или же ее качество (*гладкий* – только качество, *плоский* – только форму, *ровный* – и то, и другое).
2. Ориентация поверхности в пространстве (прилагательное *плоский* предполагает горизонтальную ориентацию).
3. Прототипический способ восприятия поверхности (*ровный*, *плоский* – зрительный способ, *гладкий* – тактильный способ).
4. Наличие связи с другими признаками предмета (существует у прилагательного *гладкий*, т.к. описываемое им свойство часто коррелирует с наличием у предмета визуального признака – блеска).
5. Наличие ограничения площади поверхности (имеется в случае слова *гладкий* и проявляется в том, что оно описывает только те поверхности, которые имеют достаточный размер, чтобы их можно было оценить тактильно, ср. несочетаемость этого слова с названиями мелких объектов вроде *гладкая поверхность рисинки*).
6. Учитывается ли только абсолютный размер неровностей, или же принимаются во внимание относительные размеры неровностей и самой поверхности (*гладкий* – только абсолютный размер, *плоский* – только относительные размеры, *ровный* – и то, и другое).
7. Учитывается ли назначение объекта (учитывается для *ровный*). Надо сказать, что в [НОСС 2004: 983] этот параметр проиллюстрирован несколько туманно на том примере, что «ровное поле может иметь существенно бóльшие неровности, чем ровная асфальтированная площадка, даже если их абсолютные площади равны». По всей вероятности, здесь имеется в виду, что в случае асфальтированной площадки ее свойство ‘быть ровным’ более функционально значимо для человека, чем в случае поля, в результате чего человек может «замечать» на поверхности асфальтированной площадки неровности меньшего масштаба.

8. Степень градуируемости признака (для прилагательных *ровный* и *гладкий* она больше, чем для прилагательного *плоский* – это проявляется в сочетаемости со словами типа *очень* или *менее*, выражающими степень проявления признака).

Кроме того, в рассматриваемой статье из [НОСС 2004] даются и сочетаемостные сведения об этих прилагательных, коррелирующие с изложенными выше противопоставлениями, а также перечисляются их переносные значения, которые тоже должны быть учтены в типологических исследованиях.

Интерес для нашей работы представляет и статья [Спиридонова 2004]. В ней детально рассматривается семантика русских прилагательных *ровный* и *плоский*, а также прилагательного *прямой*. Приводимый в этой статье анализ прилагательного *ровный* утверждает в качестве инварианта его значения идею равномерности: определяя какой-либо объект как *ровный*, мы как бы многократно измеряем его в разных точках, а затем сравниваем результаты этих измерений. Это относится как к прямым употреблениям слова *ровный* (*ровный пол, фундамент, поле*), так и к тем контекстам, где оно используется переносно (например, *ровный загар* равномерно распространен по поверхности всего тела, а *ровный пульс* предполагает, что сердце бьется через одинаковые промежутки времени). Прилагательное же *плоский* трактуется в этой статье как относящееся исходно к области формы объекта и описывающее изменение формы, в результате которого объект начинает уподобляться «эталону»-плоскости (например, *плоский диск* – это диск, уменьшенный в толщине по сравнению со своим прототипом, *плоская тарелка* – тарелка, уменьшенная по высоте относительно *глубокой тарелки*, и т.п.). Этот анализ представляется нам перспективным и для типологического исследования, и в данной работе мы будем на него опираться.

Попытка анализа некоторых прилагательных, описывающих фактуру поверхностей, была предпринята и в рамках **теории семантических примитивов**. В статье [Goddard, Wierzbicka 2007] приводятся толкования

целого ряда прилагательных из разных семантических групп (в основном английских, с привлечением типологического фона польского и в меньшей степени корейского языка). Приведем здесь в оригинале и в переводе на русский язык толкования английских прилагательных *smooth* ‘гладкий’ и *rough* ‘шершавый, шероховатый’ и их польских аналогов *gladki* ‘гладкий’ и *szorstki* ‘шершавый, колючий’ (напомним, что эти толкования основаны на метаязыке теории семантических примитивов и в силу этого не всегда соответствуют литературной норме естественных русского и английского языков):

«*This thing (e.g. bark, cloth) is rough.*

this thing is like this:

if a person’s hand moves in some ways when it is touching this thing,

 this person can feel something in this hand because of it

because of this, this person can know something about this thing

because of this, this person can think like this:

 “many small parts of this thing are not like other parts

 because of this, if a part of a person’s body moves in some ways when it is touching this thing

 this person can feel something bad in this part because of it”» [Goddard, Wierzbicka 2007: 779].

(*Эта вещь (например, кора, ткань) rough*

эта вещь как это:

если рука человека движется в некоторых направлениях, когда она касается этой вещи,

этот человек может что-то чувствовать в этой руке из-за этого

из-за этого, этот человек может знать что-то об этой вещи

из-за этого, этот человек может думать так:

“многие маленькие части этой вещи не такие, как другие части

из-за этого, если часть тела человека движется в некоторых направлениях,
когда она касается этой вещи
этот человек может чувствовать что-то плохое в этой части из-за этого”.
Перевод мой – Е.К.)

«This thing is szorstki (i.e. has a rough, bristly, coarse feel).

this thing is like this:

if a person’s hand moves in some ways when it is touching this thing,

this person can feel something in this hand because of it

because of this, this person can know something about this thing

because of this, this person can think like this:

“some very small parts of this thing are not like the other parts

because of this, if a person’s hand moves in some ways when it is touching this
thing

this person can feel something bad in this hand because of it

a person can feel something like this if a person’s hand moves in some ways when
it is touching some parts of a man’s face”» [Goddard, Wierzbicka 2007: 780 –
781].

*(Эта вещь szorstki (т.е. создает ощущение чего-л. шершавого, колючего,
грубого)*

эта вещь как это:

если рука человека движется в некоторых направлениях, когда она касается
этой вещи,

этот человек может что-то чувствовать в этой руке из-за этого

из-за этого, этот человек может знать что-то об этой вещи

из-за этого, этот человек может думать так:

“некоторые очень маленькие части этой вещи не такие, как другие части

из-за этого, если рука человека движется в некоторых направлениях, когда она касается этой вещи
этот человек может чувствовать что-то плохое в этой руке из-за этого
человек может чувствовать что-то как это, если рука человека движется в некоторых направлениях, когда она касается некоторых частей лица мужчины”. *Перевод мой – Е.К.*)

«*This thing (e.g. silk, a baby’s skin, peanut butter) is smooth.*

this thing is like this:

if a part of a person’s body moves in some ways when it is touching this thing,

this person can feel something in this part because of it

because of this, this person can know something about this thing

because of this, this person can think like this:

“all parts of this thing are like all the other parts

because of this, if a part of a person’s body moves in some ways when it is touching this thing

this person can feel something good in this part because of it”» [Goddard, Wierzbicka 2007: 779 – 780].

(Эта вещь (например, шелк, кожа младенца, арахисовое масло) smooth.

эта вещь как это:

если часть тела человека движется в некоторых направлениях, когда она касается этой вещи,

этот человек может чувствовать что-то в этой части из-за этого

из-за этого, этот человек может знать что-то об этой вещи

из-за этого, этот человек может думать так:

“все части этой вещи как все другие части

из-за этого, если часть тела человека движется в некоторых направлениях, когда она касается этой вещи

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ЧУВСТВОВАТЬ ЧТО-ТО ХОРОШЕЕ В ЭТОЙ ЧАСТИ ИЗ-ЗА ЭТОГО”.
Перевод мой – Е.К.)

«*This thing (e.g. wood) is **gladki** (i.e. has a “smooth” surface).*

this thing is like this:

if a person’s hand moves in some ways when it is touching this thing,

 this person can feel something in this hand because of it

because of this, this person can know something about this thing

because of this, this person can think like this:

 “all parts of this thing are like all the other parts

 because of this, if a person’s hand moves in some ways when it is touching this
 thing

 this person can feel something good in this hand because of it”» [Goddard,
Wierzbicka 2007: 780].

(*Эта вещь (например, дерево) **gladki** (т.е. имеет «гладкую» поверхность).*

эта вещь как это:

если рука человека движется в некоторых направлениях, когда она касается
 этой вещи,

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ЧУВСТВОВАТЬ ЧТО-ТО В ЭТОЙ РУКЕ ИЗ-ЗА ЭТОГО

ИЗ-ЗА ЭТОГО, ЭТОТ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ЗНАТЬ ЧТО-ТО ОБ ЭТОЙ ВЕЩИ

ИЗ-ЗА ЭТОГО, ЭТОТ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ДУМАТЬ ТАК:

 “все части этой вещи как все другие части

 из-за этого, если рука человека движется в некоторых направлениях, когда она
 касается этой вещи

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ЧУВСТВОВАТЬ ЧТО-ТО ХОРОШЕЕ В ЭТОЙ РУКЕ ИЗ-ЗА ЭТОГО”.

Перевод мой – Е.К.)

Приведенные толкования, несмотря на возможную громоздкость, кажутся интуитивно понятными и не требуют особых пояснений и оценок, за исключением двух моментов.

Во-первых, обратим внимание, что практически во всех толкованиях фактура поверхности преподносится как признак, оцениваемый при контакте рукой, – за исключением прилагательного *smooth*, в случае которого говорится о контакте неспецифицированной части тела с объектом. Авторы статьи объясняют это способностью английского слова *smooth* описывать приятные при контакте продукты питания, например арахисовое масло или сыр (а контакт с ними, в свою очередь, осуществляется языком или другими частями ротовой полости), а кроме того, в качестве аргумента приводится наличие в английском языке существительного *smoothie*, описывающего определенный вид молочного коктейля. На наш взгляд, такое объяснение является довольно натянутым, поскольку в случаях сочетания прилагательного *smooth* с названиями продуктов питания имеет место и сдвиг семантического класса объектов, описываемых этим прилагательным, и сдвиг в значении самого прилагательного, поэтому в этом случае было бы правильнее усматривать метафору. Если же авторов статьи по какой-либо причине не устраивала такая трактовка, то тогда непонятно, почему ими был проигнорирован в общем-то аналогичный контекст *rough wine* ‘терпкое вино’, в котором участвует уже прилагательное *rough* (и оно в любом случае должно было бы быть истолковано однотипно с прилагательным *smooth*).

Во-вторых (и это более существенно), в [Goddard, Wierzbicka 2007] игнорируется сочетаемость рассматриваемых прилагательных. При этом авторы вынуждены включить в толкование польского прилагательного *szorstki* указание на прототипический для него объект – щетину на щеках, поскольку иначе толкование получалось бы заведомо некорректным. Такая стратегия описания приводит авторов к выводу о том (с. 781), что прилагательные, описывающие тактильные свойства объектов, не просто передают объективные,

независимые от конкретного языка признаки объектов, но и вовлекают варианты категоризации окружающего мира, специфичные для конкретного языка (как, например, в случае польского языка прототипическим объектом для базового прилагательного со значением наличия тактильно воспринимаемых неровностей является щетина, чего не наблюдается на английском материале). Этот вывод, как представляется, наглядно демонстрирует слабость теории семантических примитивов при описании качественных прилагательных: эта теория не позволяет описать и систематизировать типологическое варьирование, которому подвержены способы категоризации действительности (в данном случае, того ее фрагмента, который имеет отношение к фактуре поверхностей). Остается неясным, какими могут и какими не могут быть те «специфичные» варианты категоризации действительности, о которых говорят К. Годдард и А. Вежбицкая. Подход Московской семантической школы и фреймовый подход к лексико-типологическим исследованиям оказываются с этой точки зрения более мощными инструментами анализа данных.

Важный пласт предыдущих исследований рассматриваемой нами группы связан с анализом полисемии лексемы, имеющей исходное значение ‘ровный’ (о поверхности), и, в частности, с анализом тех случаев, когда на базе таких лексем развиваются **фокусные частицы**. Данное явление имеет место в случае английского *even* и немецкого *eben*, что нашло отражение в целом ряде публикаций (см., например, [König 1991a], [König 1991b], [Traugott 2006], [Добровольский, Левонтина 2012], ср. также [Беликов 2012] о русском материале и [Лучина и др. 2013] о перспективах типологического исследования этой области). Особенно любопытной нам кажется работа [Traugott 2006], где на обширном материале из английских текстов разных периодов показана история развития слова *even*. Изначально оно описывало ровные поверхности, из чего естественным образом начали развиваться метафоры равномерности и равенства (например, слово *even* могло быть употреблено в контексте равного деления какого-либо ресурса между несколькими людьми). Следующим

шагом стало использование *even* для указания на точное значение параметра (например, в контекстах типа ‘ровно 30 локтей²⁰’) – как количественного, так и, например, параметра места или времени (контексты вроде *even now* ‘ровно сейчас’, зафиксированные в определенный период истории английского языка). В этих употреблениях лексема *even* задавала некоторую шкалу значений, указывая на то, что значение релевантного в ситуации параметра (например, момента времени) равно тому значению, которое попало в сферу действия этой лексемы (например, сущности, обозначаемой лексемой *now* ‘сейчас’). На следующем же шаге эта шкала стала упорядоченной, а именно, лексема *even* начала указывать на то, что в сфере ее действия находится наиболее ценный элемент этой шкалы (в примерах такого типа, как ‘Он был готов даже принести жертву’, где слово *even* стало переводным эквивалентом русского *даже*) – в результате этого перехода лексема *even* и развила употребления, близкие русской частице *даже*.

Учитывая всю важность подобных исследований для теорий семантических переходов, необходимо, однако, отметить, что они фокусируются на одном – пусть и важном, но достаточно узком – аспекте семантики лексемы ‘ровный’. Детальных сведений о том, каково в данном случае типологическое варьирование в области прямых значений, эти исследования не представляют, равно как и не содержат описания всех метафорических переносов этой лексемы.

Отдельные исследования нашего семантического поля велись и в рамках подхода, предлагаемого **Московской лексико-типологической группой** – это работы [Иванова 2011] о корейском языке и [Спесивцева 2012] об испанском языке (каких-либо более широких типологических обобщений, выходящих за рамки детального описания корейских и испанских данных, эти работы не выводят). Ввиду того, что эти работы будут активно цитироваться в основном

²⁰ Имеется в виду староанглийская мера длины.

тексте работы для создания типологического фона к нашему уральскому материалу, мы не будем приводить сейчас их пересказа.

Наконец, что касается **уральских языков**, то приходится констатировать, что семантическое поле фактуры поверхностей в них до сей поры не исследовано. Некоторую информацию можно получить из словарей (они будут цитироваться нами в основном тексте работы). Отдельные работы (в частности, [Ernits 1975], [Эрнитс 1993]) затрагивают вопросы этимологии интересующих нас лексем, но подробных синхронных данных об их сочетаемости они, к сожалению, не содержат.

Глава 2. Лексемы, описывающие фактуру поверхностей: системы прямых употреблений

Данная глава посвящена семантическим противопоставлениям, обнаруженным в зоне фактуры поверхностей на материале обследованных нами языков (как уральских, так и составляющих типологический фон языков других семей – см. подробно во Введении). Проведенное исследование позволило выявить достаточно большое количество таких противопоставлений, многие из которых воспроизводятся на материале более чем одного языка. Задача этой главы состоит в том, чтобы, во-первых, пояснить суть каждой из выделенных семантических оппозиций, во-вторых, очертить степень их типологической релевантности и возникающего в связи с ними типологического варьирования, в-третьих, систематизировать эти оппозиции и сделать на имеющемся материале обобщения относительно ограничений межъязыкового варьирования в рассматриваемой семантической области. В разделах Главы 4 детально анализируются лексемы фактуры поверхностей последовательно в десяти подробно обследованных нами уральских языках²¹ на основе терминов и ярлыков для фреймов, вводимых в данной главе (этим обусловлено и помещение данного изложения перед подробной характеристикой материала каждого языка в отдельности). Переносные употребления лексем фактуры поверхностей в настоящей главе не рассматриваются, им посвящена Глава 3. Далее мы рассмотрим сначала наименования качественных признаков со значением отсутствия неровностей, затем наименования качественных признаков со значением наличия неровностей, после чего сопоставим закономерности языковой категоризации этих двух семантических зон.

²¹ В этих же разделах более подробно характеризуются идиомы, в которых собран материал, а также источники данных.

2.1. Лексемы со значением отсутствия неровностей

2.1.1 Базовое противопоставление: способ восприятия поверхности

В семантической зоне отсутствия неровностей, как показывают наши типологические данные, выделяется два базовых класса наименований качественных признаков. Они могут быть противопоставлены по набору признаков, значения которых коррелируют между собой. Поскольку это различие очень наглядно иллюстрируется на примере русских прилагательных *ровный* и *гладкий*, приведем здесь анализ их семантики, который дается в [НОСС 2004: 982 – 986] (сохраняя при этом для сравнения и сведения о характеризующем форму предмета прилагательном *плоский*, содержащиеся в этой же словарной статье).

Во-первых, прилагательные *ровный* и *гладкий* противопоставлены по тому, характеризуют ли они форму поверхности или же ее качество. Под «формой» в данном случае имеется в виду, что поверхность должна быть расположена в одной плоскости. «Качество» же предполагает, что на поверхности нет существенных, сопоставимых по размерам с ее площадью выступов и углублений. Согласно приведенному в [НОСС 2004] анализу, прилагательное *гладкий* характеризует только качество поверхности, прилагательное *ровный* – и форму, и качество (что же касается прилагательного *плоский*, то оно характеризует только форму).

Во-вторых, обсуждаемая в [НОСС 2004] оппозиция *ровного* и *гладкого* касается того, учитывает ли лексема относительные размеры поверхности и находящихся на ней неровностей или же только абсолютный размер неровностей. Прилагательное *гладкий*, согласно интерпретации [НОСС 2004], описывает только абсолютный размер неровностей, прилагательное *ровный* – и абсолютный, и относительный (а прилагательное *плоский* – только относительный размер поверхности и неровностей).

В-третьих, составители НОСС противопоставляют обсуждаемые прилагательные по параметру способа восприятия, который может быть

зрительным либо тактильным. В этом случае прилагательные *ровный*, *гладкий* и *плоский* четко разбиваются на два класса: *ровный* и *плоский* предполагают зрительное восприятие поверхности, а *гладкий* – тактильное восприятие.

Вводимые в [НОСС 2004] и только что изложенные нами противопоставления естественным образом коррелируют друг с другом. Так, например, если мы оцениваем какую-либо поверхность тактильно, то мы можем определить на ней неровности небольшого масштаба, незаметные при зрительном восприятии (что, как кажется, заложено в противопоставлении формы vs. качества, а также в оппозиции по размеру неровностей). Напротив, зрительная оценка скорее предполагает, что наблюдатель определит форму предмета в целом, чего может не произойти при тактильном восприятии. Вместе с тем для типологического исследования нам кажется правильным выбрать среди изложенных оппозиций первичную, которая обеспечивала бы логично организованное сопоставимое описание обследованных нами языков и могла бы быть положена в основу типологической анкеты. Противопоставление формы vs. качества поверхности едва ли подходит на эту роль, поскольку неясно, что имеется в виду под «существенными» и «сопоставимыми с поверхностью по размеру» неровностями и как в данном случае провести границу между «существенным» и «несущественным». А кроме того, непонятно, каким образом развести на основе этого противопоставления семантику русских прилагательных *ровный* и *гладкий* (не говоря уже об их аналогах в других языках). Аналогичные вопросы возникают и по отношению к оппозиции абсолютного vs. относительного размера неровностей. В свою очередь параметр зрительного vs. тактильного способа восприятия кажется более подходящим для типологического описания поля фактуры поверхностей. Во-первых, значения этого параметра дискретны – в том смысле, что они не образуют какой бы то ни было шкалы (ср. с оппозицией «существенного» vs. «несущественного» размера неровностей, создающей шкалу, принципы деления которой никак не эксплицированы). Во-вторых, он кажется когнитивно

естественным и делает описание поля фактуры поверхностей сопоставимым с описаниями других семантических групп, выражающих воспринимаемые человеком признаки, ср. в этой связи целый ряд исследований, привлекающих параметр способа восприятия: это и анализ русских квазисинонимов *сырой*, *мокрый* и *влажный* в [НОСС 2004: 538 – 543], и выделение параметра тактильного vs. нетактильного способа восприятия для температурных выражений ([Кортjevская-Тамм, Ракхилина 2006], [Кортjevская-Тамм (ed.) forthc.]), и типологические исследования полисемии глаголов восприятия ([Viberg 1984]). При этом из параметра способа восприятия, как уже было сказано, хорошо выводятся и возможные различия в размере неровностей.

Таким образом, в качестве основного для рассматриваемой семантической области мы принимаем противопоставление по способу восприятия поверхности, который может быть **зрительным** либо **тактильным**. Примерами фреймов зрительного восприятия могут послужить пол, стена (в том случае, когда мы не щупаем их рукой, а на глаз оцениваем наличие / отсутствие неровностей на их поверхности) или обширный участок местности, например поле или луг. В качестве примеров фреймов тактильного восприятия можно привести доску (когда мы оцениваем на ощупь качество ее обработки), небольшой камень или гладко выбритые щеки²². Далее, фреймы тактильного восприятия делятся на два класса: во-первых, **собственно гладкие** поверхности (примеры даны выше), во-вторых, **скользкие** поверхности (как, например, поверхность скользкой дороги или скользкого мяча). Решение отнести фреймы скользкой поверхности к зоне тактильного восприятия принимается нами по двум причинам. Во-первых, на наш взгляд, это вытекает из самой семантики данных прилагательных: скользкая поверхность – настолько гладкая, что трение при контакте с ней крайне незначительно, в результате на ней сложно

²² Для конкретных языковых примеров значение параметра способа восприятия устанавливается нами как по тому, с какими именами сочетается прилагательное (например, ясно, что сочетание с существительным ‘поле’ предполагает зрительный способ восприятия), так и путем проверки в контексте глаголов восприятия и других выражений, эксплицирующих способ восприятия (‘увидеть’, ‘почувствовать на ощупь’ и пр.).

удержаться или предмет с такой поверхностью сложно удержать (ср. в этой связи и толкование первого значения русского прилагательного *скользящий* в [МАС 1999]: ‘совершенно гладкий, не создающий трения, на котором трудно устоять, удержаться’). Во-вторых, как мы увидим далее, такая трактовка подкрепляется собранным нами языковым материалом: а именно, на нашей выборке выявлены примеры употребления одной лексемы для описания и скользких, и гладких поверхностей, но не выявлено ни одного примера, когда лексема описывала бы и зрительно ровную, и скользкую поверхность (тем самым получается, что скользкие и тактильно гладкие поверхности осмысляются в языках как более близкие друг другу сущности, нежели чем скользкие и зрительно ровные поверхности).

В результате мы имеем три базовые семантические зоны, которые мы в последующем изложении будем для краткости обозначать как **ровные** (для фреймов зрительного восприятия), **гладкие** и **скользящие** (для двух типов фреймов тактильного восприятия) поверхности. Эти русские ярлыки в данном случае используются нами в качестве метаязыковых единиц и не предполагают приписывание рассматриваемым лексемам других языков всей полисемии соответствующих русских слов.

Обследованные нами языки принимают три базовые стратегии категоризации скользких, гладких и ровных поверхностей. Во-первых, за каждой из семантических областей может быть закреплена отдельная лексема или отдельный набор лексем (как происходит в русском языке): такова ситуация, например, в эстонском языке, где прилагательное *libe* описывает скользкие поверхности (2.1), *sile* – гладкие (2.2), *tasane* – ровные (2.3). В нашей выборке из уральской семьи аналогично устроены системы венгерского, финского и удмуртского языков.

ЭСТОНСКИЙ

(2.1) See trepp on kohutavalt **libe**.

этот лестница быть.PRS.3 ужасно скользкий

Эта лестница ужасно скользкая.

ЭСТОНСКИЙ

(2.2) Käe-d on pehme-d ja sileda-d.
рука-PL быть.PRS.3 мягкий-PL и гладкий-PL
Руки мягкие и гладкие.

ЭСТОНСКИЙ

(2.3) Akna taga laiu-vad lageda-d tasase-d põllu-d.
окно.GEN за раскинуться-PRS.3PL просторный-PL ровный-PL поле-PL
За окном раскинулись просторные ровные поля

Во-вторых, возможно использование одной лексемы для гладких и ровных поверхностей и другой лексемы – для скользких. Примером служат эрзянские прилагательные *нолажа* ‘скользкий’ (2.4) и *валаня* ‘гладкий, ровный’ ((2.5), (2.6)). Аналогичная ситуация наблюдается в ненецком языке, а также в ижемском коми (с некоторыми оговорками, о которых см. подробнее в разделе 4.6).

ЭРЗЯНСКИЙ

(2.4) Васня сон (Надя) пельсь сынст (кал-тнэ-нь)
сначала она Надя бояться-PST.3SG они.GEN рыба-PL.DEF-GEN
токше-мс: **нолажа-т** ды езмолды-ть.
трогать-INF скользкий-PL и елозить-PRS.3PL
Сначала она (Надя) боялась их (рыбок) трогать: скользкие и елзят
[Бузакова 1982: 88].

ЭРЗЯНСКИЙ

(2.5) **Валаня** кедь-сэ сон панар викшн-и.
гладкий рука-LOC она рубашка вышивать-PRS.3SG
Гладкими руками она рубашку вышивает.

ЭРЗЯНСКИЙ

(2.6) **Валаня** пакся-нтъ ланга седе вадря кизна
ровный поле-DEF.GEN на более хороший летом
тикше-нь леде-ма-сь.
сено-GEN косить-NMN-DEF.NOM

По ровному полю летом лучше косить сено.

В-третьих, одна и та же лексема может описывать скользкие и гладкие поверхности, а другая – ровные. Эта стратегия является более редкой по сравнению с двумя описанными выше. Она обнаружена нами в хантыйских говоре сел Шурышкары и Теги (где лексема *wõl'ak* означает ‘скользкий, гладкий’, а лексема *pajli* – ‘ровный’). Несколько более сложный ее вариант наблюдается в марийском языке, где существует лексема *яклака* ‘скользкий, гладкий’, в то же время конкурирующая в зоне гладких поверхностей с прилагательным *йывыжа* ‘гладкий’²³. Иллюстрация из хантыйского языка приведена в (2.7) – (2.9).

ХАНТЫЙСКИЙ (С. ТЕГИ)

(2.7) at mār jōš pət-s-a, jōš wõl'k-a ji-s.
ночь за дорога мерзнуть-PST-PASS дорога скользкий-DAT стать-PST
За ночь дорога замерзла, дорога скользкая стала.

ХАНТЫЙСКИЙ (С. ТЕГИ)

(2.8) tām soxəł wõl'k-a wer-e.
этот доска гладкий-DAT делать-IMP.O.SG
Эту доску гладкой сделай.

ХАНТЫЙСКИЙ (С. ТЕГИ)

(2.9) tām tōrn xār-em pajli, śit-em mūw-əŋ.
этот сено место-POSS1SG ровный тот-POSS1SG земля-ATTR
Этот мой покос (букв.: место сена) ровный, тот кочковатый (букв.: земляной).

²³ За пределами уральской семьи такая стратегия обнаруживается в китайском, на примере двуслога *hualiu* ‘скользкий, гладкий’ (пример Л. С. Холкиной).

2.1.2 Категоризация скользких поверхностей: топологический класс поверхности; наличие постороннего вещества; визуальные признаки

Важнейшее противопоставление между лексемами со значением 'скользкий' касается топологического класса поверхности. Оно состоит в том, характеризует ли лексема 'скользкий' опорную поверхность, на которой трудно удержаться (дорогу после заморозков, вымытый пол, каменные ступеньки), или же поверхность выскользывающего из рук предмета (рыбу, кусок мыла, черенок лопаты). Промежуточным фреймом является скользкая подошва обуви (и метонимически сама обувь): с одной стороны, человек тоже опирается на нее при ходьбе; с другой стороны, по топологическим характеристикам она сближается с выскользывающими из рук предметами.

Во многих языках все фреймы скользких поверхностей покрываются одной доминантной²⁴ лексемой (*скользкий* в русском языке, *нолажа* в эрзянском, *liukas* в финском или *libe* в эстонском): ср. примеры из шокшинского диалекта эрзянского языка *нолажа кинанга* 'скользкая дорога', *нолажа сапун* 'скользкое мыло', *нолажа сапошкат* 'скользкие сапоги'.

Вместе с тем выявлены и такие системы, где скользкие опорные поверхности описываются одним средством (например, прилагательным *гылыт* в удмуртском языке или *вольк* в ижемском диалекте коми-зырянского языка), а поверхности выскользывающих предметов – другим средством (в удмуртском это глагол *гылзыны* 'скользить, выскользывать', а в ижемском коми – глагол *вольсьёоны* с аналогичной семантикой, употребление же лексем *гылыт* и *вольк* в таких контекстах невозможно). Иллюстрации из ижемского диалекта коми-зырянского языка приведены в (2.10) и (2.11).

²⁴ Под «доминантной» лексемой мы понимаем базовую, основную лексему для определенной семантической области.

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

- (2.10) Пос-сэ мыськ-ема-сь, и лёк-а косьт-эма-сь,
пол-ACC.POSS3SG мыть-рст2-PL и плохой-ADV сушить-рст2-PL
и поск-ыс **ВОЛЬК**, верм-ан усь-ны.
и пол.OBL-POSS3SG скользкий мочь-NPST.2SG падать-INF

Пол вымыли, и плохо высушили, и пол скользкий, можешь упасть

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

- (2.11) Майтэг торй-ыс **ВОЛЬСЬЯЛ-Э** / ***ВОЛЬК**.
мыло кусок.OBL-POSS3SG скользкий-PRS.3SG скользкий
Кусок мыла скользит.

Фрейм скользкой подошвы может получать в таких системах различный статус: так, в ижемском коми он может характеризоваться той же лексемой, что и опорная поверхность (а именно, прилагательным *вольк*, см. (2.12)), а в удмуртском языке – не может и описывается глаголом *гылзыны*, как и выскользывающие предметы.

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

- (2.12) Гынкот-сэ вур-исныс, и ветл-ал-іген зэй **ВОЛЬК**.
валенки-ACC.POSS3SG шить-рст.3PL и ходить-DISTR-CONV очень скользкий
Валенки подошвы, и при ходьбе они очень скользкие.

Следует отметить, что противопоставление скользкой опорной поверхности vs. выскользывающих из рук предметов встречается не только в уральских языках. Так, в испанском языке, согласно [Спесивцева 2012: 39 – 42], семантическая зона скользких поверхностей членится двумя лексемами: *resbaladizo* (для опорной поверхности и подошвы обуви) и *escurridizo* (для выскользывающих предметов) – аналогичную картину мы только что наблюдали на коми-зырянском материале.

В семантической зоне скользких поверхностей может также обособляться фрейм поверхности, скользкой из-за наличия на ней какого-либо постороннего вещества. Примером может послужить венгерское прилагательное *síkos*, описывающее чаще всего покрытую льдом скользкую дорогу или скользкую в

силу наличия слизи рыбу, змею и т.п.²⁵ Похожим образом ведет себя и мокшанское прилагательное *valaz'ε*, но оно, в отличие, от венгерского *sikos*, свободно может описывать, например, скользкую из-за наличия влаги дорогу или пол, допуская тем самым меньшую степень проникновения постороннего вещества в объект и меньшую длительность его нахождения на поверхности объекта.

Частный случай реализации обсуждаемой стратегии состоит в обособлении фрейма скользкой опорной поверхности, покрытой льдом. Так, в ненецком говоре с. Белоярск прилагательное *салйт*” описывает скользкую опорную поверхность, но не любую, а только такую, которая покрыта льдом. В свою очередь, формы глагола *насадърць* ‘быть скользким, скользить’ применимы в этом говоре к любому типу скользкой поверхности. Аналогично устроена система лексем со значением ‘скользкий’ и в хантыйском говоре этого же села: в качестве доминантного прилагательного для описания скользких поверхностей там выступает слово *насл*, тогда как прилагательное *вот'ак* может характеризовать в этом диалекте только покрытую льдом скользкую опорную поверхность. Важно при этом, что прилагательные, за которыми закрепляется этот узкий фрейм, не являются производными от слова ‘лед’ и не сводятся просто к обозначению наличия вещества (в данном случае льда) на поверхности объекта. Так, по-хантыйски лед обозначается словом *жетк*, которое, очевидно, никак не связано морфологически со словом *вот'ак*. В ненецком языке ситуация несколько менее прозрачна, поскольку значение ‘лед’ выражается существительным *салаба*, по-видимому, имеющим тот же корень, что и прилагательное *салйт*”, но вместе с тем и в этом случае не приходится

²⁵ Во Введении было сказано, что вне рамок настоящего исследования остаются слова типа *осклизлый*, описывающие наличие постороннего вещества на поверхности объекта. Описываемые здесь лексемы, однако, предполагают скользкий характер поверхности объекта (и в сочетании с ним – наличие на этой поверхности постороннего вещества), в отличие от прилагательных типа *осклизлый*, ср. встречающиеся в НКРЯ примеры *осклизлая картошка*, *осклизлые конфеты*, *осклизлые внутренности [погибшего солдата]*, *осклизлый пот*, где, по-видимому, говорится не о скользкой поверхности.

говорить о прямой словообразовательной производности этих слов друг относительно друга (а кроме того, в других ненецких говорах слово *салът*” имеет более широкую семантику и не всегда предполагает наличие льда на поверхности – см. более подробно в разделе 4.10).

Для фреймов тактильно воспринимаемых поверхностей в ряде языков обнаруживается дополнительное противопоставление, возникающее за счет параметра зрительного восприятия. Речь идет, однако, о зрительном восприятии не фактуры поверхности, а иного, смежного признака – блеска. В большей степени это характерно для прилагательных с исходным значением ‘гладкий’ (как в уральской семье, так и за ее пределами), о чем будет подробнее рассказано в следующем разделе 2.1.3. Пример такого рода, однако, существует и в семантической зоне скользких поверхностей. Речь идет об английском языке, где прилагательное *slippery* является базовым для зоны скользких поверхностей, тогда как прилагательное *slick*, обслуживающее в прямом употреблении эту же зону, характеризует скользкую и одновременно блестящую поверхность²⁶. Так, показательный пример приведен одним из носителей английского языка, по мнению которого предложение *The pavements were slick with rain* ‘Тротуары были скользкие от дождя’ уместно употребить в том случае, когда скользкая поверхность тротуара блестит в свете уличных фонарей. Аналогично, предложение *The ball got slick from the wet grass* ‘Мяч стал скользким от мокрой травы’ подразумевает, что мяч был скользким и одновременно блестящим. Показательно также, что прилагательное *slick* неприменимо к скользкой подошве обуви (в этом случае используется прилагательное *slippery*), что весьма логично, так как «скользкость» подошвы обуви прототипически оценивается при ходьбе в этой обуви, когда мы не видим подошву и не знаем, блестит она или нет.

²⁶ Как указывают информанты, блеск в данном случае часто возникает за счет наличия на поверхности постороннего вещества, поэтому в каком-то смысле эти параметры образуют здесь единый «кластер», организующий семантику слова *slick*.

2.1.3 Гладкие поверхности: визуальный признак блеска

Как только что было сказано, дополнительную семантику блеска могут иметь и лексемы со значением ‘гладкий’. Так, применительно к русскому *гладкий* в [НОСС 2004: 984] утверждается, что «свойство гладкости имеет визуально воспринимаемый признак – блеск, способность отражать свет». Более явно, однако, связь признаков гладкости и блеска видна в тех языках, где противопоставлены лексемы со значениями ‘гладкий на ощупь’ vs. ‘гладкий на ощупь & блестящий’. Ярким примером может послужить английский язык, где прилагательное *sleek*, в отличие от нейтрального *smooth* ‘гладкий’, подчеркивает одновременно и гладкость, и блеск предмета. Так, по данным корпуса [СОСА], проанализированным нами совместно со специалистом по английскому языку О. И. Виноградовой, среди наиболее частотных сочетаний прилагательного *sleek* встречаются такие, как *sleek silver* ‘гладкое, блестящее серебро’ (18 вхождений в корпусе), *sleek hair* ‘гладкие, блестящие волосы’ (16 вхождений), *sleek car* ‘гладкая, блестящая машина’ (13 вхождений), *sleek leather* ‘гладкая, блестящая кожа (материал)’ (11 вхождений), *sleek glass* ‘гладкое, блестящее стекло’ (8 вхождений), *sleek metal* ‘гладкий, блестящий металл’ (6 вхождений). В [Иванова 2011: 68] особое кодирование фрейма гладких и одновременно блестящих поверхностей фиксируется также для корейского языка; кроме того, подобное явление фиксируется и в китайском языке (Л. С. Холкина, личное сообщение). Более сложный случай наблюдается в испанском материале, где прилагательное *terso* описывает гладкие & блестящие поверхности и в то же время накладывает ограничения на таксономический класс объекта, сочетаясь только с названиями частей тела (например, оно описывает гладкие руки или щеки, но не полированную доску), см. об этом подробнее [Спесивцева 2012: 35 – 37].

На материале уральских языков тоже фиксируется наделение прилагательного со значением ‘гладкий’ дополнительной семантикой блеска. В марийском языке прилагательное *яклака* является доминантным для

семантической зоны скользких поверхностей, а также используется в зоне гладких поверхностей, где конкурирует с прилагательным *йывыжа* ‘гладкий’. И оказывается, что прилагательное *йывыжа* описывает просто гладкие на ощупь поверхности, а прилагательное *яклака* – гладкие на ощупь и одновременно блестящие поверхности, как в сочетаниях *йывыжа она* ‘гладкая на ощупь доска’ vs. *яклака она* ‘гладкая, полированная, блестящая доска’; *йывыжа үп* ‘гладкие, приятные на ощупь волосы’ vs. *яклака үп* ‘гладкие, блестящие волосы’. Ср. также аномальность употребления прилагательного *яклака* по отношению к гладкому дну реки (2.13), объясняющуюся невозможностью дать ему визуальную характеристику блестящего или не блестящего.

МАРИЙСКИЙ

(2.13) Тиде ер-ыште йўштыл-аш келш-а, тудын пундаш-ыже.

этот река-ESS купаться-INF нравиться-NPST.3SG он.GEN дно-POSS3SG

йывыжа / ??яклака.

гладкий гладкий

В этой речке купаться нравится, у нее дно гладкое.

2.1.4 Части тела: особая категоризация

В предыдущем обсуждении примеров, иллюстрирующих взаимосвязь семантики гладкости и блеска, было упомянуто в том числе испанское прилагательное *terso*, сочетающееся только с названиями частей тела. Наш материал содержит и другие случаи, когда части тела оказываются особым фреймом с точки зрения категоризации фактуры поверхностей. Так, например, в эрзянском языке, наряду с доминантным прилагательным *валаня* ‘ровный, гладкий’, существует прилагательное *вадяжа*. Оно описывает человека, когда он одет в выглаженную одежду, опрятен, гладко выбрит, сочетается также с названиями частей тела.

Еще одной возможной стратегией является запрет на использование прилагательных отсутствия неровностей в сочетании с названиями частей тела. Такая стратегия реализуется в хантыйском говоре с. Мужи, где лексема *rajli*,

исходно характеризующая зрительно ровные поверхности, может применяться к гладким на ощупь артефактам (например, доске), но не может описывать человеческую кожу, лицо или волосы. Эти объекты характеризуются в данном говоре по иным, смежным признакам (как тактильным, так и визуальным): например, о гладко выбритом лице или об ухоженном лице девушки говорят *mulijəl* ‘блестит’ или *xəraseŋ* ‘красивое’, гладкую кожу могут описать как *lepət* ‘мягкая’, и т.п. Похожим образом ведет себя и мокшанское (говор с. Лесное Цибоево) прилагательное *vad'av* ‘гладкий’, обычно не описывающее человеческую кожу, лицо или руки.

2.1.5 Ровные поверхности: участок местности vs. артефакт

Как уже отмечалось в теоретической литературе (ср., например, многочисленные примеры в [Рахилина 2000 / 2008]), язык часто наделяет разными сочетаемостными свойствами, с одной стороны, названия природных объектов, с другой стороны, названия предметов, созданных человеком (артефактов). Наши типологические данные показывают релевантность этого противопоставления и в семантической области фактуры поверхностей. Отчасти оно проявляется и в зафиксированной в ряде языков особой категоризации частей тела (которые, вообще говоря, являются природными объектами), см. раздел 2.1.4. Вместе с тем наш материал демонстрирует и другие примеры реализации этой оппозиции. Так, в ижемском диалекте коми-зырянского языка употребление лексемы *мольыд*, исходно означающей ‘гладкий’ (например, о человеческой коже, об обструганной доске), распространяется также на фреймы зрительно ровных поверхностей, но только в том случае, когда речь идет об участках местности (таких, как ровное поле, луг, покос). Поверхности воспринимаемых зрительно артефактов описываются лексемой *веськыд* ‘прямой’ или русским заимствованием *рöвнэй*, но не словом *мольыд*. Фрейм ровного участка местности обособляется и в венгерском языке: за ним закрепляется прилагательное *sík* ‘ровный’, не применимое к каким-либо другим фреймам поверхностей.

2.1.6 Участок местности: ровная дорога

Особым фреймом в семантической зоне ровных участков местности оказывается фрейм ровной дороги (под «ровной дорогой» мы здесь и далее подразумеваем дорогу, поверхность которой оценивается говорящим как не имеющая неровностей, например выбоин или ухабов, и не вкладываем в это словосочетание смысл ‘прямая дорога’, т.е. ‘дорога, представляющая собой прямую линию’). Дело в том, что дорога, с одной стороны, представляет собой участок местности, и потому ее ровность или неровность естественно оценивать зрительно; с другой стороны, фрейм дороги приобретает особый статус в силу ее особой функциональности – служить участком местности, предназначенным для перемещения человека. В результате поверхность дороги (в процессе перемещения по ней человека) начинает оцениваться в определенном смысле тактильно, и это отражается в языковой категоризации данного фрейма. В языках, имеющих различные лексемы для зон гладкой (тактильно) vs. ровной (зрительно) поверхностей, регулярно наблюдается употребление лексемы, описывающей гладкую на ощупь поверхность, по отношению к ровной дороге, особенно в тех случаях, когда говорящему необходимо подчеркнуть высокую степень отсутствия неровностей на дороге (в частности когда дорога заасфальтирована). Так, например, в НКРЯ, наряду с более чем 100 примерами на сочетание *ровная дорога*, находится 63 вхождения сочетания *гладкая дорога* (без учета нескольких примеров, где это сочетание употребляется метафорически), по-видимому, предполагающих более значительную степень отсутствия неровностей, определяемую в процессе передвижения по этой дороге (ср. примеры (2.14) и (2.15), найденные в НКРЯ)²⁷.

²⁷ Ср. это с соотношением в НКРЯ частотности прилагательных *ровный* и *гладкий* в сочетании с названиями обширных зрительно воспринимаемых участков местности: *ровное поле* – 84 примера vs. *гладкое поле* – 14 примеров (все из художественной литературы XVIII – 1-й половины XX вв., из них 2 не имеют отношения к описанию поверхности участков местности, а еще в 1 примере содержится цитата из текста другого примера); *ровная степь* – 46 примеров vs. *гладкая степь* – 9 примеров (самый поздний – в тексте 1937 г.); *ровный луг* –

РУССКИЙ

(2.14) *Городу в эти дни преподнесены гладкие дороги, румяная милиция, свежевыкрашенные дома, вывезенный из-за границы лазерный специалист Жан-Мишель Жарр, песни, фильмы, пляски и клумбы.*
[Подарки нашему городу (1997) // «Столица», 1997.08.26]

РУССКИЙ

(2.15) *Штабной грузовик отвез меня к поезду. Я шел по укатанной гладкой дороге. Затем — по испачканной конским навозом лежневке.* [Сергей Довлатов. Зона (Записки надзирателя) (1965-1982)]

Аналогичную картину мы наблюдаем и на уральском материале: так, в эстонском и удмуртском языках «тактильные» прилагательные *sile* и *вольыт* (противопоставленные «зрительным» *tasane* и *чошкыт* соответственно) свободно могут описывать также ровную дорогу (но не ровное поле). Некоторое отклонение от этой закономерности существует, однако, в финском языке, где не для всех носителей оказывается приемлемым употребить по отношению к дороге прилагательное *sileä* ‘гладкий’ вместо прилагательного *tasainen* ‘ровный’ (но даже в этом случае в некоторых идиолектах сочетание *sileä tie* ‘гладкая дорога’ является допустимым).

Расширение употребления прилагательного тактильной зоны, в результате которого оно начинало бы описывать ровную дорогу, не происходит в тех случаях, когда это прилагательное сочетает в себе прямые значения ‘скользящий’ и ‘гладкий’. Напомним, что на нашем материале такие примеры выявлены в шурышкарском хантыйском (прилагательное *wõl'äk*) и в марийском (прилагательное *яклака*) языках. Сочетание такого прилагательного со словом ‘дорога’ будет описывать скользкую дорогу (ту, на которой человек падает), как хантыйское *wõl'äk jõš*, тогда как ровная дорога (та, по которой человеку удобно передвигаться благодаря отсутствию неровностей) описывается «зрительным» прилагательным – *rajli jõš*.

14 примеров vs. *гладкий луг* – 2 примера (оба из художественных текстов XIX в.); *ровная поляна* – 10 примеров vs. *гладкая поляна* – 1 пример.

2.1.7 Участок местности: местность без гор

Особым фреймом в семантической зоне участков местности оказывается фрейм местности без гор или других возвышенностей значительного размера. В ряде языков именно он покрывается лексемой со значением ‘плоский’, исходно, как уже было сказано во Введении и в обзоре литературы, описывающей плоскую либо приплюснутую форму предмета. Такова ситуация, в частности, в русском языке, ср. примеры (2.16) и (2.17) из НКРЯ и анализ прилагательного *плоский*, приводимый в [Спиридонова 2004].

РУССКИЙ

(2.16) *Дорога сначала идет по **плоской** местности, затем вдоль незначительных возвышенностей, сплошь покрытых до самой вершины кустами понтийской азалии.* [Н. Спешнев. Батум. (Путевой очерк) // «Исторический вестник», 1889]

РУССКИЙ

(2.17) *И к твоему удивлению **плоские** места вдруг станут возвышенными.* [Виктор Конецкий. На околонаучной параболе (Путешествие в Академгородок). Повесть (1978)]

Аналогичное расширение употребления лексемы с исходным значением ‘плоский’ наблюдается также в эрзянском (прилагательное *лапужа*), эстонском (прилагательное *lame*) и коми-зырянском (прилагательное *плавкес*) языках. Кроме того, подобные примеры зафиксированы в восточных говорах тундрового ненецкого языка (прилагательное *лӓбцӓй*). Во всех этих языках, однако, допустимо употребить для описания местности без гор и доминантную лексему, характеризующую зрительно ровные поверхности.

Следует, однако, отметить неуниверсальность данной модели полисемии. С одной стороны, в ряде языков (как в удмуртском, марийском или хантыйском) прилагательное с исходным значением плоской формы вовсе неспособно описывать фреймы из семантической зоны свойств поверхностей. С другой стороны, оно может распространяться в этой зоне и дальше фрейма

местности без гор, как финское прилагательное *laakea*, венгерское *lapos* или английское *flat*, описывающие обширный участок местности без неровностей любого типа (в т.ч. и ровное поле).

2.1.8 Участок местности: вода в водоеме

Еще один особый фрейм в семантической области отсутствия неровностей – это гладкая (при штиле) поверхность воды в водоеме. В некоторых языках она может характеризоваться прилагательными фактуры поверхностей (в т.ч., что интересно, теми из них, которые покрывают фреймы тактильного восприятия), ср., например, употребление в этом контексте русского прилагательного *гладкий* или ненецкого *салмуй* ‘ровный, гладкий’ (2.18), а также аналогичное устройство этой части системы в эрзянском, эстонском, коми-зырянском языках, а за пределами уральской семьи также в английском, китайском и испанском²⁸.

НЕНЕЦКИЙ (ПРИУРАЛЬСКИЙ ГОВОР)

(2.18) Мерцясяда яля-хана йид-’ ний **салмуй.**
безветренный день-LOC вода-GEN поверхность гладкий

В безветренный день поверхность воды гладкая.

Вместе с тем достаточно часто фрейм воды в водоеме оказывается лакуной с точки зрения фактуры поверхности, не покрываясь ни прилагательным ‘гладкий’, ни прилагательным ‘ровный’. В таких языках гладкая поверхность воды описывается по каким-либо иным смежным признакам, как, например, в удмуртском языке – *шыпыт пукысь* (букв. ‘тихо сидящая’), или как в примере (2.19) из тегинского говора хантыйского языка. Помимо удмуртского языка и

²⁸ В [Goddard, Wierzbicka 2007: 796] о польском прилагательном *gładki* (когнате русского *гладкий*), которое тоже захватывает фрейм гладкой поверхности воды, сказано, что в данном случае происходит метафорический сдвиг: поверхность воды как бы сравнивается, например, с куском стекла. Такая трактовка кажется нам достаточно разумной, но она в любом случае не отменяет того факта, что фрейм гладкой поверхности воды относится к семантической зоне свойств поверхностей, в силу чего он должен быть нанесен на нашу семантическую карту.

большинства обследованных говоров хантыйского, подобная стратегия выявлена нами также в финском, мокшанском и марийском языках.

ХАНТЫЙСКИЙ (С. ТЕГИ)

(2.19) *tewən, jɪŋk ńur rəm-ije.*

тихий вода совсем спокойный-DIM

Тихо, вода совсем спокойная.

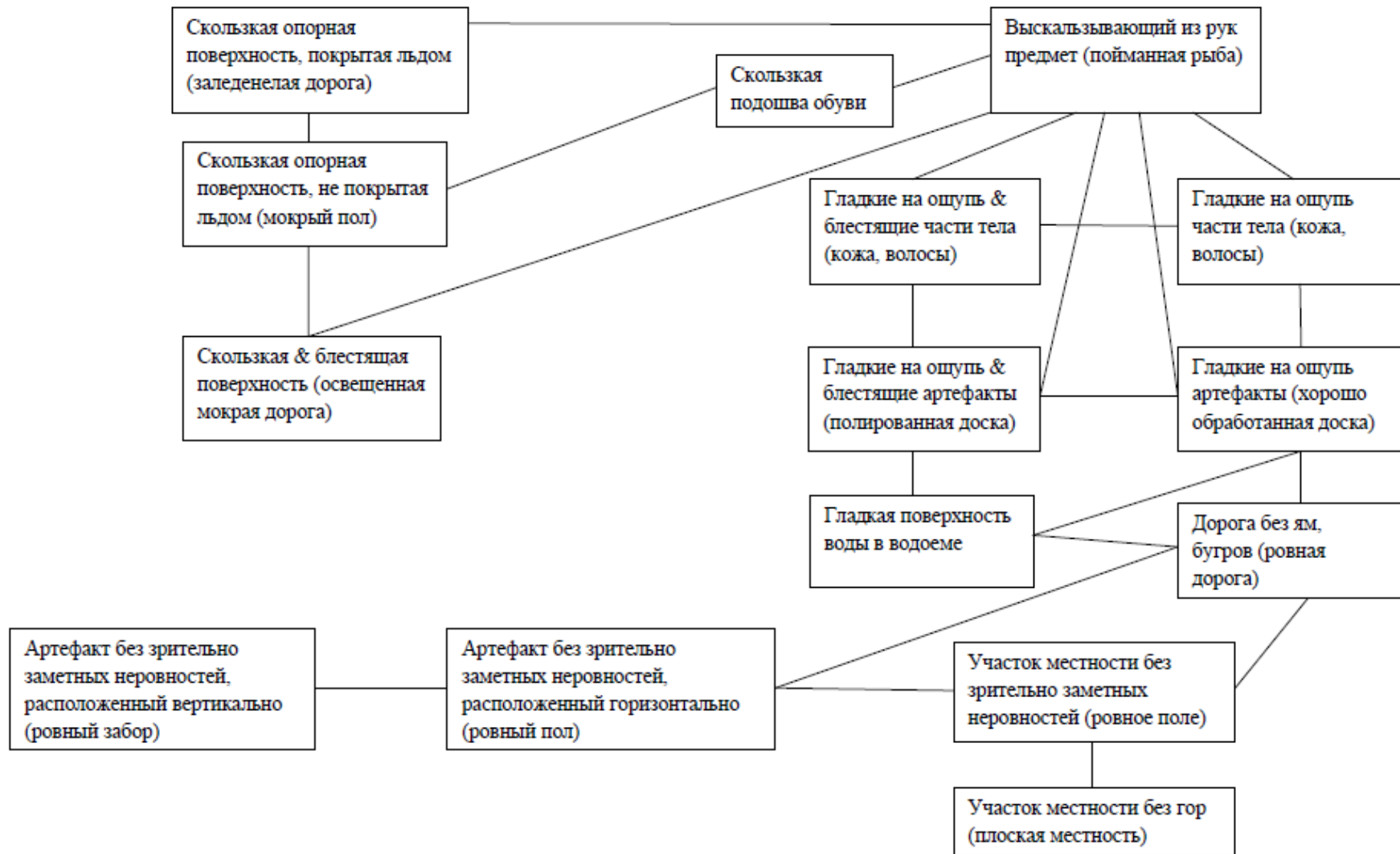
2.1.9 Артефакт: вертикальное vs. горизонтальное расположение

В семантической зоне артефактов, поверхность которых зрительно воспринимается как ровная, возможно дополнительное противопоставление вертикального vs. горизонтального расположения поверхности. Оно четко выделяется на материале тегинского говора хантыйского языка, где прилагательное *pajli* ‘ровный’ применимо только к наименованиям горизонтальных поверхностей (например, ровному полу), тогда как предпочтительным средством характеристики вертикальных поверхностей (например, ровного забора или стены) будет прилагательное *tijŋ* ‘прямой’.

2.1.10 Обобщение: семантическая карта

Семантические противопоставления, выявленные в группе фреймов отсутствия неровностей, обобщены на представленной ниже семантической карте (о принципах построения семантических карт, которым следует наша работа, см. Главу 1). В разделах Главы 4 приводятся реализации этой семантической карты для каждого из подробно обследованных нами уральских языков.

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей

2.2. Лексемы со значением наличия неровностей

2.2.1 Системно обособляемые классы фреймов: шершавые поверхности и сморщенные поверхности

Обследованные языки выделяют два класса фреймов, каждый из которых описывается с помощью отдельной лексемы (или отдельного набора лексем). Во-первых, типично обособляются фреймы поверхностей с регулярными тактильно воспринимаемыми твердыми неровностями (что соответствует в русском языке зоне употребления прилагательного *шершавый*), таких, например, как язык кошки, шершавая от мороза кожа рук, точильный брусок, плохо обработанная шершавая доска – ср. закрепление за этой зоной прилагательного *шакырес* в удмуртском языке, *казямо* в эрзянском, *kare* в эстонском, *karəŋ* в хантыйском и др. Во-вторых, особым классом фреймов являются поверхности со сморщенными / морщинистыми неровностями (воспринимаемые прототипически зрительно), как лицо пожилого человека, сморщенные листья растений или старая залежавшаяся картошка – ср. специфические для этого класса контекстов удмуртское прилагательное *кисыриё*, хантыйское *тортəŋ*, финское *gurruinen* (иногда внутри последнего класса фреймов противопоставлены плоские vs. трехмерные сморщенные поверхности, ср. различие эстонских прилагательных *kortsus* ‘морщинистый (о плоских объектах)’ и *krimpsus* ‘сморщенный (о трехмерных объектах)’, а также русских слов *морщинистый* и *сморщенный*).

Наиболее богатая система противопоставлений, однако, затрагивает шершавые поверхности и смежные с ними фреймы. О типологии этих противопоставлений и пойдет речь далее²⁹.

²⁹ Нужно, безусловно, оговорить, что в языках существуют способы обозначить наличие неровностей на поверхности путем прибавления какого-либо отрицательного показателя к лексеме со значением ‘гладкий’ или ‘ровный’, ср. в русском языке *неровный*, в эстонском *ebatasane* ‘неровный’ (ср. *tasane* ‘ровный’), в коми-зырянском *абу мольыд* ‘негладкий’ (ср. *мольыд* ‘гладкий’), в удмуртском *вольыт өвёл* ‘негладкий’ (ср. *вольыт* ‘гладкий’) и т.п. Мы не оговариваем каждый раз сферу употребления таких единиц конкретного языка, во-первых, потому, что они заведомо будут доминантны, во-вторых, потому, что их наличие не снимает

2.2.2 Поверхности с мягкими неровностями

Отдельным фреймом в зоне тактильно воспринимаемых неровностей является поверхность с мягкими неровностями (ярким примером могут послужить негладкие небритые щеки). Языки различаются по тому, допускают ли они описание этого фрейма тем же лексическим средством, что используется для шершавых поверхностей с твердыми тактильно воспринимаемыми неровностями. Так, эстонское прилагательное *kare*, эрзянское *казямо*, мокшанское *kaz'amə* или английское *rough*, прототипически описывающие шершавые поверхности, могут характеризовать и поверхности с мягкими неровностями. Напротив, коми-зырянское *созорэсь* или хантыйское *karəŋ* не могут быть применены к этому фрейму, закрепляясь только за фреймами твердых регулярных неровностей.

2.2.3 Размер неровностей

Важным типологически релевантным противопоставлением в зоне поверхностей с твердыми регулярными неровностями является противопоставление по **размеру неровностей**: ср., с одной стороны, совсем небольшие неровности на поверхности таких объектов, как шершавый язык кошки или негладкая кожа рук (например, после пребывания на морозе); с другой стороны, неровности более осязаемого размера, как те, которые присутствуют на коре сосны или на корке, которой покрывается рана. Согласно нашим типологическим данным, эта оппозиция реализуется в финском и эстонском языках. Внутри финской системы она противопоставляет прилагательные *karhea* (о некрупных неровностях) и *karkea* (о крупных неровностях), внутри эстонской – прилагательные *kare* (о некрупных неровностях) и *krobeline* (о крупных неровностях). В качестве наглядной иллюстрации можно привести эстонские примеры (2.20) и (2.21) (более подробные сведения о сочетаемости указанных лексем доступны в разделах 4.1 и 4.2).

вопроса о том, по каким признакам противопоставлены лексемы, описывающие более специфичные типы неровностей.

ЭСТОНСКИЙ

(2.20) See paber on natuke **kare** / ***krobeline**.

этот бумага быть.PRS.3 немного шершавый шершавый

Эта бумага немного шершавая (о бумаге в старых тетрадях).

ЭСТОНСКИЙ

(2.21) Krokodillinaha imitatsiooni-ga vihikukaane-d on

крокодил+кожа:GEN имитация-COM тетрадь+обложка-PL быть.PRS.3

kergelt **krobelise-d**.

немного грубый-PL

Обложки тетради с имитацией крокодиловой кожи немного грубые.

2.2.4 Регулярность неровностей

Негладкие поверхности могут отличаться друг от друга по тому, расположены ли неровности на их поверхности регулярно или нет. Это различие проявляется и в языковой категоризации зоны фактуры поверхностей. Так, например, русское прилагательное *шершавый* характеризует только поверхность с регулярно расположенными неровностями, тогда за нерегулярно расположенные неровности отвечает прилагательное *шероховатый*. Коми-зырянская лексема *созорэсь*, хантыйская *karəŋ*, ненецкая *насортэсь* тоже не могут покрывать фрейма поверхности с нерегулярными неровностями. Для того чтобы выразить такой смысл, носители этих языков используют иные описательные средства, как в ненецком примере (2.22).

НЕНЕЦКИЙ (ПРИУРАЛЬСКИЙ ГОВОР)

(2.22) Лата-’ **насорти-да** тэня.

доска-GEN шероховатость-POSS3SG иметься.3SG

На доске есть шероховатости (о нерегулярных неровностях).

В ряде языков, однако, прилагательные, базово описывающие шершавые поверхности, могут покрывать и фреймы поверхностей с нерегулярными неровностями, примерами чему могут послужить эрзянское *казямо*, а за пределами уральских языков – английское *rough* или китайское *cisao*. Интересная стратегия, кроме того, наблюдается в эстонском языке, где фрейм

поверхности с нерегулярными неровностями характеризуется не нейтральным прилагательным для обозначения шершавой поверхности (*kare*), а прилагательным *krobeline*, описывающим поверхность с крупными неровностями (о параметре размера неровностей см. раздел 2.2.4).

2.2.5 Шершавые & царапающие поверхности

Среди фреймов шершавых поверхностей могут обособляться поверхности, оказывающие **воздействие** на контактный объект (например, это поверхности таких предметов, как колючие щетки и занозистая доска). Так, в удмуртском языке, наряду с нейтральным прилагательным *шакырес* ‘шершавый’, существует также прилагательное *чогырес*, закрепляющееся именно за фреймом «шершаво-царапающих» поверхностей, ср. пример (2.23)). Согласно [Спесивцева 2012: 55 – 57], аналогичным образом ведет себя и испанское прилагательное *rasposo*, которое тоже характеризует шершавые и одновременно царапающие поверхности, противопоставляясь нейтральному прилагательному *áspero* ‘шершавый’.

УДМУРТСКИЙ

(2.23) **Чогырес** пул-тй басма-ен ортчыт-й-д ке, басма-лэн
 шершавый доска-PROL ткань-INSTR провести-PST-2SG если ткань-GEN
 сйньысь-ёс-ыз каньжаськ-о-зы пул борд-ы.
 нитка-PL-POSS3SG цепляться-FUT-3PL доска край-ILL

Если по шершавой доске тряпкой проведешь, нитки ткани зацепятся за доску.

2.2.6 Шершавые поверхности: описывается ли тем же словом структура предмета в целом

Как показывают наши типологические данные, важным параметром межъязыкового варьирования является то, может ли кодироваться одним и тем же средством фрейм негладкой поверхности и фрейм грубого гибкого материала (например, грубой ткани), определяющий уже структуру предмета в целом. Во многих языках эти фреймы описываются разными лексемами, как, например, в русском, где прилагательное *шершавый* специализируется на

характеристике поверхности, а общая структура материала описывается словом *грубый* (ср. многочисленные примеры из НКРЯ – *грубый брезент, грубый вельвет, грубый войлок, грубое волокно, грубая замша, грубая клеенка, грубая мешковина, грубое полотно, грубое сукно, грубая ткань, грубый холст* и т.д.). Точно так же в удмуртском языке прилагательное *шакырес* ‘шершавый’ не может описывать грубую ткань – этому фрейму соответствует прилагательное *чурит* ‘грубый, твердый’. Аналогичный запрет выявлен и в коми-зырянском и хантыйском языках, ср. показательный в этом отношении пример (2.24) из тегинского говора хантыйского языка, где прилагательное *karəŋ* ‘шершавый’ (образованное в хантыйском языке по регулярной словообразовательной модели от существительного *kar* ‘кора, корка’), используя для характеристики ткани, явным образом описывает ее поверхность, но не структуру в целом.

ХАНТЫЙСКИЙ (С. ТЕГИ)

(2.24) mǎlsan kǎšas-li tǎj-ti-j-a,

малица чехол-CAR носить-INF-OBL-DAT

ǎw **kar-əŋ** mǎlsan-a ji-ǎ.

он корка-ATTR малица-DAT стать-NPST

*Если носить малицу без чехла, она покроется корочкой (букв.: она малицей с коркой станет)*³⁰.

С другой стороны, в целом ряде языков грубая ткань характеризуется тем же прилагательным, которое описывает негладкие поверхности. Примером этому может послужить прилагательное *казямо* (имеющее диалектный фонетический вариант *казяма*) в эрзянском языке, ср. (2.25) и (2.26), аналогичное совмещение в частности наблюдается также в финском, мокшанском, марийском, ненецком, испанском языках.

³⁰ Имеется в виду, что корочка образуется за счет наносов на малицу снега, грязи и т.п.

ЭРЗЯНСКИЙ (ШОКШИНСКИЙ ДИАЛЕКТ)

(2.25) Катка-ть кель-сь **казяма**, сон чама-те-ст кишт-э.

кошка-DEF.GEN язык-DEF.NOM шершавый она лицо-DEF-EL лизать-PRS.3SG

У кошки язык шершавый, она лицо³¹ лижет

ЭРЗЯНСКИЙ (ШОКШИНСКИЙ ДИАЛЕКТ)

(2.26) Кескаф-тни-нь тийх-сы-зь **казяма** материал-ста.

мешок-PL.DEF.GEN делать-PRS-3PL.S:PL.O грубый ткань-EL

Мешки делают из грубой ткани.

2.2.7 Аудиальное восприятие негладкой поверхности

Прежде мы говорили о противопоставлении двух способов восприятия поверхности – тактильного и зрительного. Вместе с тем, как отмечалось в различных типологических работах, для данной семантической зоны может быть релевантен и еще один способ восприятия – аудиальный (слуховой). Так, например, семантическая группа фактуры поверхностей упоминается в списке групп, где частотна звукоизобразительная лексика, во вводной статье сборника [Hinton et al. (eds.) 1994: 10], ср. также приводимые в различных частях этой книги примеры звукоизобразительных слов, описывающих свойства поверхностей: лексему *pi-li-kho-li* ‘неровный, покрытый посторонними предметами (например, о дороге со скалами)’ из тибето-бирманского языка лаху ([Matisoff 1994: 120]) или лексему *lip rip* ‘гладкий, ровный, плоский’ из африканского языка хауса ([Childs 1994: 182]). Примеры связи между зонами поверхностей и звуков приводились и в работах по уральским языкам, как, например, в статье [Казакевич 1994: 211], где перечислен целый ряд энецких звукоизобразительных слов, характеризующих гладкие (*lidd* ‘гладкий (о поверхности земли, воды)’, *not* ‘быть гладким (о волосах); быть аккуратным (об одежде)’ и др.) или, напротив, негладкие (*d'er* ‘неровная поверхность (нарост на дереве, шрам)’, *nae*² ‘о шершавом, шероховатом’) поверхности.

³¹ В данном случае может, в зависимости от контекста, иметься в виду как лицо человека, так и «лицо» самой кошки.

Как можно видеть по приведенным примерам, звукоизобразительный характер лексики описания поверхностей возможен как в области отсутствия неровностей, так и в области наличия неровностей. В нашем материале примеры такого рода тоже находятся, но только в зоне наличия неровностей. Один из этих примеров представлен в марийском языке, где одно из прилагательных, описывающих шершавые поверхности, – *коштыра* – оценивается многими информантами как звукоизобразительное (ср. также приводимые в [Словарь марийского языка] лексемы *кыштыр-коштыр* ‘подражание звуку шуршания, шороха’, *коштыр-коштыр* ‘подражание скрипу, хрусту, резкому шуршанию чего-л.’, *коштыртаташ* ‘скрипеть, хрустеть, издавать резкий шорох’) и связывается в первую очередь с негладкими поверхностями, при контакте с которыми может образовываться шуршащий звук (обветренные руки, корочка на ссадине, грубая ткань).

Еще одной иллюстрацией может послужить полисемия удмуртских слов с изобразительным корнем *ҷаж* (*ҷаж*, *ҷаж-ҷаж*, *ҷажыр*, *ҷажырес*). Исходно слово *ҷаж-ҷаж* описывает звуки, например, шум ливня, шипение масла при жарке, звук при работе пилой, а также звук трения о шероховатую поверхность.

В северных говорах удмуртского языка слова на *ҷаж* метонимически описывают фактуру таких поверхностей, при трении о которые возникает обозначаемый ими звук. Так, эти слова применяются к небритому лицу, листьям вяза, мочалке, наждачной бумаге, точильному бруску, ср. пример (2.27).

УДМУРТСКИЙ

(2.27) Ньюло-лэн куар-ез небыт но **ĉажырес**, бам-дэ
вяз-GEN лист-POSS3SG мягкий и шероховатый щека-ACC.POSS2SG
нирты-сько-д ке соин, **ĉаж-ĉаж** басыт-э, скал-лэн
тереть-PRS-2SG если он.INSTR шероховатый брать-PRS.3SG корова-GEN
кыл-ыз кадъ.
язык-POSS3SG как

Лист вяза мягкий и шероховатый, если щеку потрешь им, чувствуется, что шероховатый (букв.: шероховато берет), как язык коровы.

Отметим, вместе с тем, что в детально рассмотренной нами языковой выборке аудиальному способу восприятия поверхностей соответствует небольшое количество примеров, и для более полного типологического исследования этого феномена, по-видимому, требуется дальнейшее расширение выборки.

2.2.8 Обобщение: семантическая карта

Обобщение наших данных о том, как устроены системы прямых значений у лексем наличия неровностей, представлено ниже на семантической карте. В разделах Главы 4 будут представлены реализации этой семантической карты для каждого из подробно обследованных нами уральских языков. Под «специфическими неровностями на объектах различных таксономических классов» на карте подразумеваются фреймы, которые описываются прилагательными с узкой семантикой, «отвечающими» за конкретные типы неровностей (ср. рус. *бугристый, ухабистый, сучковатый* и пр.). Как уже было сказано во Введении, в нашей работе мы не рассматриваем подобные прилагательные, но, вместе с тем, нам кажется целесообразным показать их расположение в общей структуре описываемого семантического поля.

Семантическая карта фреймов наличия неровностей

2.3 Некоторые итоги

В данной главе были последовательно рассмотрены семантические области, во-первых, отсутствия неровностей и, во-вторых, наличия неровностей на поверхности объекта. Результаты обобщены в виде семантических карт, которые представляют единообразный формат описания данной лексической группы в разных языках (примеры чему содержатся в Главе 4).

Помимо собственно описательного результата и типологических обобщений, данное исследование представляет материал для обсуждения теоретического вопроса об асимметрии антонимов. Как неоднократно отмечалось в литературе (см., например, ([Апресян 1974 / 1995], [Cruse 1986], [Croft, Cruse 2004]), семантика и сочетаемость антонимов не являются симметричными по отношению друг к другу. Так, в [Croft, Cruse 2004: 187] сопоставляются толкования английских прилагательных *clean* ‘чистый’ и *dirty* ‘грязный’, и оказывается, что эти толкования несимметричны: верно, что прилагательное *clean* предполагает отсутствие на объекте грязных участков, но неверно, что прилагательное *dirty* предполагает отсутствие на объекте чистых участков. Антонимы могут отличаться и по сочетаемостным возможностям, ср. пример из [Croft, Cruse 2004: 178]: по-английски можно сказать *X is twice as long as Y* ‘X в два раза длиннее Y’, но странно? *X is twice as short as Y* ‘X в два раза короче Y’. Схожие примеры приводятся и в [Апресян 1995: 304 – 305]: в русском языке целый ряд антонимичных глаголов накладывают несимметричные ограничения на заполнение валентностей, например, можно сказать *одеть ребенка в пальто* и *свить веревку в клубок*, но нельзя сказать **раздеть ребенка из пальто* и **развить веревку из клубка*.

Несмотря на многообразие приводимых примеров асимметрии антонимов, это явление пока что недостаточно систематизировано – в том смысле, что непонятно, где именно, как именно и почему проявляется эта асимметрия, где – нет, и каковы возможности межъязыкового варьирования этой области.

В нашем случае мы имеем две антонимические зоны: отсутствие неровностей vs. наличие неровностей. Как было показано в данной главе, в области прямых значений устройство этих зон существенно различается.

С одной стороны, в зоне наличия неровностей возникают противопоставления, обусловленные появлением дополнительного элемента фреймов – собственно неровностей, характеризующихся в частности по размеру, регулярности, воздействию на человека, и это отражается в устройстве соответствующих лексических групп.

С другой стороны, в зоне наличия неровностей стираются многие противопоставления из зоны отсутствия неровностей, например:

- для лексем наличия неровностей нерелевантно наличие вторичных визуальных признаков (ср. признак блеска во фреймах гладких поверхностей);
- в области наличия неровностей системно описываются одним и тем же словом шершавая кожа и шершавая доска, т.е. часть тела не выделяется здесь как отдельный фрейм (ср. с таким выделением в зоне гладких поверхностей);
- в области наличия неровностей нет никакого прямого противопоставления лексемам со значением ‘скользящий’, образующим отдельный класс в зоне отсутствия неровностей.

Можно предположить, что в данном случае свойства дополнительного элемента фрейма – неровностей – оказываются для языка более значимыми и поэтому «перетягивают» на себя основной набор семантических противопоставлений. Отметим, вместе с тем, что поиск моделей семантической асимметрии в антонимических группах лексики представляется перспективной задачей лексической типологии, которая должна решаться путем анализа большого массива семантических групп на представительной языковой выборке. Наши результаты, тем не менее, вносят свою лепту в обсуждение этого вопроса, перспективного для разработки в будущих исследованиях.

Глава 3. Лексемы, описывающие фактуру поверхностей: системы переносных употреблений

3.1 Теоретические подходы к лексической многозначности

Данная глава посвящена типологии переносных употреблений, развиваемых прилагательными фактуры поверхностей. Будут последовательно обсуждены переносы, отмечаемые у единиц каждой из исходных семантических зон. Прежде, однако, необходимо оговорить возникающие в этой связи теоретические вопросы и пояснить содержание используемых в работе терминов.

Традиционно выделяется два типа семантических переносов – метафора и метонимия. Метафора понимается как перенос по принципу сходства с семантической области-источника на семантическую область-цель, а метонимия – как перенос по принципу смежности в пределах одной семантической области (см., например, [Lakoff, Johnson 1980], [Croft 2002], [Кобозева 2007]). Так, например, прилагательное *теплый* исходно относится к семантической области температуры (ср. *теплая вода*), а в переносном употреблении может использоваться в области чувств и эмоций (ср. *теплые чувства*), которая и является в данном случае областью-целью метафоры. Что же касается метонимического переноса, то подвергающиеся ему ситуации «смежности» каталогизировались в целом ряде работ (см. списки наиболее частотных метонимических переносов в [Апресян 1974 / 1995], [Radden, Kövecses 1999], [Peirsman, Geeraerts 2006], в основном на материале русского и английского языков), ср. переносы с содержимого на контейнер (*Он съел целую тарелку*, ср. *Он съел суп*), с действия на результат (*украсить калитку резьбой*, ср. *заниматься резьбой*) и мн. др.

Несколько другое понимание метафоры и метонимии (хотя, как кажется, и не противоречащее традиционному) принимается в ряде работ Московской семантической школы (см., например, [Падучева 2004], [Кустова 2004], [Рахилина и др. 2010а, б]). В этом подходе первоочередной акцент делается на

изменении сочетаемостных свойств лексемы при семантическом переносе. Метафора понимается в этой исследовательской парадигме как сдвиг значения лексемы, сопровождающийся сменой таксономического класса ее аргумента. Так, прилагательное *теплый* исходно описывает физические объекты, которые могут быть охарактеризованы по признаку температуры (например, суп или сковородку). В сочетании же *теплые чувства* происходит смена таксономического класса определяемого имени (лексема *чувство* относится к семантическому классу чувств и эмоций), сопровождаемая явным сдвигом лексического значения прилагательного. Метонимия же трактуется в данной традиции как переход, при котором происходит смещение так называемого коммуникативного акцента между аргументами, находящимися в структуре одной и той же ситуации. Так, словосочетания *прорубить стену* и *прорубить дыру в стене* отсылают к одной и той же ситуации, однако в первом из них в центре внимания оказывается участник 'стена' (это проявляется в частности в том, что соответствующая именная группа занимает более приоритетную синтаксическую позицию прямого дополнения), и именно этот участник получает в данном случае коммуникативный акцент (тогда как участник 'дыра' вовсе остается не выраженным эксплицитно). Во втором словосочетании коммуникативный акцент за счет изменения глагольной диатезы попадает уже на участника 'дыра', в то время как участник 'стена' смещается на второй план, занимая менее приоритетную синтаксическую позицию. Аналогично, сочетание *голодный год* можно считать метонимически производным от сочетания *голодный человек* (см. [Рахилина и др. 2010а: 420]) на том основании, что коммуникативный акцент смещается на указание времени проявления признака.

В данной работе мы будем ориентироваться на подход к метафоре и метонимии, предлагаемый в упомянутых выше работах Московской семантической школы, поскольку считаем принятые в его рамках определения лучше применимыми на практике к анализу конкретного языкового материала

по сравнению с традиционными понятиями «принципа смежности» и «принципа сходства» (которым данный подход, заметим, нигде не противоречит, но в то же время позволяет работать с более четко описанным набором явлений). Кроме того, важно, что в рамках данного подхода более системно описываются сочетаемостные ограничения лексем, служащие базой для лексико-типологических исследований в рамках принятой нами методики.

В работах последних лет (см., например, [Бонч-Осмоловская и др. 2009], [Рахилина и др. 2009], [Рахилина и др. 2010а], [Рахилина и др. 2010б], [Карпова и др. 2011]) описываются и такие семантические сдвиги, которые не могут быть однозначно охарактеризованы на основе какого-либо из существующих подходов как метафора или метонимия. Так, в [Бонч-Осмоловская и др. 2009] это явление анализируется на примере глаголов, выражающих болевые ощущения. С одной стороны, в сочетаниях *резать в животе* или *колоть в боку*, можно усматривать метафору, поскольку в них глагол претерпевает сдвиг значения, сопровождаемый его переносом в совершенно другую семантическую область (и, кроме того, сочетаемостные ограничения у глагола в данном случае будут иными по сравнению с исходным употреблением). Вместе с тем типологические данные демонстрируют, что при таких переносах глагол часто претерпевает изменение морфосинтаксических свойств (например, приобретает дополнительные ограничения на сочетаемость с показателями аспекта и актантной деривации, меняет модель управления и т.п.), тогда как ни одно из существующих пониманий метафоры этого не предполагает. С другой стороны, семантический сдвиг, проявляемый глаголами боли, имеет и признаки метонимического переноса с действия на результат, поскольку описываемое болевое ощущение представляет собой своего рода результат действия, исходно обозначаемого глаголом – однако и здесь речь идет не о буквальной и всегда существующей смежности исходной и производной ситуаций, а о том, что болевое ощущение категоризуется как высоковероятный результат исходного действия (т.е. субъект испытывает такое ощущение, как будто у него в животе

кто-то что-то режет). В результате, в данном случае мы сталкиваемся с семантическим переходом, имеющим черты как метафоры, так и метонимии, и предполагающим существенную перестройку семантических и конструкционных свойств лексемы. В [Бонч-Осмоловская и др. 2009] и других работах участников данного проекта для такого перехода вводится термин «ребрендинг» (или, иначе, «лексическая перестройка»). Многочисленные случаи ребрендинга можно наблюдать и в наименованиях качественных признаков, ср. хотя бы массу примеров, анализируемых в [Рахилина и др. 2010a]. Как и в разобранных выше примерах ребрендинга у глаголов, в прилагательных (а также в образованных от них наречиях) производное значение при таком переносе тоже является высоковероятным выводом из исходного (и это сопровождается выветриванием исходной семантики прилагательного и его сдвигом в другую семантическую область), ср., например, разбираемые в [Рахилина и др. 2010a: 431, 433, 445] переносы *дико кричать* → *дико огорчиться* (из исходного значения буйных действий развивается переносное, характеризующее интенсивность действия или состояния в целом), *дружно играть* → *дружно аплодировать* (из идеи успешного социального взаимодействия выводится идея одновременности действия), *скромная девушка* → *скромный выбор* (исходное употребление, описывающее ничем не выделяющийся стиль поведения человека, мотивирует развитие более широкой сочетаемости этого прилагательного в значении чего-л. однообразного).

Говоря о задаче типологического исследования метафор, необходимо отметить, что ее постановка и осуществление вызывают несколько теоретических проблем, наш подход к которым следует оговорить перед собственно обсуждением материала.

Во-первых, метафоризация – это творческий процесс. Многие метафоры могут порождаться человеком окказионально, и может быть затруднительно определить, насколько сильно конкретная метафора закрепилась в языке

(особенно для тех языков, для которых не создано корпусов большого объема, представляющих объективные данные о лексической сочетаемости в языке). По этой же причине затруднительна и формулировка жестких запретов и ограничений на развитие метафорических сдвигов. Вместе с тем задача типологического исследования метафор неоднократно ставилась и решалась в самых разных работах (см., например, [Zalizniak 2008], [Zalizniak et al. 2012], [Майсак, Рахилина (ред.) 2007], [Брицын и др. (ред.) 2009], [Круглякова 2010], [Кюсева 2012] и др.). По сути, она оказывается равносильной задаче выявления и систематизации регулярно воспроизводимых в языках моделей метафорических сдвигов и построения гипотез, объясняющих механизмы их развития. В нашей работе мы также будем понимать задачу типологического изучения метафор именно в этом смысле (разумеется, с той оговоркой, что встретившиеся только в одном-двух языках метафорические переносы тоже будут упоминаться в ходе изложения, в т.ч. из тех соображений, что нельзя исключать их повторения в каких-либо не вошедших в выборку языках и они должны непременно быть учтены при дальнейших типологических исследованиях).

Во-вторых, частой проблемой, возникающей при исследовании типологии метафорических переносов, являются семантические кальки (т.е. такие случаи, когда один язык заимствует модель метафорического сдвига из другого языка). Например, если в русском языке мы имеем метафору *скользящий тип*, а в эрзянском языке выражение с аналогичным значением *нолажа ломань* (букв. 'скользящий человек'), то, учитывая интенсивное воздействие русского языка и на эрзянский, и на другие контактные «малые» языки, нельзя уверенно исключить, что эрзянская метафора оказывается в этом случае калькирована с русской. И тогда немедленно возникает вопрос о том, насколько ценной оказывается фиксация такой метафоры для лексической типологии (и должна ли вообще осуществляться эта фиксация). С одной стороны, в случае семантической кальки не приходится говорить о независимом развитии

метафоры (и тем самым о независимых проявлениях одного и того же диахронического изменения в семантике слова) в двух языках, и в этом смысле типологическая ценность калькированной метафоры оказывается ниже, чем у самостоятельно развившейся в языке метафоры³². С другой стороны, как, на наш взгляд, очень верно отмечено в [Zalizniak et al. 2012: 648], калькирование одной и той же метафоры разными языками может рассматриваться как показатель когнитивной значимости этой метафоры (ведь если одна метафора калькируется чаще, чем другая, то можно предположить, что она по каким-либо причинам более важна для носителей разных языков), а кроме того, явление калькирования само по себе интересно для понимания механизмов взаимодействия языков и культур, в т.ч. в результате ареальных контактов. Наконец, далеко не в каждом случае можно доказательно утверждать, является ли конкретная метафора калькированной или развившейся независимо. Особенно это трудно в том случае, когда для исследуемого языка (а такова ситуация в частности для уральских языков народов России) не создано достаточно репрезентативного корпуса, охватывавшего бы достаточно значительный временной период, в т.ч. период до начала активных контактов этого языка с русским. Исходя из всего сказанного выше, в нашей работе мы не исключаем из рассмотрения те метафоры из уральских языков, которые могут вызывать подозрение в калькировании с русского языка (но в сомнительных случаях оговариваем, что такое подозрение может возникнуть). Отступление от этого правила происходит только в двух случаях:

1. когда метафора (например, данная в словаре) отчетливо воспринимается самими носителями языка как калькированная с русского и неправильная в рамках системы их родного языка;

³² В [Рахилина, Резникова 2013: 19] на эту тему сказано следующее: «Кальки [в метафорах – Е.К.] в типологическом исследовании не нужны, борьба с ними тоже отнимает много времени». Однако как именно должна производиться «борьба с кальками», авторы статьи не поясняют.

2. когда метафора относится к реалиям, явно не исконным для носителей конкретного языка – ср. здесь показательный пример из [Рахилина 2007: 92], когда во многих языках мира обнаруживаются кальки с английского языка в области экономической терминологии (ср. в русском языке выражение *плавающий курс валюты*, калькированное с английского *floating rate*).

В-третьих, источник метафоры трудно установить однозначно в тех случаях, когда прямое значение прилагательного относится к более чем одной семантической зоне (например, прилагательное в прямых употреблениях означает и ‘ровный’, и ‘гладкий’). В таких случаях мы в первую очередь обращаем внимание на структуру полисемии тех слов, у которых исходное значение только одно и где мы можем однозначно установить источник метафорического переноса (например, из зоны ‘ровного’) и объяснить его механизм, и, если встречаем в относящихся к нескольким исходным зонам слова тот перенос, который в однозначных случаях отмечается только для одной из этих зон (например, для ‘ровного’) и не отмечается для других зон, то мы условно считаем его развившимся из той же самой зоны (например, из зоны ‘ровного’). Неоднозначные случаи такого рода поясняются в ходе анализа материала.

Далее перейдем к рассмотрению обнаруженных нами типов семантических переносов. В основном мы будем останавливаться на метафорах и ребрендинге, но также будут обсуждаться и отдельные интересные примеры метонимии. Изложение будет строиться по исходным семантическим зонам: мы последовательно обсудим переносы от лексем с прямыми значениями ‘скользящий’, ‘гладкий’ и ‘ровный’, а затем от лексем со значением наличия неровностей.

3.2 ‘Скользящий’

Лексемы с прямым значением ‘скользящий’ метафорически сдвигаются в обозначение ненадежности, нестабильности какого-либо человека или явления. Этот перенос представляется довольно прозрачным, учитывая содержащуюся в

исходном значении идею нарушения функциональности объекта, которое часто затрудняет его использование человеком (так, скользкая дорога – та, по которой человеку трудно идти, скользкая обувь – та, которой человеку трудно пользоваться, поскольку в ней можно поскользнуться, и т.д.). В этом классе метафорических употреблений обсуждаемые прилагательные сочетаются, во-первых, с объектами, описывающими какую-либо сферу деятельности, жизненный путь и т.п. – как в русском языке *скользкая тема*, *скользкий вопрос*, в испанском *situación resbaladiza* ‘неустойчивая (букв.: скользкая) ситуация’ [Спесивцева 2012: 41], в финском *astua liukkaale tielle* ‘стать на скользкий путь’ (переносно, о жизненном пути человека). Во-вторых, прилагательные со значением ‘скользкий’ зачастую характеризуют человека, передавая в этом случае его ненадежность. Подобный перенос очень широко распространен и зафиксирован в частности в английском, испанском, китайском, корейском, русском, марийском, финском, мокшанском и эрзянском языках – ср., например, русский пример *скользкий тун*, финский *luikas kuin ankerias* ‘скользкий как угорь’ (о ненадежном, «изворотливом» человеке) или пример (3.1) из шокшинского диалекта эрзянского языка:

ЭРЗЯНСКИЙ (ШОКШИНСКИЙ ДИАЛЕКТ)

(3.1) Марту-нза ат корта-в-ат, сон ломань-сь **нолажа.**
 с-POSS3SG NEG говорить-DETR-PRS.2SG он человек-DEF.NOM скользкий
С ним не договоришься, он человек скользкий.

В ряде языков метафоры этого типа могут конкретизировать какой-либо конкретный «аспект» ненадежности человека или другого объекта. Так, венгерское прилагательное *sikamlós* с исходной семантикой ‘скользкий’ развивает значение ‘неприличный, пошлый’ (например, о теме разговора, песне, анекдоте). В эстонском языке прилагательное *libe* ‘скользкий’ переносно характеризует лстивого человека (*libe inimene* ‘лстивый (букв.: скользкий) человек’) или, метонимически, какие-либо действия такого человека (*libe jutt* ‘лстивая (букв.: скользкая) речь). В марийском языке прилагательное *яклака*, одним из базовых фреймов которого являются скользкие поверхности,

переносно может описывать излишне болтливого человека (сочетаясь в этом случае с существительным *йылме* ‘язык’, как в (3.2)).

МАРИЙСКИЙ

(3.2) Тудын йылым-ыже гына **яклака**, паша-жы-м

он.GEN язык-POSS3SG только скользкий работа-POSS3SG-ACC

шукт-ыде-ат код-ен керт-еш.

делать-CONV.NEG-EMPH остаться-CONV мочь-NPST.3SG

Он только языком мелет (букв.: У него язык только скользкий), а работу может и несделанной оставить.

Как уже было сказано ранее, прилагательное ‘скользкий’ описывает в прямом значении ненадежный (и часто – плохо функционирующий) объект. Вместе с тем скользкая поверхность – не только та, которая в силу данного своего свойства неудобна для человека, но и та, по которой (или благодаря обладанию которой) объект может быстро переместиться в пространстве. В результате сдвиг прилагательных, означающих ‘скользкий’, может происходить не только в область ненадежности или нестабильности, но и в область быстроты и легкости выполнения действия. Справедливости ради, стоит отметить, что последняя модель является в нашей выборке более редкой, но она ярко проявляет себя в финском языке (отдельные примеры такого рода выявляются по опубликованным источникам также в карельском языке, см. подробнее раздел 4.1). Например, финское слово *liukas* ‘скользкий’ используется в таких сочетаниях, как *liukas varas* ‘ловкий вор’, *liukas pelaaja* ‘игрок высокого класса’, описывает плавное движение (как в (3.3)). Такая же семантика реализуется и в ряде композитов с участием этого слова, ср. *liukasliikkeinen* ‘проворный, ловкий (букв.: со скользкими движениями)’, *liukaskielinen* ‘разговорчивый, красноречивый (букв.: со скользким языком)’.

ФИНСКИЙ

(3.3) Auto-t liikku-vat **liukkaa-sti** uude-lla valta+tie-llä.

машина-PL двигаться-3PL скользкий-ADV новый-ADESS власть+дорога-ADESS

Машины плавно (букв.: скользко) едут по новому шоссе (букв.: дороге власти).

3.3 'Гладкий'

Метафоры слов со значением 'гладкий' в первую очередь описывают отсутствие недостатков и затруднений, что прозрачно вытекает из исходно выражаемой этими лексемами семантики отсутствия неровностей и из того, что предметы с гладкой поверхностью часто оцениваются человеком как хорошо функционирующие и удобные в использовании. Подобные переносы фиксируются в частности в английском, русском, испанском, китайском, марийском, удмуртском, эрзянском, эстонском языках, ср. (3.4) и (3.5).

РУССКИЙ

(3.4) *Данное предложение должно получить одобрение всех 27 стран Евросоюза, а затем Европейского парламента, однако в Еврокомиссии полагают, что здесь все пройдет гладко.* [Евгений Басманов. За финансистами усилят надзор (2010.08.18) // <http://www.rbcdaily.ru/2010/08/18/world/503305.shtml>, 2010]

УДМУРТСКИЙ

(3.5) Трос калык понна Флор Васильев-лэн улон сюрес-эз
много люди для Флор Васильев-GEN жизнь дорога-POSS3SG
ВОЛЬЫТ адск-е кадь.

гладкий казаться-PRS.3SG как

Для многих людей жизнь Флора Васильева кажется гладкой [Флор Васильев. Кылбуръёс. Ижевск, 1995, с. 6].

Часто метафоры этой группы характеризуют уверенную речь человека или свободное владение языком (в английском, русском, испанском, корейском, марийском, удмуртском, эрзянском языках), ср. русский пример *гладкая речь*,

испанский – *lenguaje terso* ‘гладкий слог’ ([Спесивцева 2012: 38]) или удмуртский – (3.6).

УДМУРТСКИЙ

(3.6) **Вольыт** вераськ-е удмурт сямен.

гладкий говорить-PRS.3SG удмуртский по

Свободно (букв.: гладко) говорит по-удмуртски.

Более редкий, но тоже отмеченный на нашем материале класс метафорических употреблений, описывающих отсутствие недостатков и затруднений, касается семантической области вкуса. Такие примеры фиксируются в английском (*smooth wine* ‘мягкое, нетерпкое (букв.: гладкое) вино’) и марийском (3.7) языках.

МАРИЙСКИЙ

(3.7)– Лушкыдырак, – ман-еш тудо (Микита), – а там-же

слабоватый говорить-PRS.3SG он Микита а вкус-POSS3SG

Йывыжа, а-ах!

гладкий а-ах

Слабоват (самогон), – говорит он (Микита), – а вкус приятный (букв.: гладкий), а-ах! [Словарь марийского языка]

Некоторые метафоры из описываемой группы предполагают употребление прилагательного со значением ‘гладкий’ для характеристики человека. При этом может описываться либо свойство характера человека (в частности его мягкость, доброта, как происходит в марийском и корейском языках, ср. применяемое к человеку марийское выражение *йывыжа кумылан* ‘мягкосердечный (букв.: с гладкой душой’)), либо его внешняя красота, как в удмуртском, эстонском, корейском языках, ср. эстонский пример *sileda näolapiga tüdruk* ‘девочка с милостивым (букв.: гладким) личиком’. В тазовском говоре ненецкого языка фиксируется близкое употребление прилагательного *салмуй* ‘гладкий, ровный’ по отношению к аккуратному человеку (а также к аккуратно выполняемой работе). Наконец, интересный перенос отмечается в русском языке, где слово *гладкий* может приобретать

значение ‘упитанный, откормленный’ [МАС 1999] (ср. поговорку *Отчего солдат гладок? – Поел да на бок*), однако ни в одном другом языке из нашей выборки такой метафоры не отмечено.

Идея отсутствия неровностей, содержащаяся в исходной семантике прилагательных со значением ‘гладкий’, может вызывать и другой тип метафорического переноса – сдвиг этих прилагательных в описание отсутствия ресурса или отличительных качеств. Примеры такого рода отмечены для испанского языка в [Спесивцева 2012: 32]: *tela lisa* ‘ткань без рисунка (букв.: гладкая ткань)³³’, *fachada lisa* ‘фасад без украшений (букв.: гладкий фасад)’, ср. также возможность употребления китайского *guang* ‘гладкий’ в тех случаях, когда речь идет об использовании какого-либо ресурса без остатка или о полном уничтожении объекта (пример Л. С. Холкиной).

Примеры данного метафорического сдвига выявлены нами и на материале уральских языков. Сочетаемостные ограничения рассматриваемых

³³ Заметим, что в [МАС 1999] русской лексеме *гладкий* тоже приписываются значения, относящиеся к группе отсутствия отличительных качеств – ‘простого покроя, без украшений (о платье)’ и ‘одноцветный, не имеющий узора, рисунка’. Вместе с тем в НКРЯ обнаруживается всего 7 вхождений словосочетания *гладкое платье* (из которых 6 употреблено в текстах 1905 – 1938 гг.) и 4 вхождения словосочетания *гладкая ткань* (которое могло бы соответствовать второму из процитированных выше значений слова *гладкий*), и, кроме того, не для всех этих примеров очевидно, идет ли там речь о фактуре поверхности или об отсутствии украшений / узоров. Носители современного русского языка (в т.ч. женщины), по нашим наблюдениям, скорее интерпретируют словосочетание *гладкая ткань* именно как характеристику фактуры поверхности, при этом, как правило, вовсе не признавая в данном случае обсуждаемого переносного значения (либо, реже, узнавая его пассивно). В частности, из 11 опрошенных нами студенток и аспиранток, у которых русский язык является родным, девятерым это переносное значение неизвестно вовсе, двоим – известно пассивно (но сами они, по их собственному признанию, так не говорят). Из 16 женщин более старшего поколения (40 лет и старше), которым был задан такой вопрос, это значение оказалось известно шестерым, еще одна женщина слышала такое употребление слова *гладкий*, но сама считает его неправильным, а остальным девяти респонденткам оно неизвестно вовсе. Можно предположить (опираясь также и на данные НКРЯ), что данное переносное значение прилагательного *гладкий* постепенно устаревает в русском языке (что, однако, не отменяет самого факта фиксации на русском материале модели метафорического сдвига, при которой прилагательное со значением отсутствия неровностей описывает также отсутствие отличительных качеств).

прилагательных в каждом конкретном языке могут затрагивать несколько разных набор имен, но все в совокупности эти употребления, несомненно, сводятся к одному классу. Так, например, в марийском языке выражение *яклака кўсен* (букв. ‘гладкий карман’) означает, что у человека («обладателя кармана») нет денег. В эстонском языке прилагательное *sile* ‘гладкий’, описывая речь или текст, приобретает значение ‘фальшивый, поверхностный, недостаточно глубокий’, как в (3.8). В венгерском лексема *sima* ‘гладкий’ переносно используется в значении ‘простой, обыкновенный, среднестатистический’ (3.9).

ЭСТОНСКИЙ

(3.8) Näidendi-s puudu-b dramatism, on ainult

пьеса-INESS отсутствовать-3SG драматизм быть.PRS.3 только

sile olustikumäng.

гладкий бытовая.игра

В пьесе отсутствует драматизм, есть только простая (букв.: гладкая) бытовая игра [EKSS].

ВЕНГЕРСКИЙ

(3.9) Ez egy **sima** bögre.

это INDEF гладкий чашка

Это обыкновенная (букв.: гладкая) чашка.

3.4. ‘Ровный’

Семантическим инвариантом для базового класса метафор, образуемых лексемами со значением ‘ровный’, служит идея равномерности / постоянства. В метафорах данного класса единицы обсуждаемой семантической группы сочетаются с различными лексемами и в соответствии с этим могут выражать немного разный смысл. Часто слова, исходно описывающие зрительно ровные поверхности, переносно относятся к каким-либо статичным сущностям. Так, они могут описывать равномерное распределение какого-либо статичного объекта, например, равномерно легший на кожу загар, равномерно нанесенный на поверхность слой краски или равномерно расставленные предметы – ср. в русском языке *ровный загар, ровно расставить стулья*, в английском *evenly*

covered with paint ‘равномерно (букв.: ровно) покрытый краской’, *evenly spaced desks* ‘равномерно (букв.: ровно) расположенные парты’. Примеры такого рода есть и в целом ряде уральских языков (венгерском, марийском, удмуртском, финском, приуральском хантыйском, эрзянском), ср. финское *tasainen rusketus* ‘ровный загар’ или удмуртский пример (3.10).

УДМУРТСКИЙ

(3.10) Борддор **Љошкыт** буя-мын.
стена ровный красить-PRТ

Стена равномерно (букв.: ровно) покрашена.

Похожий перенос развивается в английском и финском языках, где лексема, первоначально относящаяся к зрительно ровной поверхности, метафорически описывает равномерность либо постоянство проявление признака. В английском языке в этой роли выступает наречие *evenly* (ср. *evenly red* ‘равномерно (букв.: ровно) красный’, *evenly good quality* ‘одинаково (букв.: ровно) хорошее качество’), в финском – генитив *tasaisen* от прилагательного *tasainen* ‘ровный’, как в (3.11) и в целом ряде других примеров, разбираемых более подробно в разделе 4.1.

ФИНСКИЙ

(3.11) Elämä on **tasaise-n** tylsä.
жизнь быть.3SG ровный-GEN скучный

Жизнь неизменно скучная.

Еще одним логичным развитием полисемии прилагательных ‘ровный’ применительно к статичным объектам является их употребление для выражения равенства значений какого-либо параметра. За пределами уральской семьи такой перенос выявляется в английском и китайском языках (ср. английские примеры из [Longman] – *the score is even* ‘счет равный (букв.: ровный)’ или *Divide the dough into three even amounts* ‘Разделите тесто на три равные (букв.: ровные) порции’), внутри уральских языков он отмечается в марийском, ср. примеры (3.12) и (3.13).

МАРИЙСКИЙ

(3.12) Кид-ышт-ат парня **төр** огыл.

рука-LOC-ADD палец ровный NEG.PRS.3SG

И на руке пальцы не одинаковы (букв.: не ровны) [Словарь марийского языка].

МАРИЙСКИЙ

(3.13) Еренте мый деч-ем кугу-рак кап-ан,

Еренте я от-POSS1SG большой-СМРР тело-ADJ

ийгот-шо гына мый ден-ем **төр**.

возраст-POSS3SG только я с-POSS1SG ровный

По телосложению Еренте покрупнее меня, только возраст у него такой же (букв.: ровный) [Словарь марийского языка].

Из этого значения вытекает и дальнейшее семантическое развитие лексем со значением ‘ровный’, когда в некоторых языках на их основе развиваются фокусные частицы (что можно рассматривать как частный случай ребрендинга), ср. русское *ровно*, английское *even* или немецкое *eben* (надо сказать, однако, что в уральских языках, занимающих центральное место в нашей работе, такого рода переносы для прилагательных со значением ‘ровный’ нами не отмечены). Как утверждается в [Лучина и др. 2013: 128], такие употребления, развивающиеся у лексемы ‘ровный’, «в той или иной степени сохраняют связь с идеей равенства» - и это справедливо, например, для многих русских примеров, ср. *Он пришел ровно в пять часов* (и, как кажется, это верно и для случаев типа *Ровно так мы и говорим*, анализируемых в [Беликов 2012] как примеры более широкого употребления *ровно*). Типологические данные, вместе с тем, показывают и дальнейшее развитие частиц, образованных от слова ‘ровный’, ср., например, анализ немецкого *eben* в [Добровольский, Левонтина 2012: 139 – 142], где этой частице приписывается значение «попадания в самую суть, выделения наиболее существенного компонента ситуации» (с. 139), как в (3.14), или использование английского

even в выделительной функции, сходно с русским *даже* (см. подробнее работы [König 1991a, b], [Traugott 2006], рассмотренные нами в Главе 1).

НЕМЕЦКИЙ

(3.14) “*Ja, aber wenn ich Ratgeber sein soll, müßte ich wissen, worum es sich handelt*”, sagte Fräulein Bürstner. “*Das ist eben der Haken*”, sagte K., “*das weiß ich selbst nicht*”. [F. Kafka. *Der Prozeß*] ‘- Да, но если мне стать вашим советчиком, я должна знать, о чем идет речь, - сказала фройляйн Бюрстнер. – В этом-то и загвоздка, - сказал К., - я сам ничего не знаю’ (Ф. Кафка. Процесс. Пер.: Р. Райт-Ковалева) [Добровольский, Левонтина 2012: 139 – 140].

Значение равномерности может проявляться в метафорах лексем, исходно описывающих ровные поверхности, и по отношению к каким-либо действиям или процессам, ср. употребление венгерского *egyenletes* ‘ровный’ по отношению к равномерному движению в (3.15) или финского *tasainen* ‘ровный’ для описания равномерного звука (3.16). Аналогичный перенос развивается и в языках, не входящих в уральскую семью, в частности в английском (ср. *even movement* ‘равномерное (букв.: ровное) движение’), корейском (ср. отмеченное в [Иванова 2011: 27] расширение корейского прилагательного *maekkulepta* ‘гладкий, ровный’ на фреймы равномерно протекающих процессов – например, так можно сказать о ровном голосе или о спокойном, равномерном ведении дел) и русском языках (ср. *ровное дыхание, ровный шаг*).

ВЕНГЕРСКИЙ

(3.15) Az autó **egyenletes-en** megy az út-on,
DEF машина ровный-ADV ехать.PRS.3SG DEF дорога-SUPERESS
nem lassul le, és nem gyorsul fel.
не замедляться.PRS.3SG вниз и не ускоряться.PRS.3SG вверх
Машина равномерно (букв.: ровно) едет по дороге, не замедляется и не ускоряется

ФИНСКИЙ

(3.16) Moottori-n ääni on **tasainen**.

мотор-GEN звук быть.3SG ровный

Звук мотора ровный.

Близкой к вышеперечисленным метафорам оказывается и метафорическое расширение прилагательных со значением ‘ровный’ на фрейм спокойного человека либо характера / действий такого человека, как в русском языке *ровный характер*, в английском *an even tone* ‘ровный тон’, ср. также возможность использования китайского *píng* ‘ровный’ по отношению к человеку в значении ‘спокойный’ (пример Л. С. Холкиной) и аналогичные метафорические сдвиги корейских «зрительных» прилагательных ([Иванова 2011: 71]). В уральских языках эта метафорическая модель реализуется в эстонском, где прилагательное *tasane* ‘ровный’ описывает также спокойного человека.

Наконец, нужно сказать и о том, что к группе переносов со значением равномерности близко и употребление прилагательного *ровный* по отношению к прямой линии. В данном случае, однако, неочевидно, что значение ‘ровный’ (о поверхности) обязательно будет первичным по отношению к значению ‘прямой’ (о линии), ср. данные марийского языка (раздел 4.5), где для прилагательного *tör*, сочетающего оба этих значения, исходным фреймом является, по-видимому, прямая линия, или материал мокшанского языка, где ровная поверхность может описываться прилагательным *vid’ə*, исходно означаящим ‘прямой’ (о линии). В русском языке, однако, именно прилагательное из зоны свойств поверхностей начинает обслуживать фрейм прямой линии, как в приводимых в [НОСС 2004: 984] контексты *ровная строчка* и *ровный пробор*, ср. также, например, *ровно отрезать*, *ровно свисающая скатерть* и т.п. Для обследованных уральских языков, однако, подобная полисемия нехарактерна и прямая линия будет описываться лексемой с исходным значением ‘прямой’.

Помимо семантических сдвигов в контексты равномерности, лексемы отсутствия зрительно воспринимаемых неровностей развивают и другой класс метафор. Как и лексемы со значением ‘гладкий’, описывающие отсутствие тактильно ощущаемых неровностей, лексемы со значением ‘ровный’ могут переносно характеризовать отсутствие ресурса или отличительных качеств. Ярким примером служит эстонское *tasane* ‘ровный’, имеющее в разных контекстах значения ‘слабый’ (например, о боли или о дожде), ‘медленный’ (например, о движении, о течении реки), ‘тихий’ (например, о звуке, о шагах, о волнах), ср. в качестве иллюстрации примеры (3.17) и (3.18), а также более подробное обсуждение эстонских данных в разделе 4.2.

ЭСТОНСКИЙ

(3.17) putru keede-takse **tasase-l** tule-l.

каша.PART варить-IMPS ровный-ADESS огонь-ADESS

Кашу варят на медленном (букв.: на ровном) огне [EKSS].

ЭСТОНСКИЙ

(3.18) Laev liigu-b **tasase** käigu-ga.

корабль идти-PRS.3SG ровный.GEN ход-COM

Корабль идёт на тихом (букв.: ровном) ходу [EKSS].

Сходный класс переносов проявляется также в китайском языке (данные предоставлены Л. С. Холкиной), где слово *píng* ‘ровный’ участвует в целом ряде композитов, передающих значение чего-либо однообразного и не выделяющегося, ср. *píngcháng* ‘обычный, обыкновенный, посредственный (букв.: ровный + частый)’, *píngshí* ‘обычный, будничны́й (букв.: ровный + время)’, *píngdàn* ‘бесцветный, монотонный (например, о стиле изложения; букв.: ровный + пресный)’. В английском языке такого рода значения активно развиты у прилагательного *plain* (еще сохраняющего связь с семантической зоной поверхностей, ср. употребление *plain* как существительного ‘равнина’): *a plain looking girl* ‘просто выглядящая девушка’, *plain food* ‘незамысловатая еда’,

plain English ‘понятный английский язык’, *plain text* ‘текст без форматирования’, *plainclothes man* ‘человек в штатском’³⁴.

3.5. Лексемы со значением наличия неровностей

Лексемы с исходным значением наличия неровностей метафорически описывают наличие у объекта каких-либо недостатков или указывают на то, что этот объект вызывает для человека затруднения. Часто они описывают некачественно выполненную работу (такие метафоры выявлены в русском, английском, китайском, марийском, финском, эрзянском, эстонском языках), ср., например, в русском языке *грубо сколоченный стол*, в английском *a rough estimate* ‘приблизительная (букв.: шероховатая) оценка’, *a rough draft* ‘черновой (букв.: шероховатый) драфт (к-л текста)’, в эрзянском *казямо эзем* ‘грубая лавка’. Разновидностью этого класса переносов можно считать употребление прилагательных наличия неровностей для описания неуверенной речи, как, например, в удмуртском *Кылыз шакырес* ‘У него речь хромает (букв.: Его язык шершавый)’; аналогичный перенос отмечен нами также в марийском языке.

Нередко прилагательные со значениями ‘шершавый, шероховатый, грубый’ метафорически характеризуют человека, указывая на наличие у него таких качеств, которые вызывают у окружающих трудности при взаимодействии с ним. В русском, английском, китайском, корейском, марийском, финском, эрзянском, эстонском языках развивается перенос прилагательных данной группы на фрейм грубого, невежливого человека (а также дальнейшие метонимические расширения, ср. *грубые слова, грубый голос*). В качестве примера можно привести эстонское сочетание *krobelised kombed* ‘грубые манеры’ или марийское предложение (3.19).

³⁴ Заметим также, что развитие таких переносных значений характерно и для прилагательных с исходным значением ‘плоский (о форме)’, как в русском языке – плоская шутка, в английском – *flat sales* ‘низкий (букв.: плоский) объем продаж’ и т.д. (анализ русского материала см. также в [Спиридонова 2004]).

МАРИЙСКИЙ

(3.19) Чу, Яша, мылам-же молан тынар

погоди Яша я.DAT-POSS3SG зачем так

kozyra-n ойл-ет?

шершавый-ADV говорить-NPST.2SG

Погоди, Яша, зачем мне-то так грубо говоришь? [Словарь марийского языка]

Реже прилагательные наличия неровностей описывают строго, сурового человека. В частности такие примеры отмечены в испанском (семантическое развитие прилагательного *áspero* ‘шершавый’, по данным [Спесивцева 2012: 53 – 54]) и эстонском языках, где подобным образом ведет себя прилагательное *kare* ‘шершавый’ (3.20).

ЭСТОНСКИЙ

(3.20) Isa ol-i laste vastu **kare**.

отец быть-PST ребенок:GEN.PL с шершавый

Отец был суров (букв.: шершав) с детьми.

Некоторые метафоры лексем наличия неровностей относятся к семантической области вкуса (сами прилагательные при этом сочетаются с названиями продуктов питания), указывая на такой вкус, который с высокой вероятностью окажется неприятным для человека и может вызвать у него неприятные физиологические ощущения. Эти употребления, однако, немногочисленны и, кроме того, не отмечаются в уральских языках. Так, в английском языке прилагательное *rough* ‘шершавый, шероховатый’ может описывать терпкое вино (см., например, [Oxford]), испанское *áspero* ‘шершавый’ характеризует вяжущий вкус, например, как у хурмы ([Спесивцева 2012: 52 – 53]), корейское *kkalkkalha-ta* ‘шероховатый’ описывает, по данным [Иванова 2011: 61 – 62], «горький, терпкий, сухой, обезвоженный» вкус (приводимые в цитируемой работе примеры относятся в частности к листьям – к сожалению, непонятно, какого именно растения; алкогольным напиткам и супу). В последнем случае примеры, как кажется, не дают

исчерпывающего представления о фрейме, но в целом позволяют определить класс реализуемой в данном случае метафоры и сопоставить этот материал с типологическими данными.

Ряд метафорических сдвигов, развиваемых прилагательными с исходным значением наличия неровностей, касаются характеристик какого либо звука. Звук в этом случае оценивается говорящим негативно, а также может свидетельствовать о нарушении функциональности своего источника. Так, английское *rough* ‘шершавый, шероховатый’, согласно приводимому в [Longman] толкованию, описывает неприятный звук, например такой, которым может сопровождаться работа плохо функционирующего механизма (ср. пример из [Longman] *The clutch sounds rough – better get it checked* ‘Звук сцепления резкий – лучше проверь его’).

Частным случаем метафор прилагательных ‘шершавый’, ‘шероховатый’ и ‘грубый’, относящимся к семантической области звука, является их употребление для описания голоса человека. Такого рода метафоры выявляются в венгерском, финском, эрзянском и эстонском, а также в английском и испанском языках. Эстонское выражение *kare haal* ‘хриплый (букв.: шершавый) голос’ и его эрзянский аналог *казямо вайгель* могут описывать голос, хриплый по любой причине (и естественный хриплый тембр голоса, и голос при простуде, и охрипший от крика голос). В финском языке прилагательное *karhea* ‘шершавый’ описывает охрипший голос (от простуды либо от крика), употребляясь в выражении *karhea kurkku*, переводящемся буквально как ‘шершавое горло’. Выражение же *karhea ääni* (букв. ‘шершавый голос’), по утверждениям информантов, описывает скорее голос «с хрипотцой» у певца. Венгерское словосочетание *érdes hang* ‘хриплый (букв.: шершавый) голос’ описывает скорее постоянно хриплый голос человека (т.е. в том случае, если это его естественный тембр голоса), нежели голос, охрипший от крика или от простуды – и то же верно для мокшанского прилагательного *kaz'amə* ‘шершавый’, когда оно применяется к голосу человека.

Еще одной областью метафорических сдвигов прилагательных наличия неровностей является зона неприятных физиологических ощущений. Отчасти к этой группе можно отнести метафоры от такие прилагательных, которые относятся к охрипшему от простуды голосу. Отдельные примеры, вместе с тем, описывают и некоторые другие типы неприятных физиологических ощущений. Так, английское выражение *to feel rough*, по данным [Longman], используется в разговорном языке по отношению к состоянию заболевшего человека. Эстонское прилагательное *kare* ‘шершавый’ может характеризовать горло (как и его финский когнат *karhea*), но описывает в этом случае не тембр голоса, а испытываемое субъектом ощущение – чувство першения в горле, см. (3.21).

ЭСТОНСКИЙ

(3.21) Kurk on külmetuse-st **kare**.

горло быть.PRS.3 простуда-EL шершавый

В горле першит от простуды (букв.: Горло от простуды шершавое)

[EVS].

Любопытный семантический перенос развивается и в ненецком языке, где формы стативного глагола *насортъсь* ‘быть шершавым’ указывают на неприятные ощущения при тактильном контакте с объектами небольшого размера. Так, эта лексема используется в ситуациях попадания соринки в глаз (3.22), камешка в ботинок, волос за воротник в процессе стрижки. В этом случае, вместе с тем, имеет место скорее метонимический перенос, основанный на смежности исходной ситуации контакта с небольшим объектом, тактильно ощущаемым так же, как нечто негладкое, и производной ситуации неприятного физиологического ощущения от контакта с таким объектом.

НЕНЕЦКИЙ

(3.22) Сэв-ми' / сэв-хэна-ни' **насорта**.

глаз-POSS1SG глаз-LOC-POSS1SG быть.шершавым:3SG

Мне в глаз что-то попало (букв.: Глаз мой шершавый / В моем глазу шершаво).

Близким к этой группе оказывается и отмеченный в эрзянском языке перенос, где прилагательное *казяма* (диалектный фонетический вариант – *казяма*) описывает душевное состояние человека, когда он чем-то сильно расстроен или взволнован, как в примере (3.23).

ЭРЗЯНСКИЙ (ШОКШИНСКИЙ ДИАЛЕКТ)

(3.23) Седий-ть нанг-са **казяма**.

сердце-DEF.GEN верх-ESS шершавый

На сердце тяжело.

Наконец, прилагательные наличия неровностей могут метафорически характеризовать неблагоприятную для человека обстановку. Широкою сочетаемостью в такого рода контекстах имеет английское прилагательное *rough*, ср., например, *a rough night* ‘бессонная ночь’, *a rough journey* ‘трудное путешествие’, *a rough day* ‘тяжелый день’, *rough going* ‘тяжелый период’ [Longman]. В ряде языков метафоры от прилагательных данной группы специализируются на описании периодов года или природных явлений (такие метафоры развиваются в английском, корейском, эрзянском, эстонском языках), ср. в частности (3.24).

ЭРЗЯНСКИЙ (ШОКШИНСКИЙ ДИАЛЕКТ)

(3.24) Мизярда тунда чадыведь-те-ст куду-тне ай вай-ть, сестэ минь

когда весной половодье-DEF-EL дом-PL.DEFIPF тонуть-PL тогда мы

ёфта-тама, што тунда-сь лембе и **казяма**.

сказать-PRS.1PL что весна-DRF.NOM теплый и шершавый

Когда весной в половодье дома тонут, тогда мы скажем, что весна теплая и суровая (букв.: шершавая).

Среди метафорических сдвигов, претерпеваемых прилагательными наличия неровностей, можно выделить несколько, подчеркивающих скорее аспект интенсивного воздействия одного объекта на другой, нежели наличие у объекта каких-либо недостатков (что объяснимо, поскольку некоторые негладкие на ощупь предметы используются для оказания физического воздействия на другой объект, как, например, наждачная бумага или точильный

брусок). Ярким примером служит использование удмуртских изобразительных слов на *čаж*, описывающих в северных говорах шероховатые поверхности, в значении ‘освежающий, хорошо утоляющий жажду’ (о напитке). Сами носители в этом случае поясняют механизм переноса таким образом, что подобные напитки как бы «дерут горло» – т.е. сдвиг в этом случае связан с идеей контактного воздействия негладкой поверхности на объект. В испанском языке прилагательное *áspero* с исходным значением ‘шершавый’ описывает яростный спор или ожесточенную борьбу ([Спесивцева 2012: 54]), тоже подчеркивая в этом случае идею интенсивности действия (в отличие от другой похожей своей метафоры – ‘сложный, натянутый (об отношениях между людьми)’, подразумевающей в первую очередь идею затруднений). Очень интересна, кроме того, система венгерского языка, где прилагательное *durva* ‘грубый’ и производное от него наречие *durván* характеризуют, особенно в разговорном языке, высокую интенсивность действия, состояния или признака, оцениваемую как положительно, так и отрицательно (ср. *durván elfáradtam* ‘очень (букв.: грубо) устал’, *durván megijedtem* ‘жутко (букв.: грубо) испугался’, *durva autó* ‘крутая (т.е. очень хорошая) машина’, более подробные данные см. в разделе 4.8). Типологической параллелью к венгерскому материалу могут служить и данные некоторых языков, не входящих в уральскую семью. В каком-то смысле к этой же группе относится русское выражение *грубая ошибка*, предполагающее высокую степень ошибки. В английском языке подобное развитие наблюдается у прилагательного *rugged* ‘неровный, грубый’, ср. *rugged individualism* ‘яркий индивидуализм’, *rugged reliability* ‘высокая надежность’, *ruggedly handsome* ‘мужественно красив’. В литературе обнаруживаются похожие примеры и для немецкого языка (например, приводимые в [Bons 2009: 306 – 307] контексты *grobe Mängel* ‘грубые недостатки’, *grob ungerecht* ‘очень (букв.: грубо) несправедливо’ и т.п.).

3.6. Некоторые итоги

Исследование типологии переносных употреблений (преимущественно метафор), развиваемых лексемами фактуры поверхностей, свидетельствует о системном характере их организации. Для каждой из крупных семантических зон выделяются регулярно воспроизводимые в разных языках модели метафорических переносов (при этом, хотя в некоторых случаях для уральских языков можно заподозрить калькирование русских метафор, значительное число конкретных метафор, образующих эти модели, кальками не являются – хотя бы потому, что отсутствуют в русском языке).

Лексемы с исходным значением ‘скользкий’ переносно описывают ненадежность объекта и, реже, быстроту и легкость выполнения действия.

Лексемы с семантикой ‘гладкий’ сдвигаются в обозначение отсутствия недостатков / затруднений либо отсутствия ресурса / отличительных качеств.

Лексемы с прямым значением ‘ровный’ метафорически передают идею равномерности, а также (сближаясь в этом случае со словами, означающими ‘гладкий’) могут развивать метафоры в области отсутствия отличительных качеств или низкой интенсивности.

Наконец, лексемы наличия неровностей переносятся на обозначение наличия недостатков или затруднений и в отдельных случаях – в семантическую область интенсивности действия.

Анализ переносных употреблений показывает, кроме того, асимметричность их развития – как на уровне целых семантических зон (с одной стороны, метафоры отсутствия vs. наличия недостатков или затруднений симметричны друг другу, с другой стороны, лексемы наличия неровностей не развивают, например, переносов в области надежности объекта, неравномерности и наличия ресурса, которые оказались бы параллельны метафорам ‘скользкого’, ‘гладкого’ и ‘ровного’), так и на уровне многих конкретных метафор. Эти сведения дополняют выводы об асимметричности рассматриваемых антонимических зон в прямых значениях (см. Главу 2).

Глава 4. Лексемы, описывающие фактуру поверхностей, в уральских языках

В данной главе мы опишем системы наименований качественных признаков, характеризующих фактуру поверхностей, в десяти уральских языках (финском, эстонском, эрзянском, мокшанском, марийском, коми-зырянском, удмуртском, венгерском, хантыйском, ненецком). В ходе изложения используются термины и метаязыковые ярлыки, обсуждавшиеся в Главах 2 и 3. Порядок языков в главе строится исходя из их генетической принадлежности.

4.1 Финский язык

4.1.0. Общие сведения о финском языке

Финский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. Численность его носителей, по данным www.ethnologue.com на 1993 г., составляет около 5 млн человек (из них в Финляндии 4,7 млн, согласно www.ethnologue.com, и 4,6 млн, согласно [Агранат 2009: 30]). Финский язык является (наряду со шведским) государственным языком Финляндии и используется там во всех сферах общения. Литературный финский язык сочетает в себе черты различных диалектов: так, в [Abondolo 1998: 149] утверждается, что в его основу положены северные финские диалекты, но одновременно он имеет черты восточных и западных диалектов; согласно же [Елисеев 1993: 91], литературный финский язык сформировался «путем сочетания западнодиалектной письменной литературной традиции с привлечением выразительных средств восточных диалектов». Из этого в частности следует богатство финского языка синонимами, в употреблении которых часто бывает сложно провести жесткую границу, ср. анализ финских глаголов движения в воде в [Мустайоки, Протасова 2007] и глаголов колебательного движения в [Шапиро (в печати)]. В нашем случае, как мы покажем далее, провести такую границу в большинстве случаев удастся, хотя встречаются и некоторые случаи

достаточно стертых различий в употреблении рассматриваемых нами лексических единиц.

Материал для нашего исследования получен при работе с носителями литературного финского языка: часть информантов опрошена лично автором настоящего исследования, часть – специалистом по финскому языку Н. А. Муравьевым по анкете, составленной автором настоящего исследования. Употребление слов в современном языке проверялось также с использованием поисковой системы Google (полученные оттуда примеры проверялись с носителями языка). Принимались во внимание и данные словарей ([Sadeniemi 1951 – 1961], [Вахрос, Щербаков 2007]).

4.1.1. Лексемы отсутствия неровностей

Прилагательное *liukas*

Прилагательное *liukas* полностью обслуживает семантическую зону скользких поверхностей, описывая и скользкую опорную поверхность (как покрытую льдом (4.1.1), так и не покрытую льдом (4.1.2)), и выскальзывающие из рук предметы (рыбу (4.1.3) или мячик), и скользкую подошву обуви (4.1.4)³⁵.

(4.1.1) Kadu-lla ol-i lätäkö-i-tä, jotka jääty-i-vät

улица-ADESS быть-PST лужа-PL-PART который.PL замерзнуть-PST-3PL

yö-llä ja tie-stä tul-i **liukas.**

ночь-ADESS и дорога-EL прийти-PST скользкий

На улице были лужи, которые замерзли ночью, и на дороге стало скользко.

(4.1.2) Sauna-n lattia on **liukas**, kado-i-n ja lö-i-n

сауна-GEN пол быть.3SG скользкий упасть-PST-1SG и бить-PST-1SG

polveni.

колени:GEN.POSS1SG

В сауне пол скользкий, я упал и разбил коленку.

³⁵ Словоформа *liukkaat* в (4) является формой множественного числа лексемы *liukas*.

(4.1.3) Nost-i-n kala-n ja ot-i-n se-n käte-en,
 поднять-PST-1SG рыба-GEN и взять-PST-1SG этот-GEN рука-ILL
 se ol-i **liukas** ja vaikea pidel-lä.

этот быть-PST скользкий и трудный держать-INF

Я поймал рыбу и взял ее в руки, а она скользкая, и трудно ее удержатъ.

(4.1.4) Ost-i-n uude-t kengä-t mutta ole-n aina
 купить-PST-1SG новый-PL ботинок-PL но быть-1SG постоянно
 kaatu-ma-ssa , kun käytä-n nii-tä, koska ne
 падать-INF-INESS когда применять-1SG этот.PL-PART потому.что этот.PL
 o-vat **liukkaa-t.**

быть-3PL скользкий-PL

Я купил новые ботинки, но постоянно падаю, когда их ношу, поскольку они скользкие.

Метафорические употребления прилагательного *liukas* распадаются на две группы. С одной стороны, *liukas* может переносно указывать на ненадежность / непостоянство объекта, как в выражениях *astua liukkaale tielle* ‘стать на скользкий путь’ и *liukas kuin ankerias* ‘скользкий как угорь’ (приводимых в [Вахрос, Щербаков 2007: 332] и подтверждаемых носителями финского языка). Это употребление, по нашим данным, типологически стандартно. С другой стороны, *liukas*, что интересно, сдвигается также в значение быстрого, легко выполняемого действия, как в приведенных информантами словосочетаниях *liukas varas* ‘ловкий вор’ и *liukas pelaaja* ‘игрок высокого класса’ и примерах (4.1.5) и (4.1.6), где аналогичное значение реализуется наречием *liukkaasti* ‘скользко’, образованным от прилагательного *liukas*.

(4.1.5) Varas poistu-i **liukkaa-sti** paika-lta

вор удалиться-PST скользкий-ADV место-ABL

Вор ускользнул (букв.: скользко удалился) с места.

(4.1.6) Tiede-miehe-n järki pela-a **liukkaa-sti**

наука+мужчина-GEN ум играть-3SG скользкий-ADV

Ум ученого живо (букв.: скользко) играет.

Данное переносное значение прилагательного *liukas* сохраняется в композитах, образованных с его участием, ср. *liukasliikkeinen* ‘проворный, ловкий (букв.: со скользкими движениями)’ или *liukaskielinen* ‘разговорчивый, красноречивый (букв.: со скользким языком)’³⁶. Интересно также отметить, что аналогичный перенос обнаруживается и в карельском языке, относящемся, так же, как и финский, к прибалтийско-финской ветви. Согласно словарю [Федотова 2000: 113], карельское прилагательное *lipie* ‘скользкий’, аналогично финскому *liukas*, развивает значение ‘разговорчивый, словоохотливый’. Хотя в целом такой переход не оказывается широко распространенным типологически, его семантическая мотивация представляется достаточно прозрачной: скользкая поверхность, с одной стороны, такая, на которой трудно удержаться, с другой стороны, такая, по которой объект может быстро переместиться в пространстве. В рассматриваемом случае семантический сдвиг лексемы *liukas* мотивируется вторым из названных компонентов значения (а не первым, который, впрочем, служит основой для другой, типологически более обычной модели переноса в область нестабильности или ненадежности).

Прилагательные *sileä* и *tasainen*

Финские прилагательные *sileä* и *tasainen* противопоставлены по способу восприятия поверхности. *Sileä* описывает тактильно воспринимаемое отсутствие неровностей, *tasainen* – зрительно воспринимаемое. Так, в (4.1.7) и (4.1.8), где речь идет о воспринимаемых на ощупь камне и доске, возможно употребить только *sileä*:

(4.1.7) Poim-i-n joe-n pohja-sta kive-n, joka tuntu-i
 подобрать-PST-1SG река-GEN дно-EL камень-GEN который ощущаться-PST
sileä-ltä / ***tasaise-ltä**.
 гладкий-ABL ровный-ABL

Я со дна реки камешек поднял, он на ощупь такой гладкий.

³⁶ Данный фрейм может описываться и словосочетанием *liukas kieli* (букв.: ‘скользкий язык’). Носители языка, однако, считают более предпочтительным употреблять композит *liukaskielinen*.

(4.1.8) Puinen lauta on hio-ttu ja
деревянный доска быть.3SG шлифовать-PRT.PERF.IMPS и
käsitel-ty hioma-paperi-lla huolellise-sti ja nyt
обработать-PRT.PERF.IMPS заточка+бумага-ADESS тщательный-ADV и теперь
se tuntu-u **sileä-ltä** / ***tasaise-lta**.
этот чувствовать-3SG гладкий-ABL ровный-ABL
*Деревянная доска тщательно отшлифована и обработана наждачной
бумагой, и теперь она на ощупь гладкая.*

«Гладкие» части тела в финском языке тоже описываются лексемой *sileä*, как в примере (4.1.9) о гладкой коже девушки (аналогично описываются и гладко выбритые щеки, а также приглаженные волосы).

(4.1.9) Isoäidin iho on rypyyinen, mutta nuore-lla
бабушка-GEN кожа быть.3SG морщинистый а молодой-ADESS
tyttö-llä **sileä** / ***tasainen**, kaunis, hoide-ttu.
девочка-ADESS гладкий ровный красивый ухаживать-PRT.PERF.IMPS
*У бабушки кожа морщинистая, а у молодой девушки гладкая, красивая,
ухаженная.*

В свою очередь для прилагательного *tasainen* свойственны контексты зрительного восприятия – такие, как обширные ровные участки местности (4.1.10) либо артефакты, оцениваемые наблюдателем зрительно (например, не имеющие визуально заметных неровностей на поверхности пол или стена дома (4.1.11)).

(4.1.10) Mä lennä-n helikopteri-lla ja näe-n ikkuna-sta
я лететь-1SG вертолет-ADESS и видеть-1SG окно-EL
tasaise-n / ***sileä-n** niity-n.
ровный-GEN гладкий-GEN луг-GEN
Я лечу на вертолете и вижу в окно ровный луг.

- (4.1.11) Seinä-n pitä-isi ol-la **tasainen** / ***sileä**,
 стена-GEN быть.нужным-COND быть-INF ровный гладкий
 jotta sii-hen voi ripusta-a hylly-j-ä.
 чтобы этот-ILL мочь:3SG вешать-INF полка-PL-PART
Стена должна быть ровная, чтобы на нее можно было вешать полки.

Интересно, что и для фрейма ровной дороги носители финского языка склонны выбирать прилагательное *tasainen* и часто отвергать использование прилагательного *sileä* (в отличие от целого ряда других обследованных языков, где прилагательное тактильной зоны свободно описывает и ровную дорогу) – как в примере (4.1.12). В этой связи показателен также пример (4.1.13): информант в данном случае может описать как *tasainen* либо *sileä* асфальт (в зависимости от размера неровностей и того, каким способом он их оценивает), но о самой дороге, даже если она покрыта гладким асфальтом, он может использовать только слово *tasainen*. Некоторые информанты, однако, допускают употребление *sileä* по отношению к дороге для описания более значительной степени отсутствия неровностей.

- (4.1.12) Me kulje-mme metsä-ssä, **tasais-ta** / ***sileä-ä** tie-tä,
 мы идти-1PL лес-INESS ровный-PART гладкий-PART дорога-PART
 jossa ei ole kuopp-i-a eikä töyssy-j-ä.
 который.INESS NEG.3 быть яма-PL-PART и.не бугор-PL-PART
Мы в лесу идем по ровной дороге, на которой нет ни ям, ни бугров.

- (4.1.13) Asfaltti on **sileä** / **tasainen**.
 асфальт быть.3SG гладкий ровный
 Tie itse on **tasainen** / ***sileä**
 дорога сам быть.3SG ровный гладкий
Асфальт гладкий / ровный. Сама дорога ровная.

Гладкая поверхность воды в водоеме, вместе с тем, не описывается в финском языке ни как *tasainen*, ни как *sileä*. В этом случае используется

лексема *tyyni* ‘тихий, спокойный’ (4.1.14), в основном значении не входящая в семантическое поле фактуры поверхностей.

- (4.1.14) Ei tuule, on tyyn-tä, ja jõe-n pinta
NEG.3 дуть быть.3SG тишь-PART и река-GEN поверхность
он **tyyni**, / *sileä / *tasainen kuin peili.
быть.3SG тихий гладкий ровный как зеркало
Ветра нет, штиль, тишь, поверхность реки гладкая, как зеркало.

Что касается переносных употреблений, то прилагательное *sileä* таковых не развивает, тогда как для прилагательного *tasainen* характерен целый ряд семантических сдвигов, основанных на заложенной в его исходном значении идее равномерности. Так, *tasainen* может относиться к статичным объектам – ср., например, *tasainen väri* ‘ровный цвет’ (например, об однотонно покрашенной стене), *tasainen rusketus* ‘ровный загар’ или предложение (4.1.15), описывающее расставленные на одинаковом расстоянии стулья.

- (4.1.15) Tuoli-t sijaitse-vät **tasais-i-n** välimatko-i-n.
стул-PL находиться-3PL ровный-PL-INSTR расстояние-PL-INSTR
Стулья расставили на равном (букв.: ровном) расстоянии.

К этому классу случаев можно отнести и употребление генитива (*tasaisen*) прилагательного *tasainen* в конструкции с прилагательными: *tasaisen* здесь указывает на равномерность или постоянство проявления признака, обозначаемого прилагательным, как в (4.1.16) или в примерах *tasaisen litteä* ‘равномерно плоский’, *tasaisen hyvä laatu* ‘одинаково хорошее качество’, *tasaisen varma* ‘одинаково уверен’, *tasaisen punainen* ‘равномерно красный’.

- (4.1.16) Elämä on **tasaise-n** tylsä.
жизнь быть.3SG ровный-GEN скучный
Жизнь неизменно скучная.

Употребляясь переносно в контекстах равномерности, *tasaisen* применяется также к самым разным процессам и действиям, ср., например, его использование по отношению к равномерному движению в (4.1.17) и к звуку в (4.1.18) и (4.1.19).

- (4.1.17) Auto aja-a **tasaise-sti**, ei pompi.
 машина ехать-3SG ровный-ADV NEG.3 трястись
Машина едет ровно, не трясется.
- (4.1.18) Moottori-n ääni on **tasainen**.
 мотор-GEN звук быть.3SG ровный
Звук мотора ровный.
- (4.1.19) Isä puhu-u **tasaise-sti** / **tasaise-lla** rytmi-llä.
 отец говорить-3SG ровный-ADV ровный-ADESS ритм-ADESS
Отец говорит ровно / в ровном ритме.

Прилагательное *laakea*

Финский материал представляет типологически интересные данные об употреблении прилагательных, исходно описывающих объекты плоской формы, в зоне отсутствия неровностей. Базовым прилагательным со значением ‘плоский’ является *litteä* (*litteä kivi* ‘плоский камень’, *litteä nenä* ‘приплюснутый нос’). Качество поверхности *litteä*, однако, не характеризует. Вместе с тем в финском языке существует прилагательное *laakea* (знакомое большинству опрошенных носителей языка, хотя и используемое, по их словам, редко). Его исходные употребления, по-видимому, лежат в семантической зоне плоской формы. В [Kylstra 1996: 145] приводятся две версии происхождения этого слова. Согласно первой из них, оно связывается с *laaka* ‘плита, пластина’ (см. также [SSA, vol. 2: 31]) и тем самым обозначает некоторый плоский объект. Согласно второй версии, *laakea* является заимствованием из германских языков, восходя к прото-германскому корню **lēgi*, значение которого формулируется в [Starling] как ‘низкий, плоский’. Кроме того, в поисковой системе Google встречаются примеры *laakea kivi* ‘плоский камень’ и *laakea astia* ‘плоское блюдо’ (хотя, надо заметить, носители языка предпочитают в этих контекстах прилагательное *litteä*). В зоне же поверхностей прилагательное *laakea* развивает значение ‘ровный (об обширном участке местности)’, ср. *laakea pelto* ‘ровное поле’, *laakea ranta* ‘ровный (горизонтально) берег’. Во всех этих случаях может использоваться и прилагательное *tasainen* (как в (4.1.20)),

являющееся более частотным и лучше известным для носителей языка, но каких-либо семантических различий между *tasainen* и *laakea* в данных контекстах не выявляется.

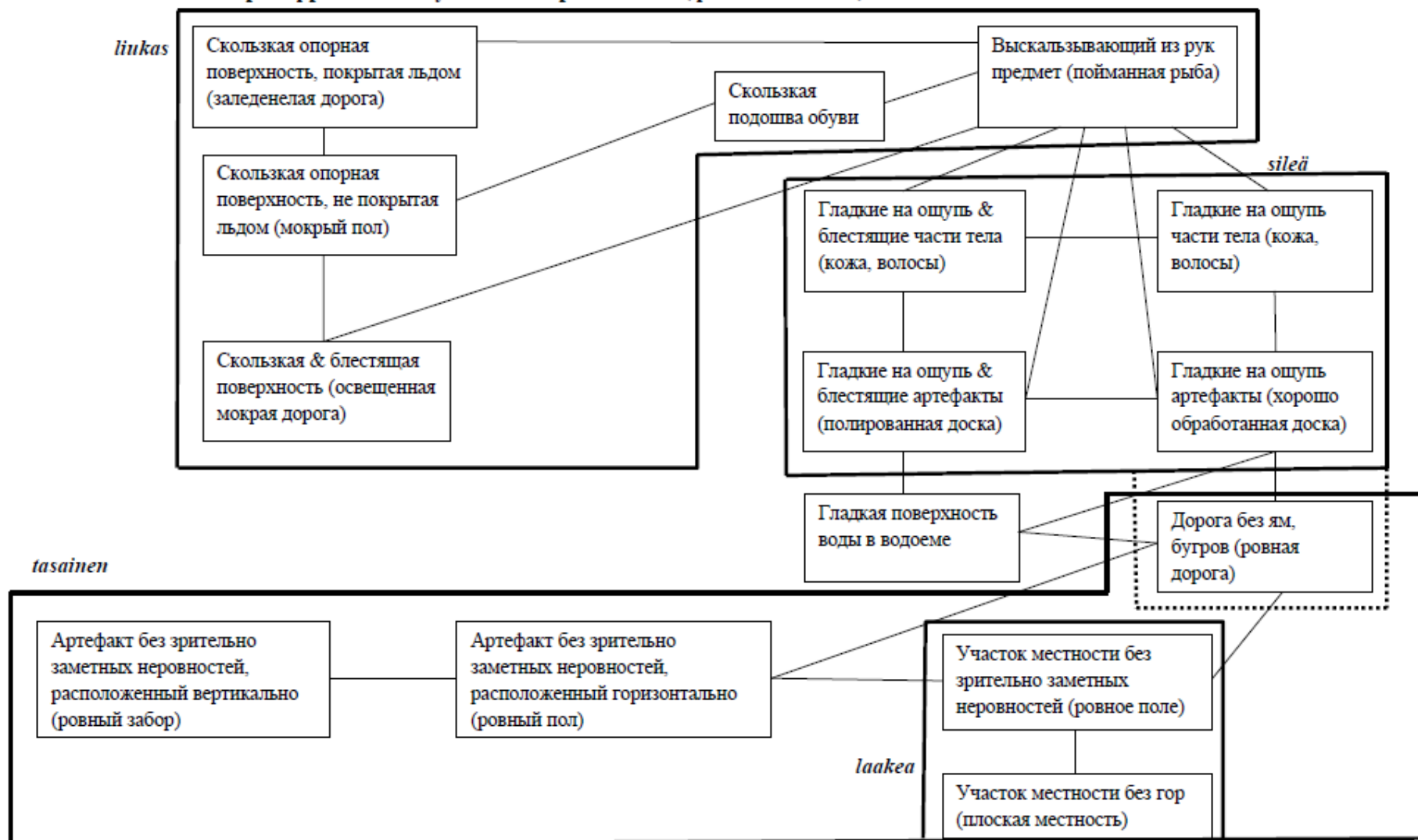
(4.1.20) Ole-n buss-i-n kyydi-ssä maa-seudu-lla,
быть-1SG автобус-GEN перевозка-INESS земля+местность-ADESS
katso-n ulos ikkuna-sta ja näe-n
смотреть-1SG наружу окно-EL и видеть-1SG
laake-i-ta / **tasais-i-a** pelto-j-a.
ровный-PL-PART ровный-PL-PART поле-PL-PART
Еду в автобусе по сельской местности, смотрю в окно и вижу ровные поля.

Что касается наименований артефактов, то с ними *laakea* для обозначения ровной поверхности, по данным нашей работы с носителями финского языка, не сочетается: в этом случае может быть использовано только *tasainen*, ср. *tasainen* / **laakea seinä* ‘ровная стена’, *tasainen* / **laakea lattia* ‘ровный пол’.

Обобщение данных о лексемах отсутствия неровностей

В финской системе прилагательных, описывающих отсутствие неровностей, четко противопоставлены семантические зоны скользких, гладких и ровных поверхностей. Наибольший типологический интерес представляет, во-первых, употребление прилагательного *laakea* (исходно, по-видимому, описывавшего плоскую форму объекта) по отношению к ровным участкам местности, но не артефактам; во-вторых, развитие у лексемы *liukas* ‘скользкий’ метафор, передающих идею легкости выполнения действия; в-третьих, богатство метафорических употреблений прилагательного *tasainen* ‘ровный’, выражающих разные типы равномерного проявления признака / осуществления действия. Данные о прямых употреблениях обследованных прилагательных помещены на семантической карте. Пунктирная линия при фрейме ровной дороги и прилагательном *sileä* указывает на то, что эта лексема может описывать этот фрейм, но не во всех идиолектах.

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (финский язык)

4.1.2. Лексемы наличия неровностей

Лексемы *ryppyinen* и *nahistua*

Прилагательное *ryppyinen* описывает в финском языке сморщенные поверхности. Так, например, оно характеризует морщинистую кожу человека (*ryppyinen iho* ‘морщинистая кожа’, *ryppyiset kasvot* ‘морщинистое лицо’, *ryppyiset kädet* ‘морщинистые руки’, *ryppyinen vatsa* ‘морщинистый живот’), мятую ткань или бумагу (*ryppyinen sivu* ‘мятая страница’, *ryppyinen seteli* ‘мятая купюра’, *ryppyinen kangas* ‘мятая ткань’). Интересно, однако, что *ryppyinen* не применяется к сморщенным объемным предметам – например, яблоку или картошке. Такие объекты характеризуются формами глагола *nahistua* ‘сморщиться’, как в примерах *nahistunut omena* ‘сморщенное яблоко’, *nahistunut peruna* ‘сморщенная картошка’.

Прилагательные *karhea* и *karkea*

Семантическая зона тактильно воспринимаемых неровностей на поверхности объекта покрывается в финском языке прилагательными *karhea* и *karkea*. Значение этих прилагательных оказывается достаточно близким и часто смешивается как носителями языка (в силу сильного фонетического сходства этих лексем), так и лексикографическими источниками (ср. [Sadeniemi 1951 – 1961, vol. 2: 214, 219], где эти прилагательные толкуются друг через друга, а приводимые примеры их лексической сочетаемости – зачастую с одними и теми же именами – никак не сопоставляются и плохо проясняют общую картину). В целом, однако, проведенная с носителями языка работа дает возможность выявить тенденцию, согласно которой прилагательное *karkea* обозначает более крупные и ощутимые неровности, чем прилагательное *karhea*. Так, например, о языке кошки, с точки зрения опрошенных носителей, более естественно сказать *karhea kieli* ‘шершавый язык’, чем **karkea kieli*. Аналогично, шершавая кожа рук, плохо выбритые щеки и шершавая бумага (в старых тетрадях) тоже описываются скорее прилагательным *karhea*

(употребление *karkea* в этих контекстах допускается отдельными носителями, но большинством отвергается), ср. примеры (4.1.21) – (4.1.23).

(4.1.21) Kävel-i-n kova-ssa pakkase-ssa ilman hansko-j-a.

гулять-PST-1SG жесткий-INESS мороз-INESS без перчатка-PL-PART

Käsie-n iho tul-i **karhea-ksi** / ^{??}**karkea-ksi**.

рука.PL-GEN кожа стать-PST шершавый-TRANS шершавый-TRANS

Я погулял на сильном морозе без перчаток. Кожа рук стала шершавая.

(4.1.22) Mies on aja-nut partansa huono-sti

мужчина быть.3SG брить-PRT.PERF.ACT борода:GEN.POSS3SG плохой-ADV

ja häne-n kasvonsa tuntu-vat **karhea-lta** / [?]**karkea-lta**.

и он-GEN лицо.POSS3SG ощущать-3PL шершавый-ABL шершавый-ABL

Мужчина плохо побрился и его лицо на ощупь шершавое.

(4.1.23) Oppilaa-n kirja-n sivu-t o-vat

ученик-GEN книга-GEN страница-PL быть-3PL

karhe-i-ta / ^{??}**karke-i-ta**.

шершавый-PL-PART шершавый-PL-PART

Страницы тетради (букв.: книги ученика) шершавые.

С другой стороны, по отношению к наждачной бумаге информанты допускают оба прилагательных (4.1.24), но более предпочтительным в этом случае считают *karkea*, поскольку неровности на хорошо функционирующей наждачной бумаге должны быть достаточно ощутимыми.

(4.1.24) Hiо-n lankku-a **karkea-lla** / **karhea-lla**

шлифовать-1SG доска-PART шершавый-ADESS шершавый-ADESS

hiekkapaperi-lla.

песок+бумага-ADESS

Я шлифовал доску шершавой наждачной бумагой (букв.: песочной бумагой).

Кора дерева тоже может быть описана и лексемой *karkea*, и лексемой *karhea*, но *karkea*, по оценкам ряда информантов, предполагает наличие на поверхности коры более крупных неровностей (например, один из

информантов сам пояснил, что про кору сосны он бы скорее сказал *karkea*, а про кору березы – *karhea*). По отношению к ткани *karkea kangas* означает ‘грубая ткань’ (описывая как свойство поверхности ткани, так и ее структуру в целом), а *karhea kangas* – ‘ткань, поверхность которой шершавая на ощупь’.

Наконец, для описания нерегулярных неровностей на поверхности объекта прилагательное *karkea* более предпочтительно, чем *karhea*, ср. (4.1.25).

(4.1.25) *Lauta-ssa on reik-i-ä, kolo-j-a ja se on*
доска-INESS быть.3SG дыра-PL-PART яма-PL-PART и этот быть.3SG
karkea / ??karhea.
шероховатый шершавый
В доске дырки, ямки, и она шероховатая.

Метафорически прилагательное *karhea* может описывать охрипший голос (от простуды или от крика), употребляясь в этом случае в сочетании *karhea kurkku* – букв. ‘шершавое горло’, как в (4.1.26). Кроме того, в финском языке есть выражение *karhea ääni*, буквально переводящееся как ‘шершавый голос’: оно тоже характеризует хриплый голос, но употребляется, по оценкам носителей, прототипически по отношению к пению (что-то вроде русского *голос с хрипотцой*).

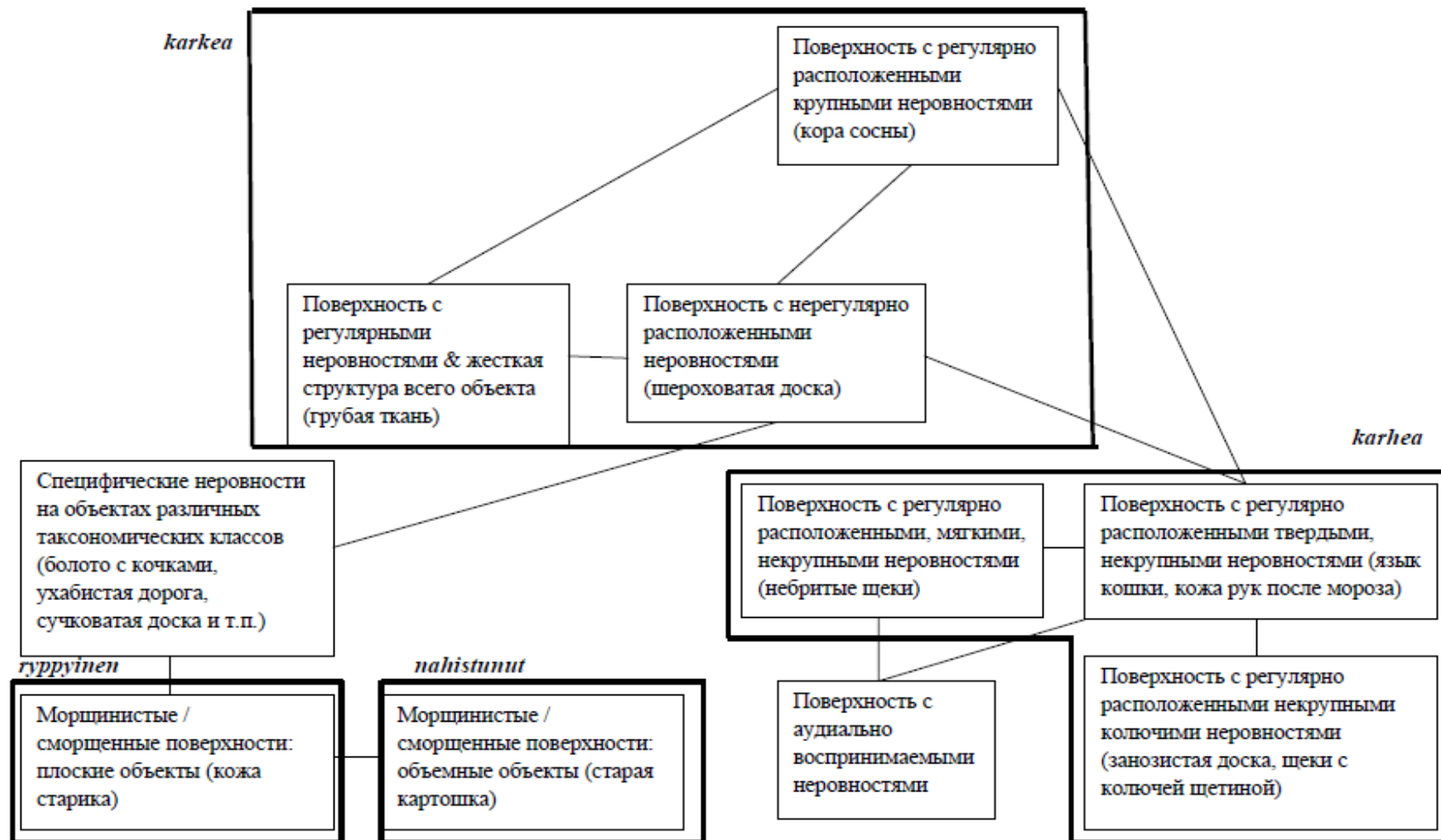
(4.1.26) *Jos on karhea kurkku ja tukkoinen nenä kurla-a*
если быть.3SG шершавый горло и душный нос полоскать-INF
suola-vet-tä, se autta-a.
соль+вода-PART этот помочь-3SG
Если голос охрип (букв.: горло шершавое) и заложен нос (букв.: душный нос), полоскать соленой водой, это поможет.

Прилагательное *karkea* сдвигается, в свою очередь, в обозначение грубых манер человека (ср. *karkeat sanat* ‘грубые слова’ – пример приведен информантом, *karkea virhe* ‘грубая шутка’ [Вахрос, Щербаков 2007: 201]), а также некачественно или недостаточно тщательно выполненной работы (*karkeasti arvioiden* ‘по грубому подсчету’, *karkea virhe* ‘грубая ошибка’ [Вахрос, Щербаков 2007: 201]).

Обобщение данных о лексемах наличия неровностей

Финская система прилагательных наличия неровностей демонстрирует пример противопоставления лексем, описывающих тактильно оцениваемые неровности, по размеру этих неровностей (прилагательное *karkea* описывает более крупные неровности, чем прилагательное *karhea*). Интересен и выбор между способами обозначения морщинистой / сморщенной поверхности, зависящий от того, является ли соответствующий объект плоским либо объемным. Семантическая карта, обобщающая полученные результаты, представлена ниже.

Семантическая карта фреймов наличия неровностей (финский язык)

4.2 Эстонский язык

4.2.0. Общие сведения об эстонском языке

Эстонский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. Численность его носителей, по данным www.ethnologue.com, составляет более 1 млн. Эстонский язык является государственным языком Эстонии и используется там во всех сферах жизни.

Эстонский материал для работы получен из словарей (EVS, EKSS), а также в ходе анкетирования носителей литературного эстонского языка, проживающих в гг. Москва, Таллин и Тарту. При работе с информантами вызывавшие затруднение вопросы проверялись и по доступным в интернете эстонским текстам.

4.2.1. Лексемы со значением отсутствия неровностей

Прилагательное *libe*

Прилагательное *libe* описывает в эстонском языке все типы скользких поверхностей. Оно используется для характеристики опорных поверхностей (4.2.1), ср. также *libe jää* ‘скользкий лед’, *libe tee* ‘скользящая дорога’, *libe parkett* ‘скользкий паркет’, *libe trepp* ‘скользящая лестница’, подошвы обуви (*libeda tallaga kingad* ‘туфли со скользкой подошвой’), выскальзывающих из рук предметов (как в (4.2.2) и аналогичных примерах *libe kala* ‘скользящая рыба’, *libe pall* ‘скользкий мяч’).

(4.2.1) Ettevaatust! Põrand on väga **libe**.

осторожность.PART пол быть.PRS.3 очень скользкий

Осторожно! Пол очень скользкий

(4.2.2) Seep ol-i **libe** ja kukku-s maha.

мыло быть-PST скользкий и падать-PST на.пол

Мыло было скользкое и упало на пол.

Отметим, что в EVS прилагательному *libe* в отдельных контекстах дается переводной эквивалент ‘гладкий’ (а иногда даже ‘ровный’), ср. *libeda karvaga koer* ‘гладкошёрстная собака, собака с гладкой шерстью’ и *libeda varrega reha* ‘грабли с гладкой / с ровной рукояткой’ (переводы даны в соответствии с

источником). Вместе с тем, как показал опрос носителей языка, составители словаря подобрали в данном случае не вполне корректный вариант перевода, поскольку прилагательное *libe* в этих контекстах не выходит за рамки семантической зоны скользких поверхностей. Вот как прокомментировал эти примеры один из опрошенных информантов: «Я бы сказал *libeda varrega reha* про грабли со скользкой рукояткой (например, если она всегда в руках скользит или, ещё лучше, она сейчас скользкая, потому что она мокрая или в масле). Про гладкошёрстную собаку я бы сказал *sileda karvaga*. Выражение *libeda karvaga koer* для меня обозначает собаку, у которой шерсть скользкая или "слишком гладкая", так что её нельзя удержать, она легко выскользнет/вырвется из рук». Что же касается зон гладких и ровных поверхностей, то они покрываются не прилагательным *libe*, а прилагательными *sile* и *tasane*, речь о которых пойдет далее.

Метафорические употребления лексемы *libe* развиваются из зон как скользкой опорной поверхности, так и выскользывающих из рук предметов. К первой группе можно отнести метафорическое употребление выражения *libe tee* в абстрактном значении 'скользкий путь', см. также (4.2.3). Ко второй группе принадлежат употребления прилагательного *libe* в значении 'льстивый' по отношению к человеку (*libe inimene* 'льстивый человек') либо к словам (4.2.4) – в данном случае описываемые подобным образом объекты как бы метафорически «выскользывают из рук» при взаимодействии с ними.

(4.2.3) **Libeda-le** tee-le mine-ma.

скользкий-ALL путь-ALL идти-INF

Сбиться с пути истинного (букв.: Ступить на скользкий путь) [EVS].

(4.2.4) Üks pugeja oma **libeda-te** juttu-de-ga.

один подхалим свой скользкий-GEN.PL речь-GEN.PL-COM

Вечный подхалим со своими льстивыми (букв.: скользкими) речами [EVS].

Прилагательные *tasane* и *sile*

В данном разделе мы обсудим семантику эстонских лексем *tasane* и *sile*. Прилагательное *sile* прототипически описывает поверхности, на которых отсутствуют тактильно воспринимаемые неровности, ср. примеры из EVS *sile lõug* ‘гладкий (выбритый) подбородок’, *sile nahk* ‘гладкая кожа’, *siledad juuksed* ‘гладкие волосы’, *sileda tüvega puu* ‘гладкоствольное дерево’, *siledad linad* ‘гладкие (выглаженные) простыни’. В свою очередь прилагательное *tasane* применяется к поверхностям без неровностей, воспринимаемых зрительно, как в примерах из EVS и EKSS *tasane põrand* ‘ровный пол’, *tasane pinnamood* ‘равнинный рельеф’, *tasane karjamaa* ‘ровное пастбище’ *liustiku tasane pind* ‘ровная поверхность ледника’.

Что касается вопроса о взаимозаменяемости *tasane* и *sile*, то прилагательное *tasane* стабильно запрещается информантами в контекстах тактильного восприятия ((4.2.5) – (4.2.6)), а для некоторых объектов удается выявить и «минимальные пары», ср. *tasane sein* ‘ровная стена (без значительных, хорошо заметных зрительно неровностей)’ vs. *sile sein* ‘гладкая стена (без мелких шероховатостей, определяемых тактильно)’.

(4.2.5) Kas **sile** / ***tasane** lõug on parem kui habe?
QUEST гладкий ровный подбородок быть.PRS.3 лучше чем борода
Гладкий подбородок лучше бороды?

(4.2.6) Puitlaud on **sile** / ***tasane**.
доска быть.PRS.3 гладкий ровный
Доска гладкая.

В свою очередь прилагательное *sile*, исходно, отвечающее за тактильно воспринимаемое отсутствие неровностей, расширяет свое употребление и на некоторые фреймы из области зрительного восприятия. Так, для некоторых информантов допустимо его использование по отношению к обширным ровным участкам местности (как в (4.2.7) – хотя более распространенной и, по-видимому, более приемлемой в таком контексте будет лексема *tasane*) со значением большей степени отсутствия неровностей.

(4.2.7) Akna taga laiu-vad lageda-d
окно.GEN за раскинуться-PRS.3PL просторный-PL
tasase-d / **ʔsileda-d** põllu-d.
ровный-PL гладкий-PL поле-PL

*За окном раскинулись просторные ровные поля*³⁷.

Кроме того, прилагательное *sile* используется и в таких фреймах зрительного восприятия, для которых типологически частотно кодирование «тактильным» прилагательным, расширившим свою семантику. Во-первых, это фрейм ровной дороги (4.2.8), в случае которого прилагательное *sile* предполагает отсутствие неровностей меньшего размера (как, например, на хорошей асфальтовой дороге), тогда как прилагательное *tasane* означает, что на дороге нет значительных подъемов, спусков, бугров, ям и т.п.

(4.2.8) Nüüd on tee üsna **sile** / **tasane**.
теперь быть.PRS.3 дорога довольно гладкий ровный
Теперь дорога довольно ровная.

Во-вторых, прилагательное *sile* описывает гладкую поверхность воды в водоеме, что типично для прилагательных тактильной зоны, ср. сочетание *sile järvepind* ‘гладь озера’ или пример (4.2.9)³⁸.

³⁷ По оценкам некоторых носителей, выражение *sile põld* (букв. ‘гладкое поле’) может использоваться также как синоним отрицательно окрашенного выражения *lage põld* ‘пустое, голое поле’ (употребляемого, например, в том случае, когда раньше на каком-то месте были здания или сады, а сейчас на их месте – голое поле).

³⁸ Интересно также, что для контекстов гладкой поверхности воды информанты особенно часто предлагают прилагательные *klaassile* ‘гладкий, как стекло’ и *peegelsile* ‘гладкий, как зеркало’. По-видимому, однако, эти слова могут использоваться не только при описании водоемов, но и в любых других контекстах, в которых речь идет об идеально гладких поверхностях, ср. *klaassile jää* ‘идеально гладкий лёд’, *klaassile sein* ‘идеально гладкая стена’, *klaassile põrand* ‘идеально гладкий пол’, *klaassile asfalt* ‘идеально гладкий асфальт’ (во всех этих примерах возможна также замена *klaassile* на *peegelsile*).

(4.2.9) Meri on **sile** kui peegel.

море быть.PRS.3 гладкий как зеркало

Море гладкое, как зеркало.

Необходимо отметить, что по отношению к гладкой поверхности воды возможно и употребление прилагательного *tasane*, однако для данного примера не совсем ясно, реализуется ли в нем исходное значение *tasane* ‘ровный (о поверхности)’ или переносное ‘тихий’ (о котором см. подробнее далее).

Метафорически прилагательное *sile* развивает значения, типичные для лексем тактильной зоны, описывая по отношению к различным объектам отсутствие недостатков, как в примерах *sile elutee* ‘гладкий жизненный путь’, *sileda näolapiga tüdruk* ‘девочка с милovidным (букв.: гладким) личиком’, *sileda välimusega noormees* ‘юноша с ухоженной (букв.: гладкой) внешностью’ ([EVS], переводы даны по словарю). Интересен, вместе с тем, и еще один путь развития полисемии прилагательного *sile* (характерный, по оценкам носителей, скорее для художественной и публицистической речи): оно может характеризовать гладкую, складную речь или текст, имея при этом дополнительный негативный оттенок значения ‘фальшивый, поверхностный, недостаточно глубокий’ ((4.2.10) – (4.2.11)). В данном случае идея отсутствия тактильно воспринимаемых неровностей метафорически сдвигается в полное отсутствие у объекта каких бы то ни было выделяющихся качеств, что воспринимается негативно.

(4.2.10) Näidendi-s puudu-b **dramatism**,

пьеса-INESS отсутствовать-3SG драматизм

on ainult **sile** olustikumäng.

быть.PRS.3 только гладкий бытовая.игра

В пьесе отсутствует драматизм, есть только простая (букв.: гладкая) бытовая игра [EKSS].

(4.2.11) Lihtsustavalt ümber panne-s saa-dakse pealtnäha **sile**
 упрощенно вокруг класть-CONV получать-IMPS.PRS на.вид гладкий
 sõnastus; nii on-gi tõlgi-tud
 изложение так быть.PRS.3-EMPH переводить-PRT.PST
 terve-id raamatu-id.
 целый-PART.PL книга-PART.PL

Переводя (букв.: кладя вокруг) упрощённо, получают на первый взгляд складное изложение; так переводили даже целые книги [EKSS].

Прилагательное *tasane* развивает широкий спектр переносных употреблений, объединяемых идеей чего-л. не выделяющегося на общем фоне. По данным, приводимым в EVS и подтверждаемых информантами, оно может относиться к действию или процессу малой интенсивности (*tasane sosin* ‘тихий шепот’, *tasased sammud* ‘бесшумные шаги’, *tasane koputus uksele* ‘едва слышный стук в дверь’, *tasane valu* ‘слабая боль’, *tibutab tasast vihma* ‘моросит слабый дождь’), медленному движению (*tasane jooks* ‘медленный бег’, *tasase vooluga jõgi* ‘река с медленным течением’), спокойному или скромному человеку (*tasane neiu* ‘мягкая, скромная девушка’, *tasane meel* ‘мягкий характер’), каким-либо другим не выделяющимся предметам (4.2.12). Как было сказано ранее, подобный семантический сдвиг характерен и для прилагательного *sile* (ср. (4.2.10) – (4.2.11)), однако *sile*, в отличие от *tasane*, развивает при данном классе переносов отрицательную оценку.

(4.2.12) Naudi-b maaelu **tasase-id** rõõme
 наслаждаться-PRS.3SG сельская.жизнь:GEN ровный-PART.PL прелесть:PART.PL
Наслаждается скромными (букв.: ровными) прелестями сельской жизни [EVS].

В этой связи необходимо отметить, что эстонские лексикографические источники (EKSS, EVS) выделяют два омонима: *tasane I* ‘тихий, легкий, медленный и т.д.’ и *tasane II* ‘ровный’, наряду с двумя омонимичными наречиями *tasa I* и *tasa II*, которым приписывается аналогичное семантическое различие. Вместе с тем основания для такой трактовки не кажутся

самоочевидными (и кажутся при этом важными для обсуждения в данной работе: ведь если *tasane I* и *tasane II* являются омонимами, т.е. разными лексемами, то любые рассуждения о семантических сдвигах между ними очевидным образом могут быть поставлены под сомнение). Во-первых, логично выделять в слове *tasane* тот же корень, что и в слове *tase* ‘уровень’ (ср. также в финском языке *taso* ‘уровень, плоскость (геометрический объект)’ и *tasainen* ‘ровный’), в то время как аналогичный словообразовательный источник для другого члена обсуждаемой пары омонимов (независимый от идеи чего-либо ровного или плоского) не находится. Во-вторых, этимологические данные свидетельствуют о семантическом сдвиге по направлению от *tasa II / tasane II* к *tasa I / tasane I*. Так, в системе Starling (№ 1046 в Уральской этимологической базе данных) эстонское слово *tasa* определяется как ‘leise, sachte, sanft; gleich, gleichmäßig, quitt, richtig, eben’ (‘тихий, нежный, мягкий; одинаковый, равномерный, верный, ровный’) – таким образом, в данном случае значения *tasa I* и *tasa II* объединяются в пределах одной лексемы. Более того, эта лексема *tasa* возводится в Starling к ностратическому корню **tV[s]V* ‘равно, точно’, что явно указывает на исходное значение, ставшее затем источником метафор, и подтверждает корректность той интерпретации развития полисемии слова *tasane*, которая излагается в нашей работе.

Прилагательное *lame*

Прилагательное *lame* описывает в эстонском языке предметы плоской формы: *lame rind* ‘плоская грудь’, *lame nina* ‘плоский нос’, *lame kivi* ‘плоский камень’, *lameda põhjaga paat* ‘лодка с плоским дном’. В семантической зоне поверхностей это прилагательное характеризует ровную местность без гор, как в (4.2.13). Возможность использовать для кодирования этого фрейма прилагательное *tasane* также сохраняется.

(4.2.13) *Austraalia-s on lame maastik, pika-d vahemaad,*
Австралия-INESS быть.PRS.3 плоский местность длинный-PL расстояние-PL
kus mitte mida-gi ega keda-gi pole.

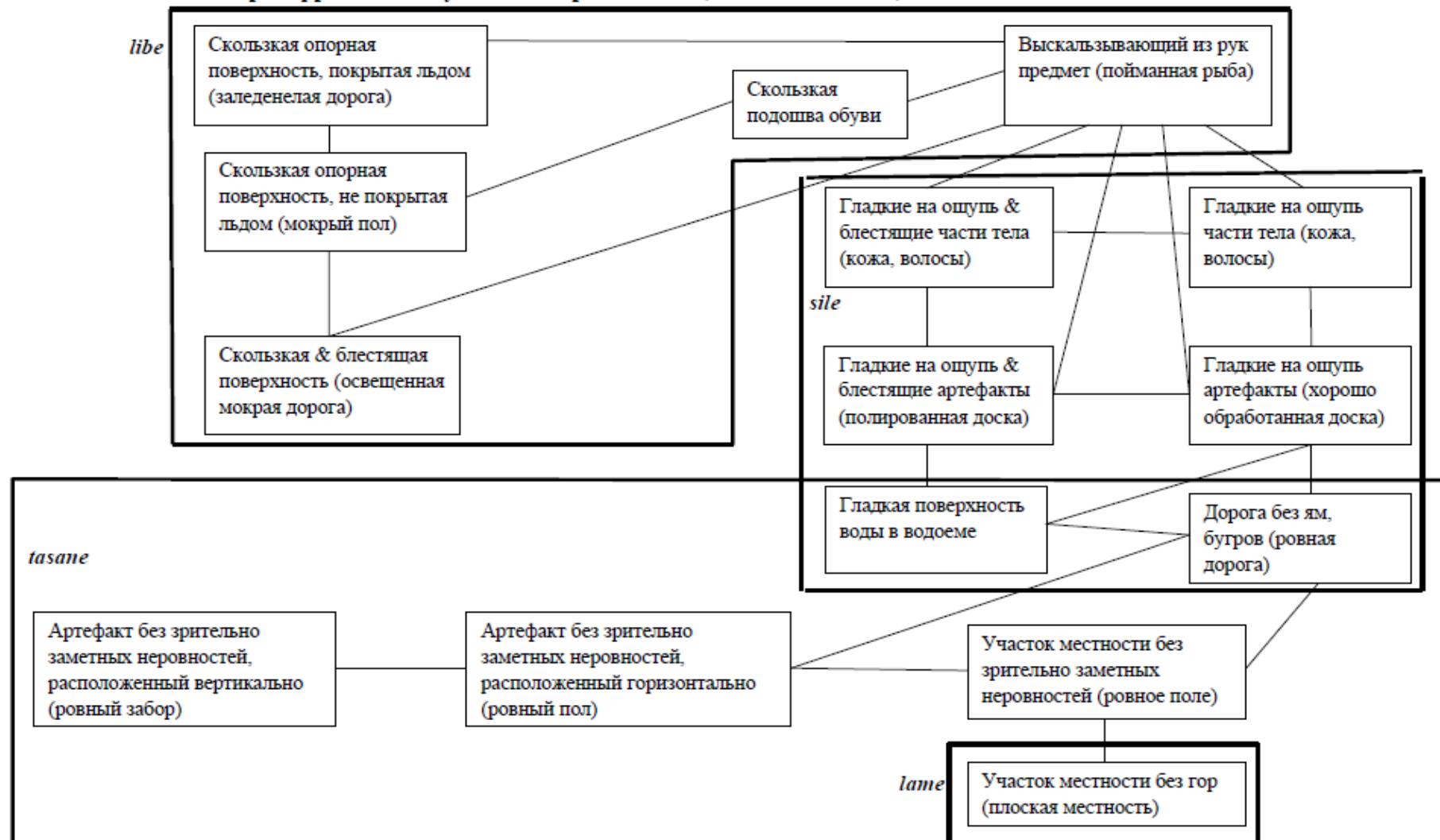
где NEG что.PART-EMPH и.не кто.PART-EMPH нет

*В Австралии плоская местность, большие расстояния, где ничего и
никого нет.*

Обобщение данных о лексемах отсутствия неровностей

В эстонской системе лексем со значением отсутствия неровностей четко противопоставлены три выделенные в ходе нашего типологического исследования базовые группы фреймов данной семантической зоны: (1) скользкие поверхности, описываемые прилагательным *libe*; (2) тактильно гладкие поверхности, за которые отвечает прилагательное *sile*; (3) зрительно ровные поверхности, характеризующиеся прототипически прилагательным *tasane*. Отдельный интерес для лексической типологии представляют семантические переносы данных лексем, в особенности сдвиги прилагательных *tasane* и *sile* в контексты чего-л. не выделяющегося на внешнем фоне, противопоставленные далее по признаку оценки. Сведения о прямых употреблениях обобщены далее на семантической карте.

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (эстонский язык)

4.2.2. Лексемы со значением наличия неровностей

Прилагательные для обозначения сморщенных поверхностей

В эстонском языке, что стандартно типологически, лексически обособляются фреймы морщинистых и сморщенных поверхностей. По нашим данным, можно выделить две лексемы этой группы с наиболее широкой семантикой (различий между ними словарь не эксплицирует): *kortsus* (примеры из [EVS] – *kortsus käed* ‘морщинистые руки’, *kortsus kulmud* ‘нахмуренные брови’, *kortsus särk* ‘мятая рубашка’) и *krimpsus* (примеры из [EVS] – *krimpsus nägu* ‘морщинистое лицо’, *krimpsus õunad* ‘сморщенные яблоки’). Носители языка указывают на то, что *kortsus* описывает скорее наличие морщин на поверхности плоского объекта, а *krimpsus* – сморщенный характер объемного объекта. Эти данные не опровергаются и поиском примеров в системе Google: так, сочетание *kortsus laup* ‘морщинистый лоб’ встретилось там 25 раз, *krimpsus laup* – ни разу; *kortsus nahk* ‘морщинистая кожа (человека)’ – 5520 раз, *krimpsus nahk* – 114 раз; *kortsus nägu* ‘морщинистое лицо’ – 1460 раз, *krimpsus nägu* – 3130 раз (и этот контраст очень показателен, поскольку лицо в большей степени оценивается как объемный объект, нежели лоб или кожа); *kortsus pluus* ‘мятая блузка, кофта’ – 240 раз, *krimpsus pluus* – ни разу. Сочетания прилагательного *krimpsus* с названиями таких объемных объектов, как картошка, огурец и яблоко, суммарно встречаются в Google 14 раз, тогда как *kortsus* встретилось в этих же контекстах только 4 раза. С другой стороны, лист растения 20 раз оказался описан прилагательным *kortsus* и только 1 раз – прилагательным *krimpsus*.

Прилагательные *kare* и *krobeline*

В данном разделе мы обсудим прилагательные наличия неровностей на поверхности объекта, имеющие наиболее широкую семантику и сочетаемость – *kare* ‘шершавый, шероховатый’ и *krobeline* ‘шероховатый, грубый’. Семантическое различие между ними в первую очередь определяется параметром размера неровностей: *krobeline* описывает более значительные по размеру неровности, нежели *kare*. Так, в EKSS эти лексемы истолкованы

следующим образом: *kare* – «mittesile, kergelt krobeline; puudutamisel pisut torkiv (‘негладкий, слегка шершавый; немного колючий на ощупь’)»; *krobeline* – «kergelt konarlik, kergelt kühmuline, väikeste mügarikkudega || jämedalt kare (‘слегка бугорчатый, слегка шишковатый, с небольшими бугорками || очень шершавый’)» – в этих выдержках из словарных статей особенно примечательно толкование *kare* как «слегка *krobeline*», а *krobeline* как «очень *kare*». Это различие подтверждается и данными о сочетаемости прилагательных *kare* и *krobeline*: так, прилагательным *kare*, но не *krobeline* характеризуются объекты с неровностями заведомо небольшого размера (например, язык кошки (4.2.14), небритые щеки (4.2.15) и даже колючее шерстяное одеяло (4.2.16)) – в то время как, последний фрейм, по нашим типологическим данным, обычно остается вне зоны действия прилагательного ‘шершавый’ и описывается теми же прилагательными, что и, например, колючие иглы.

(4.2.14) Kassi keel on **kare** / ***krobeline**.

кошка.GEN язык быть.PRS.3 шершавый грубый

Язык кошки шершавый.

(4.2.15) Õhtu-l ol-i-d ta põse-d **kareda-d** / ***krobelise-d**.

вечер-ADESS быть-PST-3PL его щека-PL шершавый-PL грубый-PL

Вечером его щёки были шершавые.

(4.2.16) **Kareda** / ***krobelise** teki all on raske

шершавый.GEN грубый.GEN одеяло.GEN под быть.PRS.3 трудный

мага-ма jää-da.

спать-INF стать-INF

Под колючим одеялом трудно заснуть.

Прилагательное *krobeline* описывает, в свою очередь, более значительные неровности – например на коре дерева (*krobelise koorega puu* ‘дерево с шероховатой корой’) или на каком-либо строении, ср. пример (4.2.17), иллюстрирующий естественный контекст употребления *krobeline* по отношению к стене дома (очевидно, что речь в этом случае идет о достаточно крупных неровностях). Любопытны также пример (4.2.18), в котором носитель

эстонского языка счел неуместным употребление прилагательного *krobeline*, и пример (4.2.19), приведенный этим же носителем в качестве иллюстрации подходящего для *krobeline* контекста – в данном случае мы также наблюдаем разницу в размере неровностей на поверхности. Наконец, о коже (*nahk*) человека можно сказать как *kare nahk*, так и *krobeline nahk*, но прилагательное *krobeline* будет описывать более загрубелую кожу (например, после многолетней работы с раздражающими кожу веществами) – применить же его к коже рук ребенка, ставшей немного шершавой от мороза, в эстонском языке, по мнению информантов, странно, и в таком случае будет использовано прилагательное *kare*.

(4.2.17) Orava-d oska-vad mööda maja seinä üles roni-da,
 белка-PL мочь-PRS.3PL по дом.GEN стена.PART вверх залезть-INF
 kui sein on **krobeline**.
 если стена быть.PRS.3 шероховатый

Белки могут залезть наверх по стене дома, если стена шероховатая.

(4.2.18) See paber on natuke **kare** / ***krobeline**.
 этот бумага быть.PRS.3 немного шершавый шершавый

Эта бумага немного шершавая (о бумаге в старых тетрадях).

(4.2.19) Krokodillinaha imitatsiooni-ga vihikukaane-d on
 крокодил+кожа:GEN имитация-COM тетрадь+обложка-PL быть.PRS.3
 kergelt **krobelse-d**.
 немного грубый-PL

Обложки тетради с имитацией крокодиловой кожи немного грубые.

В отличие от прилагательного *kare*, предполагающего регулярный характер неровностей на поверхности объекта, прилагательное *krobeline* может описывать и нерегулярные неровности, как в примере (4.2.20).

(4.2.20) Sellist **krobelist** / ***karedat** lauda
такой.PART грубый.PART шершавый.PART доска.PART
me kasuta-da ei saa.
мы использовать-INF NEG мочь

Такую шершавую³⁹ доску мы не можем использовать.

Переносно прилагательное *kare* описывает объекты, характеризующиеся стабильно повторяющимися метафорическими «неровностями», недостатками, затруднениями: природные явления и времена года (*kare põhjatuu* ‘суровые северные ветры’, *Siberi kare talv, kliima* ‘суровая сибирская зима, климат’), неприятные физиологические ощущения человека ((4.2.21), *kare haal* ‘хриплый голос’), качества человека (4.2.22). Кроме того, исходно прилагательное *kare* зачастую характеризует объекты, тактильный контакт с которыми для человека неприятен (например, необработанную доску или колючее одеяло), и этот компонент значения сохраняется и в переносных употреблениях – где *kare*, как видно из приводимых примеров, используется по отношению к явлениям, негативно воздействующим на человека или по какой-либо причине неприятным для него.

(4.2.21) Kurk on külmetuse-st **kare**.
горло быть.PRS.3 простуда-EL шершавый
В горле першит от простуды (букв.: Горло от простуды шершавое)
[EVS].

(4.2.22) Isa ol-i laste vastu **kare**.
отец быть-PST ребенок:GEN.PL с шершавый
Отец был суров с детьми.

Прилагательное *krobeline* описывает, в свою очередь, скорее эпизодически проявляющиеся недостатки («метафорические неровности») объекта – в частности грубые манеры человека (*krobelised kombed* ‘грубые, неотесанные манеры’ [EVS]) или недоделанную работу, характеризующуюся отдельными «шероховатостями» (4.2.23).

³⁹ Перевод информанта, кажущийся нам в данном случае весьма удачным.

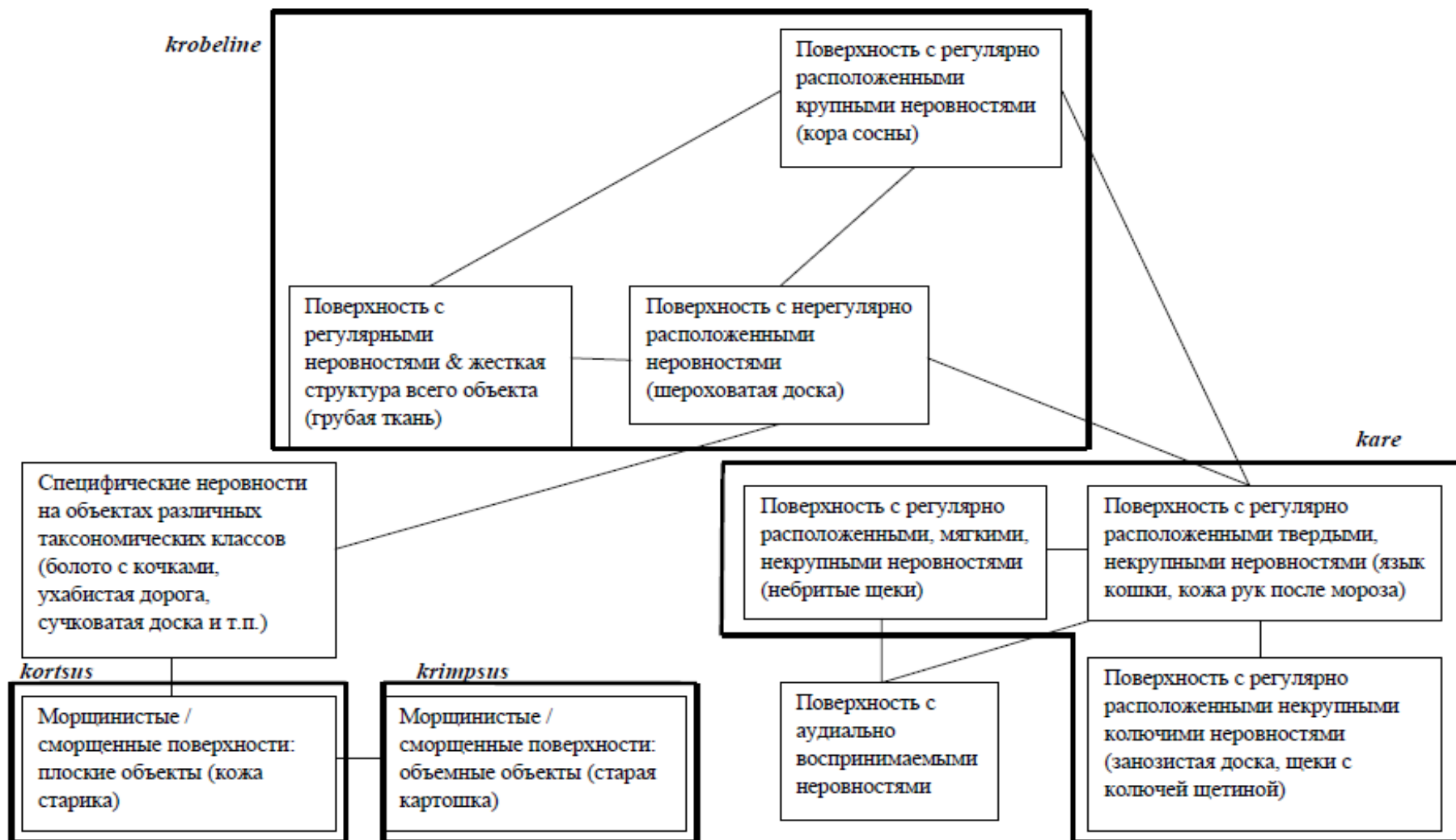
(4.2.23) Algaja luuletaja värssi-d ol-i-d
начинающий.GEN поэт.GEN стихи-PL быть-PST-3PL
veel üsna **krobelise-d**.
еще довольно шероховатый-PL

Стихи начинающего поэта были еще довольно шероховатые.

Обобщение данных о лексемах наличия неровностей

Интерес эстонской системы прилагательных наличия неровностей для лексико-типологического исследования проявляется в первую очередь в наличии противопоставления по параметру размера неровностей, которое реализуется прилагательными *kare* и *krobeline* (интересно, что и в финском языке противопоставление аналогичных лексем *karhea* и *karkea* основано на том же параметре – при том, что ни одна из них, очевидно, не является когнатом эстонского *krobeline*, см. раздел 4.1). Любопытно и не вполне тривиально типологически, кроме того, достаточно широкое употребление прилагательного *kare*, применяемого к поверхностям не только с твердыми, но и с мягкими неровностями (как, например, к шерстяному одеялу). Наконец, эстонские прилагательные развивают целый ряд метафорических переносов, дополняющих типологическую картину полисемии в зоне наличия неровностей. Данные о прямых употреблениях суммированы ниже на семантической карте.

Семантическая карта фреймов наличия неровностей (эстонский язык)

4.3 Эрзянский язык

4.3.0. Общие сведения об эрзянском языке

Эрзянский язык является, наряду с мокшанским, одним из двух мордовских языков, относящихся к финно-волжской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. По данным, приведенным на www.ethnologue.com, численность носителей мордовских языков на территории России составляет более 400 тыс. человек (большинство из них проживает на территории Республики Мордовия).

Эрзянский язык характеризуется значительным диалектным разнообразием: так, в [Феоктистов 1990] выделяется пять эрзянских диалектных групп. Наряду с этим для эрзянского языка разработана письменность и литературная норма: он преподается в школе, используется в СМИ, на нем издаются книги. В то же время, в силу интенсивных контактов с русским языком, практически все носители эрзянского языка являются билингвами (владея также русским), а система языка претерпевает значительное русское влияние (проявляющееся в значительном числе русских лексических заимствований, синтаксических калек и пр.). Хотя во многих семьях сохраняется естественная передача эрзянского языка от родителей к детям, в целом младшее поколение носителей склонно переходить на русский язык.

В данной работе подробно рассматривается материал литературного эрзянского языка, а также шокшинского диалекта. Шокшинский диалект, распространенный на северо-западе Мордовии в с. Шокша и его окрестностях, считается диалектом эрзянского языка, но при этом в течение своего развития претерпел значительное влияние другого мордовского языка – мокшанского (подробнее см. [Кузнецова 2012: 32-34]). Шокшинский диалект и литературный эрзянский язык в целом взаимопонятны, однако характеризуются целым рядом отличий на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях (описанных в частности в [Миронов 1936], [Феоктистов 1990]).

Материал, излагаемый в данном разделе, получен в ходе анкетирования носителей соответствующих идиомов, из словарей ([Серебренников и др. (ред.) 1993], [Raasonen 1990 – 1996]) и из доступных эрзянских текстов, записанных экспедициями кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ в с. Шокша в 2006 и 2007 гг., опубликованных текстов, а также из текстов, доступных в интернете. Использовались также тексты из эрзяноязычного литературного и общественно-политического журнала «Сятко» (2004, 2006-2008 гг.), подготавливаемые к вводу в корпус Syatko, разрабатываемый в Секторе исследования языков Поволжья Университета Турку (Финляндия).

4.3.1. Лексемы со значением отсутствия неровностей

Прилагательное *нолажа*

Все фреймы скользких поверхностей в эрзянском языке описываются прилагательным *нолажа* ‘скользящий’. Оно описывает и в литературном языке, и в шокшинском диалекте опорную поверхность (пример (4.3.1) из шокшинского диалекта, ср. также *нолажа ки* ‘скользящая дорога’, *нолажа эй* ‘скользящий лед’ [Серебренников и др. (ред.) 1993: 415]), выскальзывающие из рук предметы (пример (4.3.2) из литературного эрзянского языка, ср. также примеры из шокшинского диалекта *нолажа сапун* ‘скользящее мыло’, *нолажа сукс* ‘скользящий червяк’, *нолажа кедтне* ‘скользящие руки [например, намыленные]’), скользкую обувь и подошву обуви (пример (4.3.3) из шокшинского диалекта)⁴⁰.

⁴⁰ Надо отметить, однако, что в [Бузакова 1982: 87] проводится сопоставление прилагательного *нолажа* и прилагательного *наволо*, в результате чего делается вывод, что они оба означают ‘скользящий’, но слово *наволо* используется, «если речь идет о свежей рыбе, скользкой дороге и т.д.» Однако, по нашим данным, полученным от информантов, лексема *наволо* (так же, как и соответствующая ей в шокшинском диалекте лексема *наула*) описывает не столько скользкий характер поверхности, сколько наличие на ней слизи или иного вещества подобной консистенции. Например, *наволо* / *наула* можно сказать не только об осклизлой (и оттого скользкой) рыбе, но и о прокисших пельменях, излишне тягучем хлебе, долго пролежавшем в воде куске мыла, стенках бочки, где застоялась вода, и т.п. (что характерно, слово *наволо* / *наула* может выступать и как имя существительное, означающее ‘слизь’) Наши данные совпадают и со сведениями о прилагательном *наволо*, приводимыми в [Серебренников и др. (ред.) 1993: 397]. Исходя из всего изложенного, мы не включаем в рассмотрение прилагательное *наволо* / *наула*, поскольку его значение не относится

(4.3.1) Сэдь лаз-тнэ **нолажа-т**, вану-к ля пра-к.
мост доска-PL.DEF скользкий-PL смотреть-CN NEG.IMP падать-CN
Мостки скользкие, смотри, не упади.

(4.3.2) Нузякс покш сэней-ть тарг-и ведь-стэ-нтъ, кедь-сэ а
ленивый большой сом-PL тянуть-PRS.3SG вода-EL-DEF рука-ESS NEG
кирде-ви-ця **нолажа** ментюк-т, пшти пей нучко-т, ужгал-т,
держать-DETR-PRT скользкий налим-PL острый зуб щука-PL окунь-PL
тутко-т, вирьгал-т ды, теке сырне-нь ведь-с нава-зь, курда-т.
линь-PL язь-PL и словно золото-GEN вода-ILLокунуть-PRT карп-PL
*Ленивых больших сомов из воды тянет, не удержимых руками
скользких налимов, острозубых щук, окуней, линей, язей и, словно в
золотую воду окунувшихся, карпов* [Корпус Syatko, 2004_1_25-43.txt,
строки 375 – 377].

(4.3.3) Сапошка-тнэ **нолажа-т**, мон сиидьстэ пра-кш-ан.
сапожки-PL.DEF скользкий-PL я часто падать-ITER-PRS.1SG
Сапожки скользкие, я часто падаю.

Метафорически прилагательное *нолажа*, по нашим данным, может применяться к человеку, обозначая в этом случае человека ненадежного, «скользкого», как в примере (4.3.4) из шокшинского диалекта. В данном случае вероятна калька с русского языка (ср. *скользкий тип*), что соответствует и интуиции некоторых опрошенных нами носителей эрзянского языка. С другой стороны, по утверждению относящегося к старшему поколению носителя шокшинского диалекта, раньше данное выражение употреблялось чаще, чем в настоящее время – что странно для возможной кальки, принимая во внимание усиливающееся контактное воздействие русского языка на языки народов России, в т.ч. эрзянский (при этом достаточно объемного и репрезентативного корпуса текстов, по которому можно было бы проследить исторические

собственно к зоне фактуры поверхностей, а передает идею наличия определенного вещества на поверхности объекта.

изменения употребления данного выражения в эрзянском языке, к настоящему времени не создано).

(4.3.4) Марту-нза ат корта-в-ат, сон ломань-сь **нолажа**.
с-POSS3SG NEG говорить-DETR-PRS.2SG он человек-DEF.NOM скользкий
С ним не договоришься, он человек скользкий.

Прилагательное *валаня*

Прилагательное *валаня* является в эрзянском языке⁴¹ доминантным для семантических областей и зрительного, и тактильно воспринимаемого отсутствия неровностей. Оно описывает все фреймы этих зон (за исключением фреймов скользких поверхностей, покрываемых, как уже было показано, прилагательным *нолажа*). Так, в зоне тактильного восприятия лексема *валаня* характеризует неодушевленные предметы ((4.3.5), также ср., например, *валаня сапонь* ‘гладкое мыло’, *валаня кев* ‘гладкий камень’, *валаня вакан* ‘гладкая миска’), части тела ((4.3.6), также *валаня черьтне* ‘гладкие волосы’, *валаня толгинензэ* ‘гладкие перышки (птицы)’).

(4.3.5) Лазо-сь индеде-зь **валаня-сто**.
доска-DEF.NOM строгать-PRT гладкий-ADV
Доска обстругана гладко.

(4.3.6) **Валаня** кедь-сэ сон панар викшн-и.
гладкий рука-LOC она рубашка вышивать-PRS.3SG
Гладкими руками она рубашку вышивает.

В зоне зрительного восприятия прилагательное *валаня* описывает участки местности (ровное поле в (4.3.7), *валаня ки* ‘ровная дорога’, ср. также

⁴¹ В системе литературного эрзянского языка прилагательное *валаня* общеупотребительно. В шокшинском диалекте оно, по-видимому, устарело и в настоящее время часто заменяется русскими заимствованиями (что затрудняет и детальный анализ его сочетаемости в данном идиоме). Вместе с тем ряду шокшинских информантов старшего поколения это слово знакомо и оценивается ими как лексическая единица их родного диалекта. Сделанные ими суждения и приведенные примеры его употребления не дают оснований говорить о его семантической дифференциации в литературном языке vs. в шокшинском диалекте. Приводимые в нашей работе примеры употребления слова *валаня* принадлежат к литературному эрзянскому языку.

приведенный носителем шокшинского диалекта пример *Пандесь валаня* ‘Грядка ровная’), включая поверхность воды в водоеме (во многих языках не характеризуемую прилагательными фактуры поверхностей, см. Главу 2), как в (4.3.8) Это же прилагательное употребляется по отношению к частям строений ((4.3.9), *валаня мастор* ‘ровный пол’).

(4.3.7) Вире-сь аште-сь веле-нтъ мала-со пандо-нтъ пря-со,
лес-DEF.NOM стоять-PST.3SG деревня-DEF.GEN около-ESS гора-DEF.GEN голова-ESS
икель-га-нзо тарга-в-сь **валаня** пакся.
перед-PROL-POSS3SG тянуть-DETR-PST.3SG ровный поле
Лес стоял рядом с деревней на горе, перед ним тянулось ровное поле
[Корпус Syatko, 2008_10_28-38.txt, строки 270–271].

(4.3.8) Веде-сь те лей-сэ-нтъ свал истямо ванькс ды **валаня**,
вода-DEF.NOM этот река-LOC-DEF всегда такой чистый и гладкий
нея-в-и, кода кал-тнэ тосо у-кшны-ть.
видеть-DETR-PRS.3SG как рыба-PL.DEF там плавать-DISTR-3PL
В этой реке вода всегда такая чистая и гладкая, видно, как рыбы там плавают.

(4.3.9) Кудо-нь стена-тне тее-зь виде-стэ: **валаня-сто**, мазый-стэ.
дом-GEN стена-PL.DEF делать-PRT прямой-ADV ровный-ADV красивый-ADV
Стены дома сделаны правильно (букв.: прямо): ровно, красиво.

Метафорические употребления прилагательного *валаня* развиваются из зон как зрительного, так и тактильного восприятия (см. Главу 3). Так, с одной стороны, эта лексема может описывать уверенную речь (4.3.10) или удачно развивающееся действие (*эрямс валанясто* ‘жить счастливо (букв.: гладко)’ ([Серебренников и др. (ред.) 1993: 101], ср. также (4.3.11)⁴²) – эти метафоры характерны для прилагательных тактильной зоны.

⁴² В данных примерах, особенно в контекстах типа (4.3.11), встречающихся в современной эрзянской прессе, не исключено и калькирование полисемии русского прилагательного *гладкий*. Вместе с тем строго доказать калькирование либо самостоятельное происхождение метафор слова *валаня* (особенно в простых и довольно повседневных контекстах вроде

(4.3.10) **Валаня-сто** корт-э.

гладкий-ADV говорить-PRS.3SG

Гладко говорит (т.е. уверенно, без запинок).

(4.3.11) Виде, аволь свал весеме-сь моль-сь **валаня-сто.**

прямой не всегда всё-DEF.NOM идти-PST.3SG гладкий-ADV

Правда (букв.: прямо), не всегда всё шло гладко [газета «Эрзянь правда», электронная версия <http://www.delmor.ru/~erza/>].

Переносные значения, характерные для лексем зрительной зоны, менее свойственны для прилагательного *валаня*. В нашем материале, однако, есть отдельные примеры такого рода: в них *валаня* и производное наречие *валанясто* развивают значение равномерности, как в примерах (4.3.12) о ровном, т.е. равномерно распределенном, загаре и (4.3.13) о равномерно покрашенной стене.

(4.3.12) Пиевксэ-сь **валаня-сто** пра-сь сонзэ кутьмере-нзэ ланг-с.

загар-DEF.NOM ровный-ADV падать-PST.3SG он.GEN спина-GEN.POSS3SG верх-ILL

Загар ровно лёг (букв.: упал) на его спину.

(4.3.13) Ашо артомапеле-сь путо-в-сь **валаня-сто**

белый краска-DEF.NOM класть-DETR-PST.3SG ровный-ADV

вальма-тне-нь ланг-с.

окно-PL.DEF-GEN верх-ILL

Белая краска легла равномерно (букв.: ровно) на окна.

Во многих случаях, однако, значение равномерности может передаваться с помощью русского заимствования *ровна* и его производного *ровнасто*, либо какими-либо иными описательными выражениями, см. (4.3.14).

(4.3.14) Стена-сь ваде-зь вейке тюс-со.

стена-DEF.NOM красить-PRT один цвет-ESS

Стена покрашена одним цветом.

описания речи человека) проблематично в силу отсутствия представительного корпуса эрзянского языка, который бы охватывал значительный период его истории.

Стоит остановиться подробно на еще одном метафорическом употреблении прилагательного *валаня*. Это слово может переносно характеризовать лстивого человека: *валаня кель* ‘подхалим, лстивый человек, подлиза (букв.: гладкий язык)’ ([Серебренников и др. (ред.) 1993: 101]). Этот пример подтверждается и носителями современного эрзянского языка. Интересно также, что подобное понимание слова *валаня* отмечалось еще в [Феоктистов 1971: 131, 133] по архивным материалам XVIII в. – в частности, согласно этому словарю, оно возможно для примера (4.3.11), ср также *манян валанясто* ‘обманываю гладко (ласково)’⁴³ ([Феоктистов 1971: 67]). На первый взгляд кажется, что эти примеры семантического сдвига противоречат описанным нами в Главе 3 типологическим закономерностям, поскольку значения вроде ‘лстить’ или ‘подлизываться’ (если они вообще появляются в конкретном языке у лексем фактуры поверхностей) склонны развиваться из семантической зоны скользких поверхностей, но не гладких и не ровных. Вместе с тем более пристальное рассмотрение данных указывает на закономерность такой метафоры.

Дело в том, что, согласно [Paasonen 1990 – 1996], во многих мордовских говорах, в основном мокшанских, у прилагательного *валаня* есть значение ‘скользящий’ (наряду со значением ‘гладкий’). В мокшанском языке зафиксировано также прилагательное *валазя* ‘скользящий, гладкий’ (см. о нем также раздел 4.4), а в некоторых говорах отмечен глагол *валаськадомс* ‘стать скользким, ослизлым; стать хорошо скользящим’ (указанные лексеммы подаются в одной словарной статье с прилагательным *валаня*, и трактуются тем самым как его варианты / производные). Эти диалектные материалы коррелируют и с диахроническими данными, а также сведениями из других финно-угорских языков: прилагательное *валаня* имеет общее происхождение со словами, означающими ‘гладкий’ (как удмуртское *вольыт*), а также, что важно, ‘скользящий’ (как *вольк* в ижемском коми и *wõl'ak* в западно-хантыйских

⁴³ Перевод является цитатой из [Феоктистов 1971: 67]. Более широкого контекста употребления данного выражения там не содержится.

говорах)⁴⁴. На основании всех этих данных можно предположить, что значение ‘льстивый’ развилось у прилагательного *валаня* в такой системе, в которой оно имело прямое значение ‘скользящий’, и причем уже в XVIII в., как следует из [Феоктистов 1971], этот семантический сдвиг произошел. Что же касается прямого значения ‘скользящий’, то, очевидно, существуют две возможности (достоверно выбрать между которыми на основании наших данных нельзя): во-первых, оно могло сначала иметься в тех говорах, которые были положены в основу литературного эрзянского языка, а затем в этих говорах утратиться (оставив при этом метафору *валаня кель* в качестве своего «следа»); во-вторых, переносное значение ‘льстивый’ могло возникнуть в других говорах, где *валаня* означало ‘скользящий’, а затем распространиться более широко. В любом случае, однако, важно, что имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о закономерности развития полисемии прилагательного *валаня* и не дают оснований считать его контрпримером к получившимся типологическим обобщениям⁴⁵.

⁴⁴ Что касается этимологии, то в [Rédei 1988: 564] приводится прафинно-угорский корень **wäl*’з ‘скользящий, гладкий’ (исходный немецкий перевод – *glatt*), служащий источником для упомянутых лексем (ср. также его упоминание в качестве источника для мокшанского *валазя* ‘скользящий, гладкий’ в [Вершинин 2004: 38]). В то же время интересно, что в [Лыткин, Гуляев 1970: 62] коми-зырянское *вольк* связывается с общепермским корнем **völ*’-, описывающим блеск, и это интересно с теоретической точки зрения в связи с иногда встречающимся наличием у прилагательных тактильной зоны дополнительной семантики блеска, ср. анализ английских *sleek* и *slick* в Главе 2 (в качестве соответствия, вместе с тем, здесь приводится также глагол *вьльгыжаши* ‘блестеть’ из марийского языка, как известно, не относящегося к пермским, поэтому можно предполагать более широкое распространение этого корня, ср. также [Rédei 1988: 555], где соответствующий корень подается как общепермский, а его статус как общепермско-угорского отмечен знаком вопроса).

⁴⁵ Этот пример представляется любопытным и в свете теоретических представлений об устройстве лексической многозначности, ср. работу [Рахилина 2007], где на материале русских глаголов движения в воде проиллюстрирован тезис о том, что метафоры отражают предшествующее состояние языка и могут быть исторически мотивированы такими компонентами исходной семантики слова, которые на синхронном уровне оказываются уже утраченными.

Прилагательное *вадяжа*

Прилагательное *вадяжа* в эрзянском языке устарело и известно носителям очень плохо. Некоторые информанты, однако, вспоминают контексты его употребления, определенные сведения содержатся и в словарях. Всю эту информацию можно обобщить таким образом, что лексема *вадяжа* применяется к человеку (или к частям его тела, деталям одежды и т.п.), если он гладко выбрит, одет в выглаженную одежду, опрятен, как в (4.3.15). Аналогично употребление этого прилагательного и в фольклорном примере (4.3.16), где сорока, о которой идет речь, очевидно, олицетворяется. Одна из носительниц шокшинского диалекта (1953 г.р.) указывала нам на то, что слышала это слово от своей бабушки в выражении *Скалс вадяжа* (букв. ‘Корова гладкая’) по отношению к корове с гладкой, блестящей шерстью – но сейчас, по словам этой информантки, так уже никто не говорит. Другим носителям шокшинского диалекта прилагательное *вадяжа* также неизвестно.

(4.3.15) **Вадяжа-сто** пурна-зь прячере-нзэ.

гладкий-ADV собрать-PRT волос-POSS3SG

Гладко собраны волосы.

(4.3.16) Сезьган-пизьган, мекс пул-ыне-ть **вадяжа?** – Покштя-м

сорока-REDUPL почему хвост-DIM-POSS2SG гладкий дедушка-POSS1SG

макс-сь тень медь пенч-ке, баба-м макс-сь

дать-PST.3SG этот.GEN мед ложка-DIM бабушка-POSS1SG дать-PST.3SG

тень ой куцюв. Секс пул-ыне-м **вадяжа**, секс

этот.GEN масло ложка поэтому хвост-DIM-POSS1SG гладкий поэтому

пр-ине-м-гак валаня.

голова-DIM-POSS1SG-и гладкий

Сорока, сорока, почему хвостик твой гладкий? – Дедушка дал меда ложечку, бабушка дала масла ложку. Потому хвостик мой гладкий, потому и головушка моя гладкая [Серебренников и др. (ред.) 1993: 98].

Прилагательное *лапужа*

Прилагательное *лапужа* широко употребляемо и в литературном эрзянском языке, и в шокшинском диалекте и исходно относится к семантической области не фактуры поверхностей, а формы предмета, и описывает приплюснутые объекты, уподобляющиеся «эталону»-плоскости, ср. *лапужа нерь* ‘плоский носик (чайника)’, *лапужа киши* ‘примятый хлеб (о посевах)’, *лапужа пиле* ‘приплюснутые уши (собаки)’, *лапужа мешче* ‘плоская грудь’. Это прилагательное распространяется и на зону фактуры поверхностей, описывая в ней участки местности без гор, холмов и иных крупных возвышенностей (наряду с этим в данных контекстах возможно употребить и доминантное прилагательное *валаня*), как в примере (4.3.17) из литературного эрзянского языка и в аналогичных примерах *лапужа лайме* ‘плоская пойма’, *лапужа берёк* ‘плоский берег’.

(4.3.17) Косо Серёжа-сь келей веде-нзэ тусто вире-нтъ
где Сережа-DEF.NOM широкий вода-GEN.POSS3SG густой лес-DEF.GEN
ПОТ-с сова-ВТ-сь, пшти тарвазо-кс мендя-в-сь
внутри-ILL войти-TR-PST.3SG острый серп-TRANS согнуть-DETR-PST.3SG
рашт-ы ков **Лапужа** тарка-нт-ень валг-сь
расти-PRT месяц плоский место-DEF-DAT опуститься-PST.3SG
рацяня кальбуло.

развесистый ивняк

К тому густому лесу, с широкой водой, куда Сережа смог зайти, острым серпом согнулся молодой месяц. К плоскому месту опустились развесистые заросли ивы [Корпус Syatko, 2008_2_68-90.txt, строки 705 – 706].

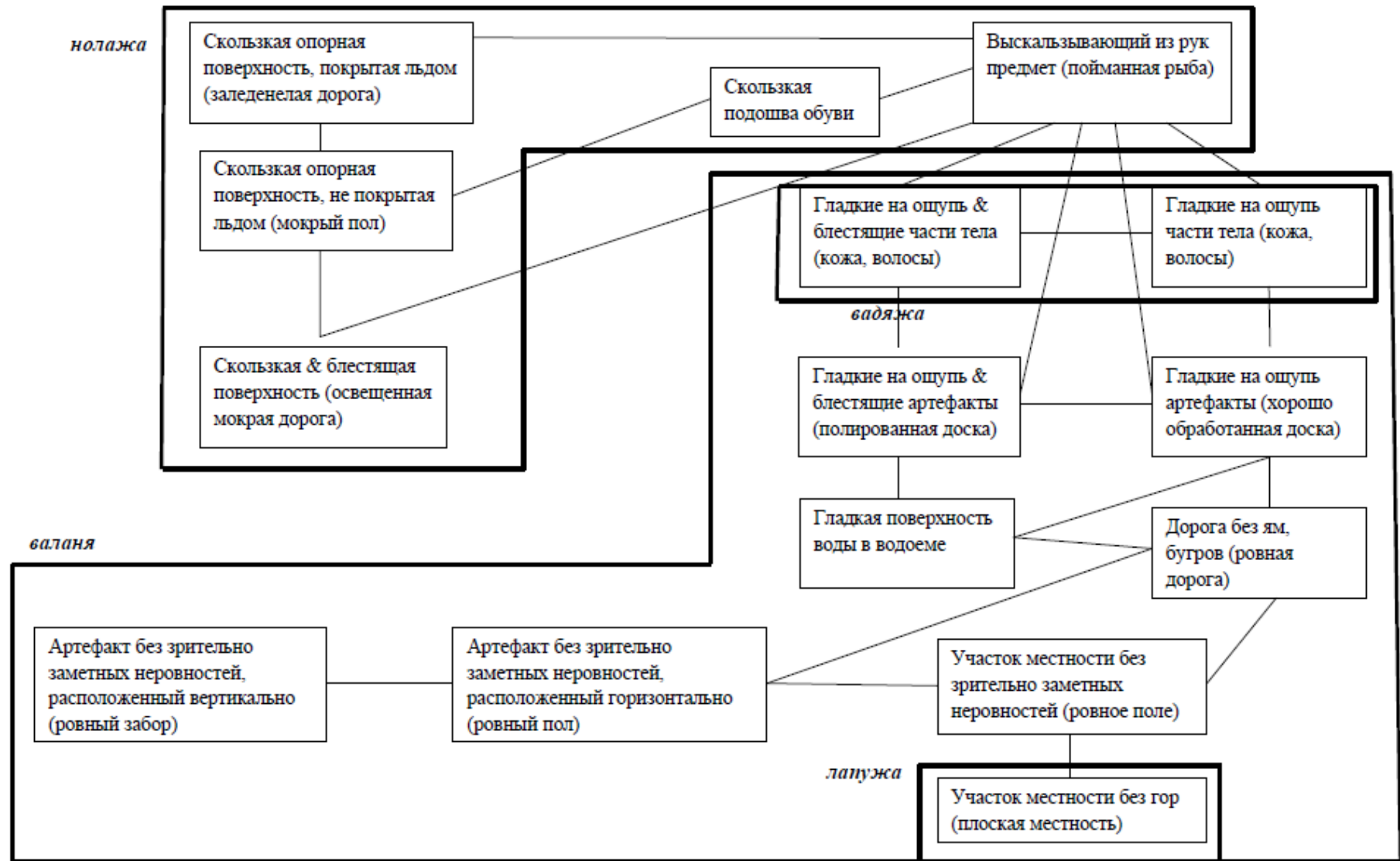
Обобщение данных о лексемах со значением отсутствия неровностей

В системе лексем отсутствия неровностей в эрзянском языке семантическая зона скользких поверхностей (прилагательное *нолажа*, относящееся ко всем соответствующим фреймам) противопоставлена семантическим зонам гладких и ровных поверхностей (доминантное

прилагательное *валаня* для каждой из этих зон). Фрейм местности без гор, относящийся к зоне зрительно ровных поверхностей, покрывается, кроме того, прилагательным *лапужа* 'плоский', базовые употребления которого лежат в области формы предмета. В зоне гладких поверхностей обособляется фрейм частей тела (ныне соответствующая лексема – *вадяжа*, – однако, устарела). Эти данные представлены на семантической карте.

Метафорические употребления, выявленные в эрзянском языке, укладываются в общую типологическую картину. Выявлен, кроме того, любопытный пример, когда метафора сохраняет следы старой исходной семантики слова (метафора 'льстивый' у прилагательного *валаня* 'гладкий, ровный').

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (эзрянский язык)

4.3.2. Лексемы со значением наличия неровностей

Отглагольное образование *сормсезезь*

Семантическая зона сморщенных поверхностей, типологически склонная закрепляться за отдельной лексемой, описывается в эрзянском языке причастием / отглагольным прилагательным *сормсезезь* ‘сморщенный’, образованным от итеративного деривата *сормсемс* глагола *сормамс* ‘сморщить’, например: *сормсезезь чама* ‘морщинистое лицо’, *сормсезезь кедть* ‘морщинистые руки’, *сормсезезь конев* ‘мятая бумага’, *сормсезезь умарь* ‘сморщенное яблоко’. Метафорических употреблений это слово не развивает.

Прилагательное *казямо (казяма)*

Прилагательное *казямо* (в шокшинском диалекте произносящееся как *казяма*, но имеющее идентичную со своим литературным аналогом семантику) является доминантным для семантической зоны тактильно воспринимаемых неровностей. Оно описывает регулярные неровности на частях тела (лице (4.3.18) – пример из шокшинского диалекта, (4.3.19) – пример из литературного языка, *казяма кедьтне* ‘шершавые руки (от мороза, загрубевшие от работы)’, *казяма кельсь* ‘шершавый язык (у кошки)'), растениях (*казямо чей* ‘шершавая осока’), других природных объектах (*казямо лов* ‘шершавый снег’), артефактах (*казяма брусок* ‘шершавый точильный брусок’). Данное прилагательное может описывать и объекты с нерегулярным характером неровностей: так, пример (4.3.20), относящийся к шокшинскому диалекту, не специфицирует, является ли доска шершавой по всей своей поверхности или только шероховатой на отдельных участках (тогда как типологически часто встречается обособление за отдельной лексемой именно фреймов регулярных неровностей – в эрзянском же языке лексема *казямо*, покрывающая эту область, имеет более широкую семантику).

(4.3.18) Нара-к, тонтъ чама-сь **казяма.**

бриться-CN ты.GEN лицо-DEF.NOM шероховатый

Побрейся, у тебя лицо небритое.

(4.3.19) Щёка-нзо **казямо-т**, палсе-мс марто-нзо берянь.
 щека-PL.POSS3SG шероховатый-PL целоваться-INF с-POSS3SG плохо
Щеки небритые, целоваться с ним плохо.

(4.3.20) Лаз-с пек **казяма**, сонде эряв-е
 доска-DEF.NOM очень шероховатый она.GEN быть.нужным-PRS.3SG
 индиди-мс.
 строгать-INF
Доска очень шероховатая, ее надо обстругать.

Прилагательное *казямо* применяется и для описания грубой ткани, веревки или пряжи, ср. шокшинский пример (4.3.21).

(4.3.21) Миник плети-ть **казяма** пикс-т, сынъ пек кеми-ть.
 мы.GEN плести-PL грубый веревка-PL они очень прочный-PL
 Нене **казяма** пикс-ны-не-ст тий-ни-ть нуря-кшни-ма-т
 этот.PL грубый веревка-PL.DEF-DEF.PL-EL делать-DISTR-PL качать-ITER-NMN-PL
 эйхкакшу-нь, скалу-нь пикс-т.
 ребенок-GEN корова-GEN веревка-PL
У нас плетут грубые веревки, они очень прочные. Из этих грубых веревок делают детские качели, привязи для коров.

Значительный интерес для лексической типологии представляет система метафор прилагательного *казямо*, оказывающаяся весьма богатой. Все эти метафоры логично выводятся из исходного значения наличия неровностей, обозначая различного рода недостатки, затруднения – своего рода метафорические «шероховатости». Для отдельных употреблений, справедливости ради, не совсем ясно, что перед нами – собственные метафоры эрзянского языка или же калькированные метафоры русского *грубый*: эта проблема встает для употреблений *казямо* в значении ‘грубо сколоченный (например, о предмете мебели (4.3.22))’, ‘грубый (о человеке (4.3.23), словах, голосе (4.3.24))’. Примеры (4.3.22) и (4.3.23) относятся к литературному эрзянскому языку, пример (4.3.24) – к шокшинскому диалекту.

- (4.3.22) Коник ланго-нтъ тарка-со **казямо** эзем.
 кровать поверхность-DEF.GEN место-ESS грубый лавка
Вместо кровати – грубая лавка [Серебренников (ред.) 1993: 224].
- (4.3.23) Пильге-нь уско-зь, Кечай нусманясто такшардо-зев-сь неть
 нога-GEN тянуть-PRT Кечай печально ходить-INH-PST.3SG этот.PL
казямо ломан-тне-нь эйстэ се ёно-в,
 грубый человек-PL.DEF-GEN от тот сторона-LAT
 ков тензэ невете-з-ель.
 куда этот.DAT указать-PRT-PLPFCT
Волоча ноги, Кечай в печали отошёл от этих грубых людей в ту сторону, куда ему было указано [Корпус Syatko, 2004_4_32-69.txt, строки 352-353].
- (4.3.24) Сон сонсиндэ ава-ть мархта корхт-э
 он свой мать-DEF.GEN с говорить-PRS.3SG
казяма вайгильх-сэ, сон ордад-с.
 грубый голос-ESS она обидеться-PST.3SG
Он со своей матерью говорит грубым голосом, она обиделась.

Вместе с тем многие метафорические употребления прилагательного *казямо* не совпадают с русским языком и, очевидным образом, не являются калькированными. Так, применяясь к человеку, это прилагательное может подчеркивать не столько его грубость, сколько жесткость, «неприступность», возникновение сложностей в общении с ним, как в шокшинском примере (4.3.25).

- (4.3.25) Миник школа-нь директор-с давно робот-э,
 мы.GEN школа-GEN директор-DEF.NOM давно работать-PRS.3SG
 ломань-сь **казяма**.
 человека-DEF.NOM шершавый
У нас директор школы давно работает, она жесткий человек.

По отношению к голосу *казямо* может указывать не только на его грубость (невежливость), но и на хриплый характер голоса, возникающий при простуде

(4.3.26) или при перенапряжении голосового аппарата (4.3.27). Примеры (4.3.26) и (4.3.27) записаны от носителя шокшинского диалекта.

(4.3.26) Сон кельми-кшни-сь, корхт-э **казяма** вайгильх-сэ.
он мерзнуть-ITER-PST.3SG говорить-PRS.3SG грубый голос-ESS
Он простудился, говорит хриплым (букв.: грубым) голосом.

(4.3.27) Лама корхта-му-те-ст сонде вайгиль-сь
много говорить-NMN-DEF-EL он.GEN голос-DEF.NOM
тии-в-сь **казяма**.
делать-DETR-PST.3SG грубый
От того, что он много говорил, его голос стал хриплым (букв.: грубым).

В ситуации простуды лексема *казямо* может характеризовать не только голос человека, но и ощущения першения в горле, как в шокшинском примере (4.3.28).

(4.3.28). Монь коргапарь-сь тии-в-сь **казяма**,
я.GEN горло-DEF.NOM делать-DETR-PST.3SG шершавый
туй-ан лембе чай-инге сим-ан.
пойти-PRS.1SG теплый чай-DIM пить-PRS.1SG
У меня горло першит (букв.: сделалось шершавое), пойду теплого чайку поью.

Еще одна область метафорического употребления лексемы *казямо* – неблагоприятные погодные и климатические условия, ср. примеры из шокшинского диалекта *казяма варма* ‘колкий, неприятный ветер’, *казяма лов* ‘колкий, неприятный снег’ (при снегопаде). Кроме того, это прилагательное характеризует суровый период года – как правило, суровую зиму (ср. в шокшинском диалекте *казяма телись* ‘суровая (букв.: шершавая) зима’), но в отдельных примерах из шокшинского диалекта оно может применяться и к другим сезонам года, ср. (4.3.29).

(4.3.29) Мизярда тунда чадыведь-те-ст куду-тне ай вай-ть, сестэ минь
 когда весной половодье-DEF-EL дом-PL.DEFIPF тонуть-PL тогда мы
 ёфта-тама, што тунда-сь лембе и казяма.
 сказать-PRS.1PL что весна-DEF.NOM теплый и грубый
*Когда весной в половодье дома тонут, тогда мы скажем, что весна
 теплая и суровая (букв.: грубая).*

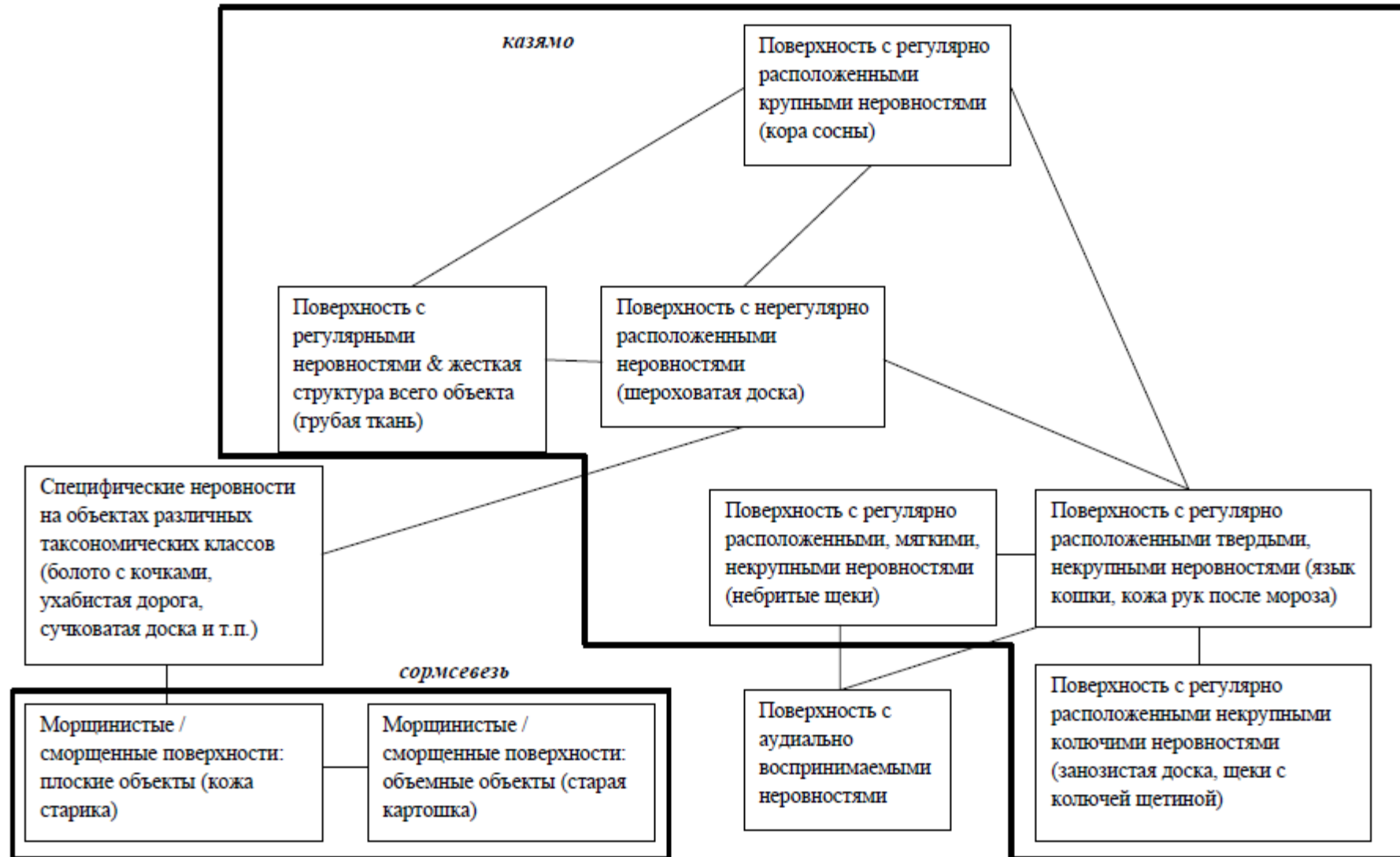
Наконец, прилагательное *казямо* применимо к душевному состоянию человека и применяется в тех случаях, когда человеку тяжело, он чем-либо сильно расстроен или взволнован (ср. подтвержденный несколькими носителями шокшинского диалекта пример (4.3.30)).

(4.3.30) Седий-ть нанг-са казяма.
 сердце-DEF.GEN верх-ESS грубый
На сердце тяжело (букв.: грубо).

Обобщение данных о лексемах наличия неровностей

Типологической особенностью эрзянского языка является наличие доминантного прилагательного (*казямо*) для всех фреймов тактильно воспринимаемых неровностей на поверхности объекта. Кроме того, эрзянский материал весьма любопытен с точки зрения типологии метафорических переносов – благодаря богатой полисемии прилагательного *казямо*, сдвигающегося в область таких фреймов, как грубый или хриплый голос, неприятные звуки, тяжелое душевное состояние и неблагоприятные погодные условия. Иллюстрация эрзянской системы прямых употреблений представлена на семантической карте.

Семантическая карта фреймов наличия неровностей (эзрянский язык)

4.4 Мокшанский язык

4.4.0 Общие сведения о мокшанском языке

Мокшанский язык является, как и эрзянский, одним из двух мордовских языков, относящихся к финно-волжской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи.

В [Феоктистов 1990] выделяется пять крупных диалектов мокшанского языка. Наше исследование основано на собранных нами в полевых условиях материалах говора с. Лесное Цибаево Темниковского района Республики Мордовия, относящегося к центральному диалекту. Отдельные примеры были записаны в расположенном неподалеку с. Лесное Ардашево (отличий между его говором и говором с. Лесное Цибаево, которые касались бы предмета нашего исследования, нами не выявлено).

Центральный диалект, согласно [Феоктистов 1990], лег в основу мокшанского литературного языка. Литературный язык преподается в школах мокшанских населенных пунктов, используется в СМИ и в литературе. При этом мокшанский язык, как и эрзянский, испытывает сильное влияние русского языка, особенно заметное в речи молодого поколения.

4.4.1 Лексемы со значением отсутствия неровностей

Прилагательное *valaz'ε* и глагол *gur'kstəms*⁴⁶

Скользкие поверхности описываются в мокшанском языке прилагательным *valaz'ε*, а также формами глагола *gur'kstəms* 'скользить'. В идиолектах опрошенных нами носителей выявлено две стратегии категоризации данной семантической зоны. Согласно первой из них, формы глагола *gur'kstəms* являются нейтральным средством характеристики скользких поверхностей, тогда как прилагательное *valaz'ε* тяготеет к описанию таких

⁴⁶ Записанные в полевых условиях мокшанские примеры приводятся в работе в фонологической транскрипции. В отличие от эрзянских примеров, они даются в латинице, ввиду того, что фонологическая система мокшанского языка устроена более сложно, в частности в области вокализма, и существующая традиция кириллической письменности не всегда корректно отражает все противопоставления, существующие в мокшанской фонологии.

поверхностей, которые покрыты посторонним веществом. Вторая возможная стратегия состоит в использовании прилагательного *valaz'ε* по отношению к любому типу скользкой поверхности, а за глаголом *gur'kstəms* в таком случае может закрепляться значение 'поскользнуться' (о человеке), но не значение 'быть скользким'. Далее обсудим наши данные более подробно.

Лексема *valaz'ε* употребима в достаточно широком классе контекстов: так, она описывает дорогу, скользкую ото льда либо после дождя ((4.4.1), (4.4.2)), скользкий вымытый пол (4.4.3), скользкую мокрую траву (4.4.4), скользкую рыбу (4.4.5), скользкий кусок мыла (4.4.6), скользкий черенок лопаты (4.4.7).

(4.4.1) *il'ed' ejaft-əz'e, i ki-s' ara-s' valaz'ε.*

вечером подморозить-PST.3SG:S.3SG.O и дорога-DEF.NOM стать-PST.3SG скользкий
Вечером подморозило, и дорога стала скользкая.

(4.4.2) *piz'əm-s' mol'-s' pɛl'e ši, i t'ən'i ki-s' valaz'ε.*

дождь-DEF.NOM идти-PST.3SG половина день и теперь дорога-DEF.NOM скользкий
Дождь шел полдня, и теперь дорога скользкая.

(4.4.3) *mastər-s' načkə, valaz'ε, t'at pra.*

пол-DEF.NOM мокрый скользкий NEG.IMP падать
Пол мокрый, скользкий, не упади.

(4.4.4) *valaz'ε t'išə-s', načkə.*

скользкий трава-DEF.NOM мокрый
Скользкая трава, мокрая.

(4.4.5) *oj kaɫ-n'ə kodamə valaz'ε-t, afl'ε ur'adə-v-ijt'.*

ой рыба-PL.DEF какой скользкий-PL NEG чистить-DETR-PRS.3PL
Ой, рыбины какие скользкие, не чистятся.

(4.4.6) *zarən' rokəl'-s' valaz'ε.*

мыло кусок-DEF.NOM скользкий
Кусок мыла скользкий.

(4.4.7) *kajmən'ε-n' n'ed' načkə, valaz'ε i gur'kst-i kəd'-stə-t.*

лопата-GEN черенок мокрый скользкий и скользить-PRS.3SG рука-EL-POSS2SG
Черенок лопаты мокрый, скользкий и скользит из рук.

Важно, однако, что целый ряд информантов отвергает употребление прилагательного *valaz'ε* по отношению к скользкой подошве обуви, предпочитая в этом случае глагол *gur'kstəms*, как в (4.4.8). Из пояснений, приводимых этими информантами, следует, что *valaz'ε* предполагает для них в первую очередь такую поверхность, которая была бы покрыта посторонним веществом – отсюда и сомнительность его употребления применительно к подошве, которая, как правило, является скользкой в силу своего собственного свойства.

(4.4.8) *kəmə-tn'ə-n' alks-nə šova-v-st'*
 сапог-PL.DEF-GEN подошва-PL.DEF тереть-DETR-PST.3PL
 и *gur'kst-ijt' / ?valaz'ε-t.*
 и скользить-PRS.3PL скользкий-PL

Подошвы сапог стерлись и скользят.

Интересно отметить, кроме того, и зафиксированные нами в с. Лесное Цибаево примеры использования слова *valaz'ε* как существительного со значением ‘слизь’, см. (4.4.9) – (4.4.10)⁴⁷.

(4.4.9) *šta-k doska-t' lang-stə valaz'ε-t'.*
 мыть-IMP доска-DEF.GEN верх-EL слизь-DEF.GEN

Смой с доски слизь.

(4.4.10) *bockε-t' potmə-sə lamə valaz'ε-də.*
 бочка-DEF.GEN внутренность-ESS много слизь-ABL

Внутри бочки много слизи.

Что же касается глагола *gur'kstəms*, то он для тех информантов, которые закрепляют слово *valaz'ε* за поверхностью, покрытой посторонним веществом, служит нейтральным средством описания скользкой поверхности. ср. (4.4.11) – (4.4.13).

⁴⁷ При этом в литературном мокшанском языке значение ‘слизь’ выражается существительным *навла*, см., например, [Щанкина 1993: 414]

(4.4.11) *stakə mol'ə-ms gur'kst-i⁴⁸ ki-t' ezgə.*

тяжело идти-INF скользить-PRT.PRS дорога-DEF.GEN PROL

Тяжело идти по скользкой дороге.

(4.4.12) *saləvə-n'ε, mastər-s' gur'kst-i, t'at pra.*

тихо-DIM пол-DEF.NOM скользить-PRS.3SG NEG.IMP падать

Осторожно, пол скользкий, не упади.

(4.4.13) *kajmən'ε-t' n'ed'-əс gur'kst-i.*

лопата-DEF.GEN черенок-POSS3SG скользить-PRS.3SG

Черенок лопаты скользкий.

Наряду с этим, в идиолектах некоторых из опрошенных носителей базовой лексемой со значением 'скользкий' является именно *valaz'ε*⁴⁹. Глагол *gur'kstəms* такими носителями может связываться в первую очередь с конструкциями, описывающими поскользнувшегося человека (4.4.14), и в таких идиолектах причастные формы этого глагола обычно не используются в атрибутивной позиции для описания скользкой поверхности (в этом случае будет употреблено прилагательное *valaz'ε*).

(4.4.14) *piz'əm-s' jota-s', ki-t' langə gur'kst-at.*

дождь-DEF.NOM пройти-PST.3SG дорога-DEF.GEN на поскользнуться-PRS.2SG

Дождь прошел, на дороге поскользнешься.

Что касается переносных употреблений, то прилагательное *valaz'ε* может использоваться в сочетании *valaz'ε loman'* (букв.: скользкий человек), описывая ненадежного человека, «скользкого типа». В данном случае нельзя исключать как кальку с русского языка, так и возможность самостоятельного развития метафоры. Других переносов из семантической области 'скользкого' нами в мокшанском языке не выявлено.

⁴⁸ Поясним, что суффикс *-i* может как выражать в мокшанском языке 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола, так и служить показателем действительного причастия настоящего времени. При употреблении форм на *-i* в атрибутивной позиции мы естественным образом глоссируем их как причастия, в предикативной же позиции мы оцениваем их как финитные формы глагола.

⁴⁹ Добавим также, что словарь [Серебренников и др. (ред.) 1998] отмечает у прилагательного *valaz'ε* (в словаре оно записано как *валазя*) еще и значение 'гладкий'. Нашими данными подобное утверждение, однако, не подтверждается.

Прилагательное *vad'av*

Прилагательное *vad'av* описывает в мокшанском языке гладкие на ощупь поверхности – как артефактов ((4.4.15) – (4.4.16)), так и природных объектов ((4.4.17) – (4.4.19)).

(4.4.15) t'ejən strojka-zə-n er'əv-ijt' vad'av doska-t.
я.DAT стройка-ILL-POSS1SG быть.нужным-PRS.3PL гладкий доска-PL
Мне на стройку нужны гладкие доски.

(4.4.16) kagəd s'eber' i vad'av.
бумага хороший и гладкий
Бумага хорошая и гладкая.

(4.4.17) mon' pin'ə-z'e-n' рона-с vad'av.
я.GEN собака-POSS1SG-GEN шерсть-POSS3SG гладкий
У моей собаки шерсть гладкая.

(4.4.18) akšuks-t' lopa-nzə vad'av-t, mekən' pindəld-ijt'.
тополь-DEF.GEN лист-PL.POSS3SG гладкий-PL даже блестеть-PRS.3PL
У тополя листья гладкие, даже блестят.

(4.4.19) modəmar'-s' vad'av, modəmar'-t' aš urma-nzə.
картошка-DEF.NOM гладкий картошка-DEF.GEN NEG болячка-PL.POSS3SG
Картошка гладкая, на картошке нет болячек.

Интересно, вместе с тем, что в идиолектах целого ряда опрошенных нами информантов наблюдается запрет на описание словом *vad'av* человеческой кожи, рук и лица. Более предпочтительным в этих контекстах для таких информантов оказывается прилагательное *l'erə* 'мягкий' ((4.4.20) – (4.4.21)) – тем самым, части тела человека характеризуются не с точки зрения фактуры поверхностей, а по иному, смежному признаку.

(4.4.20) narə-mə-də mel'e šama-s l'erə / [?]vad'av.
бриться-NMN-ABL после лицо-POSS3SG мягкий гладкий
После бритья лицо мягкое ([?]гладкое).

(4.4.21) l'iza pɛk mazi st'ər'-s',
 Лиза очень красивый девушка-DEF.NOM
 kɛd'-enzə l'ɛpə-n'ɛ-t / [?]vad'av-n'ɛ-t / [?]vad'af-t.
 рука-PL.POSS3SG мягкий-DIM-PL гладкий-DIM-PL гладкий-PL
Лиза очень красивая девушка, ее руки мягкие ([?]гладкие).

Большинство информантов допускают употребление лексемы *vad'av* также по отношению к дороге с ровной поверхностью, как в (4.4.22).

(4.4.22) ki-s' od i pɛk vad'av-n'ɛ.
 дорога-DEF.NOM новый и очень гладкий-DIM
Дорога новая и очень гладкая.

Поверхность воды в водоеме (типологически часто характеризуемая лексемами со значением 'гладкий') в мокшанском языке обычно описывается иными средствами, как, например, в (4.4.23), но не прилагательным *vad'av* и не какими-либо другими лексемами с семантикой фактуры поверхности.

(4.4.23) eɣ'kə-n'ɛ-s' af šud'-i, af žeɣ'k-i.
 озеро-DIM-DEF.NOM NEG течь-PRS.3SG NEG шевелиться-PRS.3SG
Вода в пруду (букв.: в маленьком озере) не колыхается (букв.: не течет, не шевелится).

Ровные участки местности (например, поле или луг), а также зрительно воспринимаемые ровные поверхности артефактов (например, пола или стены) не могут описываться прилагательным *vad'av* (стратегии категоризации данных типов поверхностей будут охарактеризованы далее). Общеупотребительных метафорических значений лексема *vad'av* не развивает.

Прилагательное *vid'ə*

Прилагательное *vid'ə* имеет в мокшанском языке значение 'прямой' (о линии), и это значение, как указывает этимологическая база данных Starling, является для него исходным. Наряду с этим, однако, *vid'ə* может описывать и

ровные поверхности⁵⁰ – как природных объектов ((4.4.24), (4.4.25)), так и артефактов (*vid'ə mastər* ‘ровный пол’, (4.4.26)).

(4.4.24) *vel'e-t' vaks-sə ul'-i vid'ə vastə,*
село-DEF.GEN около-ESS быть-PRS.3SG прямой место
tosə jota-ft-n'e-tamə ila-t.
там пройти-CAUS-ITER-PRS.1PL праздник-PL
Около села есть ровное место, там мы проводим праздники.

(4.4.25) *min' t'əsə paks'ə-tn'ə vid'ə-t, fкε-vək pandə aš.*
мы.GEN здесь поле-PL.DEF прямой-PL один-EMPH холм NEG
У нас здесь поля ровные, ни одного холма нет.

(4.4.26) *st'ena-s' dolžən ul'ə-ms vid'ə,*
стена-DEF.NOM должен быть-INF прямой
štobi pov-ftə-ms polka-t.
чтобы зацепиться-CAUS-INF полка-PL
Стена должна быть ровная, чтобы повесить полки.

По отношению к дороге прилагательное *vid'ə* может быть понято двояко. С одной стороны, оно может описывать прямую дорогу, как в предложении (4.4.27), где говорится о маршруте между двумя домами в с. Лесное Цибаево. С другой стороны, *vid'ə* может характеризовать и дорогу без неровностей на поверхности, как в примере (4.4.28) – речь в нем идет о длинной дороге между двумя населенными пунктами, которая заведомо имеет повороты и потому не может быть названа прямой, но эта дорога была недавно построена, и ее поверхность является ровной.

⁵⁰ В строке глоссирования мы во всех случаях приписываем этому прилагательному значение ‘прямой’, чтобы не затемнять его исходную семантику. Отметим, кроме того, что переносные значения лексемы *vid'ə* мотивируются, по всей видимости, именно его исходным значением ‘прямой’ (см., например, [Наний 2012], [Лучина и др. 2013] о типологии переносных значений ‘прямого’), поэтому мы опускаем их анализ в ходе нашего изложения.

(4.4.27) jur'ij pavlovičə-n' ezdə sevə-ms n'ina-nd'i mol'ə-ms,
 Юрий Павлович-GEN ABL взять-INF Нина-DAT идти-INF
 ki-s' vid'ə.

дорога-DEF.NOM прямой

Начиная от Юрия Павловича до Нины дорога прямая.

(4.4.28) pot'ma-stə sevə-ms t'emn'ikəv oš-u mol'ə-ms
 Потьма-EL взять-INF Темников город-LAT ехать-INF
 ki-s' od, an'c'ək t'ii-f i vid'ə.

дорога-DEF.NOM новый только делать-PRT.PST и прямой

Из Потьмы в Темников дорога новая, только что сделанная и ровная.

Надо сказать, однако, что в идиолектах некоторых из наших информантов лексема *vid'ə* относится только к фрейму прямой линии и не может описывать ровную поверхность. Такие носители используют по отношению к поверхности заимствованное из русского языка прилагательное *rovnaj*, как в (4.4.29).

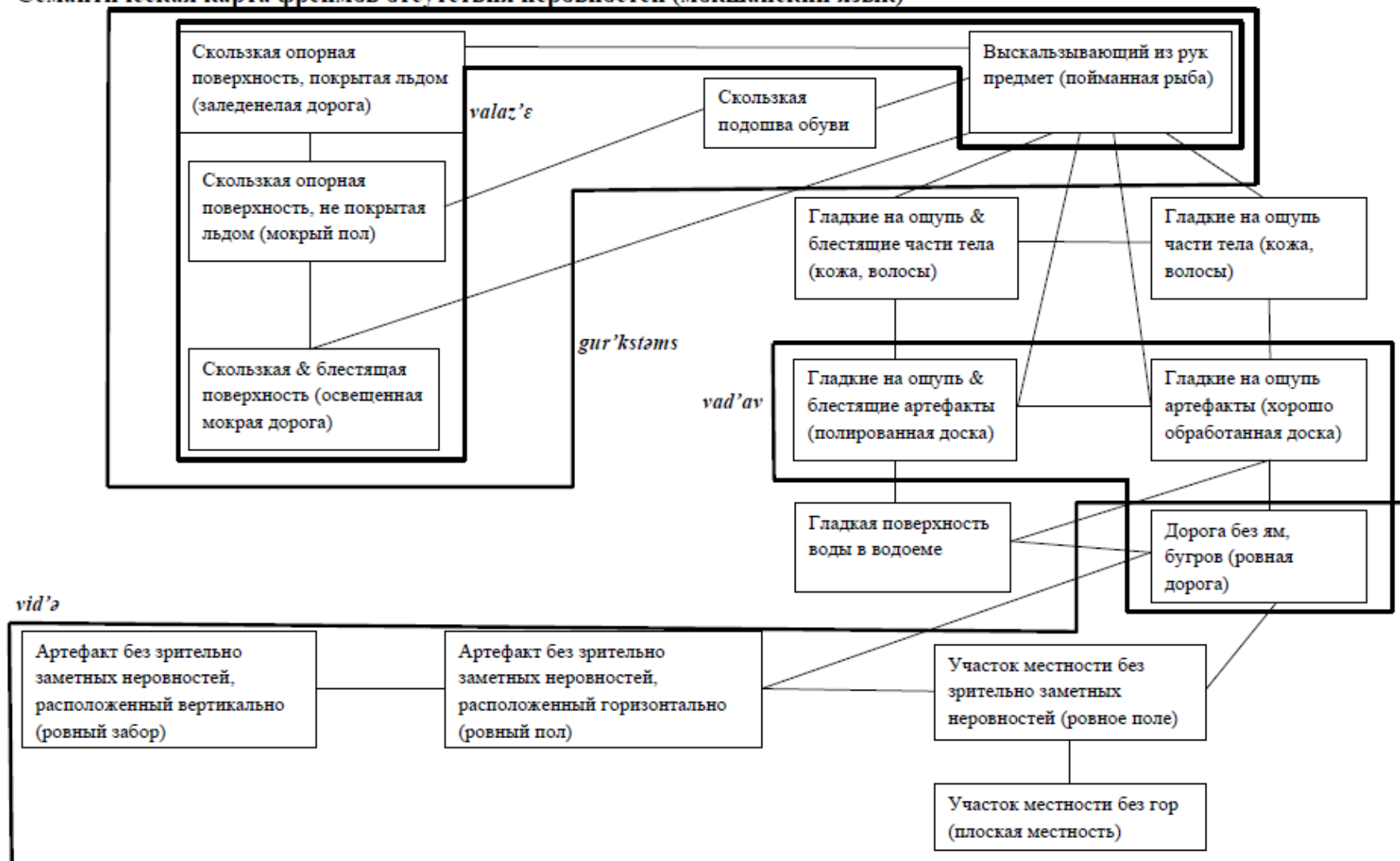
(4.4.29) aftobus val'ma-va vanə-n': pək paks'ə-s' rovnaj.
 автобус окно-PROL видеть-PST.1SG очень поле-DEF.NOM ровный

Из окна автобуса видела: поле очень ровное.

Обобщение данных о лексемах отсутствия неровностей

К типологическим особенностям системы лексем, передающих отсутствие неровностей, в мокшанском языке относится, во-первых, противопоставление по тому, покрыта ли скользкая поверхность каким-либо посторонним веществом; во-вторых, особая категоризация частей человеческого тела в зоне гладких поверхностей (человеческая кожа, руки и лицо обычно описываются не прилагательным *vad'av* 'гладкий', а прилагательным *l'erə* 'мягкий'); в третьих, использование прилагательного со значением 'прямой' (о линии) для описания ровных поверхностей. Обобщение данных мокшанского языка представлено ниже на семантической карте:

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (мокшанский язык)

4.4.2 Лексемы со значением наличия неровностей

Отглагольные прилагательные *kir'ənžaf* и *pužf*

Морщинистые и сморщенные поверхности описываются в мокшанском языке отглагольными образованиями *kir'ənžaf* и *pužf*. Лексема *kir'ənžaf* описывает плоские объекты (например, кожу старика и метонимически морщинистое лицо, см. (4.4.30), ткань со складками), тогда как лексема *pužf* сочетается с названиями сморщенных объемных предметов (характеризуя, например, старую сморщенную картошку или яблоко, ср. *pužf mar's'* 'сморщенное яблоко').

- (4.4.30) kodamə ava-t' šama-c **kir'ənžaf.**
какой женщина-DEF.GEN лицо-POSS3SG морщинистый
Какое у женщины лицо морщинистое.

Прилагательное *kaz'amə*

В мокшанском языке доминантным прилагательным для зоны тактильно воспринимаемых неровностей является прилагательное *kaz'amə* (когнат ранее рассмотренного эрзянского *казямо*). Так, оно описывает шершавые руки (4.4.31), язык коровы (4.4.32), кору сосны с крупными неровностями (4.4.33), шершавую доску (4.4.34) и может описывать также доску с нерегулярными шероховатостями, мягкие неровности на небритом лице (4.4.35), грубую ткань (4.4.36).

- (4.4.31) načkə kɛd'-n'ə maṛtə l'is'ə-n' uš-u,
мокрый рука-PL.DEF с выходить-PST.1SG улица-LAT
kɛd'-n'ə **kaz'amə-t.**
рука-PL.DEF шершавый-PL
С мокрыми руками выходила на улицу, руки шершавые.
- (4.4.32) traks-t' kɛl'ə-c **kaz'amə.**
корова-DEF.GEN язык-POSS3SG шершавый
У коровы язык шершавый.

- (4.4.33) pič-t' langə-c kaz'amə.
 сосна-DEF.GEN поверхность-POSS3SG шершавый
У сосны поверхность шероховатая.
- (4.4.34) арак inz'et'-f doska-s' kaz'amə.
 NEG строгать-PRT.PST доска-DEF.NOM шершавый
Неструганая доска шершавая.
- (4.4.35) šama-c kaz'amə, af lac para-f.
 лицо-POSS3SG шершавый NEG хорошо брить-PRT.PST
Лицо шероховатое, плохо побрито.
- (4.4.36) mešək-tn'ə-n' sta-saz' kaz'amə mat'er'ija-stə.
 мешок-PL.DEF-GEN шить-PRS.3PL:S.3.O шершавый ткань-EL
Мешки шьют из грубой ткани.

Набор метафорических употреблений прилагательного *kaz'amə* значительно уже, чем у его эрзянского когната *казямо*, но всё же мокшанское прилагательное развивает две достаточно широко употребляемые метафоры. Во-первых, оно применяется к жестокому человеку, часто сочетаясь в этом случае с существительным *s'ed'ij* 'сердце' (хотя нами зафиксированы и примеры с сочетанием *kaz'amə loman'* 'жестокий (букв.: шершавый) человек'), как в цитате (4.4.37) из мокшанской песни, известной жителям с. Лесное Цибаево, или в примере (4.4.38), приведенном одним из информантов.

- (4.4.37) t'at kel'gə st'ər'-n'ε-t' mazi-n'ε-t', son'
 NEG.IMP любить девушка-DIM-DEF.GEN красивый-DIM-DEF.GEN она.GEN
 ezdə-nzə af topəd'-at, s'ed'ijə-c kevə-n'
 ABL-POSS3SG NEG насытиться-PRS.2SG сердце-POSS3SG камень-GEN
 mešt'ə-nzə, s'ed'ijə-c son' kaz'amə.
 грудь-POSS3SG сердце-POSS3SG она.GEN шершавый
*Не люби красивую девушку, она отвергнет (букв.: ей не насытишься),
 сердце каменное в груди, сердце у нее жестокое (букв.: шершавое,
 грубое).*

- (4.4.38) son moʒət šavə-ms loman'-t', s'as mes
 он может убить-INF человек-DEF.GEN потому что
 son' **kaz'amə** s'ed'ijə-c.
 он.GEN шершавый сердце-POSS3SG
Он может убить человека, потому что у него жестокое (букв.: шершавое, грубое) сердце.

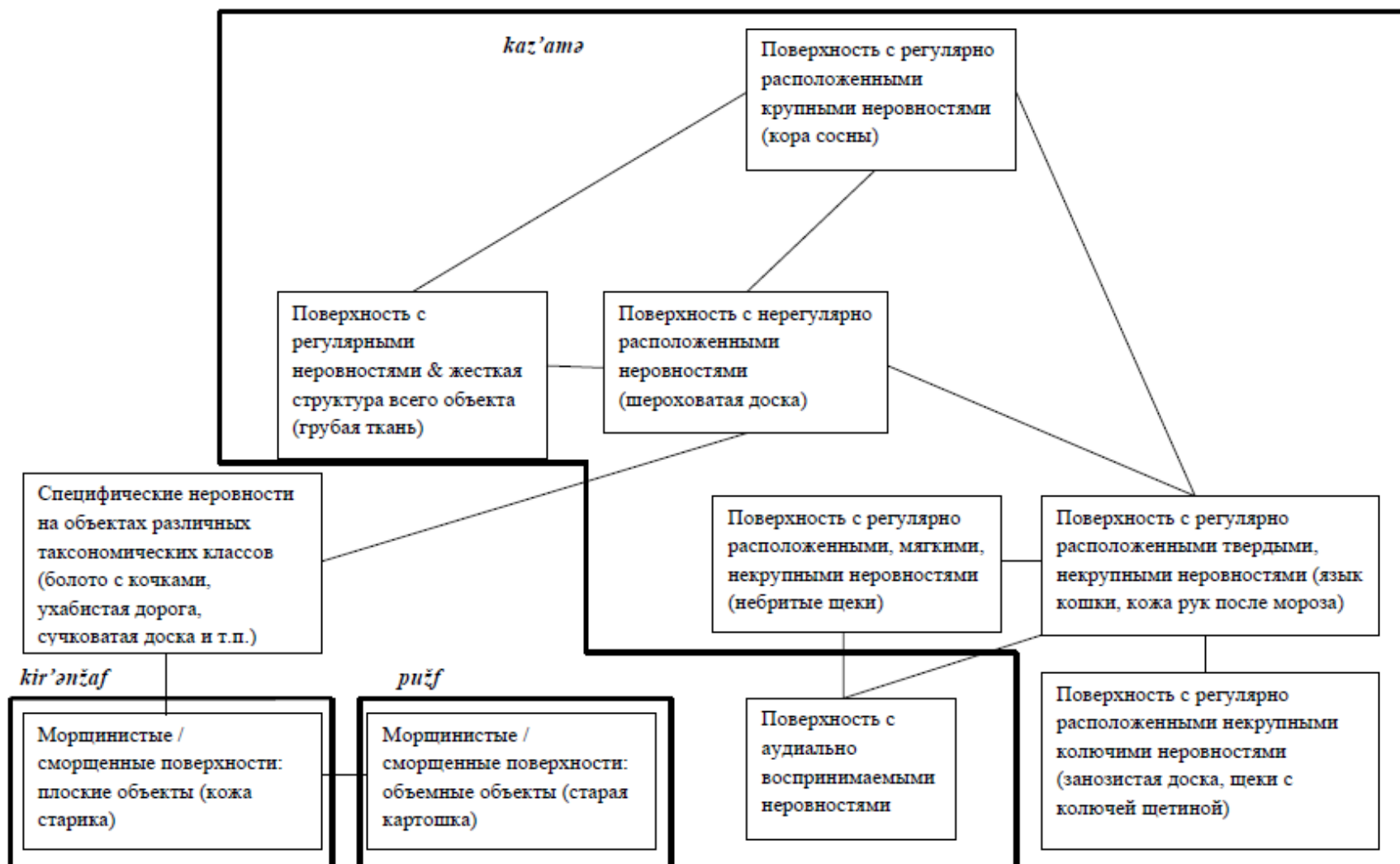
Во-вторых, прилагательное *kaz'amə* используется по отношению к грубому голосу (4.4.39), являющемуся, что важно, постоянной характеристикой человека (например, в том случае, у человека «от природы» грубый тембр голоса или если голос стал таким от частого курения). Голос, охрипший от простуды или крика, описывается не прилагательным *kaz'amə*, а причастием *kaškəmf* 'охрипший'.

- (4.4.39) aрак lotks'a-k son kur'end-aj,
 NEG перестать-PRT.PST она курить-PRS.3SG
 s'asi son' vajgel'ə-c **kaz'amə**.
 поэтому она.GEN голос-POSS3SG шершавый
Она курит, не переставая, поэтому ее голос грубый.

Обобщение данных о лексемах наличия неровностей

В мокшанском языке представлена доминантная система лексем со значением наличия неровностей, где основной набор фреймов покрывается одной лексемой – *kaz'amə*. Типологически интересным также является противопоставление по плоскому vs. объемному характеру сморщенных поверхностей. В области метафорических употреблений любопытно, что мокшанское прилагательное *kaz'amə* развивает их в значительно меньшей степени, чем его эрзянский когнат *казямо*. Данные о категоризации семантической зоны наличия неровностей в мокшанском языке обобщены ниже на семантической карте.

Семантическая карта фреймов наличия неровностей (мокшанский язык)

4.5. Марийский язык

4.5.0. Общие сведения о марийском языке

Марийский язык относится к финно-волжской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. Численность его носителей, по данным www.ethnologue.com на 2010 г., составляет около 400 тысяч человек. Традиционно выделяется два крупных диалекта марийского языка – луговой марийский и горномарийский (каждый из них более дробно подразделяется на говоры, а также на основе каждого из них создана литературная норма). В нашей работе мы сосредоточимся на данных лугового марийского языка. В настоящее время он достаточно хорошо сохранен среди носителей всех поколений, во многих семьях происходит естественная передача марийского языка детям (но в то же время в речи молодого поколения происходят изменения под влиянием, с одной стороны, русского языка на марийский, с другой стороны, литературного марийского языка на марийские диалекты – см. об этом [Кузнецова 2001], [Кузнецова 2012: 34 – 35]). Его литературный вариант преподается в школах, а также используется в СМИ и художественной литературе. Основой для создания литературного лугового марийского языка, согласно [Коведяева 1976: 18], [Коведяева 1993: 149], послужил моркинско-сернурский говор – но при этом нужно понимать, что литературный язык и особенно его лексический состав обогащается за счет других говоров (см. подробнее [Коведяева 1976: 17 – 18]).

Материал для нашей работы был собран путем анкетирования носителей марийского языка. Все они владеют литературным языком и пользуются им в повседневном общении, поэтому мы сосредоточились именно на описании системы литературного марийского и не рассматриваем лексические единицы, явно имеющие узко диалектный характер. Вместе с тем опрошенные информанты являются носителями разных говоров, поэтому в их речи неизбежно варьирование, степень которого, в то же время, может быть сглажена за счет влияния, оказанного на их говоры выученным ими

литературным языком (в тех случаях, когда варьирование затрагивает единицы рассматриваемой нами семантической группы, оно будет оговариваться). Кроме того, мы активно привлекали к анализу примеры и толкования лексем, опубликованные в [Словарь марийского языка]: это электронный доступный в Интернете марийский словарь, в основу которого был положен 10-томный словарь марийского языка (главный редактор И. С. Галкин), выпускавшийся в Марийском институте языка, литературы и истории в 1990 – 2005 гг. Он содержит весьма подробные иллюстрации к толкованиям лексем (и многие из этих иллюстраций взяты из марийских художественных текстов) и адекватно отражает лексический состав литературного марийского языка. В то же время в этот словарь включены и диалектные слова, не используемые широко во всем ареале распространения марийского языка (как показала наша работа с информантами). Такие слова мы оставляем вне нашего подробного рассмотрения.

4.5.1. Лексемы со значением отсутствия неровностей

Прилагательные *яклака* и *йывыжа*

В этом разделе мы рассмотрим семантику марийских прилагательных *йывыжа* и *яклака*. Прилагательное *йывыжа* относится к семантической зоне гладких поверхностей, а прилагательное *яклака* – к семантическим зонам и гладких, и скользких поверхностей, представляя собой пример интересного для лексической типологии совмещения значений (фиксируемого, что важно, не только в современном языке, но и в более старых источниках, ср. [Raasonen 1948: 23], где слову *яклака* приписано и значение ‘скользящий’, и значение ‘гладкий’). Далее перейдем к более подробному обсуждению.

Прилагательное *яклака*⁵¹ обслуживает все фреймы семантической зоны скользких поверхностей. Так, в (4.5.1) и (4.5.2) оно используется для

⁵¹ Словарная статья прилагательного *яклака* в [Словарь марийского языка] содержит также отсылки к прилагательным *ягыл* и *ягылге*. Их прямые значения формулируются в словаре практически идентично прилагательному *яклака*, а кроме того, в ходе работы опроса информантов оказалось, что части из них слова *ягыл* и *ягылге* незнакомы вовсе, а часть

характеристики опорной поверхности (покрытой льдом в (4.5.1) и не покрытой в (4.5.2)), в (4.5.3) и (4.5.4) описывает выскальзывающие из рук предметы (ср. также *яклака кол* ‘скользящая рыба’), в (4.5.5) – скользкую подошву обуви. Прилагательное *йывыжа* значения ‘скользящий’ не имеет.

(4.5.1) Йўдым кече кылмыкт-эн, корно **яклака**.

ночью погода подморозить-PST2 дорога скользкий

Ночью подморозило, дорога скользкая.

(4.5.2) Кўварым муш-мо, ончо, ит камвоч. Кўвар **яклака**.

пол-ACC мыть-PRT.PASS смотреть.IMP NEG.IMP падать пол скользкий

Пол вымыт, смотри, не упади. Пол скользкий.

(4.5.3) Мече **яклака**, куч-аш лий-дыме.

мяч скользкий держать-INF удаваться-PRT.NEG

Мяч скользкий, невозможно удержать.

(4.5.4) Йўр деч вара понго моткоч **яклака**.

дождь от затем гриб очень скользкий

После дождя грибы очень скользкие.

(4.5.5) Тел-ылан **яклака** йолчием-ым ида нал.

зима-DAT скользкий обувь-ACC NEG.IMP.PL брать

На зиму не покупайте скользкую обувь.

Областью конкуренции прилагательных *яклака* и *йывыжа* является семантическая зона гладких поверхностей. Сочетаемость этих лексических единиц с именами, обозначающими гладкие на ощупь предметы, сильно пересекается и, как могло бы показаться на первый взгляд, не подчиняется каким бы то ни было четким закономерностям. Так, в [Словарь марийского языка] приводятся примеры употребления прилагательного *яклака* в значении ‘гладкий’ о бумаге, жерди, лице, дороге и камне, а *йывыжа* (в этом же значении) – о бумаге и волосах. Кроме того, носители марийского языка часто

узнают их, но оценивают как диалектные варианты лексемы *яклака*. Поскольку среди наших информантов не было таких носителей, которые активно бы использовали в своей речи слова *ягыл* и *ягылге*, мы сосредоточимся на анализе «основного» варианта – *яклака*.

указывают на взаимозаменяемость прилагательных *яклака* и *йывыжа* в тех контекстах анкеты, где речь идет о гладких поверхностях.

Вместе с тем в ходе опроса носителей языка удалось выявить тенденцию, согласно которой оба прилагательных (и *яклака*, и *йывыжа*) характеризуют поверхность, гладкую на ощупь, но *яклака*, в отличие от *йывыжа*, предполагает наличие дополнительного визуального признака – блеска⁵². Так, например, словосочетание *йывыжа она*, по оценкам носителей, означает ‘гладкая доска’ (на ощупь), тогда как *яклака она* – это не просто гладкая, но и полированная, блестящая доска. *Йывыжа материал* – это гладкая на ощупь ткань, а *яклака материал* – гладкая на ощупь и одновременно блестящая ткань. *Йывыжа үп* – это гладкие, приятные на ощупь волосы, в то время как *яклака үп* скажут скорее о гладких блестящих волосах (как прокомментировала этот пример одна из информанток, «особенно если гелем помазать»)⁵³. В вопросах об употреблении прилагательных *йывыжа* и *яклака* по отношению к коже человека (например, к гладкой, ухоженной коже девушки или к гладко выбритым щекам) информанты колеблются и допускают оба варианта (как в (4.5.6)), но иногда поясняют, что *яклака* подразумевает лучше заметную визуальную степень гладкости и придание ей большего акцента.

⁵² Важно при этом, что употребление прилагательного *яклака* обязательно предполагает гладкость поверхности и не сводится только к обозначению блеска (для которого в марийском языке есть целый ряд своих глаголов, ср. приведенные в [Словарь марийского языка] лексемы *волгалташ*, *йылгыжааш*, *чылгыжааш* и др.).

⁵³ Интересно также, что упомянутому нами ранее диалектному варианту *ягылге* в [Словарь марийского языка] приписана дефиниция «истёртый, стёртый; лоснистый, лоснящийся, блестящий (от загрязнения, долгого ношения)», сопровождаемая примером (4.5.8). По-видимому, и в этом случае речь идет о гладкой и блестящей поверхности, что служит еще одним подтверждением наших выводов.

(4.5.8) Упш-ын меж-ше йоген пыт-ен-ат, ковашт-ыже
шапка-GEN шерсть-POSS3SG полностью выпать-PL кожа-POSS3SG
ягылге, йылгыжалт-а.
лоснистый блеснуть-NPST.3SG

От того что у шапки шерсть выпала, кожа лоснистая, поблескивает [Словарь марийского языка].

(4.5.6) Сайын бритл-эн, шүргө йывыжа / яклака.

хорошо брить-CONV щека гладкий гладкий

Хорошо побрился, щеки гладкие.

Применяясь по отношению к опорной поверхности, прилагательное *яклака* по умолчанию скорее интерпретируется как ‘скользкий’ (так, первое понимание информантами словосочетания *яклака кўвар* – ‘скользкий пол’). Вместе с тем и в данном случае при наличии подходящего контекста лексема *яклака* может принимать значение ‘гладкий и блестящий’, как в примере (4.5.7), где речь идет о недавно покрашенном и оттого гладком и блестящем поле.

(4.5.7) Кўвар чиялт-ыме, садлан-ак тудо яклака.

пол красить-PRT.PASS поэтому-EMPH он гладкий

Пол покрашен, поэтому он гладкий.

Ровная дорога в марийском языке стандартно описывается прилагательным *тёр*, семантика которого будет подробно описана в следующей части данного раздела. Некоторые носители допускают использование по отношению к дороге и прилагательного *йывыжа* (особенно если речь идет о гладкой асфальтированной дороге), как в (4.5.9). В свою очередь словосочетание *яклака корно* может быть понято только как ‘скользкая дорога’ (такая, на которой легко поскользнуться, и поэтому плохо функционирующая), но не как ‘гладкая дорога’ (такая, на которой нет даже мельчайших неровностей, и поэтому хорошо функционирующая). Это логично коррелирует со сформулированной нами семантикой прилагательного *яклака*: ведь если бы им можно было описать гладкую дорогу, то оно должно было бы подразумевать, что эта дорога гладкая до блеска, отсылая тем самым к некоторой экстралингвистически странной для носителей марийского языка реалии.

(4.5.9) Ола гыч ял-ыш ышт-ен-ыт йывыжа корн-ым.

город из деревня-LAT делать-PST2-3PL гладкий дорога-ACC

Из города в деревню сделали гладкую дорогу.

Интересно также, что гладкое, приятное на ощупь дно реки информанты предпочитают описывать прилагательным *йывыжа*, но не *яклака* (в свою очередь *яклака* в этом контексте понимается носителями языка в значении ‘скользящий’), ср. (4.5.10) – и это логично, поскольку, находясь в реке, ее дно можно оценить ногами на ощупь, но затруднительно оценить как блестящее или не блестящее.

(4.5.10) Тиде ер-ыште йўштыл-аш келш-а,
 этот река-ESS купаться-INF нравиться-NPST.3SG
 тудын пундаш-ыже **йывыжа** / ?? **яклака**.
 он.GEN дно-POSS3SG гладкий гладкий

В этой речке купаться нравится, у нее дно гладкое.

Что касается переносных употреблений, то прилагательное *яклака* развивает метафоры, связанные как с прямым значением ‘скользящий’, так и с прямым значением ‘гладкий’⁵⁴. Особенно показательно в этом смысле употребление *яклака* в выражении *яклака йылме*, буквально означающем ‘скользящий / гладкий язык’. С одной стороны, это выражение может обозначать излишне болтливую человека, который говорит много лишнего, или много глупостей, или говорит больше, чем делает – ср. примеры (4.5.11) из [Словарь марийского языка] и (4.5.12), записанный от информанта – и в данном случае метафора, по-видимому, мотивирована значением ‘скользящий’, передавая типологически свойственную метафорам от этого прилагательного идею ненадежности.

⁵⁴ Сразу отметим, вместе с тем, что в одном случае оказывается проблемой достоверно установить семантическую зону-источник. Речь идет о выражении *яклака логар*, которое буквально означает ‘гладкое / скользкое горло’, а переносно характеризует лакомку, человека, который любит вкусно поесть. Имеется ли здесь в виду буквально «скользкое горло» или же «гладкое горло», на основании наших марийских материалов, равно как и типологических данных, достоверно не устанавливается.

(4.5.11) Йылме **яклака**, лу уке, кеч-мо-м-ат
 язык скользкий кость NEG хоть-что-ACC-EMPH
 ойл-аш лий-эш.
 говорить-INF быть-NPST.3SG
*Болтун, язык без костей (букв.: Язык скользкий, костей нет), что
 угодно может говорить [Словарь марийского языка].*

(4.5.12) Тудын йылым-ыже гына **яклака**, паша-жы-м
 он.GEN язык-POSS3SG только скользкий работа-POSS3SG-ACC
 шукт-ыде-ат код-ен керт-еш.
 делать-CONV.NEG-EMPH остаться-CONV мочь-NPST.3SG
*Он только языком мелет (букв.: у него язык только скользкий), а
 работу может и несделанной оставить.*

С другой стороны, выражение *яклака йылме* характеризует красноречивого человека, говорящего гладко, уверенно, у которого «язык подвешен» ((4.5.13), (4.5.14)). В этом случае метафора развивается из значения ‘гладкий’.

(4.5.13) Тыйын йылым-ет **яклака**, кутыр-ен мошт-ет,
 ты.GEN язык-POSS2SG гладкий говорить-CONV уметь-NPST.2SG
 опыт-ет кугу.
 опыт-POSS2SG большой
*У тебя язык подвешен (букв.: гладкий), умеешь говорить, опыт
 большой [Словарь марийского языка].*

(4.5.14) Тусо склад пашаен-влак денекутыр-ен мошт-аш
 тамошний склад работник-PL с говорить-CONV мочь-INF
 йылым-ет-ат **яклака** лий-же, күсен-ет-ат
 язык-POSS2SG-EMPH гладкий быть-IMP.3SG карман-POSS2SG-EMPH
 овар-ен шогыжо.
 выдаваться-CONV наружу
*Чтобы суметь договориться с теми складскими работниками, и
 язык должен быть подвешен хорошо (букв.: должен быть гладкий), и
 карманы должны быть набиты деньгами (букв.: должны выдаваться
 наружу) [Словарь марийского языка].*

Кроме того, прилагательное *яклака* описывает, во-первых, ненадежного человека (*яклака айдеме* ‘скользкий тип’ – метафора здесь развивается из зоны ‘скользкого’), во-вторых, гладкое протекание действия, как в (4.5.15). В этом случае метафора мотивирована исходным значением ‘гладкий’. Не исключено, однако, что обе эти метафоры калькированы с русского языка – но достоверно подтвердить или опровергнуть это на нашем материале невозможно.

(4.5.15) Чыла **яклака-н** эрт-ен, ман-аш ок лий.
 всё гладкий-ADV пройти-CONV сказать-INF NEG.NPST.3 быть

Нельзя сказать, что всё прошло гладко [Словарь марийского языка].

Наконец, при работе с информантами выявилось еще одно метафорическое употребление *яклака*. Это прилагательное можно употребить (как в примере (4.5.16), полученном от информанта) в том случае, когда у человека, о котором идет речь в контексте, нет денег (при этом *яклака* не используется в каких-либо других контекстах, соответствующих русскому *пустой*, как, например, по отношению к пустой тарелке, подносу или вазе, безлюдному дому или улице). Здесь мы наблюдаем пример той модели полисемии прилагательных с исходным значением ‘гладкий’, когда они сдвигаются в обозначение отсутствия ресурса или отличительных качеств.

(4.5.16) Тудын кўсен-же **яклака**.
 он.GEN карман-POSS3SG гладкий

У него в кармане пусто (букв.: *Его карман гладкий*).

Прилагательное *йывыжа*, обозначая в прямом значении гладкие, приятные на ощупь поверхности, переносно описывает объекты, метафорический «контакт» с которыми оказывается приятным для человека, выражая в этих случаях значения ‘нежный’, ‘приятный’, ‘ласковый’. Так, в [Словарь марийского языка] зафиксированы следующие примеры использования *йывыжа* и производного наречия *йывыжан*: *йывыжа шомак* ‘нежное слово’, *йывыжа сем* ‘нежная мелодия’, *йывыжан ончалаш* ‘нежно посмотреть’, *йывыжан воштылалаш* ‘нежно улыбнуться’, *йывыжан ниялташ* ‘ласково погладить [колос ржи]’, *тамже йывыжа* ‘приятный на вкус’, ср. также более

широкие контексты в (4.5.17) и (4.5.18). В одном из примеров (4.5.19), заимствованном в [Словарь марийского языка] из художественной литературы, встретилось и употребление *йывыжа* в значении ‘стройный’ (о девушке) – при том, что для выражения этого значения словарь фиксирует и целый ряд других лексем (в частности, *яшката*, *янгата*, а также еще несколько диалектных слов), у которых оно является основным. Возможно, вместе с тем, что данное употребление *йывыжа* тоже можно отнести к рассматриваемому нами классу его метафор.

(4.5.17) Шижде тол-ын лек-ше мардеж кошк-ышо
 неожиданно прийти-CONV выйти-PRT.ACT ветер сохнуть-ACT.PRT
 вондер-ым **йывыжа-н** тарват-а.
 кустарник-ACC гладкий-ADV качать-NPST.3SG
*Неожиданно откуда-то появившийся ветер нежно (букв.: гладко)
 качает засохший кустарник* [Словарь марийского языка].

(4.5.18) Марий-влак, шем мотор ўдыр – чоя ўдыр, ман-ын
 мариец-PL черный красивый девушка хитрый девушка сказать-CONV
 ойл-ен-ыт гынат, Окси-н чоялык-ше уке ыле,
 говорить-PST2-3PL хотя Окся-GEN хитрость-POSS3SG NEG быть-PST.3SG
 ава-ж гаяк **йывыжа** кумыл-ан кушк-ын.
 мать-POSS3SG как гладкий душа-PROPR расти-CONV
*Хотя марийцы брюнеток считали хитрыми, но у Окси не было
 хитрости, росла она, как и мать, ласковой (букв.: с гладкой душой)*
 [Словарь марийского языка].

(4.5.19) Лиза-н **йывыжа** кап-ше, лыжга койыш-ыжо, сылне
 Лиза-GEN гладкий тело-POSS3SG тихий нрав-POSS3SG прекрасный
 мур-ыжо мыйым юл-ен-ыт.
 песня-POSS3SG я.ACC заморозить-PST2-3PL
*Стройное тело, нежный нрав, прекрасная песня Лизы меня
 заморозили* [Словарь марийского языка].

Прилагательное *tör*

Марийское прилагательное *tör*, как мы покажем далее, описывает в семантической области качеств поверхностей зрительно воспринимаемые ровные поверхности. Кроме того, оно может выражать значение ‘прямой’ (о линии), а также оказывается богатым переносными значениями. Прежде чем перейти к дальнейшему и более детальному рассмотрению его употребления в современном марийском языке, необходимо сделать краткий исторический экскурс, поскольку иначе понимание полисемии этого прилагательного на синхронном уровне может оказаться затруднено.

По данным [Федотов 1990: 253], прилагательное *tör* заимствовано в марийский язык из чувашского (чувашское слово-источник заимствования записано в указанном издании как *túrë / törë, tör*). В словаре чувашского языка [Ашмарин 1937], содержащем весьма подробные перечни значений каждой лексемы и богатый иллюстративный материал, фиксируется (с. 222) прилагательное *túrë* ‘прямой’ (значение же ‘ровный’ этому прилагательному не приписывается), а также прилагательные *túr* и *tör* (с. 219), которые тоже определяются как ‘прямой’ (но не как ‘ровный’) и при которых одновременно дается отсылка к словарной статье *túrë*. Исходя из этого, логично предположить, что первоначальным значением лексемы *tör* в марийском языке было ‘прямой’, тогда как значение ‘ровный’ развилось у нее вторично.

Обратимся теперь к подробному анализу семантики прилагательного *tör* в современном марийском языке. Им сохраняется исходное значение ‘прямой (о линии)’: так, словосочетание *tör корно*, по уверенному мнению носителей языка, можно понять как ‘прямая дорога’, ср. также приводимые в [Словарь марийского языка] данные об употреблении слова *tör* в значении ‘стройный, статный, складный (о человеке)’, весьма близком к исходному значению ‘прямой’ (о линии)⁵⁵. В [Словарь марийского языка] фиксируется для горной

⁵⁵ Аналогичный случай полисемии зафиксирован нами и в ходе полевой работы с носителями ижемского диалекта коми-зырянского языка, где прилагательное *vesькыд* ‘прямой’ описывает также стройного человека.

разновидности марийского языка явно производное от *tör* наречие *török*, исходно означающее ‘прямо, в прямом направлении’ (ср. данный в указанном словаре пример *török aшкедаш* ‘идти прямо’). Кроме того, некоторые из опрошенных нами носителей вспоминали в ходе работы прилагательное *тура*, оцениваемое ими как диалектный вариант литературного *tör*. В [Словарь марийского языка] содержатся данные о лексеме *тура* (к сожалению, без детализации диалектного ареала ее употребления), подтверждающие наличие у нее значения ‘прямой’ (о линии), ср. *тура йолгорно* ‘прямая тропа’, *тура корно* ‘прямая дорога’ ([Словарь марийского языка]). Отметим, вместе с тем, что значение ‘прямой’ (о линии) в современном марийском языке выражается и прилагательным *вияш* (в отличие от *tör*, имеющим, по данным базы Starling, уральскую этимологию), как в приводимых в [Словарь марийского языка] примерах *вияш урем* ‘прямая улица’ и *вияш корно* ‘прямая дорога’. Детальный анализ категоризации семантической зоны ‘прямого’ не входит в задачу настоящей работы, но понимание связи с этой зоной прилагательного *tör* пригодится нам в дальнейшем при рассмотрении переносных употреблений.

Что же касается употреблений лексемы *tör* по отношению к поверхностям, то она, как уже было сказано, характеризует зрительно воспринимаемые ровные поверхности (употребление же *tör* в тактильных контекстах, свойственных обсуждавшимся ранее прилагательным *яклака* и *йывыжа*, в марийском языке невозможно). В частности, словом *tör* описываются обширные ровные участки местности, как в (4.5.20) или в примерах *кумда tör вер* ‘широкое ровное место’, *tör тайыл* ‘ровный склон’ (первый из этих примеров записан от информанта, второй зафиксирован в [Словарь марийского языка]). Этим же прилагательным характеризуется ровная (без ям, ухабов и пр.) дорога (4.5.21), а также артефакты, поверхность которых зрительно воспринимается как ровная, ср. *tör пырдыж* ‘ровная стена’ или пример (4.5.22) о ровных половых досках.

(4.5.20) Мемнан ял-ыште нур **төр**.

мы.GEN деревня-ESS поле ровный

У нас в деревне поле ровное.

(4.5.21) **Төр** корно, сай кудал-аш.

ровный дорога хороший ехать-INF

Ровная дорога, хорошо ехать.

(4.5.22) Онам **төр** опт-ымо, но яклака огыл.

доска-ACC ровный класть-PRT.PASS но гладкий NEG.NPST.3SG

Доски ровно уложены, но не гладкие.

Контекст гладкой поверхности воды в водоеме у большинства информантов оказывается лакуной с точки зрения описания фактуры поверхностей. Наиболее уместной, с точки зрения таких носителей, по отношению к воде оказывается лексема *шыл* ‘тихий’. Отдельные информанты, однако, допускают употребление в этом случае лексем *төр*, *яклака* и *йывыжа*, но такое словоупотребление, по-видимому, не общепринято.

Переносные употребления лексемы *төр* развиваются как из ее первоначального значения ‘прямой’, так и из значения ‘ровный’ (о типологии полисемии прилагательных со значением ‘прямой’ см. подробнее [Наний 2012], об их сопоставлении с прилагательным ‘ровный’ см. также [Лучина и др. 2013], [Лучина forthc.]). В частности, такие употребления (зафиксированные в [Словарь марийского языка] и проверенные с информантами), как *төр айдеме* ‘правдивый, правильный человек’ и *төр ойло* ‘говори прямо (откровенно, правдиво)’, согласно типологическим данным, характерны для лексем, означающих исходно ‘прямой’, а не ‘ровный’.

Целый ряд метафорических употреблений прилагательного *төр* соответствует классам метафор, выделенным нами на основании типологических данных как характерные для семантической зоны ‘ровного’. Так, по данным [Словарь марийского языка], эта лексема обозначает равенство каких-либо объектов или величин (*төр дене төр* ‘вровень с краями’, *төр акан* ‘равноценный’, *төр вий* ‘равные силы’, *төр кужытан* ‘с равной длиной’, *төр*

ужсалаиш ‘делить одинаково’), равномерное движение (*төр шупшаиш* ‘тянуть равномерно’), равномерный характер статичных объектов (4.5.23)⁵⁶.

(4.5.23) Лампе изи гын-ат, волгыд-ым **төр**

лампа маленький хотя-EMPH свет-ACC ровный

пу-ЭН шог-а.

давать-CONV стоять-NPST.3SG

Лампа хоть и мала, но свет дает равномерно (букв.: Лампа маленькая хоть, свет ровно давая стоит) [Словарь марийского языка].

Для некоторых из переносных значений лексемы *төр* источник (‘прямой’ vs. ‘ровный’) не очевиден. Так, [Словарь марийского языка] фиксирует употребление *төр* в значении ‘точно, ровно’, как в (4.5.24), что, по типологическим данным (ср. в частности [Лучина и др. 2013]), может быть результатом семантического развития каждого из этих прилагательных. Отметим, вместе с тем, что для марийского языка более характерно употребление в таких контекстах не *төр*, а частиц *лач* и *лачак* (ср. примеры из [Словарь марийского языка] *лач вич шагат* ‘ровно пять часов’, *лач тудо* ‘именно он’).

(4.5.24) Ёдырамаш шагат-лак **төр** кошт-еш.

женщина часы-PL ровный приходит-NPST.3SG

Женщина приходит точно (букв.: ровно), как часы [Словарь марийского языка].

⁵⁶ Отметим, вместе с тем, что многие информанты предпочитают использовать в такого рода контекстах лексему *иктөр* ‘одинаково, равномерно’, но и она, впрочем, явно связана словообразовательно со словом *төр*.

Обобщение данных о лексемах отсутствия неровностей

Марийский материал обнаруживает три особенности, важные для понимания того, как устроена типологически семантическая зона отсутствия неровностей.

Во-первых, в марийском языке закрепляются за одной лексемой (*яклака*) значения 'скользящий' и 'гладкий', что служит эмпирическим подтверждением семантической близости этих зон.

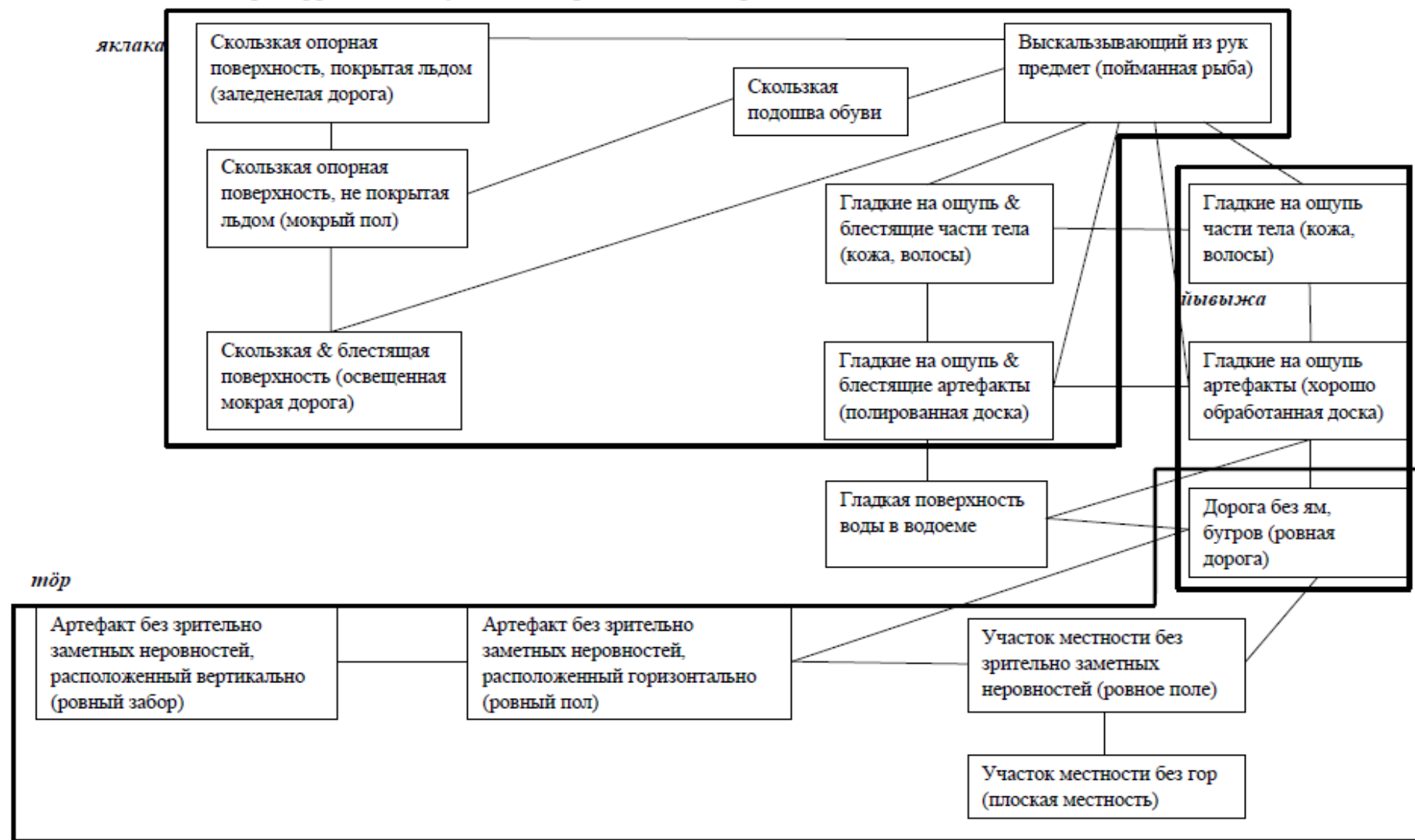
Во-вторых, в зоне гладких поверхностей противопоставляются лексемы, описывающие просто гладкие на ощупь предметы (*йывыжа*) vs. гладкие на ощупь предметы, имеющие дополнительный визуальный признак блеска (*яклака*) – и это серьезно уточняет типологические данные о том, как работает в этой семантической зоне параметр зрительного vs. тактильного восприятия.

В-третьих, одна марийская лексема (*төр*) сочетает значения 'прямой' (о линии) и 'ровный' (о поверхности), что тоже интересно типологически.

Кроме того, марийский материал оказывается богат переносными употреблениями, из которых особенно интересным и типологически наименее тривиальным представляется употребление прилагательного *яклака* 'скользящий, гладкий' в значении отсутствия ресурса (а именно, по отношению к человеку, не имеющему денег).

Сведения о прямых употреблениях прилагательных отсутствия неровностей в марийском языке обобщены на семантической карте.

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (марийский язык)

4.5.2. Лексемы со значением наличия неровностей

Отглагольное прилагательное *куптыргышо*

Сморщенные и морщинистые поверхности описываются в марийском языке отглагольным образованием *куптыргышо* (от глагола *куптыргааш* ‘сморщиться’). Оно характеризует морщинистую кожу пожилого человека (*куптыргышо шинчагомдыш* ‘морщинистые веки’ [Словарь марийского языка]), мятые и сморщенные плоские объекты (*куптыргышо тувыр* ‘мятая рубашка’, *куптыргышо серыш* ‘мятое письмо’ [Словарь марийского языка]), сморщенные трехмерные объекты (*куптыргышо паренге* ‘сморщенная картошка’, *куптыргышо понго* ‘сморщенный гриб’).

Прилагательные *kozyра* и *коштыра*

Прилагательные *kozyра* и *коштыра* описывают в марийском языке шершавые поверхности. Их семантика и сочетаемость будут подробно описаны далее. Прежде же следует сказать, что анализ этих лексем затрудняется в силу идиомного варьирования между опрошенными носителями: часть из наших информантов используют только слово *kozyра*, часть – только слово *коштыра* (причем совершенно в тех же контекстах, в которых первые употребляют *kozyра*), некоторые, однако, знают оба этих слова и разграничивают их семантику.

Лексема *kozyра* (у всех тех носителей, в идиолектах которых она присутствует) является доминантной для семантической зоны поверхностей с твердыми регулярными тактильно воспринимаемыми неровностями. Так, она описывает шершавые руки (от мороза, от долгой грубой работы, ср. *kozyра кид* ‘шершавые руки’, *kozyра кид копа* ‘шершавая ладонь’, (4.5.25)), язык кошки или коровы (*kozyра йылме* ‘шершавый язык’), шершавую на ощупь доску (с регулярными неровностями – *kozyра онга* ‘шершавая доска’), шершавую кору дерева (4.5.26), грубую ткань. По мнению большинства носителей, *kozyра* не описывает поверхности с мягкими неровностями (как, например, небритые щеки, о которых могут сказать *шуанше* ‘щетинистый’), а также с

нерегулярными неровностями (например, доску с отдельными шероховатостями – о ней можно сказать, например, *укшан она* ‘сучковатая доска’).

(4.5.25) А туд-ыжо ача-м-же мыйым шыман
а он-POSS3SG отец-POSS1SG-POSS3SG я.ACC ласково
ондал-е, **kozyра** вудотызан копа-ж дене
обнять-PST.3SG шершавый мозолистый ладонь-POSS3SG с
үп-ем ниялткал-аш тунгал-е.
волосы-POSS3SG гладить-INF начать-PST.3SG
А отец ласково обнял меня, своей шершавой, мозолистой ладонью стал гладить мои волосы [Словарь марийского языка].

(4.5.26) **Kozyра** тырке, **kozyра** тырке, шум-ет-ым
шершавый молодая.сосна шершавый молодая.сосна кора-POSS2SG-ACC
эрыкт-аш тол-ын-на.
чистить-INF прийти-PST-1PL
Шершавая молодая сосна, шершавая молодая сосна, мы пришли очистить твою кору [Словарь марийского языка].

Носители, не употребляющие слова *kozyра*, закрепляют за этими же фреймами прилагательное *коштыра*, ср. записанные от таких носителей примеры *коштыра она* ‘шершавая доска’, *коштыра материал* ‘грубая ткань’, (4.5.27).

(4.5.27) Мыйын кид-ем **коштыра**.
я.GEN рука-POSS1PL шершавый
У меня руки шершавые.

Информанты, разграничивающие сферу употребления слов *kozyра* и *коштыра*, склонны оценивать *коштыра* как звукоизобразительное прилагательное. Этому находят подтверждения в [Словарь марийского языка] – ср. включенные в него слова (дефиниции цитируются по источнику) *кыштыр-коштыр* ‘подражание звуку шуршания, шороха’, *коштыр-коштыр* ‘подражание скрипу. хрусту, резкому шуршанию чего-л.’. *коштыртаташ*

‘скрипеть, хрустеть, издавать резкий шорох’. В идиолектах таких носителей *коштыра* (хотя и часто пересекается в употреблении с *козыра*) прототипически описывает негладкие поверхности, при контакте с которыми может образовываться шуршащий звук: обветренные руки (4.5.28) или губы (*коштыра тўрвö* ‘шероховатые губы’), грубую ткань (*коштыра вынер* ‘грубое полотно’), корочку, которой покрывается ссадина. Для словосочетания *коштыра кагаз* отмечено и понимание ‘шершавая бумага (на ощупь)’, и понимание ‘шуршащая бумага (на слух)’.

(4.5.28) Урем-ыште пижерге деч посна кошт-ын-ам,
 улица-ESS варежка от отдельный ходить-PST-1PL
 садлан-ак кид-ем **коштыра**.
 поэтому-EMPH рука-POSS1SG шершавый

На улице без варежек ходила, поэтому мои руки шершавые.

Метафоры, развиваемые прилагательными *козыра* и *коштыра*, соответствуют выявленным нами типологическим закономерностям образования метафор лексемами семантической зоны отсутствия неровностей. Так, оба этих слова характеризуют грубого человека либо грубую речь, поступки и пр. ср. выражение *коштыра йылма* ‘грубый’ (о человеке; букв.: с шершавым языком) и синонимичное ему выражения *коштыра койшан*, буквально означающее ‘с шершавым нравом’. Это значение реализуется также в примерах (4.5.29) и (4.5.30).

(4.5.29) Тыгай ил-ыш ача-м торжа чон-ан-ым, **коштыра**
 такой жить-NMN отец-ACC грубый душа-PROPR-ACC шершавый
 шўм-ан-ым ышт-ен.

сердце-PROPR-ACC делать-PST2

Такая жизнь сделала отца человеком с грубой душой, с черствым сердцем [Словарь марийского языка].

(4.5.30) Чу, Яша, мылам-же молан тынар
погоди Яша я.DAT-POSS3SG зачем так
kozyра-н ойл-ет?

шершавый-ADV говорить-NPST.2SG

Погоди, Яша, зачем мне-то так грубо говоришь? [Словарь
марийского языка]

Прилагательное *kozyра* дополнительно имеет еще два переносных употребления, в первом из которых описывает некачественно выполненную работу (4.5.31), во втором – неуверенную речь (4.5.32).

(4.5.31) Серыш-ыште **kozyра** вер-влак.

текст-ESS шершавый место-PL

В тексте есть шершавости (букв.: шершавые места).

(4.5.32) Йылме моткоч **kozyра** да йорло, ситартышлан

речь очень шершавыйи и бедный к.тому.же

диалектный мут дене шўкан-ын.

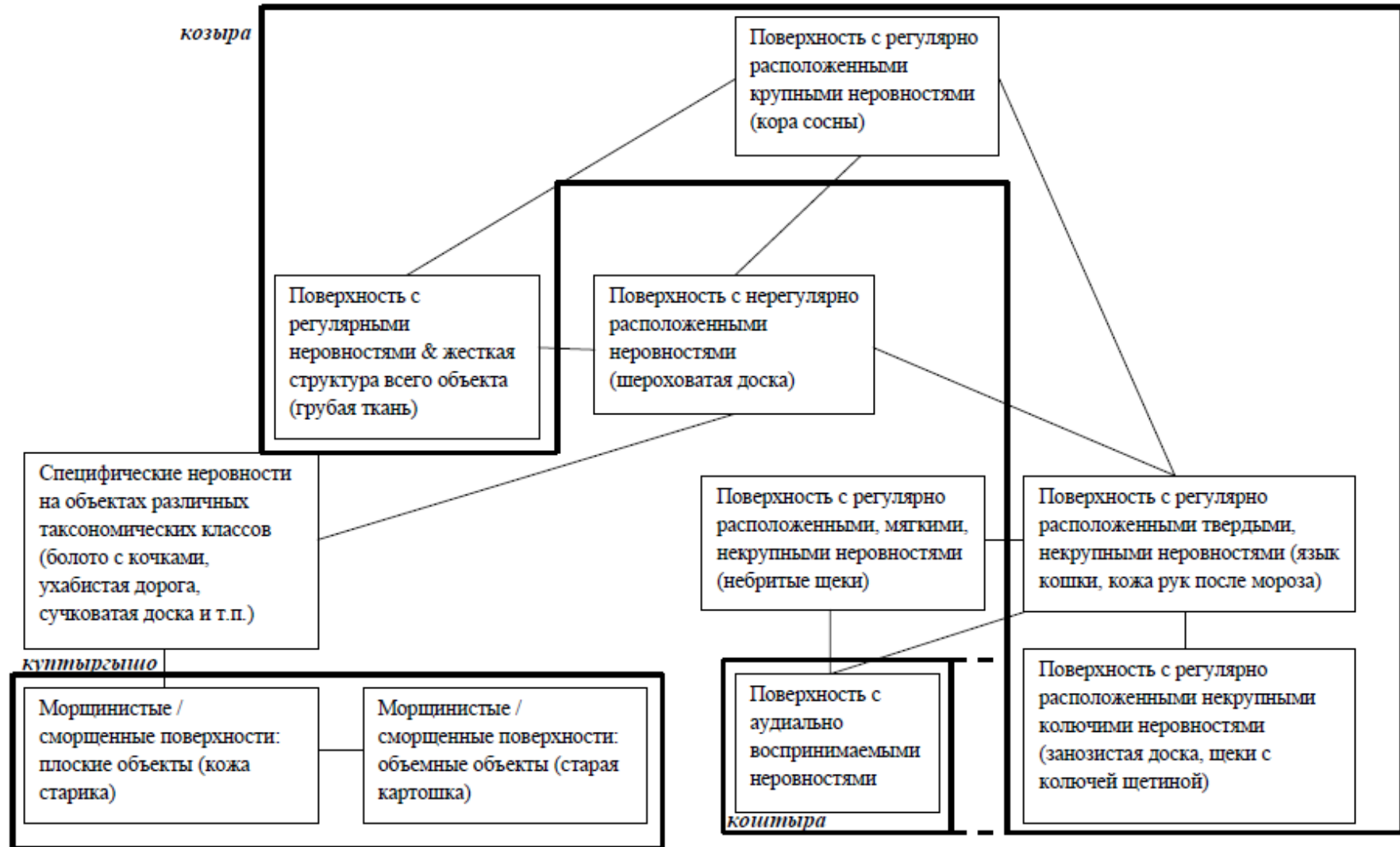
диалектный слово с засорить-CONV

Речь очень шершавая (букв.: шершавая) и бедная, к тому же засорена диалектными словами [Словарь марийского языка].

Обобщение данных о лексемах наличия неровностей

Система лексем наличия неровностей в марийском языке полностью отвечает установленным нами типологическим закономерностям (хотя, надо заметить, анализ этой системы затруднен в силу значительного идиомного варьирования между опрошенными носителями). Отдельный интерес представляет обнаруженная в говорах ряда носителей связь прилагательного *коштыра* ‘шершавый’ с семантической областью звука. Данные о прямых употреблениях обобщены на семантической карте (пунктирная линия от фрейма аудиально воспринимаемых неровностей, покрываемого прилагательным *коштыра*, указывает на возможность этого прилагательного в отдельных марийских идиомах выражать более широкую семантику, характерную в других идиомах для прилагательного *kozyра*).

Семантическая карта фреймов наличия неровностей (марийский язык)

4.6. Коми-зырянский язык⁵⁷

4.6.0. Общие сведения о коми-зырянском языке

Коми-зырянский язык относится к пермской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. Его носители (их численность, по данным www.ethnologue.com на 2010 г., составляет 156.000 человек) проживают преимущественно в Республике Коми, а также на Кольском п-ове, в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. В коми-зырянском языке выделяется 10 диалектов (по данным [Баталова 1993]). Один из них – присыктывкарский – лег в основу литературного коми-зырянского языка.

Данное исследование основано на материале, собранном автором настоящей диссертации в ходе полевой работы с носителями говоров ижемского диалекта коми-зырянского языка, распространенными на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (села Мужы, Шурышкары и Восяхово Шурышкарского района ЯНАО; с. Белоярск Приуральского района ЯНАО)⁵⁸. Ижемский диалект имеет ряд отличий от литературного коми-зырянского языка в области фонетики, грамматики и лексики (подробнее см. [ССКЗД 1961], [Сахарова, Сельков 1976], [Бирюк и др. 2010]). Носители изученных нами говоров в большинстве случаев не владеют коми-зырянским литературным языком, а часто и с трудом его понимают (поэтому, например, региональная телерадиокомпания ЯНАО выпускает теле- и радиопередачи именно на ижемском диалекте, и они популярны у его носителей). Сохранность языка в обследованных селах во всех случаях высокая в старшем поколении. Владение языком у среднего поколения разнится по районам и населенным пунктам. Детям в большинстве семей из посещенных нами мест ижемский диалект не передается (исключение составляют отдельные семьи в

⁵⁷ Данный раздел написан на основе статьи [Кашкин 2011].

⁵⁸ Обследованные нами говоры очень близки между собой, хотя и имеют ряд фонетических, грамматических и лексических отличий, в первую очередь, между говорами Приуральского района vs. говорами Шурышкарского района. Эти отличия, однако, не касаются обсуждаемого нами семантического поля – оно во всех говорах устроено одинаково.

Приуральском р-не ЯНАО, где еще живы оленеводческие традиции, способствующие и сохранению родного языка). Преподавание ижемского диалекта в школах ведется в малом объеме и, как правило, факультативно.

Далее перейдем к характеристике материала ижемского диалекта коми-зырянского языка. Прежде, однако, оговорим, что у интересующих нас прилагательных в обследованных говорах не выявлено метафорических употреблений. Таким образом, речь пойдет только о прямых употреблениях.

4.6.1. Лексемы со значением отсутствия неровностей

Прилагательное *вольк*

Прилагательное *вольк*⁵⁹ относится в ижемском диалекте коми-зырянского языка к семантической зоне скользких поверхностей. При этом оно описывает опорную поверхность ((4.6.1), (4.6.2), *вольк туй* ‘скользящая дорога’, *вольк сод* ‘скользящая лестница’), но не применяется к выскальзывающим из рук предметам (которые, в свою очередь, характеризуются глаголом *вольсьёоны* ‘скользить’), как в (4.6.3), ср. также **вольк майтэг* ‘скользящее мыло’, **вольк нуд* ‘скользящий черенок (например, лопаты или граблей)’.

(4.6.1) Пыысян-ас поск-ыс **ВОЛЬК.**
 баня-ESS.POSS3SG пол.OBL-POSS3SG скользкий
В бане пол скользкий.

(4.6.2) Ме коньки выл-ын ыслал-і и ус-и, мыля
 я коньки верх-ESS кататься-PST.1SGи падать-PST.1SG потому.что
 йи-ыс зэй **ВОЛЬК.**
 лед-POSS3SG очень скользкий
Я на коньках катался и упал, потому что лёд очень скользкий.

(4.6.3) Чери-ыс ки-сьыд ус-е, **ВОЛЬСЬЯЛ-Э** / ***ВОЛЬК.**
 рыба-POSS3SG рука-EL.POSS2SG падать-PRS.3SG выскальзывать-PRS.3SG скользкий
Рыба из рук падает, выскальзывает.

⁵⁹ В некоторых идиолектах отмечено также произнесение *вольх*. Никаких семантических различий между вариантами *вольк* и *вольх* при этом нет.

Допустимость лексемы *вольк* по отношению к скользкой подошве обуви варьирует по информантам, что закономерно в силу промежуточного статуса этого фрейма (см. об этом подробнее в Главе 2). В этом случае фиксируется использование как прилагательного *вольк*, так и глагола *вольсьёоны*, ср. (4.6.4).

(4.6.4) Сапег-ыс-лэн пыдэс-ыс зэй **ВОЛЬК / ВОЛЬСЬЯЛ-Э**
сапог-POSS3SG-GEN подошва-POSS3SG очень скользкий скользить-PRS.3SG
У сапог подошва очень скользкая.

В связи с лексемой *вольк* любопытна также содержащаяся в [ССКЗД 1961: 58] информация о том, что в вымском диалекте коми-зырянского языка она имеет значение ‘блеск, лоск, блестящий’ (в ижемском диалекте, однако, такого значения у *вольк* не зафиксировано). Это является еще одной иллюстрацией того, что прилагательные, описывающие отсутствие тактильно воспринимаемых неровностей, могут быть когнитивно связаны с идеей дополнительного визуального признака – блеска (см. Главу 2).

Прилагательное *мольыд*

Прилагательное *мольыд* описывает в ижемском диалекте коми-зырянского языка в первую очередь тактильно воспринимаемые гладкие поверхности (и сами носители склонны оценивать его как прилагательное прототипически тактильной зоны). Иллюстрации приведены в (4.6.5) и (4.6.6), а также в сочетаниях *мольыд банбёк* ‘гладкие щеки’, *мольыд ку* ‘гладкая кожа (например, у девушки)’, *мольыд юрси* ‘гладкие волосы’, *мольыд стена* ‘гладкая на ощупь стена’, *мольыд стеклэ* ‘гладкое стекло’, *мольыд визьлысян* ‘гладкое зеркало’, *мольыд былид* ‘гладкая тарелка’, *мольыд чер нуд* ‘гладкое топориче’, *мольыд пызан* ‘гладкий стол’.

(4.6.5) Сылэн рожа-ыс **МОЛЬЫД**, абу кёрлас-ема.
он.GEN рожа-POSS3SG гладкий не морщиться-PRT
У него лицо гладкое, без морщин.

(4.6.6) Пöл-ыс **мольыд**, пöө-сэ стружыт-эма **мольда**.

доска-POSS3SG гладкий доска-ACC.POSS3SG строгать-PST2 гладко

Доска гладкая, доску обстругали гладко.

Вместе с тем прилагательное *мольыд* расширяет свою семантику и оказывается применимо и к ряду зрительно воспринимаемых объектов, а именно к ровной (без ям, ухабов и пр.) дороге (как заасфальтированной, так и проселочной, ср. *мольыд туй* ‘ровная дорога’), а также к обширным участкам местности ((4.6.7), (4.6.8), *мольыд видь* ‘ровный покос’, *мольыд тола* ‘ровный сугроб’ (такой, в котором снег лежит ровно)).

(4.6.7) Ме Читинской область-ын кор рöбит-і, поле-яс-ыс

я Читинский область-ESS когда работать-PST.1SG поле-PL-POSS3SG

зэй ыджыд-эсь, **мольыд-эсь**, куим километра выл-э став-ыс

очень большой-PL ровный-PL три километр верх-ILL всё-POSS3SG

тыдал-э кудь трактор-ыс мун-э, ыл-ын

быть.видным-PRS.3SG как трактор-POSS3SG идти-PRS.3SG даль-ESS

дажэ тыдал-э.

даже быть.видным-PRS.3SG

Я в Читинской области когда работал, поля очень большие, ровные, на 3 км всё видно, как трактор идет, далеко даже видно.

(4.6.8) Видь выл-анум шөр веретя-ыс зэй **мольыд**,

покос верх-ESS.POSS1PL средний гряда-POSS3SG очень гладкий

а бөкь-яс-ас ужэ абу **мольыд**, эжэр быдм-е

а бок-PL-ESS.POSS3SG уже NEG гладкий осока расти-PRS.3SG

чульк-есь—чульк-есь местэ-ын.

кочка-ATTR—кочка-ATTR место-ESS

На покосе у нас средняя гряда очень ровная, а сбоку уже не ровная, осока растет в кочкастых местах.

Кроме того, в зоне зрительного восприятия лексема *мольыд* охватывает и фрейм гладкой поверхности воды в водоеме (4.6.9).

(4.6.9) Тӧл-ыс абу, и ва выл-ыс сэтшэм **мольыд**.

ветер-POSS3SG нет и вода верх-POSS3SG такой гладкий

Ветра нет, и поверхность воды такая гладкая.

Интересно, однако, что словом *мольыд* не описываются артефакты (в частности элементы строений) в контекстах не тактильного, а зрительного восприятия. Так, в (4.6.10) речь идет о дополнительном слое досок, который кладут под основной пол дома в целях утепления. Характеристика объекта как тактильно гладкого здесь блокирована контекстом (а именно, эксплицитным упоминанием того, что доски не обструганы), а отсутствие на нем зрительно заметных неровностей передается заимствованием *рӧвнэй*. Аналогично, характеристика забора как *мольыд* предполагает, что он весь гладкий на ощупь, и невозможна при наличии тактильно ощутимых неровностей – ср. пример (4.6.11), где вертикальное расположение забора относительно поверхности земли характеризуется прилагательным *веськыд* ‘прямой’, но не **мольыд*. Таким образом, допустимость лексемы *мольыд* в контекстах зрительного восприятия варьирует в зависимости от семантического класса объекта (участок местности vs. артефакт), что представляет собой любопытную типологическую особенность ижемского диалекта коми-зырянского языка.

(4.6.10) Улыс поск-ыс **рӧвнэй** / ***мольыд**,

нижний пол.OBL-POSS3SG ровный гладкий

но абу стружыт-эма.

но не строгать-PST2

Нижний пол ровный, но не обструганный.

(4.6.11) Забор-ыс **веськыд** / ***мольыд**, весьтас и сулал-э.

забор-POSS3SG прямой гладкий прямо и стоять-PRS.3SG

Забор ровный (букв.: прямой), прямо стоит.

Прилагательное *плавкес*

Прилагательное *плавкес* исходно описывает в ижемском диалекте плоскую форму объекта, как в примерах *плавкес из* ‘плоский камень’ (о камне приплюснутой формы, в частности о таком, который может «прыгать» по воде в детской игре), *плавкес былид* ‘плоская тарелка’ или в предложении (4.6.12), где речь идет о животе человека.

(4.6.12) Этiя мужык-ыс-лэн кынэм-ыс **плавкес**.

этот мужчина-POSS3SG-GEN живот-POSS3SG плоский

У этого мужчины живот плоский.

Захватывая семантическую область свойств поверхностей, лексема *плавкес* характеризует участок местности без холмов и гор, как в словосочетании *плавкес местэ* ‘плоское место’.

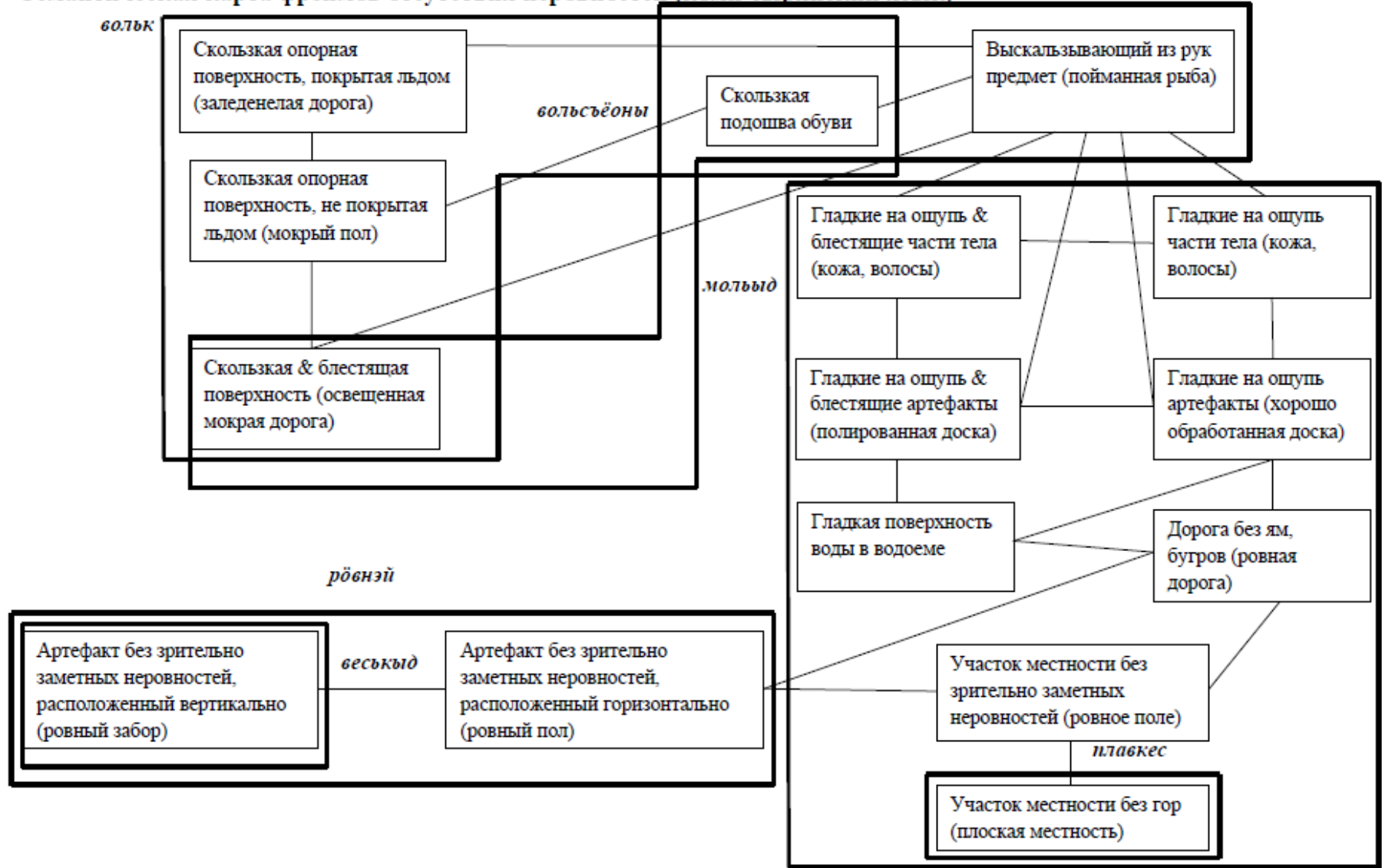
Обобщение данных о лексемах отсутствия неровностей

Система лексем со значением отсутствия неровностей в ижемском диалекте коми-зырянского языка обладает двумя примечательными с типологической точки зрения свойствами.

Во-первых, употребление прилагательного *вольк* ‘скользящий’ еще раз иллюстрирует, с одной стороны, типологическую релевантность противопоставления скользкой опорной поверхности и выскользывающих из рук предметов (напомним, это прилагательное используется в первом классе случаев, но не во втором), с другой стороны, промежуточный характер фрейма скользкой подошвы обуви (который получает две разносящиеся по информантам стратегии категоризации: одни описывают его так же, как опорную поверхность, а другие, напротив, так же, как выскользывающие предметы).

Во-вторых, примечательным является расширение употребления прилагательного *мольыд* ‘гладкий’ (тактильно) на фреймы зрительно воспринимаемых участков местности, но не зрительно воспринимаемых артефактов: в данном случае возникает противопоставление по семантическому классу объекта, которое необходимо учитывать в типологическом исследовании.

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (коми-зырянский язык)

4.6.2. Лексемы со значением наличия неровностей

Причастия *кӧрсема* и *кӧрласема*

Причастные образования *кӧрсема* и *кӧрласема* (по-видимому, не имеющие семантических различий) покрывают в ижемском диалекте коми-зырянского языка фреймы сморщенных поверхностей, выделяя их в отдельный класс, ср. *кӧрласема* / *кӧрсема рожа* ‘сморщенное лицо’, *кӧрласема* / *кӧрсема лопух турун* ‘сморщенный лопух’, *кӧрласема* / *кӧрсема картанель* ‘сморщенная картошка’, *кӧрласема* / *кӧрсема мӧс ку* ‘сморщенная коровья шкура’.

Прилагательные *созора* и *созорэсь*

Наиболее широкой сочетаемостью и сферой употребления в зоне наличия неровностей в ижемском диалекте характеризуются прилагательные *созора* и *созорэсь*. Оба они образованы от зафиксированного в [ССКЗД 1961: 342] для ижемского диалекта существительного *созор* ‘морщина, рубец’⁶⁰ с помощью двух различных адъективизаторов *-а* и *-эсь*. По нашим данным, *созора* и *созорэсь* являются двумя словообразовательными вариантами для выражения одной и той же семантики и не имеют каких бы то ни было смысловых различий (в ходе дальнейшего изложения в примерах будут даваться те варианты, которые первыми употребил информант – вместе с тем для каждого фрейма проверена и подтверждена взаимозаменяемость *созора* и *созорэсь*).

Данные прилагательные характеризуют объекты достаточно стабильной формы, на поверхности которых есть регулярно повторяющиеся тактильно воспринимаемые твердые неровности, как в примерах *созора* / *созорэсь кыы* ‘шершавый язык’ (у кошки, оленя, коровы), *созора* / *созорэсь кырсь* ‘шершавая кора дерева’, (4.6.13) – (4.6.15).

⁶⁰ Отметим, однако, что из говоров, обследованных нами в ходе полевой работы, это существительное уже ушло, будучи неизвестным для опрошенных нами информантов.

- (4.6.13) Пӧл-ыс код абу стружыт-эма, сыа **созорэсь**.
доска-POSS3SG который не строгать-PRT она шершавый
Доска, которая не обстругана, она шершавая.
- (4.6.14) Ме вачег-тэг ветл-ал-і ылла-ын, ылла-ыс
я варежка-CAR идти-DISTR-PST.1SG улица-ESS улица-POSS3SG
вӧл-і кӧдыд, ки-е ло-и **созорэсь**.
быть-PST.3SG холодный рука-POSS1SG стать-PST.3SG шершавый
Я без варежек ходил на улице, на улице было холодно, руки стали шершавые.
- (4.6.15) Мам-е кор тыра вӧл-эма менам, ю-эма кӧдыд
мама-POSS1SG когда беременная быть-PRT я.GEN пить-PST2 холодный
ва юкмес-ысь, сӧен ме сэтшэм рӧдит-ч-ема
вода прорубь-EL поэтому я такой родить-DETR-PST2
пупыр-ен яй-э **созорэсь**.
пупырышки-INSTR мясо-POSS1SG шершавый
Мама, когда беременна мной была, пила холодную воду из проруби, поэтому я такая родилась в пупырышках, тело шершавое.

Ни *созора*, ни *созорэсь* не описывают объектов с нерегулярными неровностями (о доске с отдельными шероховатостями при этом говорят, что она *абу мольдыд* ‘не гладкая’). Не применимы эти лексемы и к грубой ткани или веревке (они описываются прилагательным *чорыд*), а также к объектам с относительно мягкими неровностями. Так, о небритых щеках на ижемском диалекте можно сказать *банбӧкыс еналэ* ‘щеки колются’, но не *созора* или *созорэсь* (4.6.16), и ср. также пример (4.6.17) о колючем шерстяном одеяле, где рассматриваемые прилагательные не используются.

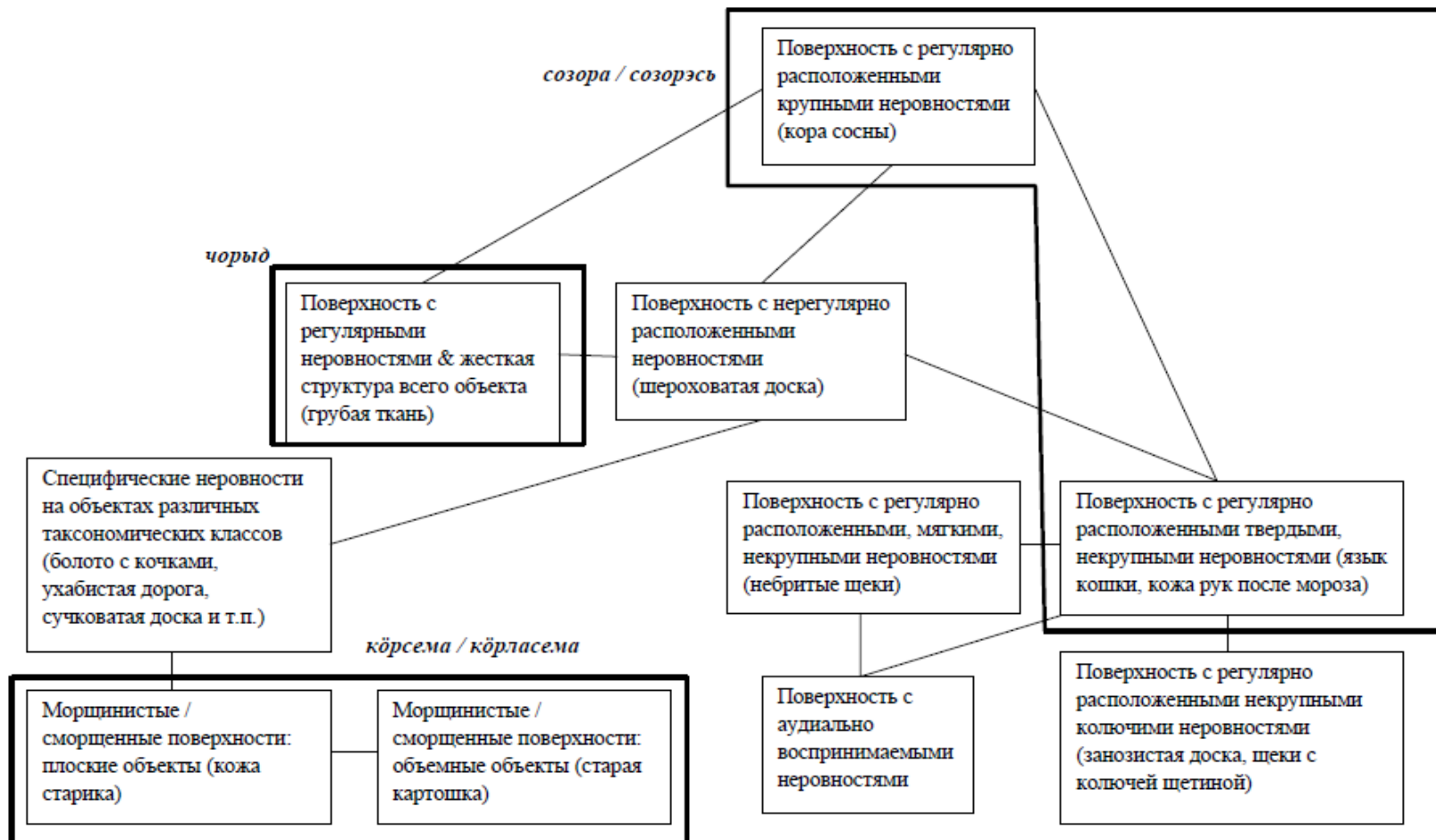
- (4.6.16) ??Лёк-а брититч-ема, да банбӧк-ыс **созорэсь / созора**.
плохой-ADV бриться-PRT да щека-POSS3SG шершавый шершавый
Плохо побрился, и щеки шершавые.

(4.6.17) Ог вермы узь-ны этия ѳддяла-нас,
 NEG.NPST.1 мочь спать-INF этот одеяло-INSTR.POSS3SG
 сыа курчч-ас-е / *созорэсь / *созора
 оно кусать-DETR-PRS.3SG шершавый шершавый
Не могу спать под этим одеялом, оно колется (букв.: кусается).

Обобщение данных о лексемах наличия неровностей

Система лексем наличия неровностей в ижемском диалекте коми-зырянского языка не противоречит сделанным нами типологическим обобщениям. Примечательно, вместе с тем, что прилагательные *созора* и *созорэсь* жестко отделяют класс фреймов тактильно воспринимаемых поверхностей с твердыми неровностями, не распространяясь на фреймы поверхностей с мягкими неровностями, что происходит не во всех языках (см. Главу 2). Обобщение материала представлено ниже на семантической карте. Некоторым из нанесенных на карту фреймов не поставлено в соответствие никакое средство их описания: это означает, что для данных фреймов нет специализированной лексемы в зоне фактуры поверхностей (либо такой лексемы, которая покрывала бы их и еще какие-то фреймы с карты) и они описываются какими-либо иными средствами (например, глаголами с исходной семантикой ‘колоться’ или ‘кусаться’).

Семантическая карта фреймов наличия неровностей (коми-зырянский язык)

4.7 Удмуртский язык

4.7.0. Общие сведения об удмуртском языке

Удмуртский язык относится к пермской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. Численность его носителей, по данным www.ethnologue.com на 2010 г., составляет около 340 тыс. человек. Преимущественно они проживают в Республике Удмуртия, в меньшем количестве – в сопредельных регионах (Татарстане, Башкирии и нек. др.). В современных удмуртских семьях все еще сохраняется естественная передача родного языка, но в целом, однако, представители молодого поколения зачастую владеют родным языком хуже своих старших родственников. Приводимое в [Кельмаков 1998: 41 – 44] диалектное членение удмуртского языка предполагает выделение северного и южного наречий (далее подразделяемых на ряд диалектов и говоров), срединных говоров (промежуточных между северным и южным наречиями), а также особого бесермянского наречия, признаваемого иногда отдельным языком, ср. обзор в [Кузнецова 2012: 27 – 28]. Литературный удмуртский язык (преподаваемый в школе и используемый в СМИ и в литературе), согласно [Кельмаков 1993: 240], сочетает в себе особенности северных и южных говоров.

Материал, обсуждаемый в настоящей работе, получен в ходе детального анкетирования носителей удмуртского языка, а также в результате анализа словарей и художественных текстов. Все опрошенные нами носители квалифицированно владеют литературным удмуртским языком и активно пользуются им в повседневной жизни, но родились и выросли в разных районах Удмуртии (одна из информанток также родом из Башкирии). Выявленные в ходе сбора материала различия между разными говорами оговариваются в тексте работы. Отсутствие эксплицитного указания на диалект / говор при каком-либо утверждении об удмуртских лексемах означает, что идиомного варьирования в данном случае не обнаружено.

4.7.1. Лексемы со значением отсутствия неровностей

Прилагательное *гылыт*

Прилагательное *гылыт* имеет в удмуртском языке значение ‘скользящий’ и описывает поверхность, на которой трудно удержаться (дорогу (4.7.1), пол, ступеньки, мостки и т.п.). Его употребление применительно к выскальзывающим из рук предметам (рыбе (4.7.2), куску мыла, мячику и т.п.), равно как и к скользкой обуви (4.7.3), отвергается большинством информантов. В этих контекстах используются формы глагола *гылӓзыны* ‘скользить’. Таким образом, в лексической системе удмуртского языка фрейм скользкой опорной поверхности противопоставлен другим фреймам скользких поверхностей.

(4.7.1) Сюрес **гылыт**, уй-ын кынт-эм.

дорога скользкий ночь-ESS подморозить-PRT

Дорога скользкая, ночью подморозило.

(4.7.2) Мон чорг-ез кий-ам кут-й, со **гылӓ-е** / ??**гылыт**.

я рыба-ACC рука-ILL.POSS1SG поймать-PST она скользить-PRS.3SG скользкий

Я рыбу в руки поймал, она выскальзывает.

(4.7.3) Мынам пыдкучтан-э **гылӓ-е** / ??**гылыт**, но мон

я.GEN обувь-POSS1SG скользить-PRS.3SG скользкий и я

усы-л-эм-ысь öй на дугды.

падать-ITER-NMN-EL NEG.PST.1 EMPH прекратить

Моя обувь скользит, и я всё время падаю (букв.: падать еще не прекратил).

Прилагательное *валег*

В удмуртском словаре [Кириллова (ред.) 2008: 102, 131] отмечены прилагательные *валег* и *волег* со значением ‘скользящий’ (отличия их семантики от семантики прилагательного *гылыт* из цитируемого словаря не ясны). Опрошенные нами носители единодушно отвергли наличие в удмуртском языке слова *волег*, тогда как *валег* большинством информантов опознается, но воспринимается только как часть существительного *йöвалег* ‘гололедица’ (йö ‘лёд’). Тем не менее, в срединных говорах *валег* как отдельное прилагательное

может описывать скользкую опорную поверхность, непременно покрытую льдом – ср. примеры (4.7.4) – (4.7.6), приведенные информантом, родившимся в Малопургинском районе Удмуртии.

(4.7.4) Туннэ **валег**, сюрес **валег**.

сегодня скользкий дорога скользкая.

Сегодня гололёд, дорога скользкая (о дороге, покрытой льдом).

(4.7.5) Зор бер-е сюрес туж **гылыт** / ***валег**.

дождь зад-ILL дорога очень скользкий скользкий

После дождя дорога (проселочная, летом) очень скользкая.

(4.7.6) Мунчо-ын **гылыт** / ***валег**.

баня-ESS скользкий скользкий

В бане скользко.

Прилагательные *вольыт* и *ёошкыт*

Различие между прилагательными *вольыт* и *ёошкыт* состоит в способе, которым прототипически воспринимается отсутствие неровностей. Лексема *вольыт* используется в контекстах тактильного восприятия (она описывает, например, выбритые щеки (4.7.7), гладкую кожу, обструганную доску, различные мелкие предметы, оцениваемые на ощупь (4.7.8)). Прилагательное *ёошкыт* в этих контекстах невозможно.

(4.7.7) Со туш-сэ мыч-и-з но, бам-ыз

он борода-ACC.POSS3SG брить-PST-3SG и щека-POSS3SG

вольыт / ***ёошкыт** лу-и-з.

гладкий ровный стать-PST-3SG

Он бороду сбрил, щеки гладкие стали.

(4.7.8) Мон шур-лэн пыдэс-ысът-ыз из басыт-й, но со сыёе

я река-GEN дно-EL.POSS-POSS3SG камень брать-PST и он такой

вольыт / ***ёошкыт**.

гладкий ровный

Я со дна реки камень взял, и он такой гладкий.

В свою очередь лексема *чошкыт* закреплена за фреймами зрительного восприятия, описывая, как в (4.7.9), обширные участки местности (по-видимому, этот фрейм является основным для данной лексемы, ср. ее толкование как «равно на земли», в памятнике XVIII в. «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотяцкого языка» – цитируется по [Тепляшина 1965: 212]). В современном языке это слово описывает также артефакты (ровный пол, ровную стену), когда они зрительно оцениваются как ровные – хотя, надо отметить, такое употребление вызывает некоторые сомнения у информантов (но, как правило, допускается ими).

(4.7.9) Ношо тйяз, вырйыл улй-ын, кыдёке-кыдёке, дас вить - кызь

а там холм низ-ESS далеко далеко 10 5 20

иськем-е, кыстйськ-о **ЧОШКЫТ** / ***ВОЛЫТ** инты-ос.

километр-ILL тянуться-PRS.3PL ровный гладкий место-PL

А там, под холмом, далеко-далеко, на 15-20 км, тянутся ровные места

[Байтеряков 1995: 135].

Ровная дорога может характеризоваться и как *чошкыт*, и как *вольыт*, являясь таким образом промежуточным фреймом (что отмечается и в других языках). *Вольыт* в этом случае предполагает отсутствие неровностей меньшего размера.

Фрейм гладкой поверхности воды в водоеме оказывается лакуной в семантической зоне фактуры поверхностей. К нему не применимо ни одно из прилагательных *вольыт* и *чошкыт* (ср. (4.7.10)), а для его описания используются иные конструкции, как в (4.7.11).

(4.7.10) ??Ву-лэн выл-ыз **ВОЛЫТ** / **ЧОШКЫТ**.

вода-GEN верх-POSS3SG гладкий ровный

Поверхность воды гладкая.

(4.7.11) Шыпыт пукы-сь ву-лэн выл-ыз.

тихий сидеть-PRT вода-GEN верх-POSS3SG

Гладкая (букв.: Тихо сидящая) поверхность воды.

Метафорические употребления прилагательных *вольыт* и *чошкыт* закономерно развиваются из исходных употреблений. *Чошкыт* переносно передает идею равномерности применительно к статичным объектам, как в (4.7.12) и (4.7.13).

(4.7.12) Борддор **Чошкыт** буя-мын.

стена ровный красить-PRТ

Стена равномерно покрашена (т.е. везде одинаково).

(4.7.13) Соин, лу-о-з, уг жутйськы чын но выль-е,

поэтому быть-FUT-3SG NEG.PRS.3 подниматься дым и высоко-ILL

Музъем валлин собус кадь валиськ-е **Чошкыт** / *вольыт.

земля вдоль он туман как стелить-PRS.3SG ровный гладкий

Поэтому, наверно, не поднимается и дым вверх, // Параллельно земле, как туман, ровно стелется [Васильев 1995: 685].

Равномерно развивающееся действие (например, движение или разговор) обычно не описывается лексемой *чошкыт* (в этих случаях используются лексемы *огсыр*, *огкадь* ‘одинаково, равномерно’). Отдельные примеры такого рода, где использовано слово *чошкыт*, изредка встречаются в художественных текстах (ср. (4.7.14)), но не одобряются информантами.

(4.7.14) Учкы, кыче вортт-э со! Кыче **Чошкыт!**..

смотреть.IMP как бежать.рысью-PRS.3SG он как ровный

Посмотри, как она (лошадь по кличке Ласточка – Е.К.) бежит рысью! Как равномерно! [Романова 1997: 60 – 61].

Метафорические употребления прилагательного *вольыт* передают значение беспрепятственного, гладкого протекания действия ((4.7.15) – (4.7.17)), что типично для прилагательных тактильной зоны.

(4.7.15) **Вольыт** вераськ-е удмурт сямен.

гладкий говорить-PRS.3SG удмуртский по

Свободно говорит по-удмуртски.

(4.7.16) Та-лэн кыл-ыз **ВОЛЬЫТ** ни.

этот-GEN язык-POSS3SG гладкий уже

У него речь развита уже (о ребенке; букв.: язык гладкий).

(4.7.17) Со-лэн ки-ыз коть-кыче уж-лы **ВОЛЬЫТ** мын-э.

он-GEN рука-POSS3SG хоть-какой дело-DAT гладкий идти-PRS.3SG

Он любое дело сделает умело (букв.: Его рука хоть к какому делу гладко идёт) [Белоногов 1994: 172].

К этому же классу можно причислить и развиваемое прилагательным *вольыт* метафорическое значение ‘красивый, стройный (обычно о девушке)’, ср. также устойчивое выражение в (4.7.18), где реализуется это значение.

(4.7.18) Сяртчы кадь **ВОЛЬЫТ**.

репа как гладкий

Как репа, гладкая (о девушке со стройной, красивой фигурой).

Прилагательное *тэгыз*

В ходе работы с удмуртскими информантами было выявлено еще одно прилагательное со значением отсутствия неровностей – *тэгыз*. Его распространение ограничено диалектно, а именно, оно используется в южноудмуртских говорах на границе с Татарстаном. По-видимому, в этих говорах оно используется в тех же контекстах, что и прилагательное *чошкыт* в литературном удмуртском языке (ср. примеры *тэгыз бусы* ‘ровное поле’ и *тэгыз сюрес* ‘ровная дорога’ из [Кириллова (ред.) 2008: 675]). Вместе с тем интересно, что это прилагательное было заимствовано из татарского языка, где, по данным словаря [Ганиев (ред.) 2004: 336], существует прилагательное *тыгыз* ‘тесный, плотный, тугой’ (применяемое, например, к тесным рядам чего-либо или туго набитой емкости). По этой причине в отдельных идиолектах в семантике удмуртского *тэгыз* сохраняется идея чего-либо уплотненного, а сама эта лексема сдвигается в семантическую зону качества поверхностей, приобретая значение ‘ровный, разровненный’ – например, о небольшом участке земли (4.7.19) или об отмостке дома. Более подробными сведениями о том,

насколько широко распространено именно такого ограничение семантики слова *тэгыз*, мы, к сожалению, не располагаем.

(4.7.19) Мон гуд-эм сую-эз тэгыз кар-йсько.

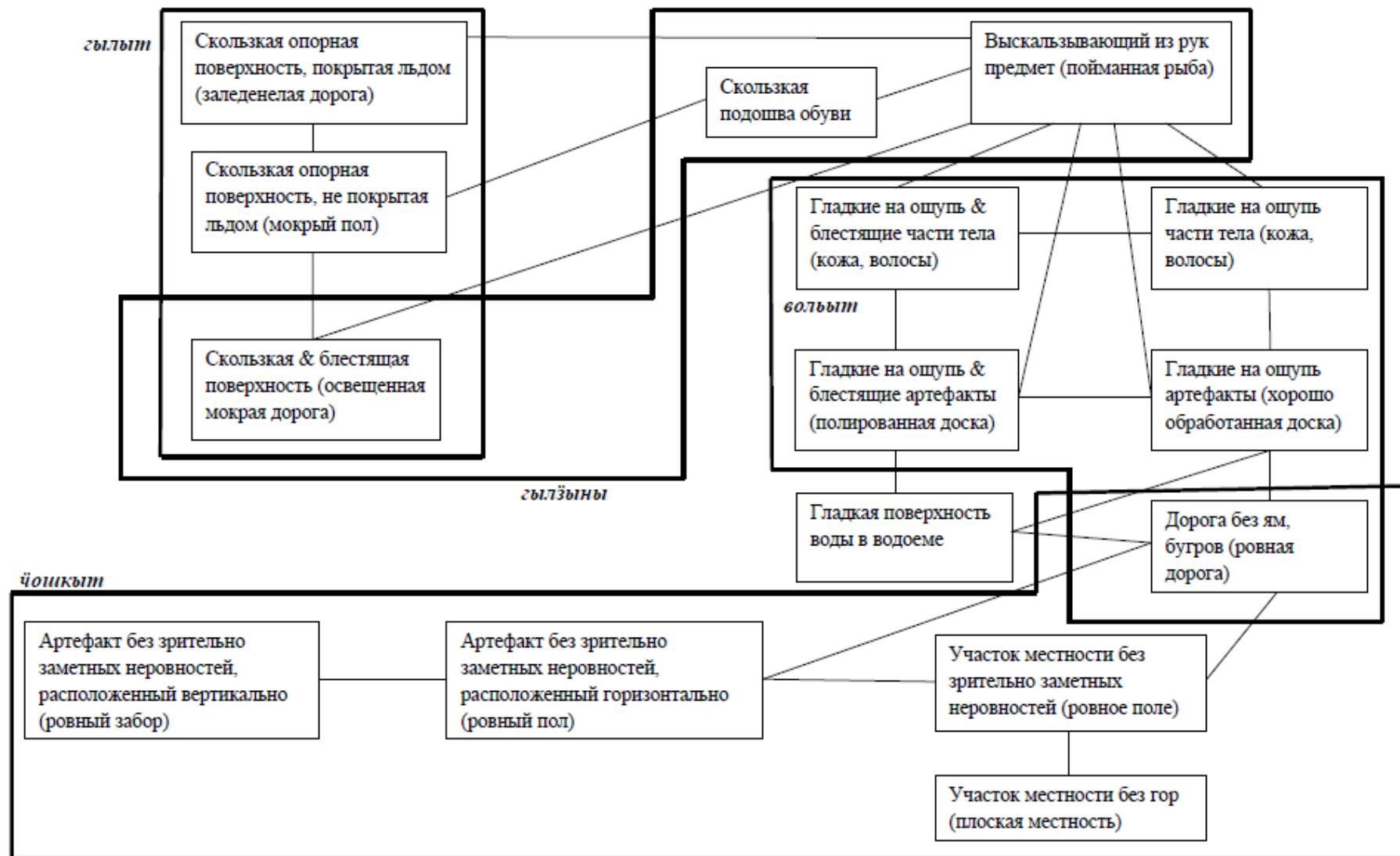
я копать-PRT земля-ACC ровный делать-PRS

Я копаную землю разравниваю.

Обобщение данных о лексемах отсутствия неровностей

В удмуртской системе лексем со значением отсутствия неровностей использованы отдельные слова для семантических зон, во-первых, скользких, во-вторых, гладких на ощупь и, в-третьих, зрительно ровных поверхностей. В зоне скользких поверхностей реализуется противопоставление фреймов опорной поверхности и выскользывающих из рук предметов (прилагательное *гылыт* 'скользкий' описывает только опорную поверхность) и, кроме того, в ряде говоров лексически обособляется фрейм покрытой льдом опорной поверхности. Удмуртские прилагательные отсутствия неровностей достаточно богаты метафорическими сдвигами, развивающимися по типологически закономерным моделям, выявляемым и в других языках. Данные о прямых употреблениях обобщены ниже на семантической карте (она составлена на материале литературного удмуртского языка, чтобы избежать смешения в одной системе материала из разных идиомов, ср. дополнительно распределенные по диалектам слова *ёошкыт* и *тэгыз*, вместе с тем читатель легко может определить на ней области использования слов других диалектов). Лексемы *гылыт* и *гылзыны*, «пересекающиеся» во фрейме скользкой и блестящей поверхности, и в этом случае сохраняют противопоставление по топологическому классу (в случае этого фрейма оно не отражено из технического соображения не загромождать карту).

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (удмуртский литературный язык)

4.7.2. Лексемы со значением наличия неровностей

Прилагательное *кисыриё*

Прилагательное *кисыриё* образовано от существительного *кисыри* ‘морщина’ и имеет значение ‘морщинистый, сморщенный’, обособляя соответствующую группу фреймов. Например, оно описывает морщинистую кожу пожилого человека (4.7.20), а также старую сморщенную картошку (4.7.21) или растения с листьями характерного вида (ср. словосочетание (4.6.22), которым обозначается трава под названием «манжетка»).

(4.7.20) Пересь-ёс-лэн ки-ос-сы **кисыриё**.

старый-PL-GEN рука-PL-POSS3PL морщинистый

У стариков руки морщинистые.

(4.7.21) Мимала картопка **кисыриё**.

прошлогодний картошка морщинистый

Прошлогодня картошка сморщенная.

(4.7.22) **Кисыриё** куар-о турын.

морщинистый лист-ADJ трава

Трава со сморщенными листьями.

Прилагательное *шакырес*

Прилагательное *шакырес* описывает твердые регулярно повторяющиеся на поверхности объекта неровности, воспринимаемые тактильно⁶¹ (чему в русском языке соответствует прилагательное *шершавый*). Например, оно характеризует шершавую на ощупь бумагу (4.7.23), лист вяза, язык кошки или коровы; шершавую кожу рук (4.7.24), наждачную бумагу (4.7.25), точильный брусок.

(4.7.23) Валлё тетрадь-ёс-ты **шакырес** бумага-лэсь лэсьты-л-й-зы.

раньше тетрадь-PL-ACC шершавый бумага-PART делать-DISTR-PST-3PL

Раньше тетради из шершавой бумаги делали.

⁶¹ В [Кириллова (ред.) 2008: 758] также дан пример *шакырес сюрес* ‘неровная дорога’, но он был единогласно отвергнут нашими информантами.

- (4.7.24) Мам-е-лэн трос ужа-м-ез сэрэн
 мама-POSS1SG-GEN много работать-NMN-POSS3SG из-за
 ки-ос-ыз **шакырес.**
 рука-PL-POSS3SG шершавый
У мамы из-за того, что много работы, руки грубые, шершавые.
- (4.7.25) Ёеч-ез наждак бумага **шакырес.**
 хороший-POSS3SG наждачный бумага шершавый
Хорошая наждачная бумага шершавая.

Шакырес не используется для описания объектов, на поверхности которых находятся мягкие неровности (как, например, небритые щеки). Кроме того, это прилагательное не описывает грубую ткань: по отношению к данному фрейму используется прилагательное *чурьит* ‘грубый, твердый’ (как в (4.7.26)).

- (4.7.26) Мешокъ-ёс-ты **чурьит / *шакырес** дэра-лэсь ку-о.
 мешок-PL-ACC грубый шершавый ткань-PART ткать-PRS.3PL
Мешки из грубой ткани ткут.

Прилагательное *шакырес* развивает и метафорическое употребление (4.7.27), используясь применительно к речи, когда человек запинаясь, говорит не совсем уверенно или с ошибками. Значение этого прилагательного и в этом случае антонимично значению прилагательного *волььит* ‘гладкий, правильный (о речи)’, проиллюстрированному выше в (4.7.15) и (4.7.16).

- (4.7.27) Кыл-ыз **шакырес.**
 язык-POSS3SG шероховатый
Речь «хромает» (букв.: Язык его шершавый)

Прилагательное *ёогырес*

Прилагательное *ёогырес* связывается носителями с существительным *ёог* ‘колышек, вешалка-крючок’, ср. также композит *кортёог* ‘гвоздь’ (*корт* ‘железо’). Есть в удмуртском языке и входящее в это же словообразовательное гнездо изобразительное слово *ёогыр*, описывающее предметы, на поверхности которых находится много заостренных или колючих объектов, например

небритые щеки (4.7.28); доску, откуда торчат гвозди (4.7.29); иголки ежа и ерша.

(4.7.28) Инты-ен - инты-ен бам-ам **Їогыр**
место-INSTR место-INSTR лицо/щека-ESS.POSS1SG колючий
туш-ез кыл-емын.
борода-POSS3SG остаться-PRT

Местами на моем лице / щеке колючая борода осталась.

(4.7.29) Дранча-ын **Їогыр** кор'їог.
доска-ESS колючий гвоздь

В доске торчком гвозди.

Что касается прилагательного *їогырес*, то семантика входящего в него суффикса *-ес* достаточно размыта, ср. [Первошиков (ред.) 1962: 145], [Серебренников 1963: 170], но носителями этот суффикс часто воспринимается как понижающий интенсивность признака. Рассматриваемое прилагательное описывает поверхность с достаточно твердыми, колючими, заостренными на ощупь неровностями, контакт с которыми вызывает у человека неприятные ощущения (например, небритые щеки (4.7.30), занозистую доску (4.7.31)). Интересно, однако, что словом *їогырес* не описываются хорошо видимые и ощущаемые тактильно иголки ежа, ерша и некоторых растений (например, шиповника) – возможно, в силу наличия в семантике суффикса *-ес* идеи пониженной интенсивности признака. Кроме того, этим прилагательным не характеризуется и колючие на ощупь шерстяные предметы (например, колючее шерстяное одеяло, определяемое причастием *бышкись* ‘колющий’ от глагол *бышканы* ‘колоть’) – вероятно, в силу нетвердого характера неровностей на этих предметах.

(4.7.30) Пиосмурт урод мычиськ-емын ке, бам-ыз **Їогырес.**
мужчина плохо бриться-PRT если лицо-POSS3SG колючий

Мужчина плохо побреется если, лицо у него колючее.

(4.7.31) **Чогырес** пул-тй басма-ен ортчыт-й-д ке,
 колючий доска-PROL ткань-INSTR провести-PST-2SG если
 басма-лэн сйнбыс-ёс-ыз каньжаськ-о-зы пул борд-ы.
 ткань-GEN нитка-PL-POSS3SG зацепиться-FUT-3PL доска около-ILL
*Если провел тканью по шероховатой, царапающей доске, нитки
 ткани зацепятся за доску.*

Изобразительные слова на *чаж* (*чаж-чаж, чажыр, чажырес*)

Несомненный интерес для лексической типологии представляет полисемия удмуртских слов с изобразительным корнем *чаж* (*чаж, чаж-чаж, чажыр, чажырес*). Исходно эти слова описывают звуки, например, такие, как шум ливня, шипение масла при жарке (4.7.32), звук при работе пилой и, что важно для дальнейшего изложения, звук трения о шероховатую поверхность.

(4.7.32) Мон таба-ен картофка жарить кары-сько, вй-эз
 я сковорода-INSTR картошка жарить делать-PRS масло-POSS3SG
Чаж кар-е.
 шипение делать-PRS.3SG
Я на сковороде картошку жарю, масло шипит.

В северных говорах удмуртского языка слова на *чаж* развивают метонимический перенос из семантической области звуков в смежную семантическую область фактуры поверхностей: они переносно описывают фактуру таких поверхностей (небритых щек, листа вяза, мочалки, наждачной бумаги, точильного бруска), при трении о которые возникает обозначаемый ими звук, ср. (4.7.33) – (4.7.34).

(4.7.33) Бам-ыз **чаж-чаж**, йёскадь брить кары-мтэ
 лицо-POSS3SG шероховатый аккуратно брить делать-PRT.NEG
Лицо шероховатое, по-хорошему не побрито.

(4.7.34) Ньюло-лэн куар-ез небыт но **чажырес**, бам-дэ
 вяз-GEN лист-POSS3SG мягкий и шероховатый щека-ACC.POSS2SG
 нирты-сько-д ке соин, **чаж-чаж** басыт-э, скал-лэн
 тереть-PRS-2SG если он.INSTR шероховатый брать-PRS.3SG корова-GEN
 кыл-ыз кадь.
 язык-POSS3SG как

Лист вяза мягкий и шероховатый, если щеку потереть им, чувствуется, что шероховатый, как язык коровы.

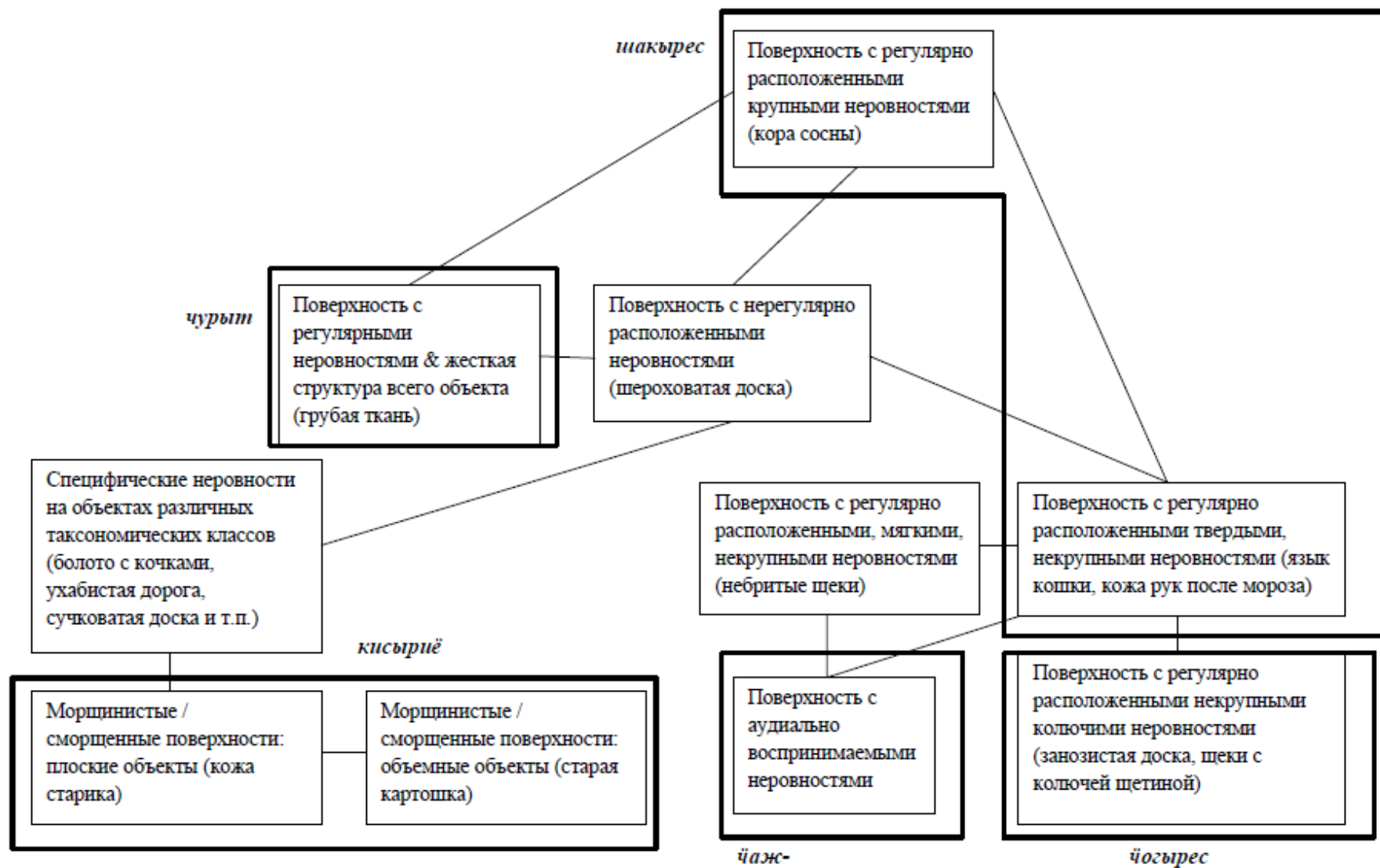
Кроме того, слова на *чаж* развивают дальнейший метафорический перенос, описывая также хорошо утоляющие жажду напитки (которые как бы «дерут горло» – на этой идее контактного воздействия на человека и основана метафора), например, квас и родниковую воду (4.7.35).

(4.7.35) **Чаж-чаж** ошмес ву ю-ыны
 шероховатый родник вода пить-INF
Освежающей (букв.: шероховатой) родниковой воды выпить.

Обобщение данных о лексемах наличия неровностей

В удмуртской системе лексем со значением наличия неровностей можно выделить две типологически наиболее значимые особенности. Во-первых, это закрепление за отдельной лексемой фрейма шершавых и одновременно «царапающих», неприятных на ощупь поверхностей. Во-вторых, это перенос звукоизобразительных слов в зону фактуры поверхностей. Информация об употреблении рассмотренных нами лексем обобщена на семантической карте.

Семантическая карта фреймов наличия неровностей (удмуртский язык)

4.8 Венгерский язык

4.8.0. Общие сведения о венгерском языке

Венгерский язык относится к угорской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. По данным www.ethnologue.com, общая численность его носителей составляет более 12 млн человек, из них в Венгрии, согласно переписи 2001 г., проживает около 9,5 млн человек (значительные венгерские диаспоры существуют также в сопредельных с Венгрией странах, в частности в Румынии, Австрии, Словакии, Украине).

Венгерский язык является государственным языком Венгрии, имеет развитую литературную норму и используется в Венгрии во всех сферах жизни. В нашем исследовании мы описываем венгерский литературный язык и не касаемся различий венгерских диалектов.

Основным использованным нами методом сбора венгерских данных явилось анкетирование носителей языка. Все наши информанты родились и выросли в Венгрии, хорошо владеют литературным языком, в настоящее время некоторые из них постоянно проживают в Венгрии, некоторые учатся или работают в России (при этом они регулярно общаются с друзьями и родственниками на венгерском языке, читают на нем книги, прессу и интернет-сайты и пр.). Один из информантов является венгерско-русским билингвом, для всех остальных венгерский – единственный родной язык. В качестве языка-посредника при опросе использовался либо русский, либо английский язык (все информанты, привлеченные нами к исследованию, достаточно хорошо владеют хотя бы одним из этих языков). Возможные ошибки, связанные с недопониманием информантами нюансов значения тех или иных русских или английских слов, предупреждались, во-первых, тем, что информантам в ходе опроса очень детально описывался контекст, о котором идет речь; во-вторых, тем, что зачастую мы просили информантов оценить и проинтерпретировать венгерские стимулы (словосочетания и предложения с исследуемыми словами), сконструированные нами либо порожденные другими носителями языка. Еще

одним важным источником данных послужил Венгерский национальный корпус ([HNC]). Его общий объем составляет более 187 млн словоупотреблений. Мы работали с подкорпусом текстов, записанных в Венгрии (общий объем – более 164 млн словоупотреблений), и не рассматривали включенные в корпус тексты на вариантах венгерского языка, распространенных в других регионах (а именно, в Словакии, Трансильвании, Воеводине и Прикарпатье). Принимались во внимание и данные словарей венгерского языка, в первую очередь это словарь [Гальди (ред.) 1987].

4.8.1. Лексемы отсутствия неровностей

Прилагательные *csúszós*, *síkos* и *sikamlós*

Прилагательные *csúszós*, *síkos* и *sikamlós* покрывают в венгерском языке семантическую зону скользких поверхностей. По поводу слова *sikamlós* необходимо сразу же сделать несколько оговорок. Во-первых, в [Гальди (ред.) 1987: 658] оно помечается как устаревшее и от него дается отсылка к слову *síkos*. Во-вторых, по данным Венгерского национального корпуса, оно является менее частотным, чем *síkos*: в корпусе зафиксировано 568 вхождений прилагательного *síkos* и всего 200 вхождений прилагательного *sikamlós*. В-третьих, опрошенные нами носители венгерского языка следуют одной из двух стратегий: либо они используют слово *sikamlós* в прямом смысле в тех же самых контекстах, что и *síkos*; либо они вообще не используют *sikamlós* в прямом значении и употребляют его только в метафорических контекстах (и это согласуется с данными корпуса, где *sikamlós* встречается преимущественно в переносном смысле). Исходя из всего вышесказанного, мы не будем отдельно останавливаться на прямых употреблениях прилагательного *sikamlós*, сосредоточившись в этой части изложения на сопоставлении прилагательных *csúszós* и *síkos*, но охарактеризуем в дальнейшем метафорические употребления лексемы *sikamlós* ввиду того, что она всё же имеет связь с семантической областью фактуры поверхностей.

Переходя теперь к анализу лексем *csúszós* и *síkos*, нужно сказать, что для носителей венгерского языка их различие оказывается непростым. Многие информанты утверждают, что эти слова являются близкими синонимами и каждым из них свободно можно описать скользкую поверхность. По этой же причине во многих случаях трудно говорить о жестких правилах и запретах, которые бы накладывались на выбор между прилагательными *csúszós* и *síkos*. Тем не менее, в ходе нашего исследования выявились некоторые достаточно четкие тенденции, которым подчиняется употребление этих слов и которые несомненно должны быть приняты во внимание в более широкой типологической перспективе (в частности в свете того, что подобные тенденции должны быть проверены и при исследовании языков, не вошедших в нашу выборку). К изложению этих тенденций мы и перейдем далее.

Прилагательное *csúszós* является в венгерском языке доминантным способом описания скользких поверхностей. Оно может описывать и скользкую опорную поверхность ((4.8.1), *csúszós padló* ‘скользящий пол’, *csúszós sportpálya* ‘скользящая спортивная площадка’, *csúszós avar* ‘скользящая опавшая листва’ [HNC], *csúszós fű* ‘скользящая трава’ [HNC]), и выскальзывающие из рук предметы ((4.8.2), (4.8.3), ср. также допускаемые носителями языка примеры *csúszós hal* ‘скользящая рыба’ и *csúszós szappan* ‘скользящее мыло’), и скользкую подошву обуви (4.8.4).

(4.8.1) A **csúszós** út-on nehéz men-ni.

DEF скользкий дорога-SUPERESS трудный идти-INF

По скользкой дороге трудно идти.

(4.8.2) A gyerek-ek eső után labdáz-tak, a labda vizes
 DEF ребенок-PL дождь после играть.в.мяч-PST.3PL DEF мяч мокрый
 volt és csúszós, a gyerek gyakran kiejt-ették
 быть.PST.3SG и скользкий DEF ребенок часто ронять-PST.3PL.O
 a kez-ük-ből.
 DEF рука-POSS3PL-EL

Дети после дождя играли в мяч, мяч был мокрый и скользкий, дети часто его роняли из рук.

(4.8.3) A lapát fogó-ja csúszós, a kéz mindig
 DEF лопата черенок-POSS3SG скользкий DEF рука всегда
 lecsúsz-ik ró-l-a.
 сползать-PRS.3SG по-POSS3SG

Черенок лопаты скользкий, руки по нему постоянно скользят (букв.: сползают).

(4.8.4) Új bakancs-ot vet-tem, csúszós a talp-a,
 новый ботинок-ACC купить-PST.1SG скользкий DEF подошва-POSS3SG
 gyakran eles-em rajt-uk.
 часто падать-PRS.1SG на-POSS3PL

Я купил новые ботинки, а их подошва скользкая, часто падаю в них.

Прилагательное *síkos*, в свою очередь, описывает поверхности, ставшие скользкими оттого, что они покрыты каким-либо посторонним веществом. Если при употреблении лексемы *csúszós* акцент делается на том, что предмет плохо функционирует из-за чрезмерной степени отсутствия неровностей на его поверхности (например, пол, охарактеризованный как *csúszós*, таков, что человек не может по нему нормально ходить – и именно идея «не может нормально ходить» в данном случае первостепенна для говорящего)⁶², то лексема *síkos* выдвигает на первый план идею наличия на поверхности какого-либо чужеродного вещества, которое находится на этой поверхности в течение

⁶² В этой связи интересно пояснение одной из наших венгерских информанток: «...*csúszós* – как предупреждение». Как кажется, здесь тоже подчеркивается плохая функциональность объекта.

достаточно долгого времени и делает ее скользкой. По этой причине для венгерского языка очень естественно сочетание *síkos hal* ‘скользкая рыба’, описывающее скользкий объект (рыбу), на поверхности которого находится слизь (а некоторые информанты указывали также на то, что словом *síkos* было бы правильно описать кожу змеи)⁶³. Еще один частый контекст для прилагательного *síkos* – *síkos út* ‘скользкая дорога’. При этом важно, что *síkos* в первую очередь описывает дорогу, покрытую льдом (который тоже является чужеродным для дороги веществом), как в (4.8.5), будучи в этом контексте взаимозаменяемым с прилагательным *csúszós*. Если же речь идет о дороге, скользкой после дождя, то более предпочтительным будет использование прилагательного *csúszós*, как в (4.8.6).

(4.8.5) Az utcá-n pocsolya volt, éjjel megfagy-ott
 DEF улица-SUPERESS лужа быть.PST.3SG ночью замерзнуть-PST.3SG
 és az út **síkos-sá** / **csúszós-sá** vál-t.
 и DEF дорога скользкий-TRANS скользкий-TRANS стать-PST.3SG

На улице были лужи, ночью подморозило, и дорога стала скользкой.

(4.8.6) Az eső után **csúszós** / **?síkos** volt az út.
 DEF дождь после скользкий скользкий быть.PST.3SG DEF дорога

После дождя дорога стала скользкой.

Пример (4.8.6) может на первый взгляд показаться противоречащим нашему описанию семантики прилагательного *síkos*: ведь вода, которой покрывается дорога после дождя, тоже является посторонним для дороги веществом, но прилагательное *síkos* в таком контексте обычно не используется. На самом деле, однако, лексема *síkos* (что уже было упомянуто и ранее) предполагает, что вещество, делающее поверхность предмета скользким,

⁶³ Здесь необходимо также отметить, что в венгерском языке покрытые слизью объекты описываются и прилагательным *nyálkás* ‘ослизлый’. Важно, однако, что *nyálkás* образовано от существительного *nyálka* ‘слизь’ и указывает исключительно на наличие слизи на поверхности объекта (при этом не утверждая ничего о том, будет ли этот объект скользким). Прилагательное же *síkos*, во-первых, подразумевает скользкий характер поверхности объекта, а во-вторых, как мы увидим далее, не предполагает наличие на этой поверхности обязательно слизи.

находится на этой поверхности достаточно долгое время (так, что наличие этого вещества может в течение длительного промежутка времени рассматриваться как постоянный признак такой поверхности). Это безусловно верно в случае слизи, которая покрывает поверхность рыбы или змеи, и также значительно более справедливо для покрытой льдом дороги (например, она может находиться в таком состоянии в течение долгого зимнего периода), нежели для дороги, мокрой от дождя (которая очевидным образом перестает быть скользкой вскоре после того, как дождь закончился). По этой же причине прилагательное *síkos* обычно не описывает пол, скользкий после мытья (4.8.7), а также обычно не используется по отношению к мокрым и оттого скользким мячу или черенку лопаты (см. контексты (4.8.2) и (4.8.3) выше). Интересен также комментарий одной из информанток, согласно которому употребление слова *síkos* по отношению к скользкому от мытья полу (или другим частям строений, например, ступенькам) может быть понято как «намека» на то, что пол или ступеньки слишком часто моют⁶⁴.

(4.8.7) Az iskolás-ok a nyári szünet után felmos-ták
 DEF школьник-PL DEF летний каникулы после мыть-3PL.O
 a padló-t az osztály-ban, és ameddig fel nem szárad-t
 DEF пол-ACC DEF класс-INESS и пока вверх не сохнуть-PST.3SG
csúszás / ?síkos volt, a tanárnő majdnem
 скользкий скользкий быть.PST.3SG DEF учительница чуть.не
 eles-ett rajt-a.
 падать-PST.3SG на-POSS3SG

Школьники после летних каникул помыли пол в классе; пол, пока не высох, был скользкий; учительница чуть не упала.

⁶⁴ Еще двое из опрошенных нами носителей указали на то, что слово *síkos* может подразумевать в таком контексте, что пол помыли не просто водой, а мылом или еще каким-то веществом подобной консистенции. В данных интерпретациях поверхность пола, видимо, категоризуется как сходная на ощупь с ослизлыми и оттого скользкими поверхностями (ср. рыба чешуя). Впрочем, однако, подобная ситуация не кажется высоко естественной прагматически и не создает для носителей языка прототипический контекст употребления прилагательного *síkos*.

Что касается фрейма скользкой подошвы, то для его кодирования последовательно выбирается прилагательное *csúszós*, как в примере (4.8.4), но не *síkos* (так, из 9 информантов, которым был задан этот вопрос, 8 отвергли возможность описать скользкую подошву обуви как *síkos*). Это и логично, т.к. свойство «быть скользким» для подошвы обуви прототипически является внутренним (вызванным, например, тем, что она стерлась или что ее изначально сделали слишком гладкой), а не обусловленным тем, что на ней в течение долгого времени находится постороннее вещество⁶⁵. И, с другой стороны, характеристика подошвы как скользкой явно указывает на ее нарушенную функциональность, что ближе в первую очередь семантике прилагательного *csúszós*.

Что касается метафорических употреблений прилагательных, исходно описывающих скользкую поверхность, то лексемы *csúszós* и *síkos* их не развивают. Вместе с тем, как уже было сказано выше, в метафорической области используется прилагательное *sikamlós*, сходное по прямому значению с *síkos*, но в современном языке уходящее в зону метафорических употреблений. *Sikamlós* развивает переносное употребление, определяемое в [Гальди (ред.) 1987: 658] как ‘скользкий, скабресный, сальный’. В ходе нашей работы с информантами удалось установить, что за этой дефиницией стоят контексты, в которых *sikamlós* обозначает что-либо неприличное, пошлое, нравственно небезупречное, ср. *sikamlós téma* (букв. ‘скользкая тема’, в венгерском языке так, по оценкам информантов, скажут о теме, которую неприятно или стыдно обсуждать, в особенности в том случае, когда эта тема касается интимных отношений), *sikamlós viccek* ‘пошлые (букв.: скользкие) анекдоты’, *sikamlós dalok* ‘пошлые (букв.: скользкие) песни’, *sikamlós hirdetés* (букв. ‘скользкое объявление’; один из наших информантов, являющийся венгерско-русским

⁶⁵ Ср. здесь также комментарий одной из опрошенных информанток, согласно которому о скользкой подошве нельзя сказать *síkos*, «потому что проблема – это подошва, а не снег, например».

билингвом, пояснил смысл этого словосочетания как ‘двусмысленное, вызывающее вопросы нравственного характера объявление’).

Прилагательные *sík* и *lapos*

Прилагательное *sík* относится в венгерском языке к семантической области зрительно воспринимаемых ровных поверхностей, описывая в этой области ровные обширные участки местности (как в (4.8.8) и (4.8.9)). Так, в [HNC] оно очень частотно в сочетаниях *sík rét* ‘ровный луг’, *sík mező* ‘ровное поле’, *sík terep* и *sík vidék* ‘равнинная местность’, *sík terület* ‘равнинная территория’⁶⁶.

(4.8.8) *Nál-unk a környék-en sík hely-ek vannak hegy-ek*
у-POSS1PL DEF район-SUPERESS ровный место-PL быть.PRS.3PL гора-PL
és domb-ok nélkül.

и холм-PL без

У нас в районе ровные места, без гор, без холмов.

(4.8.9) *A falu szél-én van egy nagy*
DEF деревня край-SUPERESS.POSS3SG быть.PRS.3SG INDEF большой
sík hely, ott ünnepel-ünk mindig, táncol-unk,
ровный место там праздновать-PRS.1PL всегда танцевать-PRS.1PL
körtánc-ot jár-unk.

хоровод-ACC водить-PRS.1PL

На краю деревни есть большое ровное место, мы там всегда праздники устраиваем, танцуем, водим хороводы.

Каких-либо иных фреймов поверхностей, на которых отсутствуют неровности (в частности, ровную дорогу, ровный пол, ровные стены, гладкую поверхность воды, воспринимаемые на ощупь объекты) прилагательное *sík* описывать не может. Способы характеристики всех этих поверхностей будут обсуждаться нами далее, когда речь пойдет о прилагательных *egyenletes* и *sima*.

⁶⁶ Детальный анализ семантических различий между существительными *terep*, *vidék* и *terület* не входит в задачу настоящей работы. Для целей нашего исследования нам важно, что все эти слова обозначают обширные участки местности и что со всеми ними сочетается прилагательное *sík*.

Еще одно вынесенное в заголовок данного подраздела венгерское прилагательное – *lapos* – исходно описывает объекты плоской или приплюснутой формы (*lapos kavics* ‘плоский камешек’, *lapos mell* ‘плоская грудь’; *lapos orr* ‘приплюснутый нос’ [Гальди (ред.) 1987: 443], и др.). Оно имеет и когнаты в других уральских языках, тоже имеющие базовое значение ‘плоский (о форме)’, ср., например, ненецкое *лӓбцӓйӓ*, эрзянское *лапужа*, хантыйское *лӓpsax* (этимологические подтверждения этому см. в [Rédei 1988: 237], [Хелимский 2000: 321 – 322], [Аникин, Хелимский 2007: 124]). Многие носители венгерского языка допускают употребление *lapos* точно в тех же контекстах из зоны поверхностей, в которых употребляется *sík* (как, например, в приведенных выше примерах (4.8.8) и (4.8.9)), не усматривая в этих случаях какой-либо смысловой разницы между двумя этими лексемами. По-видимому, однако, слово *lapos* является в современном венгерском языке менее распространенным, чем *sík*, способом описать ровный участок местности. Так, в [HNC] словосочетание *sík mező* ‘ровное поле’ встречается 21 раз, а словосочетание *lapos mező* – всего 2 раза; сочетаний прилагательного *lapos* с существительным *terep* ‘местность’ в корпусе не отмечено вовсе, в то время как сочетание *sík terep* встретилось там 23 раза; словосочетание *sík vidék* ‘равнинная местность’ зафиксировано в [HNC] 69 раз, тогда как словосочетание *lapos vidék* – только 3 раза.

Прилагательные *sima* и *egyenletes*

Другие два прилагательных, описывающих в венгерском языке фреймы отсутствия неровностей, – это прилагательные *sima* и *egyenletes*. Для прилагательного *sima* базовыми являются фреймы тактильного восприятия, ср. (4.8.10) – (4.8.12).

(4.8.10) Az asztal új és a felület-e **sima**.

DEF стол новый и DEF поверхность-POSS3SG гладкий

Стол новый, и его поверхность гладкая.

(4.8.11) Megborotválkoz-ott ezért a bőr-e **sima** és puha.
 побриться-PST.3SG поэтому DEF кожа-POSS3SG гладкий и мягкий
Он побрился, поэтому его кожа гладкая и мягкая.

(4.8.12) A szomszéd kutyája borzas, az én kutyá-m-nak
 DEF сосед собака-POSS3SG лохматый DEF я собака-POSS1SG-DAT
 pedig ellenkezőleg, a szőr-e **sima**.
 же наоборот DEF шерсть-POSS3SG гладкий
У соседа собака лохматая, а у моей собаки, наоборот, шерсть гладкая.

Прилагательное *egyenes* целый ряд опрошенных нами информантов употребляет по отношению к зрительно воспринимаемым объектам, описывая таким образом их ровную поверхность, см. примеры (4.8.13) – (4.8.15). По отношению к обширным участкам местности (например, ровному полю) некоторые носители допускают употребление слова *egyenes*, однако большинство информантов такое употребление отвергают, предпочитая в данном случае прилагательные *sík* и *lapos*, о которых шла речь ранее.

(4.8.13) A deszkák **egyenes-ek**, de nem simák.
 DEF доска-PL ровный-PL но не гладкий-PL
Доски ровные (т.е. уложены на пол и образуют там ровную поверхность), но не гладкие.

(4.8.14) A padlófedés régi, fel kell újítá-ni, hogy újra
 DEF пол+покрытие старый вверх надо обновить-INF чтобы снова
egyenes legyen.
 ровный быть.IMP.3SG
Покрытие пола старое, надо менять, чтобы (пол) стал снова ровный.

(4.8.15) A fal-nak **egyenletes-nek** kell len-ni-e, hogy polc-ot
 DEF стена-DAT ровный-DAT надо быть-INF-POSS3SG чтобы полка-ACC
 lehes-sen akaszt-ani, de rajt-a mindenütt
 быть.ВОЗМОЖНЫМ-IMP.3SG вешать-INF а на-POSS3SG везде
 vala-milyen gödröcské-k van-nak, először ki
 INDEF-какой ямка-PL быть.PRS-3PL сначала наружу
 kell kiegyenesít-eni.
 надо выровнять-INF

Стена должна быть ровная, чтобы можно было вешать полки, а на ней везде какие-то ямки, сначала надо выровнять.

Кроме того, в случае двух фреймов, а именно ровной / гладкой дороги (т.е. такой, на поверхности которой нет неровностей) и гладкой поверхности воды в водоеме, имеет место явная конкуренция прилагательных *sima* и *egyenletes* (лексемы же *sík* и *lapos* в этих случаях не используются). Примеры приведены в (4.8.16) и (4.8.17). В случае дороги слово *sima*, по-видимому, подчеркивает ее более значительную гладкость; для фрейма же гладкой поверхности воды семантических отличий между двумя прилагательными не выявляется.

(4.8.16) A város-ból a tanya-ra az út rossz, göröngyös
 DEF город-EL DEF село-SUBLAT DEF дорога плохой ухабистый
 volt, most új aszfalt-ot rak-tak le és olyan
 быть.PST.3SG сейчас новый асфальт-ACC класть-PRS.3PL вниз и такой
egyenletes / sima lett.
 ровный гладкий стать.PST.3SG

Дорога из города в село была плохая, разбитая, а сейчас новый асфальт постелили, и она стала такая ровная.

(4.8.17) Nincs szél, szélcsend és zavartalan nyugalom van
 нет ветер штиль и ненарушенный покой быть.PRS.3SG
 a víz felszín-e **egyenletes / sima** mint egy tükör.
 DEF вода поверхность-POSS3SG ровный гладкий как INDEF зеркало
Ветра нет, штиль, тишь да гладь (букв.: ненарушенный покой), поверхность воды гладкая, как зеркало.

Надо сказать, однако, что, по данным [HNC], лексема *egyenletes* в современном венгерском языке встречается преимущественно в переносных контекстах (выражающих идею равномерности, см. подробно далее), нежели как средство описания ровной поверхности. Некоторые информанты также указывают на профессиональный характер употребления этого слова в прямом значении (например, отмечая, что *egyenletes* о ровной стене скажет скорее строитель или архитектор, а биолог теоретически может использовать это слово по отношению к ровным полям) и сами склоняются к использованию слова *sima* по отношению и к гладким на ощупь, и к зрительно ровным поверхностям артефактов (но вместе с тем нельзя утверждать, что в венгерском языке оказывается полностью стертой оппозиция между гладкими и ровными поверхностями артефактов – многие носители всё же противопоставляют для таких контекстов слова *egyenletes* и *sima*). С другой стороны, прилагательное *sima* во многих идиолектах проявляет тенденцию к расширению употребления: во-первых, за счет использования по отношению не только к гладким (тактильно), но и к ровным (зрительно) поверхностям артефактов; а, во-вторых, за счет иногда встречающегося распространения на контексты ровных участков местности. Информанты часто допускают употребление слова *sima* по отношению, например, к ровным полям (описываемым словом *sík* и, реже, словом *lapos*), как в примере (4.8.18).

(4.8.18) Autóbussz-al utaz-om és az ablak-ból

автобус-SOC ехать-PRS.1SG и DEF окно-EL

sima mező-t lát-ok.

гладкий поле-ACC видеть-PRS.1SG

Я еду в автобусе и вижу в окно ровное поле.

Вместе с тем, по данным [HNC], лексема *sima* используется для описания ровных участков местности реже, чем *sík*. Так, если словосочетания *sík mező* ‘ровное поле’, *sík terep* ‘равнинная местность’ и синонимичное сочетание *sík vidék* встречаются в корпусе 21 раз, 23 раза и 69 раз соответственно, то сочетания этих существительных с прилагательным *sima* фиксируются

соответственно 6 раз, 9 раз, а третье сочетание – и вовсе ни разу. Кроме того, сами информанты оценивают такое употребление *sima* как разговорное и при этом не очень частотное.

В качестве промежуточного итога, таким образом, можно заключить, что для прилагательного *egyenletes* прототипическим фреймом в зоне прямых употреблений являются зрительно ровные поверхности артефактов. Базовые употребления прилагательного *sima*, в свою очередь, лежат в тактильной зоне; в то же время, в ряде идиолектов оно может распространяться и на зрительные контексты, включающие поверхности как артефактов, так и участков местности. Далее перейдем к анализу метафорических употреблений.

Прилагательное *egyenletes* (и производное от него наречие *egyenletesen*), как уже было упомянуто, широко развивает метафорические употребления из семантической зоны равномерности, применяясь в этом случае и к статичным объектам ((4.8.19), (4.8.20)), и к действиям или процессам (ср. (4.8.21)). В [HNC] весьма частотны относящиеся к этому классу метафор примеры *egyenletes lélegzés* ‘равное дыхание’, *egyenletes mozgás* ‘равномерное (букв.: ровное) движение’, *egyenletes ritmus* ‘ровный ритм’, *egyenletes sebesség* ‘постоянная (букв.: ровная) скорость’, *egyenletes tempó* ‘ровный темп’, *egyenletes zúgás* ‘равномерное (букв.: ровное) гудение’, и др.

(4.8.19) A fal szín-e **egyenletes** volt.

DEF стена цвет-POSS3SG ровный быть.PST.3SG

Цвет стены был однотонный (букв.: ровный).

(4.8.20) A szék-ek **egyenletes-en**, egyformá-n

DEF стул-PL ровный-ADV одинаковый-ADV

vannak elhelyez-ve.

быть.PRS.3PL расставить-CONV

Стулья расставлены ровно, на одинаковом расстоянии.

(4.8.21) Az autó **egyenletes-en** megy az út-on,
 DEF машина ровный-ADV ехать.PRS.3SG DEF дорога-SUPERESS
 nem lassul le, és nem gyorsul fel.
 не замедляться.PRS.3SG вниз и не ускоряться.PRS.3SG вверх
Машина равномерно (букв.: ровно) едет по дороге, не замедляется и не ускоряется

Прилагательное *sima* (и производное от него наречие *simán*), в свою очередь, развивает метафоры, типологически свойственные для тактильной зоны.

Во-первых, оно описывает отсутствие недостатков или затруднений, применяясь в частности к легко выполняемому действию (4.8.22) или к уверенной речи (отметим при этом, что носители языка оценивают такие употребления как относящиеся к разговорному стилю речи). В [Гальди (ред.) 1987: 659] приводится также пример *sima eset* ‘простой случай’, отмеченный как относящийся к медицинской терминологии – в этом случае, по-видимому, употребление слова *sima* попадает в этот же класс метафор.

(4.8.22) Az ügy **simá-n** men-t.
 DEF дело гладкий-ADV идти-PST.3SG
Дело прошло гладко.

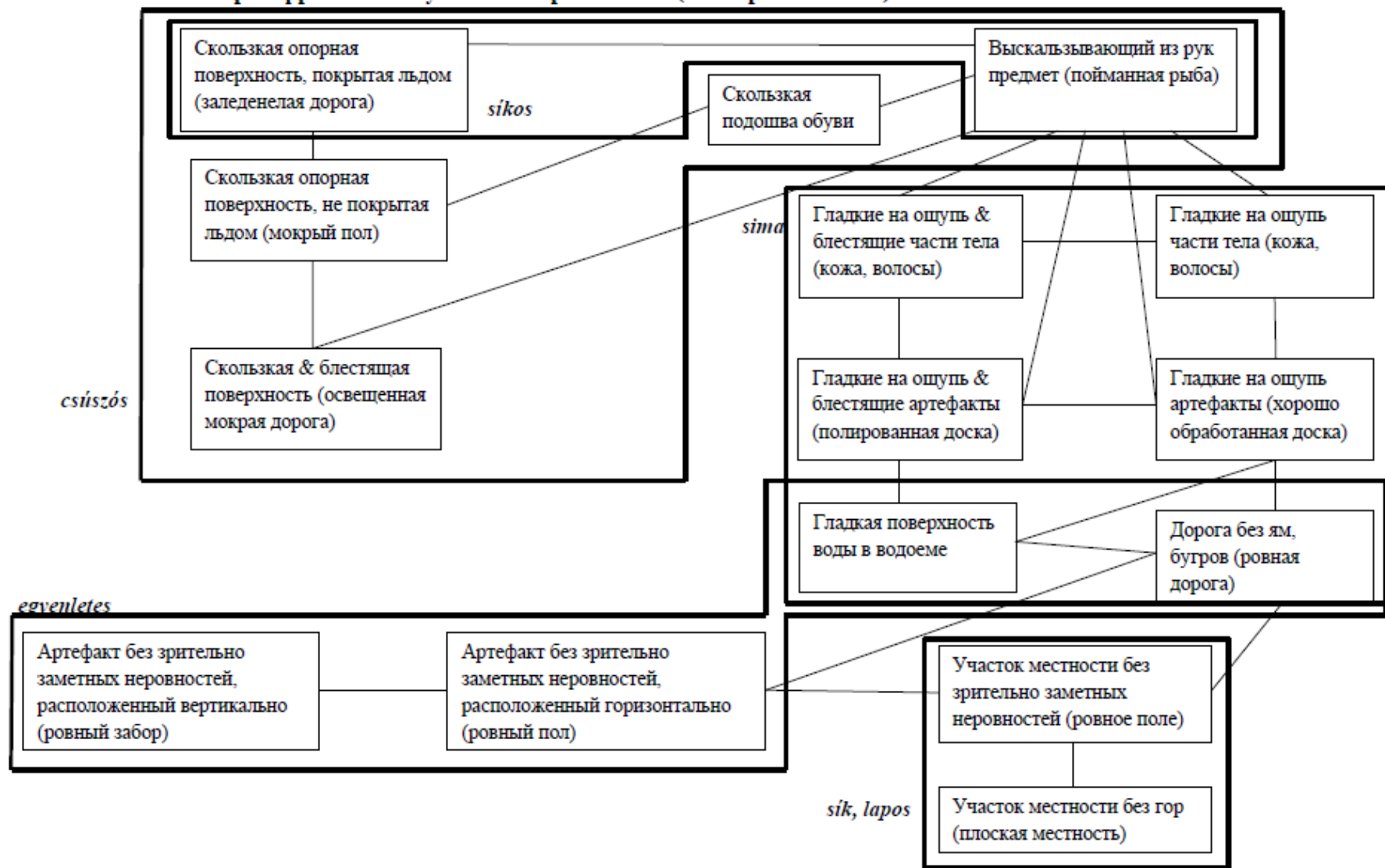
Во-вторых, лексема *sima* в переносном употреблении может указывать на отсутствие у объекта отличительных качеств или ресурса. Так, в [Гальди (ред.) 1987: 659] этому слову приписываются значение ‘гладкий, без рисунка (о ткани)’ – носители языка, однако, ставят такое употребление под сомнение. Вместе с тем информанты четко указывают на наличие у слова *sima* значения ‘простой, обычный, ничем не выделяющийся’ (проявляемого, по их словам, скорее в разговорной речи), проиллюстрированного, например, в (4.8.23).

(4.8.23) Ez egy **sima** bögre.
 это INDEF гладкий чашка
Это обыкновенная (букв.: гладкая) чашка.

Обобщение данных о лексемах отсутствия неровностей

Система венгерских прилагательных отсутствия неровностей крайне любопытна с типологической точки зрения. Во-первых, в ней реализуется оппозиция между прилагательными со значением 'скользящий' по тому, описывают ли они любую скользкую поверхность или же предполагают наличие на скользкой поверхности постороннего вещества. Во-вторых, венгерский язык обособляет фрейм ровных участков местности (за ним закрепляется специальное прилагательное *sík* и, реже, прилагательное *lapos*, исходно описывающее плоскую форму), а также противопоставляет ровные поверхности артефактов и участков местности. В-третьих, в венгерской системе представлен ряд интересных метафорических сдвигов, в частности развитие у прилагательного *sima* 'гладкий' значения 'обыкновенный, ничем не выделяющийся'. Обобщение данных представлено на семантической карте.

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (венгерский язык)

4.8.2. Лексемы наличия неровностей

Прилагательное *ráncos*

Венгерское прилагательное *ráncos* описывает поверхности морщинистых и сморщенных предметов, как, например, кожу пожилого человека (4.8.24), ткань и подобные материалы со складками (ср., например, *ráncos függöny* ‘шторы со складками’), сморщенные яблоко или картошку. Метафорических употреблений оно не развивает.

- (4.8.24) Ha megöregsze-m, **ráncos** lesz a bőr-öm.
если состариться-PRS.1SG морщинистый быть.FUT.3SG DEF кожа-POSS1SG
Если я состарюсь, моя кожа будет морщинистой.

Прилагательное *érdes*

Прилагательное *érdes* является в венгерском языке доминантным для семантической области шершавых поверхностей. Оно прототипически описывает поверхности, на которых есть воспринимаемые на ощупь регулярные мелкие неровности, как, например, язык кошки (4.8.25), кожу рук, ставшую шершавой от мороза (4.8.26) или от грубой работы, шершавую доску (4.8.27), наждачную бумагу. В [HNC] также встречаются примеры *érdes tenyér* ‘шершавая ладонь’, *érdes kő* ‘шершавый камень’, *érdes betonpadló* ‘шершавый бетонный пол’ и т.п.

- (4.8.25) A macska nyelv-e tapintás-ra **érdes**.
DEF кошка язык-POSS3SG осязание-SUBLAT шершавый
Язык кошки на ощупь шершавый.

- (4.8.26) Fagyos idő-ben kesztyű nélkül sétál-tam.
морозный погода-INESS перчатка без гулять-PST.1SG
A kéz-bőr-öm tapintás-ra **érdes-sé** vál-t.
DEF рука+кожа-POSS1SG осязание-SUBLAT шершавый-TRANS стать-PST.3SG
Я погулял на сильном морозе без перчаток. Кожа рук на ощупь стала шершавой.

(4.8.27) A deszka rosszul van legyalul-va,
 DEF доска плохо быть.PRS.3SG обстругать-CONV
 szálká-ra ül-het-ünk Ha végigmegy-ünk rajt-a
 заноза-SUBLAT посадить-POT-PRS.1PL если пройти-PRS.1PL на-POSS3SG
 rong-gyal, akkor szálká-cská-k marad-hat-nak rajta.
 тряпка-SOC то заноза-DIM-PL остаться-POT-PRS.3PL на-POSS3SG
 Ez a deszka tapintás-ra **érdes.**

это DEF доска осязание-SUBLAT шершавый

Доска плохо обстругана, можно посадить занозу. Если провести сверху тряпкой, то на ней останутся занозы. Эта доска на ощупь шершавая.

Некоторые употребления прилагательного *érdes* захватывают и зону поверхностей с мягкими неровностями. Так, оно может описывать негладкую поверхность шерстяного одеяла (4.8.28). Ряд информантов допускают и употребление *érdes* по отношению к небритым щекам, однако большинство носителей отрицают это употребление, предпочитая в данном случае слово *borostás* ‘небритый’ или прилагательное *szúrós* ‘колючий’, периферийное для семантической зоны фактуры поверхностей.

(4.8.28) Gyapjúszőrt vet-tem fel, érintés-re **érdes.**

шерстяное.одеяло бросить-PST.1SG вверх касание-SUBLAT шершавый

Накинул на себя шерстяное одеяло – на ощупь оно колючее (букв.: шершавое).

Метафорически прилагательное *érdes* описывает хриплый голос человека (в сочетании *érdes hang* ‘хриплый (букв.: шершавый) голос’: такие примеры активно приводятся информантами и частотны в [HNC]). По словам носителей языка, в данном случае скорее имеется в виду постоянное свойство голоса – например, так говорят в тех случаях, когда у человека хриплый голос «от природы», про охрипший голос заядлого курильщика и т.п. По отношению к голосу, охрипшему от простуды или от крика, предпочтительно прилагательное *rekédt* ‘хриплый’.

Прилагательное *kérges*

Прилагательное *kérges*, также относящееся к семантической области негладких поверхностей, образовано от существительного *kéreg* ‘кора, корка’. Носители языка хорошо ощущают эту связь, ср., в частности, комментарий одного из них: «Слово *kérges* происходит от *kéreg* (кора), все его значения связаны с ощущением шероховатости при прикосновении к коре дерева».

По данным и Венгерского национального корпуса, и наших собранных с информантами анкет, наиболее частыми именами, с которыми сочетается прилагательное *kérges*, являются названия частей тела, ср. частотные в корпусе сочетания *kérges kéz* ‘шершавые руки’, *kérges tenyér* ‘шершавая ладонь’, *kérges ujjak* ‘шершавые пальцы’ и приведенный информантом пример (4.7.29).

(4.8.29) A férfi bőr-e a kez-én **kérges**
DEF мужчина кожа-POSS3SG DEF рука-SUPERESS.POSS3SG шершавый
a sok munká-tól.
DEF много работа-ABL

У мужчины кожа на руках шершавая из-за того, что много работы.

Как можно понять из примера (4.8.29), и информантами это тоже подтверждается, прилагательное *kérges* предполагает наличие на поверхности объекта более ощутимых неровностей, чем *érdes* (а часто таких неровностей, которые образуют на поверхности корку, что логично, исходя из внутренней формы этого слова). Об этом свидетельствует и запрет на употребление слова *kérges* применительно к языку кошки или небритым щекам (т.е. таким поверхностям, которые вряд ли могут содержать на себе крупные неровности).

Опрошенные носители указывают также на возможность использовать слово *kérges* по отношению к доске (и ср. также в нескольких примерах из [HNC] *kérges fa* ‘шероховатое дерево’), как в (4.8.30), причем в этом случае речь скорее будет идти о доске с нерегулярными и достаточно крупными неровностями. Встречаются и примеры употребления *kérges* о старых, покрывшихся коркой овощах, как, например, в (4.8.31).

(4.8.30) A deszká-n van-nak különálló gödrö-cské-k, göcsört-ök,
 DEF доска-SUPERESS быть.PRS-3PL отдельный яма-DIM-PL сучок-PL
 egyenetlen-ség-ek, mélyedés-ek. A deszka
 неровный-SUBST-PL выбоинка-PL DEF доска
 felszín-e **kérges**.
 поверхность-POSS3SG шероховатый
На доске есть отдельные, нерегулярно встречающиеся ямки, сучки, неровности, выбоинки. Поверхность этой доски шероховатая.

(4.8.31) A burgonya az erkély-en van ősz óta,
 DEF картошка DEF балкон-SUPERESS быть.PRS.3SG осень с
kérges lett.
 покрытый.коркой стать.PST.3SG
Картошка на балконе лежит с прошлой осени, она вся покрылась коркой.

Что касается метафорических употреблений, то прилагательное *kérges* ими небогато. Единственная его метафора приведена в [Гальди (ред.) 1987: 364] (и подтверждается по корпусным данным): *kérges* может описывать черствого, бесчувственного человека, ср. приводимый по только что указанной ссылке пример *kérges szívű* ‘с черствым сердцем’.

Прилагательное *durva*

Для прилагательного *durva* прототипическим контекстом в области прямых употреблений является грубая ткань – *durva anyag*. Кроме того, оно может описывать загрубелую кожу рук, будучи в этом случае взаимозаменяемым с *kérges*, как в примере (4.8.29) выше или в (4.8.32). В последнем случае информанты допускают и прилагательное *kérges* (а некоторые и *érdes*, имея, однако, в этом случае в виду меньшую степень негладкости). В ряде идиолектов *durva* применяется и к поверхностям с нерегулярными неровностями (например, к шероховатой доске).

(4.8.32) A nő sokat mos.

DEF женщина много стирать.PRS.3SG

A kéz bőr-e **durvá-vá** vál-ik.

DEF рука+кожа-POSS3SG грубый-TRANS стать-PRS.3SG

Женщина много стирает. Кожа рук у нее становится грубой.

Лексема *durva*, в отличие от слов *érdes* и *kérges*, очень богата метафорическими употреблениями (в некоторых из них фигурирует само прилагательное *durva*, в некоторых – производное от него наречие *durván*). Так, это слово принимает значение ‘грубый, невежливый’, ср. приведенный информантом пример (4.8.33) и частотные в [HNC] сочетания *durva hang* ‘грубый (невежливый) голос’, *durva szavak* ‘грубые слова’, *durva támadás* ‘грубые нападки’, *durva viselkedés* ‘грубые манеры’ и т.п.

(4.8.33) A férfi **durvá-n** beszél-t a nő-vel.

DEF мужчина грубый-ADV говорить-PST.3SG DEF женщина-SOC

Мужчина грубо разговаривал с женщиной.

Кроме того, прилагательное *durva* приобретает значение ‘грубый, недостаточно качественно сделанный’, как в примерах из [Гальди (ред.) 1987: 137] *durva munka* ‘грубая работа’, *durva fakanál* ‘простая деревянная ложка’ (переводы процитированы из источника).

Важный класс переносных употреблений лексемы *durva* включает те контексты, в которых она указывает на высокую степень проявления какого-либо признака или свойства. В [HNC] частотны контексты *durva megsértés* ‘грубое нарушение’ и *durva hiba* ‘грубая ошибка’ – в этих случаях речь идет о серьезных, существенных нарушении или ошибке. Более того, *durva* развивает большой массив такого рода употреблений, оцениваемых информантами как относящиеся к разговорному стилю (поэтому, в частности, их трудно исследовать по корпусу, значительная часть текстов которого исходит из литературы и прессы), что, тем не менее, не снижает их релевантности для типологического исследования. Среди этих употреблений есть и использование *durva* по отношению к неблагоприятным погодным условиям (*durva tél* ‘суровая

зима’, (4.8.34)), и его использование в значении ‘удивительный, невероятный’ (4.8.35), и употребление для выражения интенсивности действия или состояния либо высокой степени проявления признака. Во многих примерах такого типа *durva* сохраняет отрицательную оценку, как в (4.8.36) и (4.8.37), ср. также *durván elfáradtam* ‘очень (букв.: грубо) устал’. Важно, однако, что в этом классе употреблений *durva* может и утрачивать исходную отрицательную окраску, начиная описывать положительно оцениваемые говорящим объекты и ситуации. Так, например, по-венгерски можно сказать *durva autó* ‘крутая (т.е. очень хорошая) машина’. Кроме того, информантами допускаются примеры (4.8.38) и (4.8.39), также передающие положительную оценку⁶⁷. С точки зрения теории семантических переходов прилагательное *durva* демонстрирует очевидный пример ребрендинга (см. подробнее в теоретическом обзоре к Главе 3), полностью утрачивая в рассматриваемых переносных употреблениях связь со своей исходной семантикой.

(4.8.34) **Durva** szél fúj.

грубый ветер дуть.PRS.3SG

Сильный (букв.: грубый) ветер дует.

(4.8.35) **Durva** dolg-ok történ-tek.

грубый вещь-PL случиться-PST.3PL

Удивительные вещи случились.

(4.8.36) **Durvá-n** becsap-ták.

грубый-ADV обманывать-PST.3PL.O

Сильно (букв.: грубо) обманывали его.

⁶⁷ В переводах примеров мы сознательно используем русские эквиваленты (типа *крутой* или *жутко*), наглядно передающие значение высокой степени признака, состояния или действия. Это полностью соответствует оценкам венгерских информантов, указывающих на наличие у обсуждаемых переносных употреблений лексемы *durva* такой семантики. Эти переводы (как, подчеркнем еще раз, и соответствующие венгерские предложения) относятся к разговорному стилю речи, однако, на наш взгляд, это не является поводом оставлять такие примеры вне поля зрения в рамках типологического исследования.

(4.8.37) **Durvá-n** megijed-tem a kutyá-tól.

грубый-ADV испугаться-PST.1SG DEF собака-ABL

Я жутко (букв.: грубо) испугался собаки.

(4.8.38) **Durva** pénz-t keres az új munkahely-én.

грубый деньги-ACC получать.PRS.3SG DEF новый работа-SUPERESS.POSS3SG

На новой работе он получает бешеные (букв.: грубые) деньги.

(4.8.39) **Durvá-n** szeret-em Lizá-t.

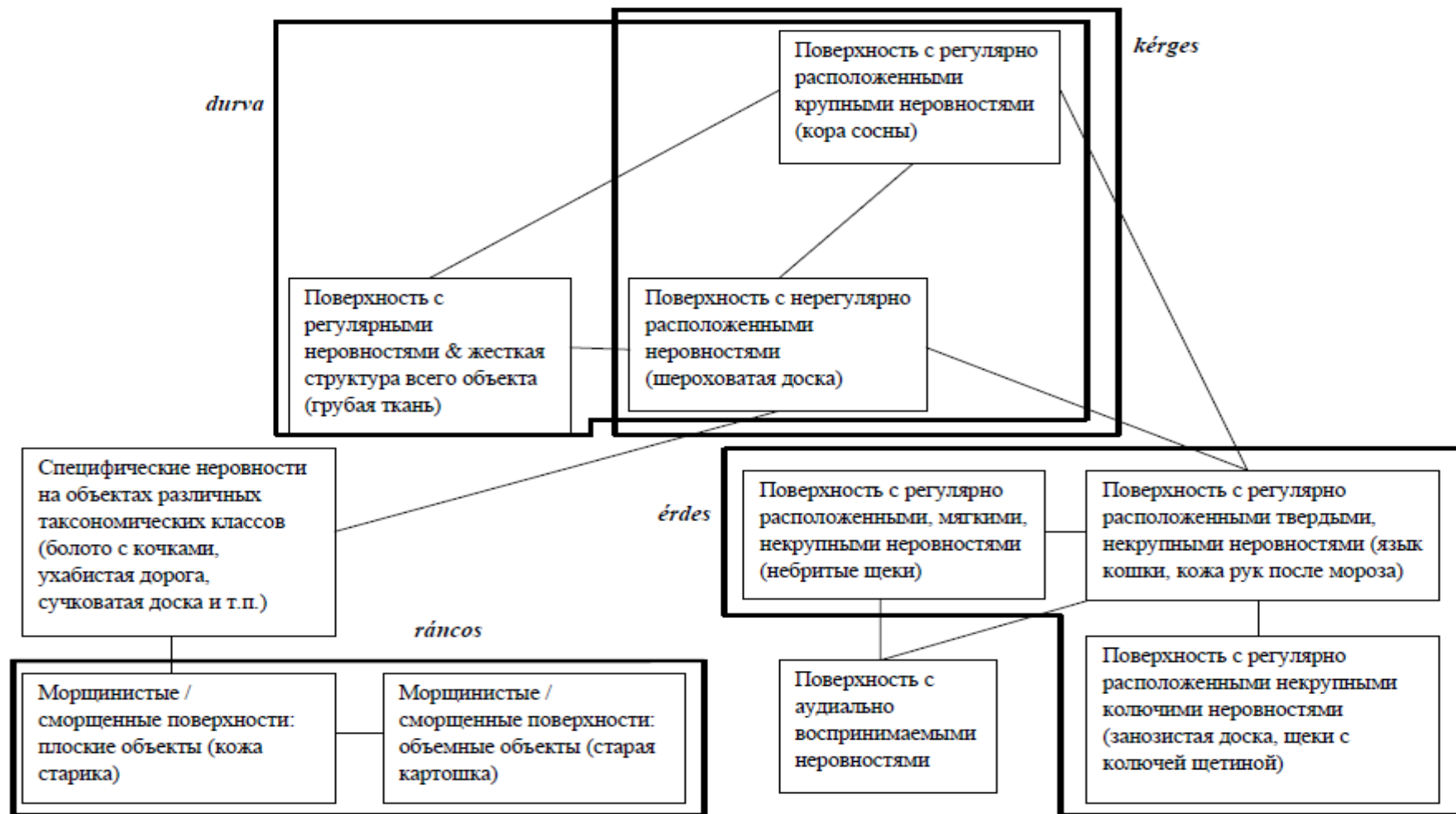
грубый-ADV любить-PRS.1SG Лиза-ACC

Я безумно (букв.: грубо) люблю Лизу.

Обобщение данных о лексемах наличия неровностей

В венгерской системе прилагательных наличия неровностей имеется доминантная лексема *érdes* ‘шершавый’, покрывающая значительную часть фреймов этой зоны. При этом фреймы поверхностей с крупными неровностями описываются другими прилагательными – *kérges* и *durva* (последняя лексема также покрывает фрейм грубой ткани). В области переносных употреблений крайне любопытно развитие у прилагательного *durva* значения высокой интенсивности действия, особенно активно проявляющееся в разговорном венгерском языке. Обобщение данных о прямых употреблениях представлено на семантической карте.

Семантическая карта фреймов наличия неровностей (венгерский язык)

4.9 Хантыйский язык⁶⁸

4.9.0. Общие сведения о хантыйском языке

Хантыйский язык относится к обско-угорской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. Его носители (коих, по данным www.ethnologue.com на 2010 г., насчитывается 9580) проживают в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, а также в Томской области. Хантыйский язык характеризуется исключительной диалектной раздробленностью (что, помимо прочего, затрудняет создание литературного языка: на хантыйском языке выпускаются учебные пособия и работают некоторые СМИ, но всё это происходит на основе разных диалектов, в зависимости от того, какой диалект распространен в конкретном районе). Традиционно внутри хантыйского языка выделяется две основные диалектные группы: западная и восточная, между которыми наблюдаются весьма существенные различия на всех языковых уровнях, приводящие к отсутствию взаимопонимания между носителями западных и восточных говоров.

В нашей работе рассматривается материал нескольких западных говоров хантыйского языка, основная часть которого собрана нами в полевых условиях в сс. Мужы, Шурышкары (Шурышкарский район Ямало-Ненецкого АО), с. Белоярск (Приуральский район Ямало-Ненецкого АО), с. Теги (Березовский район Ханты-Мансийского АО). Говор с. Белоярск относится к приуральскому (иначе – обдорскому) диалекту, говоры сс. Мужы и Шурышкары – к шурышкарскому диалекту (при этом данные говоры не идентичны), говор с. Теги близок к казымскому диалекту, но имеет ряд отличий от него⁶⁹.

⁶⁸ Данный раздел написан на основе статьи [Кашкин 2012].

⁶⁹ Одним из рецензентов статьи [Кашкин 2012], положенной в основу настоящего раздела, выступила кандидат филологических наук С. В. Онина, носитель шурышкарского диалекта хантыйского языка, владеющая также казымским диалектом, автор многочисленных публикаций по хантыйскому языку. В рецензии С. В. Ониной высказан ряд ценных замечаний и дополнений, которые будут далее приводиться в соответствующих фрагментах работы (при этом детального исследования с опросом многих информантов на материале родного говора С. В. Ониной не проводилось, как и на материале «литературного» казымского диалекта).

Социолингвистически эти говоры характеризуются хорошей сохранностью языка в старшем и в меньшей степени в среднем поколении и его утратой молодым поколением (некоторое исключение составляет говор с. Белоярск Приуральяского района, где лучше сохранен традиционный образ жизни, за счет чего в ряде семей дети овладевают родным языком).

Помимо проведения детального анкетирования информантов в каждом из обследованных поселков, мы использовали также материалы словарей (наиболее подробные из них – [Steinitz 1966 – 1993], [Соловар 2006], [Вальгамова и др. 2011]), однако существующие словари хантыйского языка содержат далеко не всю нужную для нашего исследования информацию о сочетаемости лексем и ограничениях на их употребление. Общедоступных хантыйских корпусов значительного объема до настоящего времени не создано.

Перейдем далее к рассмотрению нашего материала. При его анализе выявились различия в устройстве поля фактуры поверхностей в обследованных говорах, особенно значительные для прилагательных отсутствия неровностей. Поэтому, обсуждая эти прилагательные, мы проанализируем последовательно говор каждого поселка, после чего обобщим полученные результаты. Прилагательные наличия неровностей не демонстрируют столь значительного идиомного варьирования, и в их случае данные всех говоров будут с самого начала обсуждаться вместе.

Метафорические употребления исследуемых прилагательных детально проверялись нами только в говорах сс. Белоярск и Теги (имеются также отдельные примеры по разговорам сс. Мужики и Шурышкары). Для прилагательных отсутствия неровностей данные о них будут обобщены и проанализированы после обсуждения систем прямых употреблений, для прилагательных наличия неровностей (поскольку примеры единичны) – по ходу изложения.

4.9.1. Лексемы со значением отсутствия неровностей

4.9.1.1 Говор с. Теги

Прилагательные *wōl'ək* и *rajli*

В говоре с. Теги семантическая зона отсутствия неровностей покрывается двумя прилагательными – *wōl'ək* и *rajli*. Прилагательное *wōl'ək* описывает в данном говоре все типы скользкой поверхности, а именно, опорную поверхность (заледенелую дорогу (4.9.1), скользкие камни под ногами (4.9.2), промокшие дощатые мостки), выскользывающие из рук предметы (рыбу (4.9.3), кусок мыла, черенок лопаты), а также скользкую подошву обуви (и метонимически саму обувь), представляющую собой промежуточный фрейм (4.9.4).

(4.9.1) at mār jəš pət-s-a, jəš **wōl'k-a** ji-s⁷⁰.

ночь за дорога мерзнуть-PST-PASS дорога скользкий-DAT стать-PST

За ночь дорога замерзла, дорога скользкая стала.

(4.9.2) ħw rewł-əs, **wōl'ək** kew qxti-j-a pərm-əs, ił pit-əs.

он купаться-PST скользкий камень верх-OBL-DAT наступить-PST вниз падать-PST

Он купался, на скользкий камень наступил, упал.

(4.9.3) ranne **wōl'ək** xūł.

налим скользкий рыба

Налим – скользкая рыба.

(4.9.4) tām səpek-ət mənema ʔn məs-l-ət, **wōl'k-ət**.

этот сапог-PL я-DAT NEG быть.нужным-NPST-PL скользкий-PL

Эти сапоги мне не нужны, скользкие.

Второе прилагательное – *rajli* – описывает зрительно воспринимаемые ровные поверхности ((4.9.5) – (4.9.6)). Область употребления прилагательного в данном случае хорошо выводится из его внутренней формы: прилагательное *rajli* образовано с помощью каритивного показателя *-li* от существительного *raj*, которое описывает различного рода зрительно воспринимаемые

⁷⁰ Хантыйские примеры приводятся в фонологической записи с использованием символов финно-угорской транскрипции.

неровности на участке местности, ср. дефиницию ‘куча, стог, остров’ из [Steinitz 1966 – 1993: 1102] и наши примеры из тегинского говора *törn paj* ‘стог сена’, *tūt jūx paj* ‘куча дров’ (это выражение в частности описывает способ укладки дров для просушки).

(4.9.5) *tām törn xār-em pajli, šit-em mūw-əŋ.*

этот сено место-POSS1SG ровный тот-POSS1SG земля-ATTR

Этот мой покос (букв.: место сена) ровный, тот кочкастый (букв.: земляной).

(4.9.6) *jəš pajli, mūŋ səgə wəš-a jəxət-s-ūw.*

дорога ровный мы быстро город-DAT прийти-PST-1PL

Дорога ровная, мы быстро в Березово⁷¹ (букв.: в город) доехали.

Интересно также, что для прилагательного *pajli* оказывается важным противопоставление вертикально и горизонтально расположенных поверхностей. Оно свободно описывает горизонтальные ровные поверхности ((4.9.5) – (4.9.6)), ср. также *pajli xətxar* ‘ровный пол’, в случае же вертикальных поверхностей употребление лексемы *pajli* допускается не всеми носителями языка и более предпочтительным оказывается прилагательное *tūŋ* ‘прямой’ (4.9.7)⁷².

(4.9.7) *xət pūŋəł tūŋ / ?pajli, šišen šiw xōr nōx ixət-s-a.*

дом бок прямой ровный поэтому туда картина вверх вешать-PST-PASS

Стена (букв.: Бок дома) ровная, поэтому туда картину повесили.

Что касается семантической зоны тактильно гладких поверхностей, то носители тегинского говора распределяются на два класса в зависимости от стратегии ее категоризации (при этом каких-либо социолингвистических закономерностей, которые бы в данном случае обуславливали языковое поведение информанта, нами не выявлено). Первая из этих стратегий состоит в том, что для описания гладких поверхностей используется прилагательное

⁷¹ Березово – поселок городского типа, административный центр Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа.

⁷² С точки зрения С. В. Онинной, однако, в (4.9.7) предпочтительно употребление лексемы *pajli*.

wǒl'ək – то же, которое, как мы видели выше, описывает скользкие поверхности, – см. пример (4.9.8) о гладко выбритых щеках и (4.9.9) о гладко обструганной доске.

(4.9.8) *tǔš-em* *lǒr-m-em* *jǔrijn wenš-em*
борода-POSS1SG стричь-PRT-POSS1SG после лицо-POSS1SG
wǒl'k-a *ji-s*.

гладкий-DAT стать-PST

После стрижки бороды лицо гладкое стало.

(4.9.9) *tām sǒxǎl wǒl'k-a wer-e*⁷³.
этот доска гладкий-DAT делать-IMP.O.SG

Эту доску гладкой сделай.

Вторая стратегия заключается в том, что тактильно гладкие предметы не описываются ни прилагательным *pajli*, ни прилагательным *wǒl'ək*, оказываясь, таким образом, своего рода лакуной с точки зрения описания фактуры поверхностей. Те фреймы, которым в других языках могло бы соответствовать прилагательное со значением ‘гладкий (о тактильно воспринимаемых поверхностях)’, описываются в данном случае с иных точек зрения: столешница – как выструганная (4.9.10), выбритые щеки – как мягкие (4.9.11), ухоженная кожа рук или лица – как чистая (4.9.12)⁷⁴.

⁷³ Интересно, что, согласно комментариям С. В. Онинной, в (4.9.9), а также в (4.9.10) предпочтительно употребление лексемы *tǔj* ‘прямой’, а не *wǒl'ək* ‘скользкий, гладкий’. Эти сведения не соответствуют данным, собранным нами в обследованных поселках (что, впрочем, может объясняться возможными отличиями этих говоров от родного говора С. В. Онинной), но, тем не менее, представляют типологически интересные данные о соотношении значений ‘прямой’ (о линии без изгибов) и ‘гладкий, ровный’ (о поверхности без неровностей), ср. также пример выражения значений ‘прямой’ и ‘ровный’ одной лексемой – *tǒr* – в марийском языке.

⁷⁴ Заметим, что в словаре [Соловар 2006: 208], описывающем близкий к тегинскому говору казымский диалект и содержащем наиболее подробное на сегодняшний день лексикографическое описание этого диалекта, прилагательному *pajli* приписывается два переводных эквивалента – не только ‘ровный, ровно’, но и ‘гладкий, гладко’. К сожалению, первый из этих эквивалентов сопровождается всего одним примером, переводящимся на русский как ‘На ровном месте упал’, а второй и вовсе оставлен без каких-либо иллюстраций, поэтому провести на основании этой словарной статьи достоверное сопоставление тегинских и казымских данных возможным не представляется. В свою очередь в [Steinitz 1966 – 1993:

- (4.9.10) pāsān sōxəł wōl't-əm / ??wōl'ək.
 стол доска строгать-PRT скользкий
Столешиница выструганная.
- (4.9.11) aś-em weš pŷŋəł-łəł nōx wqš-əs-łe,
 отец-POSS1SG лицо бок-PL.POSS3SG вверх брить-PST-3SG.O
lept-a / ??wōl'k-a / *pajli-j-a ji-s-ət⁷⁵.
 мягкий-DAT скользкий-DAT ровный-OBL-DAT стать-PST-PL
Отец щеки побрил, мягкие стали/
- (4.9.12) jəš-em sistam, wenš-em sistam⁷⁶.
 рука-POSS1SG чистый лицо-POSS1SG чистый
Рука моя чистая, лицо моё чистое.

Такой же лакуной с точки зрения описания фактуры поверхностей оказывается и фрейм гладкой поверхности воды в водоеме – в этом случае в тегинском говоре хантыйского языка не используется ни прилагательное *pajli*, ни прилагательное *wōl'ək* (4.9.13).

- (4.9.13) tewəp, jŷŋk ŋur rəm-ije / ??pajli / *wōl'ək.
 безветренный вода совсем спокойный-DIM ровный скользкий
Безветренно, вода совсем спокойная.

4.9.1.2 Говор с. Шурышкары

В хантыйском говоре с. Шурышкары семантическая зона отсутствия неровностей тоже покрывается прилагательными *wōl'ək* и *pajli*. Фреймы зрительно ровных, а также скользких поверхностей описываются в говоре с. Шурышкары теми же средствами, что и в говоре с. Теги – см. шурышкарские примеры употребления прилагательного *pajli* применительно к ровным

1589] в казымском диалекте отмечено прилагательное *wqłək* (транскрипция дается в соответствии с источником) со значением 'гладкий, без сучьев (дерево)'.
⁷⁵ По мнению С. В. Опиной, в примере (4.9.11) предпочтительно употребление лексемы *wōl'ka*, что, как видно, отражает первую, описанную выше стратегию категоризации гладких поверхностей в тегинском говоре.

⁷⁶ Предложение (4.9.12) имеет в хантыйском языке два значения: во-первых, оно может описывать руки и лицо, на поверхности которых нет грязи; во-вторых, оно применимо и в том случае, когда на руках и лице нет морщин или шероховатостей.

поверхностям (*pajli jōš* ‘ровная дорога’, ровному участку местности, где удобно проводить праздники (4.9.14), аналогично описываются и луг, покос, берег реки, ровный пол) и прилагательного *wōl’ək* – к скользким ((4.9.15) – (4.9.17)).

(4.9.14) *kōrt* *ɔləŋ-na* ***pajli*** *xār* *ōł*, *śita jeməŋ* *xātł-ət*
деревня конец-LOC ровный место быть.NPST там священный день-PL
wer-ili-ł-a-j-ət.

делать-НАВ-NPST-PASS-OBL-PL

В конце деревни ровное место есть, там праздники проводят (букв.: священные дни делаются).

(4.9.15) *jelaja* *ji-s*, *śikem jōš-ət* ***wōl’ək***.

к.вечеру статья-PST такой дорога-POSS3SG скользкий

Вечереет (букв.: К вечеру стало), такая дорога скользкая.

(4.9.16) *ł’ėstan-ət* *šek* ***wōl’ək***, *śi* *arat* ***wōl’ək***,

оселок-POSS3SG очень скользкий так столько скользкий

jōš-eł *elti ił* *pit-ət*.

рука-POSS3SG из вниз падать-NPST

Оселок [точильный брусок] очень скользкий, настолько скользкий, из рук падает.

(4.9.17) *sɔpek* *pāti* ***wōl’ək***.

сапог подошва скользкая

Подошва сапог скользкая.

Гладкие поверхности в говоре с. Шурышкары описываются прилагательным *wōl’ək*, которое, как было проиллюстрировано выше, характеризует в этом говоре также скользкие поверхности – ср. пример (4.9.18), где лексема *wōl’ək* характеризует гладкую поверхность стола, или предложение (4.9.19), которое может сказать, например, отец сыну, когда учит его обрабатывать дерево. Некоторые носители, объясняя в процессе сбора материала значение прилагательного *wōl’ək*, указывали и на находящиеся вокруг них объекты с гладкой поверхностью, к которым, по их утверждению, можно применить это слово: так, одна из информанток отнесла данное

прилагательное к гладкому на ощупь кожаному ремешку сумки, находившейся в этот момент у нее в руках, а еще одна – к гладкой металлической дужке кровати⁷⁷.

(4.9.18) pāsān-em eŋte-ŋ śikem wōl'ək.

стол-POSS1SG поверхность-POSS3SG такой гладкий

Поверхность моего стола такая гладкая.

(4.9.19) wōl'k-a ŋōxŋ-i, wōl'k-a wer-i.

гладкий-DAT строгать-IMP.O.SG гладкий-DAT делать-IMP.O.SG

Гладко обстругай, гладко сделай.

Интересно, однако, что на употребление прилагательного *wōl'ək* применительно к гладким поверхностям накладываются дополнительные семантические ограничения, а именно, оно не используется по отношению к частям тела (а при необходимости обозначить фрейм «гладкой» части тела носители выбирают иные, смежные описательные характеристики, как в (4.9.20)). В говоре с. Теги, о котором шла речь ранее, такого ограничения не возникает: те носители тегинского говора, которые используют прилагательное *wōl'ək* в значении 'гладкий', распространяют его на все релевантные для данной семантической зоны объекты, включая и артефакты, и части тела.

(4.9.20) tūš-ŋan ŋŋr-s-əŋ-an, śi xŋrasəŋ-a ji-s-əŋ.

борода-PL.POSS2SG брить-PST-NSG.O-2SG так красивый-DAT стать-PST-2SG

Бороду побрил, такой красивый стал.

⁷⁷ В словаре [Вальгамова и др. 2011: 32], содержащем наиболее детальное описание лексики говоров шурышкарского диалекта, прилагательному *wōl'ək* приписывается только значение 'скользкий' и приводятся примеры его употребления в сынском говоре применительно к скользкой опорной поверхности (горке, дороге, полу). Как в этом говоре (равно как и в других говорах шурышкарского диалекта) описываются остальные типы скользких поверхностей, а также выражается значение 'гладкий (о тактильно воспринимаемой поверхности)', из словаря неясно.

4.9.1.3 Говор с. Мужу

Прилагательные *wǒł'ək* и *rajli* описывают отсутствие неровностей на поверхности объекта и в говоре с. Мужу. В (4.9.21) и (4.9.22) приведены примеры употребления лексемы *rajli* во фреймах зрительно ровных поверхностей (обширных ровных участков местности, ровной дороги; аналогично будет описан и ровный пол в доме), которые ожидаемо составляют ядро его употреблений в этом говоре.

(4.9.21) met'εrg-ən mǎn-m-ew-ən wat-s-əm **rajli** xǎr-ət.

Метеор-LOC ехать-PRТ-POSS1PL-LOC видеть-PSТ-1SG ровный место-PL

Когда мы ехали на «Метеоре» [разновидность водного транспорта], я видела ровные места (букв.: На «Метеоре» в нашу поездку видела ровные места).

(4.9.22) jǎm **rajli** jǔš xǔwat mǎn-ti jǎm.

хороший ровный дорога по ехать-INF хороший

По хорошей ровной дороге ехать хорошо.

Вместе с тем в говоре с. Мужу область употребления прилагательного *rajli* включает и фреймы тактильного восприятия, а именно, оно описывает гладкие на ощупь артефакты, как в (4.9.23) и (4.9.24).

(4.9.23) tǎm pǎsan-ət łɔŋł-ət **rajli**.

этот стол-POSS3SG поверхность-POSS3SG гладкий

У этого стола поверхность гладкая.

(4.9.24) sǒx jǒtət-ti sǒxət šek **rajli** at ũs.

шкура скрести-INF доска очень гладкий IMP быть.PST

Доска для выделки шкур очень гладкая должна быть.

При этом названия частей тела, как и в говоре с. Шурышкары, как правило, не описываются с точки зрения фактуры поверхностей, а характеризуются по иным признакам, как в (4.9.25), где гладкая кожа лица описывается как блестящая, или в (4.9.26), где гладкая собачья шерсть характеризуется не по признаку фактуры поверхности, а по признаку длины, обозначаясь прилагательным *wan* 'короткий'.

(4.9.25) ewi pōra-j-ən wenš-əł ǎł mül'i-j-əł / ??pajli.
девушка пора-OBL-LOCлицо-POSS3SG EMPH блестеть-OBL-NPST ровный
У девушек (букв.: В девичью пору) лицо блестит.

(4.9.26) ар рўп wan / ??pajli⁷⁸.
собака шерсть короткий ровный
Собачья шерсть короткая.

Поверхность воды в водоеме не описывается в мужевском говоре прилагательным *pajli*, см. (4.9.27)⁷⁹.

(4.9.27) wət ǎntəm, tewən / *jik pajli.
ветер NEG тихий вода ровный
Ветра нет, тихо.

Что же касается использования в мужевском говоре прилагательного *wōl'ək*, то оно, в отличие от говора с. Шурышкары, не только не описывает тактильно гладких поверхностей, но и имеет более узкую сферу употребления в зоне скользких поверхностей, описывая опорную поверхность (заледенелую дорогу (4.9.28), ср. также *wōl'ək хэтхар* 'ровный пол'), подошву (4.9.29), но не выскальзывающие из рук предметы. Так, в (4.9.30) применительно к скользкому мылу употребляется глагол с семантикой 'выскальзывать', сказать же ни **wōl'ək lōńśax* 'скользкое мыло', ни **lōńśax wōl'ək* 'мыло скользкое' в данном хантыйском говоре невозможно. Такой же запрет накладывается и на сочетаемость прилагательного *wōl'ək* с именами, обозначающими рыбу и маленький помещающийся в руках камешек. Интересно при этом, что один из информантов на вопрос о камне отреагировал так, что он мог бы сказать в данном случае *wōl'ək*, но это бы значило, как будто на камне кто-то сидит, что

⁷⁸ Как указано в рецензии С. В. Ониной, в (4.9.26) предпочтительно употребление лексемы *pajli*. При этом, что интересно, применительно к (4.9.25) подобного комментария дано не было.

⁷⁹ Ср. также приведенные в [Талигина 2008] данные о лексической сочетаемости слова *jiŋk* 'вода' в сынском говоре: автор фиксирует в этом говоре то же сочетание *tewən jiŋk* (с. 158), переводя его как 'спокойная гладь воды'. Сочетаний данного имени с прилагательными фактуры поверхностей в [Талигина 2008] не приводится.

полностью согласуется с предлагаемым нами противопоставлением разных типов скользких поверхностей.

(4.9.28) at-əl-na pət-ti pit-əs, jüş-əl šek wöl'ək.
ночь-POSS3SG-LOC морозить-INF стать-PST дорога-POSS3SG очень скользкий
Ночью подморозило (букв.: морозить стало), дорога очень скользкая.

(4.9.29) ŋŋki waj pāti wöl'ək.
замша кисы подошва скользкий
У замшевых кисов [вид традиционной обуви] подошва скользкая.

(4.9.30) lǒńsəx xǒl wǒl'kəmt-əs, rākŋ-əs.
мыло весь выскользнуть-PST падать-PST
Мыло выскользнуло, упало.

4.9.1.4 Говор с. Белоярск

В говоре с. Белоярск Приуральского района ЯНАО ситуации отсутствия неровностей описываются как уже известными нам прилагательными *wǒl'ək* и *rajli*, так и еще одним словом – *ňäsl*. Данная лексема, отсутствующая в иных рассмотренных нами говорах, описывает все фреймы скользких поверхностей ((4.9.31) – (4.9.34)).

(4.9.31) attiji pət-əs, jös ŋäsl.
ночью морозить-PST дорога скользкий
Ночью подморозило, дорога скользкая.

(4.9.32) sɔxəl l'ɔxət-man , jɪŋki, ŋäsl.
пол мыть-CONV мокрый скользкий
Пол помыт, мокрый, скользкий.

(4.9.33) xǔl katl-s-ew, ŋäsl.
рыба поймать-PST-1PL.O скользкий
Рыбу поймали, скользкая.

(4.9.34) waj pāt-lam ŋäsl-ət, kāt püs rākən-s-əm.
кисы подошва-PL.POSS1SG скользкий-PL два раз упасть-PST-1SG
У кисов подошвы скользкие, я два раза упал.

Что же касается прилагательного *wōl'ək*, служащего для характеристики скользких поверхностей в обсуждавшихся выше говорах, то оно относится к этой семантической области и в говоре с. Белоярск, но сфера его употребления оказывается существенно ограниченной: оно применяется в этом говоре только к покрытой льдом опорной поверхности. Так, употребление слова *wōl'ək* вместо слова *ñāsl* допустимо в примере (4.9.31) (каких-либо семантических различий между двумя вариантами обозначения скользкой поверхности в данном контексте не выявлено) и недопустимо в примерах (4.9.32) – (4.9.34). При этом любопытно, что прилагательное *wōl'ək* не имеет явно ощутимой на синхронном уровне связи с существительным 'лёд', которое в обследованных хантыйских говорах звучит как *jenk* (в приуральском диалекте – *junk*).

Прилагательное *pajli*, базовые употребления которого в описанных нами ранее говорах принадлежат к зоне зрительно ровных поверхностей, в говоре с. Белоярск имеет значительно более широкую сочетаемость и семантику, используясь во фреймах как зрительного ((4.9.35) – (4.9.36)), так и тактильного ((4.9.37) – (4.9.38)) восприятия⁸⁰.

(4.9.35) *nəm elti pajli-ji mŭw ni-ł-a.*

верх с ровный-TRANS земля быть.видным-NPST-PASS

Сверху земля видна ровной.

(4.9.36) *sɔxl-ət wōl-li ɔł-ł-ət, pajli pǎn-man ɔł-ł-ət.*

доска-PL строгать-CAR быть-NPST-PL ровный класть-CONV быть-NPST-PL

Доски неструганые, ровно уложенные.

⁸⁰ Интересно отметить ареальные совпадения между хантыйским говором с. Белоярск и распространенным в этом селе говором ненецкого языка. В ненецком языке семантические области зрительно ровных и тактильно гладких поверхностей покрываются общим доминантным прилагательным *салмуй*, и точно такая же доминантная система, как мы видим, наблюдается в контактном с ненецким языком хантыйском говоре с. Белоярск. Оказывается, кроме того, что в ненецком говоре с. Белоярск тоже обособляется фрейм скользкой опорной поверхности, покрытой льдом (о чем говорилось выше в связи с хантыйскими данными из этого села): она описывается прилагательным *салът*”, не применимым в этом говоре к другим типам скользких поверхностей, доминантным средством описания которых, аналогичным хантыйскому *ñāsl*, служат формы глагола *ñсадърць* ‘скользить’.

(4.9.37) ma tūs łɔr-s-əm, wes хɔсəŋ-ləw **paʃli-j-ət**.
 я борода брить-PST-1SG лицо сторона-PL.POSS1PL ровный-OBL-PL
Я бороду побрил, щеки (букв.: стороны лица) гладкие.

(4.9.38) ma amr-am pŷŋ-ət **paʃli**.
 я собака-POSS1SG шерсть-POSS3SG ровный
У моей собаки шерсть гладкая.

Некоторые носители из с. Белоярск допускают употребление прилагательного *paʃli* и по отношению к гладкой поверхности воды в водоеме – хотя надо заметить, что такое употребление этого слова всё же не является общепринятым, ср. примеры (4.9.39) и (4.9.40), записанные от разных носителей.

(4.9.39) wət ǎntəm, jɪŋk tewən / ***paʃli**⁸¹.
 ветер NEG вода тихий ровный
Ветра нет, вода тихая.

(4.9.40) jəxan jɪŋk-ət **paʃli**.
 река вода-POSS3SG ровный
Вода в реке гладкая.

4.9.1.5 Переносные употребления

Во всех рассмотренных говорах прилагательное *paʃli* либо его производные сочетаются с глаголом с глаголом *rǎkənti* ‘упасть’ (в тегинском говоре также с глаголом *pitti* ‘упасть’⁸²). В говорах Мужей и Шурышкар в таких конструкциях участвуют прилагательное *paʃli* и наречное образование *paʃlija*; в говоре Белоярска – наречное образование *paʃliji*, в говоре с. Теги – прилагательное *paʃli*. Означают данные сочетания ‘упасть навзничь, плашмя’. Во всех говорах возможно такое употребление по отношению к живому существу, в говорах сс. Белоярск и Теги зафиксировано также употребление о

⁸¹ С. В. Онина в своих комментариях указывает на возможность употребления в современном хантыйском языке прилагательного *paʃli* по отношению к поверхности воды в водоеме, не отвергая при этом и других приводящихся в статье вариантов описания этого фрейма.

⁸² Анализ семантических различий между самими глаголами *rǎkənti* и *pitti* не входит в задачу настоящей работы.

неодушевленных предметах: книге – в том случае, когда она упала на обложку и не раскрылась; табуретке, дереве (для говоров сс. Мужи и Шурышкары сочетаемость с названиями неодушевленных предметов не проверялась). Иллюстрации приведены в (4.9.41) и (4.9.42) – оба примера записаны в с. Теги.

(4.9.41) ma łw-em łajm-ən xat'ś-əs-em, łw **pajli** pit-əs.
я лошадь-POSS 1SG топор-LOC ударить-PST-1SG.O лошадь ровный падать-PST
Я лошадь топором ударил, лошадь навзничь (букв.: ровно) упала.

(4.9.42) atəm tɔrəm pɔra-j-ən jŭx **pajli** rǎkn-əs.
плохой погода время-OBL-LOC дерево ровный падать-PST
В ветреную погоду дерево ровно упало.

В рассмотренном случае, по всей видимости, имеет место метонимический сдвиг, основанный на смежности описываемого действия с возникновением ровной поверхности в его результате. Интересно, однако, что у некоторых носителей в сс. Мужи и Шурышкары сочетания *pajli* и *pajlija* с глаголом падения претерпевают дальнейший метафорический перенос, развивая значение ‘крепко заснуть’ ((4.9.43), пример из говора с. Шурышкары). В других говорах системное употребление такого рода, по нашим данным, отсутствует, однако в с. Теги от одного из носителей нами записано предложение (4.9.44), применимое к сильно уставшему и оттого быстро уснувшему человеку.

(4.9.43) śiti met-əs, **pajli-j-a** rǎkn-əs.
так устать-PST ровный-OBL-DAT/ADV упасть-PST
Так устал, уснул без задних ног (букв.: ровно упал).

(4.9.44) **pajli** ił pit-əs.
ровный вниз падать-PST
Отрубился, уснул (букв.: Ровно упал).

В говоре с. Белоярск выявлены и другие метафорические употребления *pajli* – во-первых, в контексте равномерного расположения статичных объектов (4.9.45), во-вторых, применительно к равномерному движению субъекта (4.9.46). Оба эти употребления развиваются из семантической зоны зрительно воспринимаемых поверхностей (см. Главу 3), что объяснимо, поскольку именно

это значение исходно для прилагательного *rajli* (а значение ‘гладкий (на ощупь)’, пусть и активно охвачено им в говоре с. Белоярск, вторично и не успело развить собственных метафор).

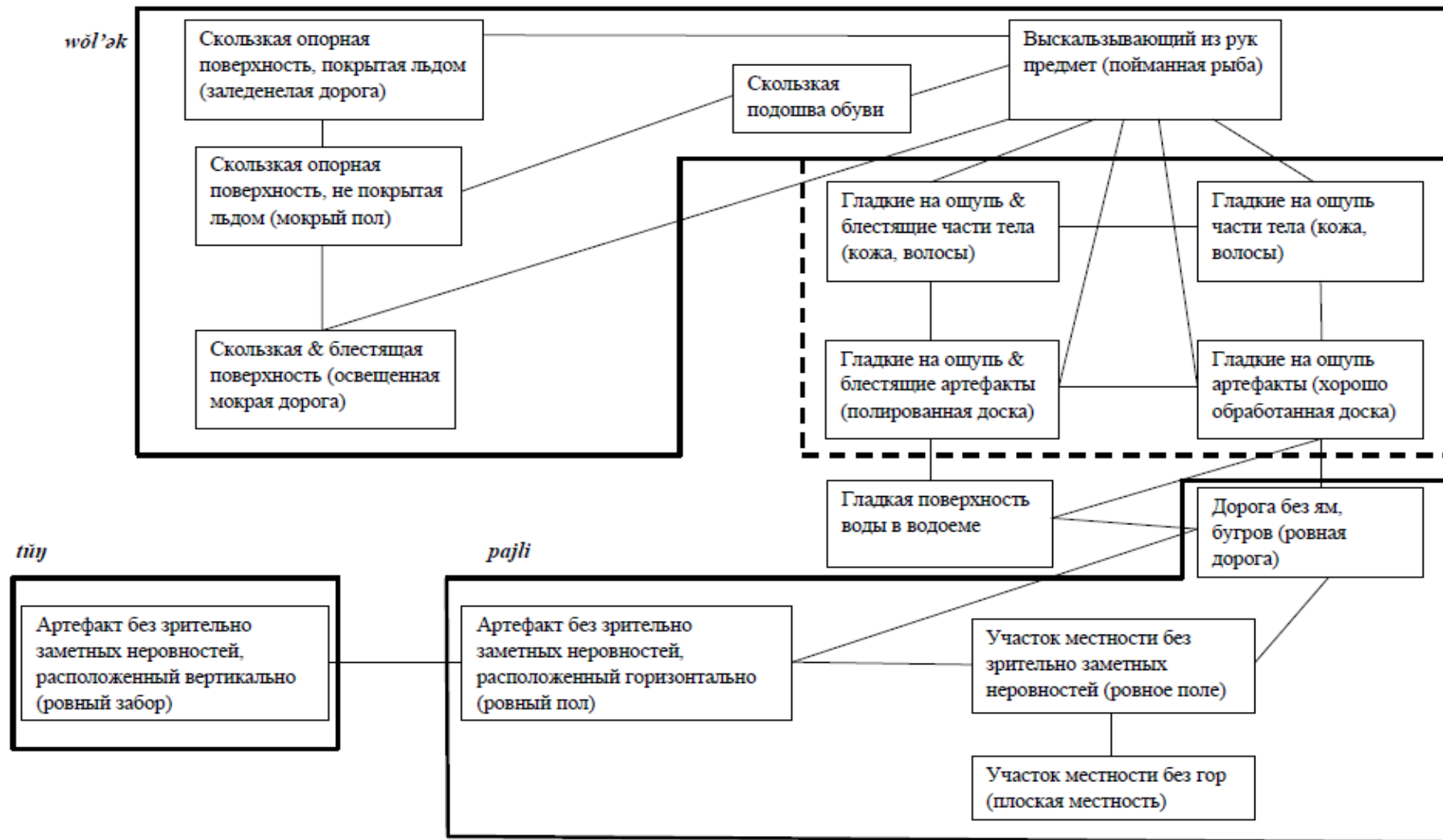
(4.9.45) st'enka-j-am **rajli-ji** aļeptə-man əł.
стенка-OBL-POSS1SG ровный-TRANS красить-CONV быть.NPST
Стенка ровно покрашена.

(4.9.46) əxł-am **rajli-ji** mǎn-ł.
нарта-POSS1SG ровный-TRANS ехать-NPST
Нарта равномерно (букв.: ровно) едет.

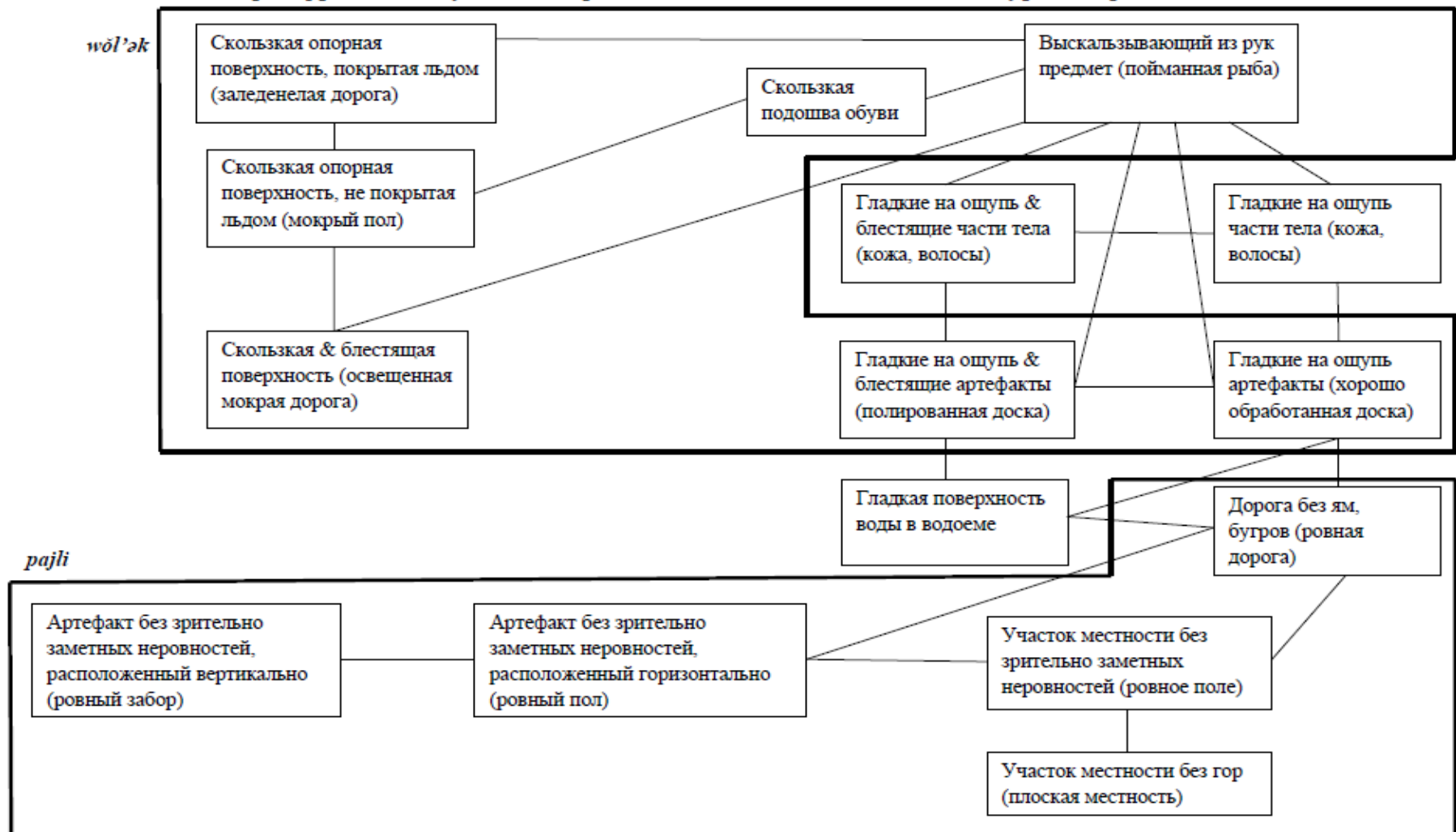
4.9.1.6 Обобщение данных о лексемах отсутствия неровностей

Исследование материала западно-хантыйских говоров позволяет сделать целый ряд типологически важных наблюдений об устройстве семантической зоны отсутствия неровностей. Во-первых, некоторые говоры используют одну и ту же лексему и для скользких, и для гладких поверхностей, что подтверждает классификацию базовых оппозиций в этой семантической зоне (см. Главу 2). Во-вторых, в ряде говоров в числе фреймов гладких поверхностей особым образом описываются части тела (и это доказывает их статус как особого фрейма в семантической зоне фактуры поверхностей). В-третьих, интересно выделение заледенелой опорной поверхности как особого фрейма в зоне скользких поверхностей. В-четвертых, на материале хантыйского языка четко прослеживается развитие полисемии (на примере прилагательного *rajli* благодаря его прозрачной словообразовательной структуре, а также сопоставлению данных различных говоров) из семантической области зрительно оцениваемых поверхностей в семантическую область тактильно оцениваемых поверхностей, что также дополняет представления о возможностях устройства рассматриваемого нами семантического поля. Обобщение данных о системах прямых употреблений в четырех обследованных говорах представлено ниже на семантических картах (пунктирные линии на карте для говора с. Теги показывают наличие разных стратегий категоризации гладких поверхностей, см. подробнее в основном тексте настоящего раздела).

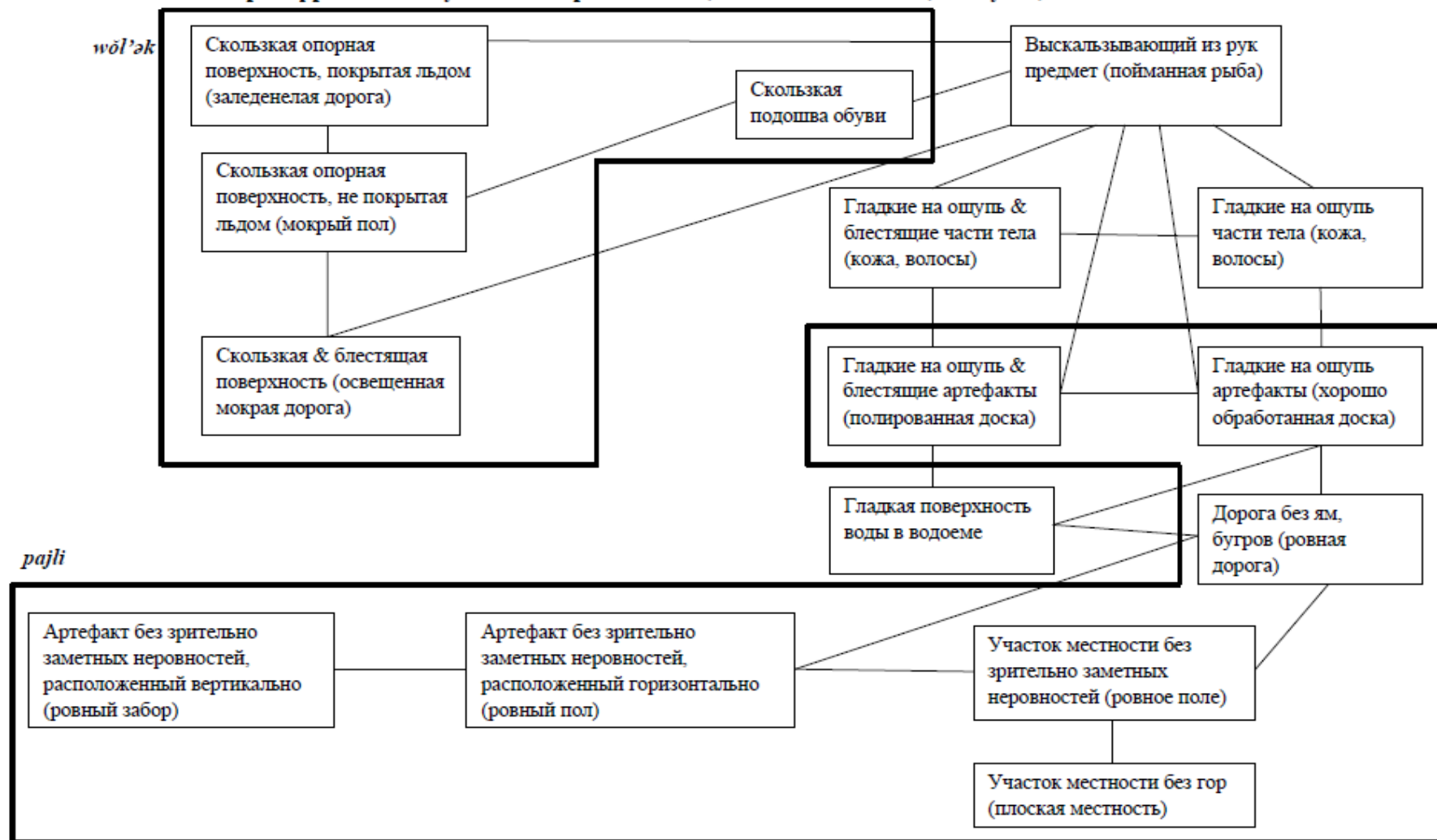
Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (хантыйский язык, с. Теги)

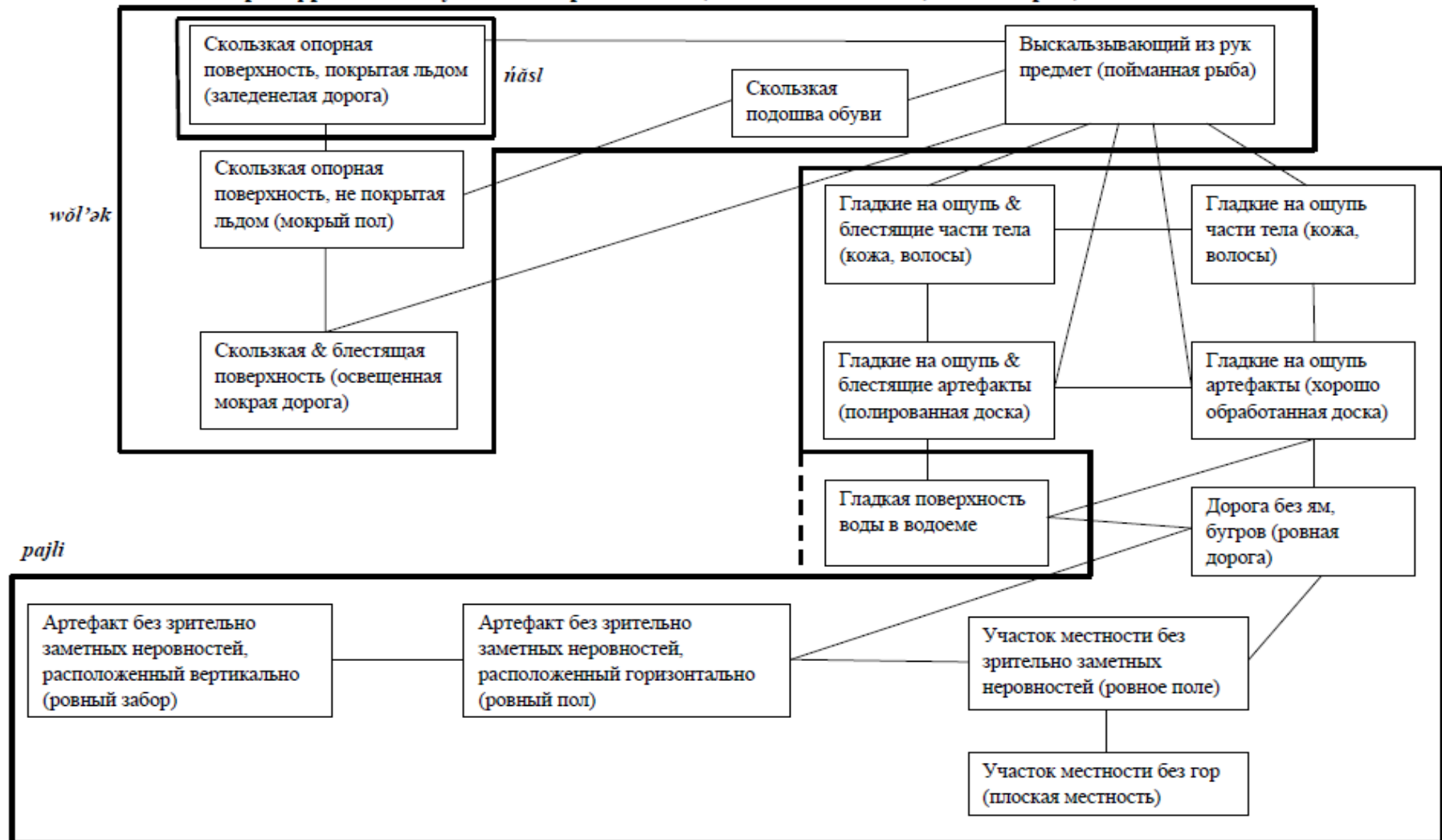
Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (хантыйский язык, с. Шурышкары)

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (хантыйский язык, с. Муж) *wól'ak*

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (хантыйский язык, с. Белоярск)

Отметим, кроме того, что сопоставление хантыйских говоров оказалось важным для развития представлений о включении близкородственных идиомов в языковую выборку лексико-типологического исследования: между обследованными говорами обнаруживаются достаточно тонкие различия, несомненно расширяющие представление об устройстве рассматриваемой семантической области. В Таблице 4.9.1 содержится обобщение данных о выражении отсутствия неровностей на поверхности объекта в рассмотренных говорах. Для приведенных в таблице фреймов дается развернутая дефиниция, а также примеры объектов – их представителей. Прочерк в таблице означает, что данный фрейм в данном говоре не описывается ни одной из рассматриваемых лексем, а характеризуется какими-либо «посторонними» средствами.

Таблица 4.9.1

Фреймы	с. Теги	с. Шурышкары	с. Мужи	с. Белоярск
Скользкая опорная поверхность, покрытая льдом (заледенелая дорога)	<i>wõl'ək</i>	<i>wõl'ək</i>	<i>wõl'ək</i>	<i>wõl'ək / ñäsl</i>
Скользкая опорная поверхность, не покрытая льдом (мокрый пол)	<i>wõl'ək</i>	<i>wõl'ək</i>	<i>wõl'ək</i>	<i>ñäsl</i>
Скользкая подошва обуви / обувь	<i>wõl'ək</i>	<i>wõl'ək</i>	<i>wõl'ək</i>	<i>ñäsl</i>
Скользкий предмет, с трудом удерживаемый в руках (рыба, мыло)	<i>wõl'ək</i>	<i>wõl'ək</i>	–	<i>ñäsl</i>
Тактильно гладкие поверхности: части тела (щеки, кожа рук)	<i>wõl'ək /</i> –	–	–	<i>pajli</i>
Тактильно гладкие поверхности: артефакты, неодушевленные природные объекты (доска, камень)	<i>wõl'ək /</i> –	<i>wõl'ək</i>	<i>pajli</i>	<i>pajli</i>
Зрительно ровные поверхности (покос, дорога, пол) ⁸³	<i>pajli</i>	<i>pajli</i>	<i>pajli</i>	<i>pajli</i>
Гладкая поверхность воды в водоеме	–	–	–	<i>pajli / –</i>

⁸³ Эти фреймы не классифицируются в Таблице 4.9.1 более подробно (что можно было бы сделать на основании типологических данных из других языков), поскольку в каждом из рассмотренных хантыйских говоров, находящихся в данный момент в центре внимания, все они обозначаются одним и тем же средством.

4.9.2. Лексемы со значением наличия неровностей

Прилагательное *тэртэҥ*

Хантыйский язык, что оказывается стандартным типологически, выделяет в отдельный фрейм сморщенные поверхности. Во всех говорах они описываются прилагательным *тэртэҥ*, в частности применимым, по указаниям информантов, к морщинистому лицу пожилого человека, складкам на одежде или покрывале, сморщенной картошке, сморщившимся в мороз ягодам.

Прилагательное *каҕэҥ*

Во всех рассмотренных говорах базовой лексемой для описания поверхностей с регулярно повторяющимися тактильно воспринимаемыми неровностями служит прилагательное *каҕэҥ*. В данном случае, как и для обсуждавшегося ранее прилагательного *раҕи* ‘ровный’, для анализа семантики слова является весьма показательной его словообразовательная структура. Прилагательное *каҕэҥ* образовано с помощью атрибутивизатора *-эҥ* от существительного *каҕ* ‘кора, корка’. По-видимому, исходными контекстами употребления слова *каҕэҥ* служат поверхности, покрытые к-л коркой. Такие примеры отмечаются во всех обследованных говорах, ср. пример (4.9.47) из с. Белоярск о хлебе, на котором во время приготовления появляется корочка, пример (4.9.48) из с. Шурышкары о корочке на руках при аллергии, записанные в с. Теги примеры (4.9.49) о болячке на руке и (4.9.50) о малице, портящейся от внешнего воздействия.

(4.9.47) *һаһ каҕ-эҥ-а ji-s.*

хлеб корка-ATTR-DAT стать-PST

Хлеб коркой покрылся.

(4.9.48) *јәš-һән хйһ wәj-ән ner-аһән, каҕ-эҥ-а*

рука-PL.POSS2NSG рыба жир-LOC тереть-IMP.O корка-ATTR-DAT

ji-ti pit-s-әт.

стать-INF начать-PST-PL

Руки рыбьим жиром потрите, корочкой покрываться стали.

(4.9.49) tām jōš mōš-em **kar-əŋ-a** ji-s.
 этот рука рана-POSS1SG корка-ATTR-DAT статья-PST
Рана на руке покрылась коркой.

(4.9.50) mōśaŋ kăšas-ŋi tāj-ti-j-a, ħw
 малица чехол-CAR носить-INF-OBL-DAT он
kar-əŋ mōśan-a ji-ŋ.
 корка-ATTR малица-DAT статья-NPST
Если носить малицу без чехла, она покроется корочкой (букв.: она малицей с коркой станет).

Помимо фреймов поверхности, покрытой коркой, прилагательное *karəŋ* во всех говорах описывает и не вытекающие прямо из своей словообразовательной структуры контексты, относящиеся уже к зоне наличия неровностей, как, например, кожу рук в результате воздействия мороза ((4.9.51), с. Теги), загрубевшую кожу лица, язык кошки ((4.9.52), с. Мужи), коровы ((4.9.53), с. Теги), оленя; рогожу, точильный брусок.

(4.9.51) pōx-leŋki kaməŋ jāŋx-əs, jōš-ŋaŋ
 мальчик-DIM на.улице гулять-PST рука-DU.POSS3SG
kar-əŋ-a ji-s-ət iški eŋti.
 корка-ATTR-DAT статья-PST-PL мороз от
Мальчик на улице погулял, руки стали шершавые от мороза.

(4.9.52) ma kat'-em ma jōš-ŋam ŋəli-j-əŋ, ŋāŋm-əŋ
 я кошка-POSS1SG я рука-PL.POSS1SG лизать-OBL-NPST язык-POSS3SG
 śikem **kar-əŋ**.
 такой корка-ATTR
Моя кошка мне руки лижет, у нее язык такой шершавый.

(4.9.53) mis tāj-ŋ **kar-əŋ** ŋaŋəm.
 корова иметь-NPST корка-ATTR язык
У коровы (букв.: Корова имеет) шершавый язык.

С информантами во всех поселках проверялась также возможность применить слово *karəŋ* к плохо обработанной доске, и в данном случае выявились различия между обследованными говорами. Большинство носителей

из сс. Белоярск, Шурышкары и Мужы запрещают такое употребление, при этом некоторые из них предлагают буквальную интерпретацию, согласно которой прилагательное *karəŋ* описывает доску, с которой не до конца сняли кору (напомним, что данное прилагательное образовано от слова *kar* ‘кора’). В говоре же с. Теги словосочетание *karəŋ səxəl* имеет два устойчивых понимания: во-первых, ‘доска с не до конца снятой корой’, во-вторых, ‘шершавая, плохо обработанная доска’ – в последнем случае попадая в данном говоре в рассматриваемую нами семантическую область.

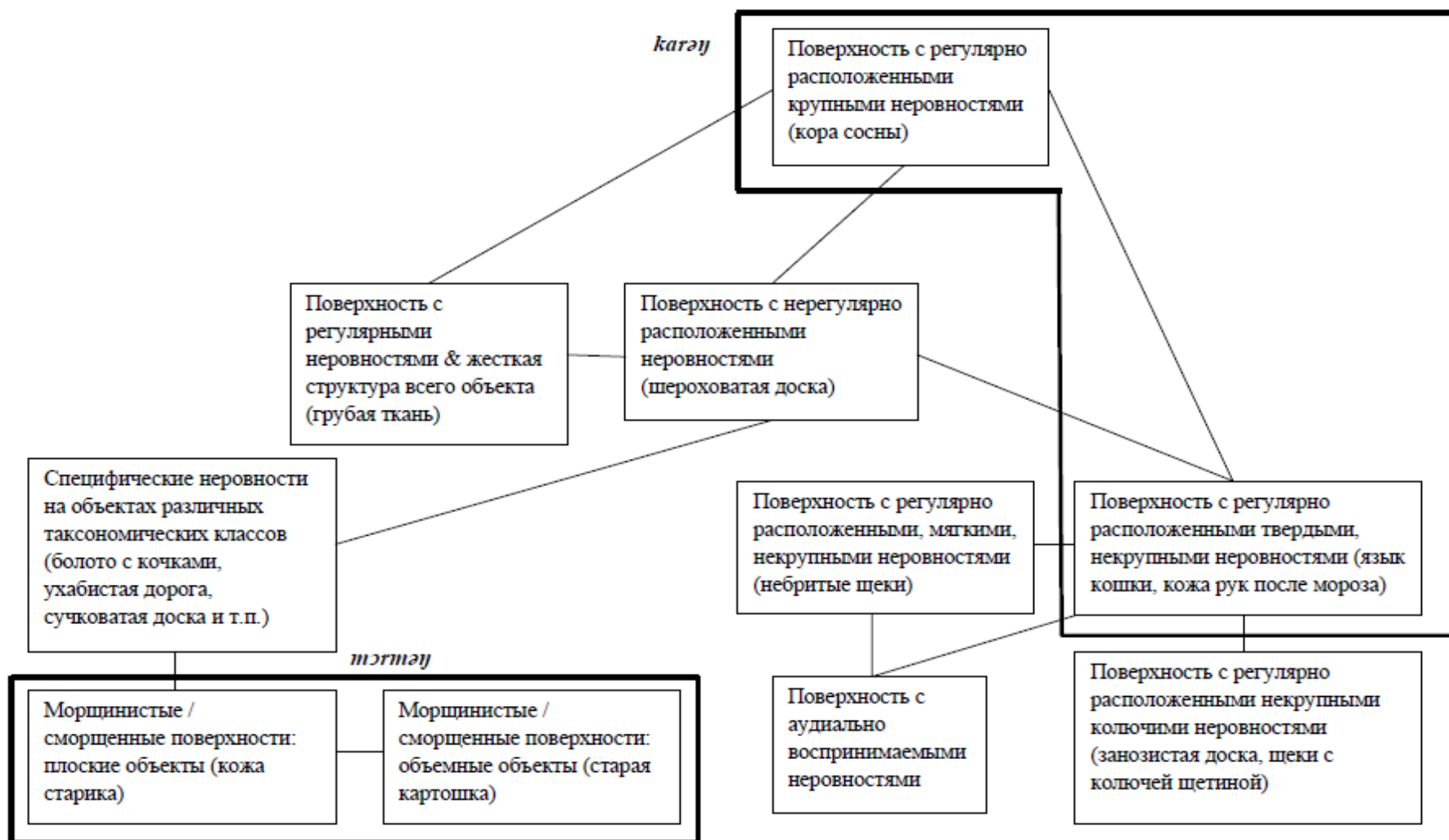
Прилагательное *karəŋ*, кроме того, предполагает наличие на поверхности достаточно твердых неровностей, не употребляясь для описания таких объектов, как небритые щеки, грубая ткань или колючее шерстяное одеяло. Не выявлены в изученных хантыйских говорах и лексемы, которые бы специализировались на описании шершавой и одновременно «царапающей» поверхности: например, уже упомянутые небритые щеки могут описываться глагольной формой *pełantijlət* ‘колются’ (пример из с. Белоярск), а занозистая доска – прилагательным *xasteləŋ* ‘занозистый’ (пример из с. Теги).

В заключение необходимо отметить, что прилагательное *karəŋ* практически не развивает метафор. Нами зафиксировано только два его метафорических употребления и только в тегинском говоре, при этом они плохо известны носителям, часто интерпретируются ими по-разному и, по-видимому, не являются широко употребимыми – это выражение *karəŋ ńaləm* (букв. ‘шершавый язык’), которое одни носители тегинского говора считают применимым к сплетнику, другие – к картавому человеку, третьи (отвергая первые две интерпретации) – к человеку, произносящему обидные слова, а также выражение *karəŋ nətəs* (букв. ‘шершавая мысль’), которое, согласно разнящимся мнениям информантов, применимо либо к негативным помыслам человека, либо в том случае, когда человек не может четко выразить мысль.

Обобщение данных о лексемах наличия неровностей

Важной особенностью хантыйской системы лексем со значением наличия неровностей является прозрачная словообразовательная структура (и достаточно узкая сочетаемость) базового прилагательного со значением ‘шершавый’ – *karəŋ*, позволяющая, в т.ч. за счет сопоставления с когнатами из других языков, проследить направление развития полисемии в этой семантической зоне. Обобщение данных об употреблении рассмотренных лексем представлено далее на семантической карте. Те фреймы, которым на карте не приписана никакая лексема, кодируются не прилагательными фактуры поверхности, а иными лексемами, описывающими их смежные признаки (подробнее см. в основном тексте главы).

Семантическая карта фреймов наличия неровностей (хантыйский язык, западные говоры)

4.10 Ненецкий язык

4.10.0. Общие сведения о ненецком языке.

Ненецкий язык относится к северно-самодийской ветви самодийской группы уральской языковой семьи. Носители ненецкого языка преимущественно проживают в Ненецком автономном округе Архангельской области, Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области и Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края. Общая численность носителей, по данным www.ethnologue.com, составляет более 30 тыс. человек.

Ненецкий язык характеризуется достаточно хорошей сохранностью, во многом обеспечивающейся сохранением традиционного занятия коренного населения – оленеводства. Он преподается в школах, на нем печатаются художественные произведения и периодические издания, выходят теле- и радиопередачи. Вместе с тем современный ненецкий язык не свободен от влияния русского языка: ненцы, проживающие оседло, часто владеют языком хуже по сравнению с оленеводами и иногда даже переходят на русский язык в семьях. Естественная передача родного языка сохраняется в большинстве ненецких семей, но если еще в середине XX в. стандартной ситуацией для ненецких детей было начинать учить русский язык только в школе, то в настоящее время они часто осваивают русский уже с рождения.

В ненецком языке выделяется два диалекта: тундровый и лесной (подробнее см., например, [Буркова и др. 2010: 182 – 185] и приводимые там ссылки). Представленный в этой работе материал относится к тундровому диалекту. Основу наших данных составляют полевые материалы по приуральскому говору тундрового диалекта, собранные нами в с. Белоярск Приуральского района Ямало-Ненецкого АО в 2012 и 2013 гг. В этом говоре обсуждаемая здесь тема изучена нами наиболее подробно. Привлекаются также данные, собранные по анкете, составленной автором настоящей работы, в 2011 г. в с. Антипаюта Тазовского района Ямало-Ненецкого АО (тазовский

говор) экспертом по ненецкому языку И. А. Стениным. Кроме того, отдельные примеры были в 2012 г. обсуждены автором данной работы с одним носителем ямальского говора, проживающим сейчас в г. Салехард. Использовались, наконец, и данные словарей ненецкого языка (наиболее подробные из них – [Терещенко 1965], [Буркова и др. 2010]). Электронные корпуса текстов значительного объема для ненецкого языка не созданы.

4.10.1. Лексемы со значением отсутствия неровностей

Прилагательное *салът*” и глагол *нйсадърць*

В приуральском говоре ненецкого языка скользкие поверхности описываются прилагательным *салът*” ‘скользкий’, а также глаголом *нйсадърць* ‘скользить’. Прилагательное *салът*” покрывает в этом говоре только один фрейм – покрытую льдом опорную поверхность. Так, например, оно употребимо в примере (4.10.1), где идет речь о дороге с ледяной коркой, но не в (4.10.2), где говорится о земле, скользкой из-за наличия на ней влаги.

(4.10.1) Пи’ хянь” нэ-вы, я-да хяни-мы,
ночью заморозки быть-EV земля-POSS3SG замерзнуть-EV
сехэры-да **салът”**.

дорога-POSS3SG скользкий

Ночью были заморозки, земля замерзла, дорога скользкая.

(4.10.2) Сарю-’ пуд я-да **нйсадър-ня / *салът”**.

дождь-GEN после земля-POSS3SG скользить-SS.3SG скользкий

После дождя земля скользкая.

В свою очередь формы глагола *нйсадърць* ‘скользить’ (употребленного и в примере (4.10.2)) являются доминантным способом описания скользких поверхностей, характеризуя все их возможные типы ((4.10.3) – (4.10.5)). Покрытая льдом опорная поверхность (как в примере (4.10.1)) тоже может быть описана глаголом *нйсадърць*.

(4.10.3) Матлэва-’ лата **нйсадър-ня / *салът”**.

баня-GEN доска скользить-SS.3SG скользкий

Полка в бане скользкая.

(4.10.4) Едэй халя **на́садя́р-ня** / *саля́т”.

свежий рыба скользить-SS.3SG скользкий

Свежепойманная рыба скользкая.

(4.10.5) Сэ́р пива-’ нылда-да **на́садя́р-ня** / *саля́т”.

белый кисы-GEN подошва-POSS3SG скользить-SS.3SG скользкий

У белых кисов подошва скользкая.

По поводу прилагательного *саля́т”* важно, однако, отметить различия в его употреблении в различных говорах. Так, в тазовском говоре это прилагательное описывает любой тип опорной поверхности; в частности, оно определяет скользкую от избытка влаги проселочную дорогу или пол (см. примеры (4.10.6) и (4.10.7)), что не характерно для него в приуральском говоре. Примеры употребления этого прилагательного по отношению к не покрытой льдом поверхности отмечены в литературе и для ямальского говора, ср. пример (4.10.8), зафиксированный в пос. Се-Яха (обсуждаемое прилагательное зафиксировано авторами цитируемого словаря как *салт*, запись примера в целом дается нами в соответствии с источником). В связи с данными ямальского говора важно, однако, что двое его носителей, проживающих сейчас в г. Салехард, не подтвердили нам пример (4.10.8), утверждая, что прилагательное *саля́т”* / *салт* нужно применять по отношению к покрытой льдом поверхности.

(4.10.6) Яля-’ сарё-’ ми-’ма-хя́д пуд та́б сехя́ры

день-GEN дождь-GEN и дти-NMN.PERF-ABL после песок дорога

салта́-ня́ хя́-вы.

скользкий-TRANS стать-PT.PERF

После того как днем шел дождь, песчаная дорога стала скользкой.

(4.10.7) Са”ной лата **салта́-ня́** хя́-вы.

мокрый пол скользкий-TRANS стать-PRT.PERF

Мокрый пол стал скользким.

информанты распространяют *салмуй* и на этот контекст (например, *нэбтада салмуй* ‘волосы гладкие’).

(4.10.12) нэва-да сáво-вна ти-вы.

голова-POSS3SG хороший-ADV причесать-PRT.PERF

Волосы хорошо причесаны (букв.: Голова хорошо причесана).

Во-вторых, большинство опрошенных носителей допускают употребление *салмуй* о гладкой поверхности воды в водоеме, как в (4.10.13), но некоторые закрепляют именно за этим фреймом однокоренное слово *салм* (4.10.14), определяемое в [Терещенко 1965: 524] как «1). гладкая, зеркальная поверхность чего-л; 2). место на воде, которое во время массового хода рыбы словно покрыто жиром; 3). “салмы” (места, где можно ловить неводом рыбу, стоя глубоко в воде)», избегая употребления в этом случае прилагательного *салмуй*.

(4.10.13) Мерцясяда яля-хáна йид-’ ний **салмуй**.

безветренный день-LOC вода-GEN поверхность гладкий

В безветренный день поверхность воды гладкая.

(4.10.14) То-хона йи” **салм**

озеро-LOC вода гладкая.поверхность

На озере поверхность воды гладкая.

Семантические сдвиги прилагательного *салмуй* не характерны для приуральского говора, но отмечаются в материалах тазовского говора. Информанты из с. Антипаюта используют прилагательное *салмуй* и производное от него наречие *салмуйвáна* не только в значениях ‘гладкий’ и ‘ровный’ (о поверхности объекта), но и в значении ‘аккуратный’ (о человеке или о работе), ср. (4.10.15) – (4.10.17). Эта метафора мотивируется, по всей видимости, тактильным «компонентом» исходной семантики прилагательного *салмуй*: как следует из наших типологических данных, идея гладкости предмета на ощупь часто служит основой для развития у соответствующих прилагательных значения метафорического отсутствия недостатков, и в данном случае мы наблюдаем пример этой метафорической модели.

(4.10.15) **Салмуй-вӑна** ембды”.

гладкий-ADV одеться.REFL.3SG

Он аккуратно (букв.: гладко) оделся.

(4.10.16) Тикы ненэць’ **салмуй-вӑна** лӑхӑна-к-ур-ӓа.

этот человек гладкий-ADV говорить-DIM-ITER-SS.3SG

Этот человек аккуратно (букв.: гладко) говорит (о человеке, который говорит осторожно, думает, прежде чем сказать).

(4.10.17) Мӑнзӑя-мда **салмуй-вӑна** пӑр-ӓа-да, ӓояк

работа-ACC.3SG гладкий-ADV делать-SS-O.3SG.SG редкий

я-хӑна ни-да пирӑс-”.

место-LOC NEG-O.3SG.SG мочь-CN

Он свою работу аккуратно делает, лишь изредка кое-где не получается.

Прилагательное *лӑбцӑй*

В обследованных говорах ненецкого языка используется прилагательное *лӑбцӑй*, исходно означающее ‘плоский’ (о форме объекта) – как, например, в (4.10.18).

(4.10.18) И-та ӓӑбте-ня-хӑна пелха тӑня.

вода-GEN.POSS3SG пахнуть-PRT-LOC камбала иметься.3SG

Тикы **лӑбцӑй** халя.

это плоский рыба

В Карском море (букв.: В пахнувшей воде) водится камбала. Это плоская рыба.

В подробно обследованном нами приуральском говоре это прилагательное не характеризует свойств поверхностей, не употребляясь в том числе по отношению к местности без гор (что, согласно нашим типологическим данным, отмечается для прилагательных со значением ‘плоский’ в некоторых языках): в

этом контексте носители приуральского говора используют обсуждавшееся выше прилагательное *салмуй* ‘ровный, гладкий’ (4.10.19)⁸⁴.

(4.10.19) Салмуй / *лӓбцӓй я-хӓна мюсе-ва”.

ровный плоский место-LOC каслать-1PL

По ровному месту (= месту без гор) каслаем.

В свою очередь для тазовского говора фиксируется употребление лексемы *лӓбцӓй* применительно к участкам местности – причем не только к равнинным территориям (4.10.20), но и к дороге (4.10.21)⁸⁵. В силу ограниченного объема материала по этому говору семантические различия, проявляемые прилагательными *лӓбцӓй* и *салмуй* в данном классе фреймов, не вполне ясны и требуют дальнейшего исследования.

(4.10.20) Мӓня” мядо-на” ламдо лӓбцӓй я-хӓна ӓа-”.

мы чум.PL-1PL низкий плоский место-LOC быть.3-PL

Наши чума находятся на низкой ровной местности.

(4.10.21) Тюку я-хӓна сехӓрӓ-да лӓбцӓй,

этот место-LOC дорога-3SG плоский

ӓуб-кӓрт ваӓгӓ-да юӓгу.

один-NEG яма-3SG отсутствовать.3SG

В этом месте дорога ровная, нет ни одной ямы.

Обобщение данных о лексемах отсутствия неровностей

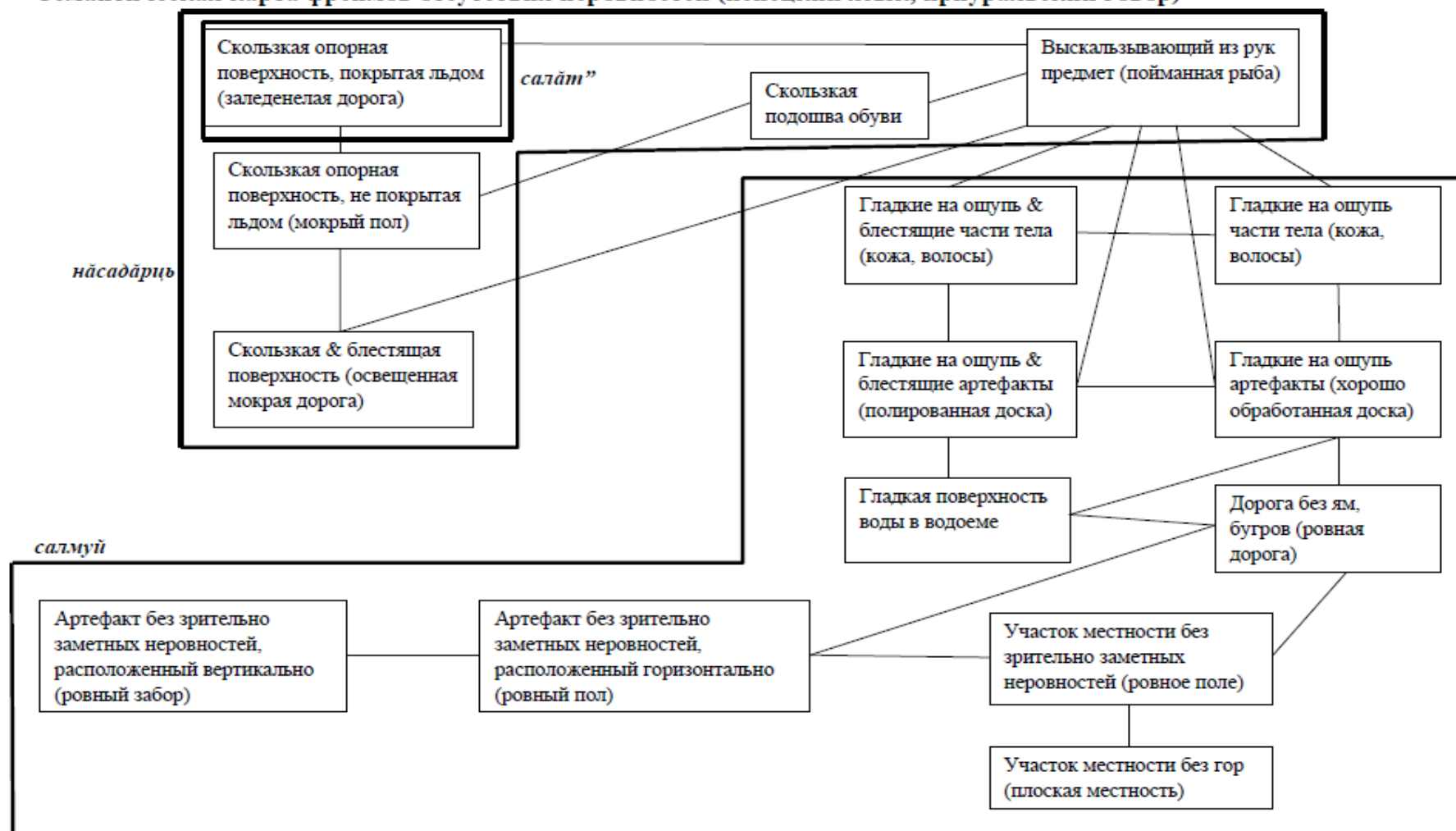
В ненецкой системе лексем со значением отсутствия неровностей реализуется противопоставление скользких vs. нескользких поверхностей: первые из них описываются прилагательным *салӓт”*, а также формами глагола *ӓсадаӓрцӓ*, вторые (независимо от того, воспринимаются ли они зрительно или тактильно) – прилагательным *салмуй*. Интересной типологической

⁸⁴ Интересно, кроме того, наличие в ненецком языке, в т.ч. в приуральском говоре, этимологически связанного с прилагательным *лӓбцӓй* существительного *лабта* ‘равнина’, обозначающего как раз местность без гор.

⁸⁵ Отметим, кроме того, что употребление прилагательного *лӓбцӓй* проверялось нами также с живущей в Салехарде носительницей ямальского говора: по утверждению этой информантки, *лӓбцӓй* может описывать только объекты плоской формы, но не поверхности (что мы наблюдаем также в приуральском говоре).

особенностью является также обособление фрейма опорной поверхности, покрытой льдом (за которым в приуральском говоре закрепляется прилагательное *салът*”, не используемое в этом говоре в других фреймах). Для дальнейшего изучения лексики ненецкого языка любопытны и диалектные различия между приуральским и тазовским говорами (касающиеся, во-первых, категоризации семантической зоны скользких поверхностей, во-вторых, употребления по отношению к поверхностям прилагательного *лабцёй* со значением ‘плоский (о форме)’). Полученные данные обобщены на семантической карте (составленной на материале приуральского говора).

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей (ненецкий язык, приуральский говор)

4.10.2. Лексемы со значением наличия неровностей

Глагол *тынйрць*

Глагол *тынйрць* ‘сморщиться, быть морщинистым’ и иные единицы данного словообразовательного гнезда обособляют в ненецком языке фреймы сморщенных / морщинистых поверхностей, ср. *тынйртйна ся* ‘морщинистое лицо’ (полевые записи из приуральского говора), *тынйрмы хоба* ‘сморщенная шкура’ ([Терещенко 1965: 680]) и др.

Глагол *насортйсь*

Лексемой, описывающей наиболее широкий спектр фреймов наличия неровностей, является в ненецком языке глагол *насортйсь* ‘быть шершавым’. Сфера его употребления в приуральском и тазовском говорах, по нашим данным совпадает, и далее, если эксплицитно не оговорено иное, будут приводиться примеры из приуральского говора. В ходе работы с носителями приуральского говора было, кроме того, выявлено однокоренное с данным глаголом прилагательное *насорпэй* ‘шершавый’: оно используется в атрибутивной позиции (но не в предикативной) наряду с причастием *насортйна* (семантических различий между *насортйна* и *насорпэй* выявить не удалось), тогда как в предикативной позиции используются финитные формы глагола *насортйсь*, ср. (4.10.22) и (4.10.23).

(4.10.22) Хоска нуди-ни’ **насортй-на** / **насорпэй**

кошка рука.ACC-DU.POSS1SG быть.шершавым-PRT шершавый

нямю-хона-нда нянзй-би.

язык-LOC-POSS3SG лизать-DUR

Кошка мои руки лижет шершавым языком.

(4.10.23) Хоска-’ нямю **насорта** / ***насорпэй**.

кошка-GEN язык быть.шершавым:3SG шершавый

Язык кошки шершавый.

Что же касается семантических характеристик, то глагол *насортйсь* и прилагательное *насорпэй* являются доминантным средством описания поверхностей, покрытых регулярными тактильно воспринимаемыми

неровностями, ср. некоторые примеры в (4.10.24) – (4.10.27) (пример (4.10.27) относится к тазовскому говору, (4.10.24) – (4.10.26) – к приуральскому).

(4.10.24) Мӓнь **насорпэй** / **насорта-на** лата-м' нуда-хӓна хорпӓ-дм'.
я шершавый быть.шершавым-PRТ доска-ACC рука-LOC щупать-1SG
Я шершавую доску руками пощупал.

(4.10.25) Нядэй тыра-”ма-хадӓ-нда **насорта**.
ягель высохнуть-NMN-ABL-POSS3SG быть.шершавым:3SG
Высохший ягель шершавый.

(4.10.26) Хӓбта-хӓна пид-вэ-ми' пайдь-ми' **насорта**.
утро-LOC брить-PERF-POSS1SG щека-POSS1SG быть.шершавым:3SG
Щека, побритая утром, шершавая.

(4.10.27) Тюку прасин **насорта**, мьд' ей-нӓ
этот брезент быть.шершавым:3SG чум.GEN нюк-TRANS
сӓда-б” нӓпой по мэ-ты.
сшить-CONV.COND один год держать-FUT.3SG
*Этот брезент грубый; если сделать из него нюк (покрытие чума),
только один год прослужит.*

Нерегулярные неровности описываются в ненецком языке однокоренными с глаголом *насортӓсь* словами, как в (4.10.28). При этом использовавшиеся в примерах выше формы *насорта* и *насортайна* в таком контексте не применимы: требуется либо добавление показателя *-рка*, выражающего меньшую интенсивность проявления признака, либо использование иной конструкции (ср. *насортида тӓня* ‘шероховатости имеются’ в (4.10.28)). Прилагательное *насорпэй* тоже описывает только регулярно повторяющиеся неровности и не может кодировать фрейм из (4.10.28).

(4.10.28) Лата **насорта-рка** / Лата-' **насорти-да** тӓня.
доска шершавый-ATT доска-GEN шероховатость-POSS3SG иметься.3SG
На доске есть шероховатости (о нерегулярных неровностях).

Глагол *насортӓсь* развивает семантический сдвиг в область неприятных физиологических ощущений. Он описывает ощущения, возникающие у

человека при контакте с тактильно воспринимаемыми объектами небольшого размера – когда человеку попала соринка в глаз (4.10.29), или камушек в ботинок ((4.10.30), (4.10.31)), или волосы за воротник в процессе стрижки ((4.10.32); пример (4.10.31) относится к тазовскому говору, остальные примеры – к приуральскому).

(4.10.29) Сэв-ми' / сэв-хэна-ни' **насорта.**

глаз-POSS1SG глаз-LOC-POSS1SG быть.шершавым:3SG

В глаз что-то попало (букв.: Глаз шершавый / В глазу шершаво).

(4.10.30) нэ-хэна-ни' / нэ-ми' **насорта.**

нога-LOC-POSS1SG нога-POSS1SG быть.шершавым:3SG

букв.: В моей ноге шершаво / Моя нога шершавая (например, так говорят, если в ботинок попал мелкий камень).

(4.10.31) Тобар-ни' мюй **насорта.**

сапог-GEN.1SG внутренность быть.шершавым:3SG

Внутри моих сапог что-то мешается (букв.: Внутренность моих сапог шершавая).

(4.10.32) нэбта-ми' мада-ду'', ик-хэна-ни' / ик-ми'

волосы-POSS1SG стричь-О.3PL шея-LOC-POSS1SG шея-POSS1SG

насорта.

быть.шершавым:3SG

букв.: Волосы подстригли, в моей шее шершавость / моя шея шершавая (говорят, когда волосы при стрижке попали за воротник).

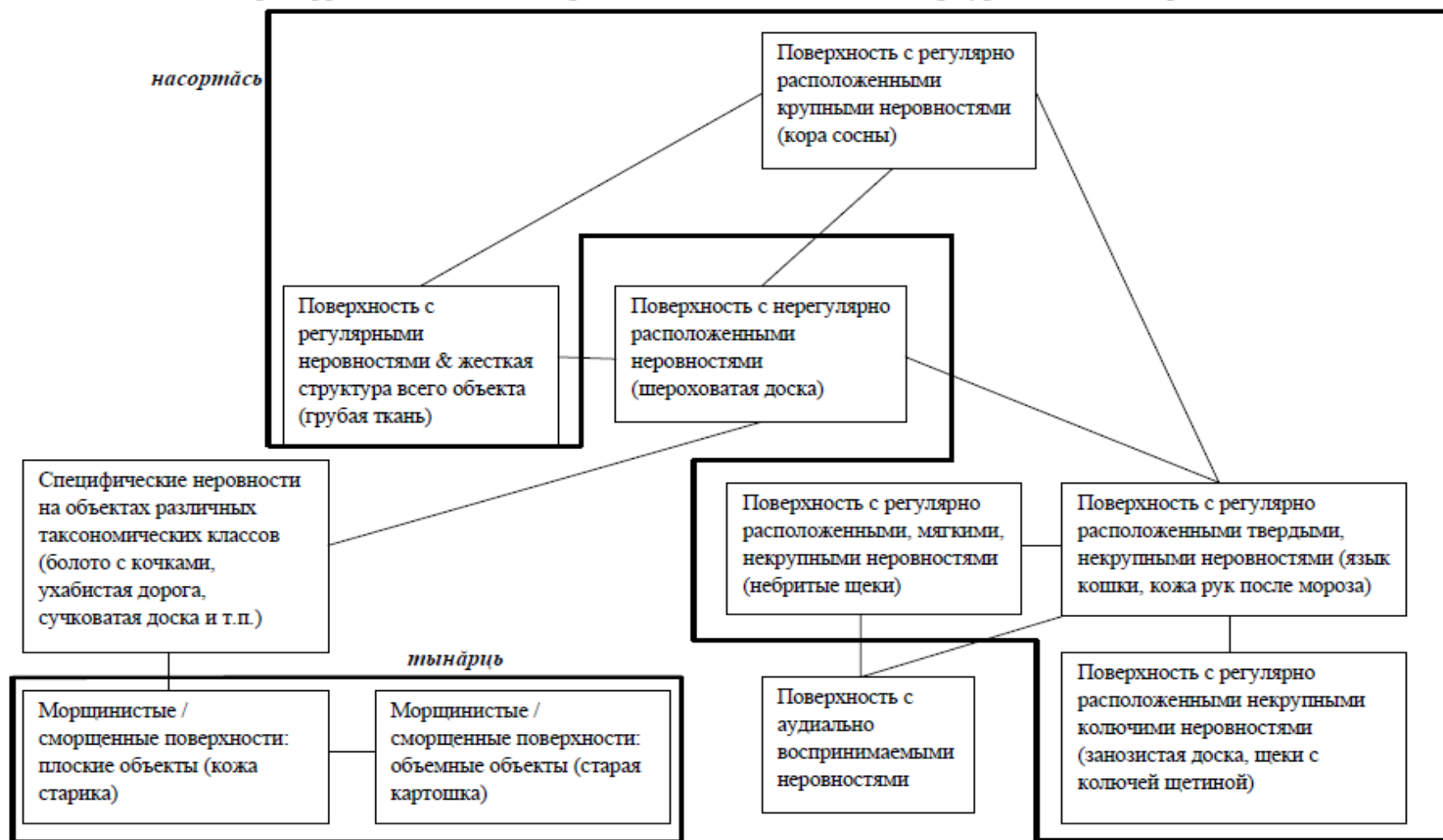
Этот семантический перенос в некотором отношении близок предикатам боли (а шире, неприятных физиологических ощущений – ср. рус. *режет в животе, колет в боку, голова раскалывается, глаза щипит*), описанным в частности в [Брицын и др. (ред.) 2009], [Рахилина и др. 2010б]. Для этих предикатов их исследователями был выделен особый тип семантического перехода, получивший название «ребрендинг» (см. подробнее теоретическую часть в Главе 3). Вместе с тем для анализа рассмотренных ненецких примеров важно, что глагол *насорта́сь* в них предполагает обязательный

непосредственный контакт человека с объектом, вызывающим неприятные физиологические ощущения (и не может описывать такое ощущение, если оно возникает по внутренней причине – например из-за какого-либо заболевания). По этой причине мы в данном случае имеем дело скорее с метонимическим переносом, предполагающим буквальную смежность исходной и производной ситуаций (в нашем случае, контакта с объектом и физиологического ощущения в результате этого контакта), нежели с ребрендингом, предполагающим более значительную семантическую удаленность производной ситуации от исходной.

Обобщение данных о лексемах наличия неровностей

Система лексем со значением наличия неровностей в ненецком языке отражает стандартно повторяющуюся типологическую картину, при которой за отдельной лексемой (глаголом *насортъсь*) закрепляется фрейм шершавых поверхностей, имеющих твердые регулярно повторяющиеся неровности (а кроме того, употребление этого глагола расширяется и на ряд других контекстов). Менее стандартным является зафиксированный нами в ненецком языке перенос в область неприятных физиологических ощущений, следующий, по всей видимости, механизму метонимии. Обобщение данных о прямых употреблениях можно увидеть ниже на семантической карте.

Семантическая карта фреймов наличия неровностей (ненецкий язык, приуральский говор)

4.11 Обсуждение: родственные языки и лексическая типология

4.11.1. Теоретическая база: внутригенетическая типология

Одной из общих методологических проблем лингвистической типологии является проблема составления языковой выборки (см., например, [Croft 1990 / 2003], [WALS], [Bakker 2010]). Поскольку ясно, что ни один исследователь-типолог не в состоянии охватить поголовно все языки на свете, важно, чтобы отбираемые для исследования языки репрезентативно отражали бы возможности варьирования естественного языка и предоставляли бы такой набор данных, на основании которых можно было бы вывести адекватные обобщения того, как может и как не может быть устроено исследуемое явление в языках мира. По этой причине традиционно считается, что в языковую выборку должны включаться генетически и ареально не связанные друг с другом языки из достаточно большого количества семей и регионов мира: в результате анализа такого материала можно получить выводы, претендующие на справедливость и по отношению к человеческому языку в целом.

В последние годы, однако, получила распространение и так называемая внутригенетическая типология (*intra-genetic typology*), в рамках которой выборка объединяет большое количество близкородственных языков (см., например, [Kibrik 1998, 2009], [Кибрик 2003], ср. также обсуждение в [Daniel 2010] и проведенное в рамках такого подхода сопоставление прибалтийско-финских языков в [Агранат 2009]). Безусловно, было бы наивно полагать, что исследование набора близкородственных языков позволит выявить все возможности варьирования в языках мира. Вместе с тем внутригенетическая типология имеет и ряд методологических преимуществ, обсуждавшихся в вышеупомянутых работах по отношению к грамматическим исследованиям.

Во-первых, внутригенетическая типология позволяет обнаружить более тонкие и менее заметные на широкой выборке параметры межъязыкового варьирования. Ср. здесь приводимые в [Кибрик 2003: 194] ссылки на

исследования именных парадигм и конструкций с сентенциальными актантами в дагестанских языках, позволившие установить достаточно широкий набор типологических вариаций в этих областях, или многочисленные статьи из сборника [Кузнецова (отв. ред.) 2012], посвященные в основном проблемам грамматической семантики финно-угорских языков и выявляющие на этом материале немало явлений, устройство которых существенно варьирует по этим языкам. Выявляемые таким образом возможности варьирования, естественно, должны проверяться и при более широком типологическом исследовании, но важно, что исследование близкородственных языков в принципе позволяет их выявить.

Во-вторых, внутригенетическая типология представляет более системный материал для диахронической типологии. В [Кибрик 2003: 194] в этой связи, в частности, сказано, что, поскольку синхронные различия между родственными языками являются результатом их исторического развития из общего праязыка, проводимое в рамках внутригенетической типологии исследование материала родственных языков предоставляет данные, необходимые для реконструкции изучаемого явления и, шире, для типологии диахронических изменений.

В-третьих, изучение материала родственных языков может служить базой для дальнейшего исследования на более широкой выборке, основанного на сопоставлении детально обследованных языковых групп. Здесь также важно, с одной стороны, тривиальное соображение о том, что анализ одним исследователем значительного числа разноструктурных языков, специалистом по большинству из которых он не является, несет в себе большой риск ошибок в изложении и интерпретации данных; с другой стороны, высказанная в [Kibrik 2009] идея, что корректному анализу какой-либо конструкции в конкретном языке часто способствует изучение ее аналогов в родственных языках (тогда как уход от такого изучения может спровоцировать ошибки в анализе).

Все изложенные выше методологические соображения основаны в первую очередь на материале грамматической типологии. Однако все они релевантны и для типологии лексической. Часто выборка в лексико-типологических проектах насчитывает десятки языков самых разных семей и ареалов (см., например, сборники [Майсак, Рахилина (ред.) 2007] о глаголах движения в воде, [Брицын и др. (ред.) 2009] о предикатах боли, подготавливаемое сейчас издание [Koptjevskaja-Tamm forthc.] о температурных выражениях). Вместе с тем в ряде работ этого направления отмечалась и осмысленность включения в выборку родственных языков в силу часто значительных расхождений в их лексико-семантической системе (выводы при этом были основаны на сопоставлении 2 – 4 родственных языков). Ярким примером могут послужить статьи [Рахилина, Прокофьева 2004, 2005], посвященные русским и польским глаголам вращения (*кружиться, вертеться, крутиться* и др.) и колебания (*качаться, шататься, колыхаться* и др.) соответственно. В этих работах показано, что, несмотря на близкое родство русского и польского языков и внешнее сходство многих сопоставляемых лексем (которые являются по отношению друг к другу когнатами, т.е. словами разных языков, имеющими общее происхождение и ощущаемое носителями внешнее сходство), устройство обсуждаемых семантических полей в двух языках отнюдь не оказывается симметричным и, таким образом, даже сравнение материала двух близкородственных языков позволяет выявить большое количество семантических противопоставлений, которые должны затем учитываться при более широком типологическом исследовании⁸⁶. Так, например, в [Рахилина, Прокофьева 2004: 77] на материале двух родственных языков, русского и польского, выделяется целый ряд фреймов вращения (типологическая релевантность которых была позже подтверждена в работе [Круглякова 2010], охватившем глаголы этой группы уже в полутора десятках языков), как-то: повороты человека вокруг

⁸⁶ Ср. также статью [Дюрович 2000], посвященную нескольким русским и словацким глаголам разделения объекта на части и описывающую различия в семантике и сочетаемости, возникающие между когнатами в этих языках.

собственной оси; вращение артефакта (например, колеса) вокруг собственной оси; движение предмета вокруг внешнего ориентира, находящегося с ним в одной плоскости (например, это плавание лодки вокруг острова); круговое движение над внешним ориентиром (происходящее, например, когда ястреб кружит над добычей); вращение при поступательном движении (таково, например, движение танцующих пар); вихреобразное движение (например, вода в водовороте); вращение с совершением только одного оборота, и нек. др. В [Majid et al. 2007b] похожие выводы были сделаны на материале уже четырех близкородственных языков – английского, немецкого, голландского и шведского – применительно к глаголам разделения объекта на части (работа была написана в рамках более широкого проекта по их изучению, проведенного Институтом психолингвистики им. Макса Планка в Неймегене – см., например, [Majid et al. 2007a, 2008]): оказалось, что, с одной стороны, системы исследуемых глаголов в этих языках обнаруживают довольно сильные различия, с другой стороны, ничто в этих различиях не противоречит тем типологическим обобщениям, которые делают авторы проекта. Вместе с тем надо сказать, что сам по себе проект исследователей из Неймегена грешит рядом серьезных методологических недостатков (подробнее см. в Главе 1, [Кашкин 2009, 2010]) и не претендует на исчерпывающий анализ охваченной им семантической области, поэтому нельзя исключать, что какие-то важные семантические противопоставления могли оказаться упущены в работах этого проекта, в т.ч. в упомянутой здесь статье [Majid et al. 2007b].

Далее мы рассмотрим в свете изложенных выше теоретических положений полученные нами данные о категоризации фактуры поверхностей. Напомним, что наша выборка включает, с одной стороны, 10 языков уральской семьи (финский, эстонский; эрзянский, мокшанский, марийский; коми-зырянский, удмуртский; хантыйский, венгерский; ненецкий; для некоторых из этих языков во внимание также принимались данные более чем одного диалекта), с другой стороны, 5 языков других языковых семей (русский, английский, испанский,

китайский, корейский), данные по которым получены нами в основном по вторичным источникам (см. Введение) и использованы в качестве внешнего типологического фона. В ходе дальнейшего анализа мы обсудим, насколько однородными и системными оказываются данные уральских языков, во-первых, по отношению друг к другу, во-вторых, по отношению к языкам, привлеченным нами в качестве внешнего типологического фона.

4.11.2. Когнаты

В работах по лексической типологии ставился вопрос о семантических различиях между когнатами (под которыми, напомним, мы понимаем имеющие общее происхождение слова близкородственных языков, фонетическое сходство которых ощущается носителями), ср., в частности, упомянутые ранее работы [Дюрович 2000], [Рахилина, Прокофьева 2004, 2005]. Примеры таких когнатов обнаруживаются и в нашем уральском материале. Осветим кратко обнаруженные между ними различия (более подробную характеристику каждой из упоминаемых далее лексем можно найти в разделах, посвященных анализу материала соответствующих языков).

Интересная группа когнатов обнаруживается в семантической области негладких поверхностей (куда входят слова с исходными значениями ‘шершавый’, ‘шероховатый’, ‘грубый’): это хантыйское прилагательное *karəŋ*, венгерское *kérges*, эстонское *kare* и финские *karhea* и *karkea* (об общности их происхождения см., например, [Эрнитс 1993])⁸⁷.

Эти прилагательные существенно различаются по широте своего употребления. Употребление хантыйского *karəŋ* во многих случаях тесно связывается с семантикой существительного *kar* ‘кора’, и, кроме того, данное прилагательное практически не развивает метафор. Венгерское *kérges* тоже связывается носителями с существительным, обозначающим кору, но, в отличие от хантыйского *karəŋ*, сдвигается в обозначение поверхностей с достаточно крупными неровностями (тогда как доминантным средством

⁸⁷ И ср. также приводимое в [Казакевич, Будянская 2010: 37] селькупское прилагательное *káрсаль*, входящее в это же «гнездо».

описания шершавых поверхностей служит прилагательное *érdes*). В свою очередь эстонское прилагательное *kare* имеет очень широкую сферу употребления, как описывая всевозможные негладкие поверхности (язык кошки, шершавую от мороза кожу рук, небритые щеки, листья осоки, шершавые листы бумаги в старых тетрадах и т.д.), так и развивая значительный набор метафор (например, этим прилагательным описывается в эстонском хриплый голос, суровая зима, суровый человек). В финском языке лексемы этой группы (*karhea* и *karkea*) и вовсе дифференцируются по параметру размера неровностей, а также развивают целый ряд метафор, которые, однако, не полностью совпадают с метафорами их эстонского когната.

Похожая ситуация наблюдается и в семантической зоне отсутствия неровностей – на примере эрзянского прилагательного *валаня* ‘гладкий, ровный’, удмуртского *вольыт* ‘гладкий’, мокшанского *valaz’ε* ‘скользящий’ хантыйского *wõl’ak*, означающего в одних говорах ‘скользящий’, а в других – ‘скользящий, гладкий’. В [Rédei 1988: 564] и [Вершинин 2004: 38] эти слова связываются с прафинно-угорским корнем **wäl’z* ‘скользящий, гладкий’ (исходный немецкий перевод – *glatt*). В этом случае видно, что лексемы одного происхождения захватывают разные базовые группы фреймов, выделяемые в семантической области отсутствия неровностей (набор их метафорических значений также не идентичен друг другу, см. подробнее разделы работы, характеризующие материал соответствующих языков).

В нашем материале выявляются и такие примеры, когда сферы прямых употреблений когнатов почти не отличаются друг от друга, однако развиваемые этими когнатами метафоры демонстрируют существенные различия. В финском и эстонском языках очевидно оказываются когнатами лексемы со значением ‘гладкий’ (*sileä* в финском и *sile* в эстонском) и ‘ровный’ (*tasainen* в финском и *tasane* в эстонском). Прямые употребления этих слов оказываются практически идентичны (хотя и здесь наблюдаются некоторые частные различия – так, обсуждаемые финские лексемы, в отличие от эстонских, не

могут описывать гладкую поверхность воды). Более заметными здесь оказываются различия метафор. В то время как финское *sileä* 'гладкий' не развивает метафор, его эстонский когнат *sile* сдвигается, с одной стороны, в семантическую область отсутствия недостатков или затруднений (описывая, например, гладкий жизненный путь или красивого человека), с другой стороны, в семантическую область отсутствия отличительных качеств (применяясь в частности к тексту, содержание которого оказывается не слишком глубоким). Лексемы со значением 'ровный' (*tasainen* и *tasane*) развивают метафоры в каждом из этих языков, но эти метафоры оказываются различными: финское *tasainen* сдвигается в контексты равномерности (ровный загар, ровно расставленные стулья, равномерное движение и т.п.), тогда как эстонское *tasane* характеризует отсутствие у объекта отличительных качеств или малую интенсивность действия (описывая, например, скромного человека, тихий звук, слабую боль или медленное движение). Аналогичным образом, у эрзянского прилагательного *казямо* и мокшанского *kaz'amə* совпадают области прямых употреблений, но существенно отличаются наборы метафор: так, эрзянское прилагательное, в отличие от своего мокшанского когната, описывает неблагоприятные погодные условия, душевное состояние человека, а также имеет более широкую сферу использования по отношению к голосу человека.

Все описанные выше различия между лексемами-когнатами представляют безусловный интерес для лексической семантики и типологии, поскольку позволяют достаточно подробно структурировать исследуемую семантическую область и выявить своего рода «минимальные пары», на основании анализа которых можно выделить немало релевантных семантических противопоставлений (см., например, описанные выше примеры). Интересно отметить, кроме того, что подобные «минимальные пары» выявляются не только между когнатами из разных языков, но и (может быть, даже более ярко) между одними и теми же лексемами в разных диалектах одного и того же языка. В качестве примера рассмотрим приведенные в Таблице 4.11.1 данные

об употреблении в четырех западных говорах хантыйского языка (сс. Белоярск, Шурышкары, Мужи, Теги) лексем *wōl'ək*, *pajli* и *ńasl*, покрывающих семантическую зону отсутствия неровностей (более подробный анализ этих данных представлен в разделе 4.9).

Таблица 4.11.1. Категоризация фреймов отсутствия неровностей в западно-хантыйских говорах

Фреймы	Теги	Шурышкары	Мужи	Белоярск
Скользкая опорная поверхность, покрытая льдом (заледенелая дорога)	<i>wōl'ək</i>	<i>wōl'ək</i>	<i>wōl'ək</i>	<i>wōl'ək</i> / <i>ńasl</i>
Скользкая опорная поверхность, не покрытая льдом (мокрый пол)	<i>wōl'ək</i>	<i>wōl'ək</i>	<i>wōl'ək</i>	<i>ńasl</i>
Скользкая подошва обуви / обувь	<i>wōl'ək</i>	<i>wōl'ək</i>	<i>wōl'ək</i>	<i>ńasl</i>
Скользкий предмет, с трудом удерживаемый в руках (рыба, мыло)	<i>wōl'ək</i>	<i>wōl'ək</i>	– ⁸⁸	<i>ńasl</i>
Тактильно гладкие поверхности: части тела (щеки, кожа рук)	<i>wōl'ək</i> / –	–	–	<i>pajli</i>
Тактильно гладкие поверхности: артефакты, неодушевленные природные объекты (доска, камень)	<i>wōl'ək</i> / –	<i>wōl'ək</i>	<i>pajli</i>	<i>pajli</i>
Зрительно ровные поверхности (покос, дорога, пол)	<i>pajli</i>	<i>pajli</i>	<i>pajli</i>	<i>pajli</i>
Гладкая поверхность воды в водоеме	–	–	–	<i>pajli</i> / –

Из Таблицы 4.11.1 видно, что лексема *pajli* в говорах сел Теги и Шурышкары описывает только зрительно ровные поверхности (и это значение является для нее базовым, о чем говорит и словообразовательная структура: прилагательное *pajli* образовано от обозначающего зрительно заметные неровности существительного *paj* ‘кочка, бугор’ с помощью каритивного, т.е. выражающего значение отсутствия чего-л, суффикса *-li*), а в говорах села Мужи и особенно села Белоярск покрывает и фреймы тактильно гладких

⁸⁸ Прочерк в таблице означает, что данный фрейм в данном говоре не кодируется ни одной из рассматриваемых лексем, а описывается какими-либо иными средствами, описывающими не фактуру поверхностей, а различные смежные признаки.

поверхностей. Далее, статус прилагательного *wǒl'ak* в обследованных говорах варьирует от лексемы, закрепленной за единственным узким фреймом заледенелого участка местности (говор с. Белоярск), до доминантного средства выражения не только значения 'скользящий', но и значения 'гладкий' (говор с. Шурышкары, а также ряд носителей говора с. Теги, в котором, как показано в Таблице 1, выявлено две стратегии использования этой лексемы). В результате анализа этого материала мы получаем, таким образом, большое количество семантических противопоставлений, которые необходимо учитывать и при типологических исследованиях (например, на представленном хантыйском материале видны противопоставления между скользящими поверхностями по топологическому типу и по наличию постороннего вещества, отмечается также особый статус фреймов частей тела и поверхности воды).

4.11.3. Уральский материал на типологическом фоне

Приведенные выше данные о семантических различиях между когнатами и между одними и теми же лексемами в разных диалектах могут создать иллюзию бессистемности уральского материала, ведь, казалось бы, если даже одни и те же лексемы в разных идиомах проявляют разные свойства, то о какой системности данных можно говорить? На самом деле, однако, как было показано в Главе 2, все выделенные семантические противопоставления укладываются в четкую структуру: многие из них воспроизводятся более чем в одном языке, они могут быть иерархически классифицированы и представлены на семантической карте (см. Главу 2). В Таблице 4.11.2 можно увидеть, в каких языках отмечаются обнаруженные нами семантические явления и оппозиции (более подробно охарактеризованные и проиллюстрированные в Главе 2), с одной стороны, в пределах уральской семьи, с другой стороны, в языках, образующих наш типологический фон⁸⁹. Символ «+» означает, что конкретное

⁸⁹ Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что в данных тех языков, с которыми не работали мы лично, могут обнаружиться какие-либо лакуны (особенно это касается корейского и испанского языков, материал по которым мы черпаем из уже опубликованных работ [Иванова 2011] и [Спесивцева 2012] соответственно). Тем не менее, нам кажется важным

явление или противопоставление отмечено в данном классе языков (сами языки в таком случае приводятся рядом). Символ «–» указывает на то, что явление или противопоставление не отмечено в данном классе языков.

Таблица 4.11.2. Семантические противопоставления в зоне фактуры поверхностей в уральских языках и в языках других семей

Семантические явления и противопоставления	В обследованных уральских языках	В языках других семей, по которым имеются данные
Семантическая зона отсутствия неровностей		
Категоризация базовых зон: 'скользящий' vs. 'гладкий' vs. 'ровный'	+: венгерский, марийский, мокшанский, удмуртский, финский, эстонский	+: английский, испанский, китайский, корейский, русский
Категоризация базовых зон: 'скользящий' vs. 'гладкий, ровный'	+: коми-зырянский, ненецкий, хантыйский (сс. Белоярск, Мужы), эрзянский	–
Категоризация базовых зон: 'скользящий, гладкий' vs. 'ровный'	+: марийский ⁹⁰ , хантыйский (сс. Теги, Шурышкары)	+: китайский ⁹¹
Противопоставление скользящей опорной поверхности vs. поверхности предмета, выскальзывающего из рук	+: коми-зырянский, удмуртский, хантыйский (с. Мужы)	+: испанский

соотнести наши результаты с доступным материалом этих языков и обозначить в нашей работе выделенные для других языков семантические противопоставления, поскольку это в любом случае задает типологический фон для рассмотрения уральского материала и позволяет получить общую картину того, насколько склонны повторяться в других языках обнаруженные нами явления.

⁹⁰ Марийский язык упомянут сразу в двух строках, иллюстрирующих разные возможности категоризации базовых семантических зон в силу наличия в нем, с одной стороны, прилагательного *яклака*, объединяющего значения 'скользящий' и 'гладкий', с другой стороны, прилагательного *йывыжа*, относящегося только к зоне гладких поверхностей.

⁹¹ Имеется в виду наличие в китайском языке двуслога *hualiu*, описывающего как скользящие, так и гладкие поверхности (пример Л. С. Холкиной).

Особый фрейм скользкой поверхности, покрытой посторонним веществом	+ : венгерский, мокшанский	–
Противопоставление покрытой льдом vs. не покрытой льдом скользкой опорной поверхности	+ : венгерский, ненецкий (приуральский), удмуртский (центральные говоры), хантыйский (с. Белоярск)	–
Отдельная лексема с дополнительной семантикой блеска в зоне скользких поверхностей	–	+ : английский
Отдельная лексема с дополнительной семантикой блеска в зоне гладких поверхностей	+ : марийский	+ : английский, испанский, китайский, корейский
Особая категоризация частей тела в зоне гладких поверхностей	+ : хантыйский (сс. Мужы, Шурышкары), мокшанский, эрзянский	+ : испанский
Противопоставление ровного участка местности vs. ровной поверхности артефакта	+ : венгерский, коми-зырянский, финский	–
Отдельный фрейм «место без гор и холмов»	+ : коми-зырянский, эрзянский, эстонский	+ : русский
Особая категоризация гладкой поверхности воды	+ : марийский, мокшанский, удмуртский, финский, хантыйский (сс. Мужы, Теги, Шурышкары)	+ : корейский
Противопоставление поверхностей вертикально vs. горизонтально расположенных артефактов	+ : хантыйский (с. Теги)	–
<i>Семантическая зона наличия неровностей</i>		
Морщинистые и	+ : мокшанский, финский,	+ : русский

сморщенные объекты: противопоставление плоских объектов vs. трехмерных объектов	эстонский	
Тактильно воспринимаемые неровности: кодирование одной лексемой и регулярных неровностей на поверхности, и жесткости самого предмета.	+: марийский, ненецкий, мокшанский, эрзянский	+: испанский, китайский
Выделение поверхности с мягкими неровностями как отдельного фрейма	+: коми-зырянский, марийский, удмуртский, хантыйский	+: русский
Наличие противопоставления по размеру неровностей	+: венгерский, финский, эстонский	+: корейский, русский
Наличие противопоставления по регулярности неровностей	+: венгерский, коми- зырянский, марийский, ненецкий, удмуртский, финский, хантыйский, эстонский	+: испанский, русский
Наличие отдельной лексемы для шершавых & колючих, царапающих поверхностей	+: удмуртский	+: испанский
Наличие лексемы, предполагающей аудиальный способ восприятия негладкой поверхности	+: марийский, удмуртский	–

Из Таблицы 4.11.2 видно, что обнаруженные нами на уральском материале свойства прямых употреблений лексем, описывающих фактуру поверхностей, систематически воспроизводятся в других языках. Более того, в ряде случаев исследование материала близкородственных языков дает нам более дробную

классификацию семантических противопоставлений внутри исследуемой области – как в случае варьирования стратегий категоризации базовых зон ‘скользящий’, ‘гладкий’ и ‘ровный’ или в случае выделения противопоставлений между различными типами скользких (покрытая vs. не покрытая льдом) и ровных (участок местности vs. артефакт) поверхностей.

Далее обратимся к Таблице 4.11.3, где приведены аналогичные данные для метафор, развиваемых лексемами фактуры поверхностей в обследованных языках.

Таблица 4.11.3. Метафорические переносы из зоны фактуры поверхностей в уральских языках и в языках других семей

<i>Метафорическое значение</i>	<i>В обследованных уральских языках</i>	<i>В обследованных языках других семей</i>
‘Скользкий’ → ненадежность		
‘Ненадежный’ (о жизненном пути, к-л сфере деятельности)	+: венгерский, финский, эстонский	+: испанский, корейский, русский
‘Ненадежный’ (о человеке)	+: марийский, мокшанский, финский, эрзянский	+: английский, испанский, китайский, корейский, русский
‘Излишне болтливый’ (о человеке)	+: марийский	–
‘Льстивый’ (о человеке)	+: эстонский	–
‘Скользкий’ → быстрота, легкость выполнения действия		
‘Быстро и легко выполняемый’ (о действии)	+: финский	–
‘Гладкий’ → отсутствие недостатков, затруднений		
‘Уверенный’ (о речи)	+: венгерский, марийский, удмуртский, эрзянский	+: английский, испанский, корейский, русский
‘Протекающий гладко, без препятствий’ (о действии или процессе)	+: венгерский, марийский, удмуртский, эрзянский, эстонский	+: английский, испанский, китайский, русский
‘Аккуратный’ (о человеке)	+: ненецкий (тазовский)	–

или работе)		
‘Красивый, внешне симпатичный’ (о человеке)	+: удмуртский, эстонский	+: корейский
‘Упитанный, откормленный’ (о человеке)	–	+: русский
‘Мягкий, нетерпкий’ (о напитках)	–	+: английский
‘Приятный’ (о вкусе)	+: марийский	–
‘Мягкий, добрый’ (о характере человека)	+: марийский	+: корейский
‘Гладкий’ → отсутствие ресурса или отличительных качеств		
‘Отсутствие ресурса’ (например, денег)	+: марийский	+: китайский
‘Не имеющий рисунков, украшений’ (о ткани, об элементе строения)	–	+: испанский, русский ⁹²
‘Поверхностный, простой для понимания’ (о речи, тексте)	+: эстонский	+: испанский
‘Не выделяющийся на общем фоне’ (о к-л предмете или человеке)	+: венгерский	–
‘Ровный’ → равномерность		
‘Равный’ (о значениях к-л параметра)	+: марийский	+: английский, китайский
‘Равномерно распределенный’ (о статичном объекте, например о цвете или загаре)	+: венгерский, марийский, удмуртский, финский, хантыйский (приуральский), эрзянский	+: английский, китайский, русский
‘Равномерно проявляемый’	+: финский	+: английский

⁹² В случае русского языка имеется в виду контекст гладкая ткань, однако использование в таком значении слова *гладкий* в этом случае необщепотребительно, см. Главу 3.

(о признаке)		
‘Равномерный’ (о движении, о протекании процесса)	+ : венгерский, марийский, финский, хантыйский (приуральский)	+ : английский, корейский, русский
‘Равномерный’ (о звуке)	+ : венгерский, финский	+ : английский
‘Спокойный (о человеке, его действиях, характере)’	+ : эстонский	+ : английский, китайский, корейский, русский
‘Ровный’ → малая интенсивность, отсутствие отличительных качеств		
‘Характеризующийся малой интенсивностью’ (о действии, процессе)	+ : эстонский	–
‘Медленный’ (о движении)	+ : эстонский	–
‘Не выделяющийся на общем фоне’ (о к-л предмете или человеке)	+ : эстонский	(+) ⁹³ :: испанский + : китайский, корейский
‘Поверхностный, простой для понимания’ (о речи, тексте)	–	(+) : испанский + : китайский
Наличие неровностей → наличие недостатков, затруднений		
‘Неуверенный’ (о речи)	+ : марийский, удмуртский	–
‘Некачественно сделанный’ (о к-л работе)	+ : венгерский, марийский, финский, эрзянский, эстонский	+ : английский, китайский, русский
‘Грубый’ (о человеке, метонимически о словах или голосе)	+ : венгерский, марийский, финский, эрзянский, эстонский	+ : английский, китайский, корейский, русский
‘Суровый’ / ‘черствый’ (о человеке)	+ : венгерский, мокшанский, эрзянский, эстонский	+ : испанский
‘Сложный, натянутый’ (об отношениях между людьми)	–	+ : испанский
‘Хриплый’ (о голосе)	+ : венгерский, мокшанский,	+ : английский, испанский

⁹³ Помета (+) означает, что метафора могла быть мотивирована другим исходным значением, имевшимся у лексемы исторически, но ныне утраченным.

	финский, эстонский, эрзянский	
‘Резкий, раздражающий’ (о звуке)	–	+: английский
‘Суровый’ (о погоде, климате)	+: венгерский, эстонский, эрзянский	+: английский, корейский
‘Тяжелый’ (о душевном состоянии человека)	+: эрзянский	–
‘Терпкий’ (о вкусе, например о вине)	–	+: английский
‘Вяжущий’ (о пище или вкусе, например о хурме)	–	+: испанский
‘Обезвоженный, сухой’ (о вкусе, о еде)	–	+: корейский
‘Неприятный’ (о физиологическом ощущении при контакте с мелкими объектами; метонимический перенос)	+: ненецкий	–
<i>Наличие неровностей → интенсивное воздействие на объект</i>		
‘Хорошо утоляющий жажду’ (о напитке)	+: удмуртский	–
‘Яростный, ожесточенный’ (о споре, борьбе)	–	+: испанский
‘Интенсивно проявляемый’ (о действии, состоянии, признаке)	+: венгерский	+: русский ⁹⁴

Из Таблицы 4.11.3 мы видим, что, хотя отдельные метафорические переносы могут не только не встретиться в языках уральской семьи, но и вовсе оказываться на нашей выборке уникальными для одного языка (например, из языков нашей выборки только в английском встречается развитие у

⁹⁴ В случае русского языка имеется в виду прилагательное *грубый* и контексты типа *грубая ошибка*, об их соотношении с венгерскими данными см. в Главе 3.

прилагательного со значением ‘шершавый’ метафорического употребления в значении ‘терпкий’ по отношению к напитку, а сдвиг прилагательного ‘ровный’ в обозначение медленного движения наблюдается на нашем материале только в эстонском языке), в целом основные модели метафорических переносов рассматриваемых лексем в уральских языках и в языках других семей совпадают. Важно также, что повторяемость метафорических сдвигов в данном случае оказывается весьма затруднительно объяснить их банальным калькированием. Во-первых, значительная часть этих сдвигов встречается сразу во многих языках (например, прилагательное ‘ровный’ или производное от него наречие описывают равномерный характер статичных объектов в английском, китайском, русском, венгерском, марийском, удмуртском, финском и хантыйском языках), и в таком случае нет никаких оснований доказательно утверждать, что какой-то один язык послужил для всех (или для группы) остальных источником калькирования метафоры. Во-вторых, встречаются случаи повтора метафор в языках, никак не контактирующих друг с другом – например, одна и та же метафора может повторяться в марийском и корейском (‘гладкий’ → ‘мягкий, добрый (о человеке)’) или эстонском и испанском (‘шершавый’ → ‘суровый’ (о человеке)) языках, и в таком случае говорить о калькировании было бы нелепо.

4.11.4. Некоторые итоги

Предпринятое нами рассмотрение материала уральских языков на фоне языков других семей и, в большинстве случаев, несколько других ареалов приводит к следующим выводам.

Во-первых, исследование набора родственных языков позволяет выявить дробную структуру семантических противопоставлений в прямых значениях и существенное число метафор (см. Таблицы 4.11.2 и 4.11.3).

Во-вторых, общая структура противопоставлений внутри семантического поля, выявленная на материале родственных уральских языков, действует и для языков других семей (см. Таблицу 4.11.2).

В-третьих, основные модели метафорических переносов в уральских языках и в языках других семей совпадают (см. Таблицу 4.11.3).

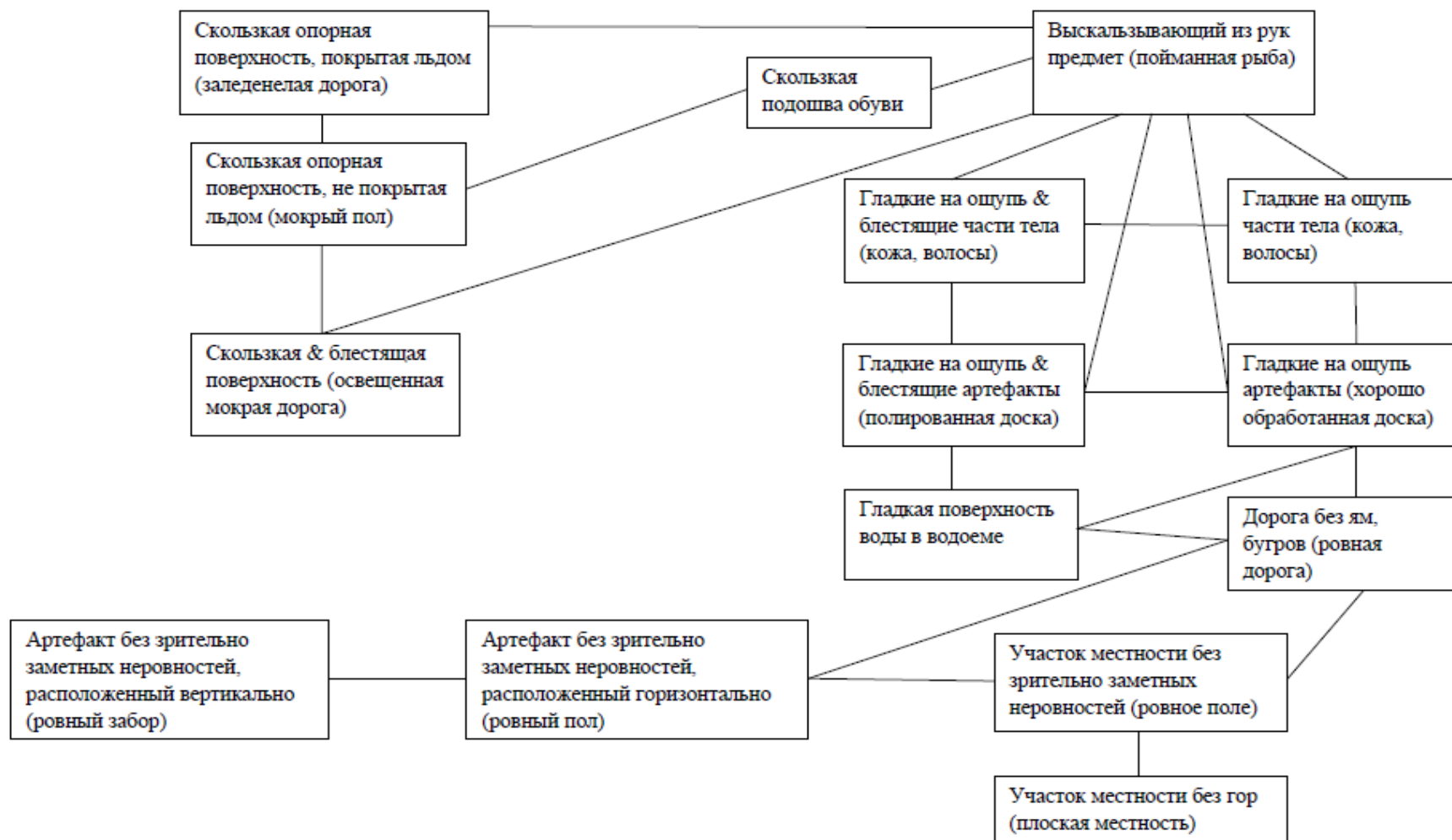
Таким образом, наш материал демонстрирует, что исследование набора родственных языков оказывается безусловно релевантным для лексической типологии и может служить базой для дальнейшего более широкого типологического исследования. Наконец, нельзя не сказать и о том, что данные, полученные в ходе лексико-типологического исследования родственных языков, в т.ч. и нашего исследования, могут быть использованы и в диахронической лингвистике (ср. [Дыбо 1996] и другие подобные работы по семантической реконструкции, предполагающей достаточно детальный анализ синхронной семантики рассматриваемых лексем).

Заключение

1. В работе проанализированы наименования качественных признаков, описывающие фактуру поверхностей, в десяти уральских языках (финском, эстонском, эрзянском, мокшанском, марийском, коми-зырянском, удмуртском, венгерском, хантыйском, ненецком). Результаты сопоставлены с данными по языкам, не входящим в уральскую семью, а именно по русскому, английскому, испанскому, корейскому, китайскому языкам.

2. В ходе исследования был определен набор фреймов, организующих исследуемую семантическую область: 15 фреймов для лексем отсутствия неровностей и 9 фреймов для лексем наличия неровностей (без учета тех случаев, когда в ситуации присутствуют очень конкретные типы неровностей, описываемые, например, русскими словами *бугристый*, *ухабистый*, *сучковатый* и пр.). Системы представленных фреймов обобщены на семантических картах (Глава 2), приведем здесь эти карты еще раз. Показано, что устройство семантических зон отсутствия неровностей и наличия неровностей носит асимметричный характер.

Семантическая карта фреймов отсутствия неровностей

Семантическая карта фреймов наличия неровностей

3. Проведенное исследование типологии переносных употреблений, развиваемых лексемами фактуры поверхностей, свидетельствует о системном характере их организации. Для каждой из крупных семантических зон выделены регулярно воспроизводимые модели семантических сдвигов:

- Лексемы со значением 'скользкий' переносно описывают ненадежность объекта и реже быстроту и легкость выполнения действия.
- Лексемы с исходной семантикой 'гладкий' сдвигаются в обозначение отсутствия недостатков или затруднений либо отсутствия ресурса или отличительных качеств.
- Лексемы с прямым значением 'ровный' метафорически передают идею равномерности, а также могут описывать малую интенсивность или отсутствие отличительных качеств
- Лексемы со значением наличия неровностей переносятся на обозначение наличия недостатков или затруднений и реже в семантическую область интенсивности действия.

4. Сопоставление уральского материала с данными языков типологического фона позволило установить, что:

- Исследование набора родственных языков выявило дробную структуру противопоставлений в прямых значениях и существенное число метафор.
- Общая структура противопоставлений внутри семантического поля, выявленная на материале родственных уральских языков, действует и для языков других семей.
- Основные модели семантических переносов в уральских языках и в языках других семей совпадают.
- Следовательно, изучение набора родственных языков оказывается безусловно релевантным для лексической типологии и может служить базой для дальнейшего более широкого типологического исследования. Такое исследование и станет дальнейшим продолжением этой работы.

Приложение 1. Анкета для исследования семантики наименований качественных признаков, описывающих фактуру поверхностей⁹⁵

I. 'Скользкий'

I.1 Опорные поверхности

I.1.1 Покрытые льдом

- На улице были лужи, ночью подморозило, и дорога стала ...⁹⁶
- Ступеньки за ночь заледенели и стали ...

I.1.2 Не покрытые льдом

- Днем лил дождь, глинистая проселочная дорога стала ... , все на ней падают.
- Школьники после летних каникул помыли пол в классе, пол, пока не высох, был ... , учительница чуть не упала.
- В бане в парной ... пол, я упал и коленку расшиб.

I.2 Поверхности предметов, выскальзывающих из рук

- Я поймал рыбу, взял ее в руки, а она такая ... , трудно ее удержать.
- Кусок мыла такой ... , из рук постоянно падает, надоело наклоняться и поднимать.
- Дети после дождя играли в мячик, мячик был мокрым и ... , дети часто его из рук роняли.

⁹⁵ Анкета представляет собой структурированный список фреймов, для каждого из которых приводится несколько примеров контекстов, представляющих собой возможные конкретные вопросы к информанту о том, какие слова в данном случае применимы, а какие – нет. Информант должен вставить конкретное слово на месте символа «...» Конкретные экстралингвистические реалии в примерах, если они неестественны для исследуемого языка, должны заменяться при опросе на более естественные, содержательно близкие им (например, если в культуре информантов не распространены бани, то вопрос о скользких полках в бане будет излишним, но в таком случае в таком пункте анкеты надо спросить еще о какой-либо скользкой поверхности в помещении, встречающейся конкретной местности).

⁹⁶ Для каждого из представленных в анкете контекстов целесообразно спрашивать у информанта как атрибутивные, так и предикативные употребления. В анкете мы, чтобы излишне не загромождать ее текст, не приводим для каждого случая обоих типов употреблений.

- Черенок лопаты ..., руки по нему постоянно скользят.

I.3 Обувь и подошва обуви

- Я купил новые ботинки (тапочки, сапоги, бурки и т.п.), а они / их подошва ... , падаю в них всё время.

I.4 Скользящая и блестящая поверхность

- После дождя дорога стала ... (и блестела в свете фонарей). Нужно было идти аккуратно, чтобы не упасть.
- Мяч был мокрый, блестящий, ... , его было тяжело удержать в руках.

I.5 Переносные употребления⁹⁷

I.5.1 Ненадежность: сфера деятельности

- Это ... вопрос, мне не очень приятно его обсуждать.
- Он ступил на ... путь: такая жизнь его до добра не доведет.

I.5.2 Ненадежность: человек

- Он ... человек: может в любой момент соврать, подвести.
- Он ... человек: всё время подлизывается, когда ему что-то нужно.
- Он ... человек: всё время болтает, рот не закрывается.

I.5.3 Быстрота, легкость выполнения действия

- Вор был ... : мог проникнуть в любой дом и всегда уходил от погони.
- Он очень умный человек, у него голова ... работает.
- Бабушка говорит очень бойко, ..., она всегда была такая разговорчивая.

II. 'Гладкий' / 'ровный'

II.1 Участки местности

II.1.1 Участки местности без зрительно заметных неровностей

- Я плыву в лодке / еду в автобусе и вижу вокруг ... луга (поля, степь, тундру и т.д.), нет ни бугров, ни ям.

⁹⁷ Здесь и далее при исследовании переносных употреблений необходимо задавать каждому информанту вопрос: «Про что еще говорят это слово?» – это повышает вероятность выявить в новых языках метафоры, еще не обнаруженные на материале обследованных языков.

- На окраине нашей деревни есть большое ... место, мы там праздники всё время устраиваем, танцуем, хороводы водим.
- У нас покос такой ..., кочек нет, бугорков нет, видно всё далеко-далеко.

II.1.2 Участки местности без холмов и гор

- Мы не пасем оленей в горах, а выбираем ... место.
- Наша бабушка живет в горном районе, а мы – на ... месте.

II.2 Поверхности тактильно воспринимаемых предметов

II.2.1 Артефакты

- (Отец учит сына обрабатывать дерево): Доска должна получаться ... на ощупь, не должно быть заноз, бугорков.
- Я со дна реки камешек поднял, он на ощупь такой ...
- Попросить информанта описать на изучаемом языке гладкие поверхности находящихся рядом предметов: стакана, блюда, стола, стула и т.п.

II.2.2 Части тела

- У бабушки кожа морщинистая, а у молодой девушки ..., красивая, ухоженная.
- Я только что побрился, у меня щеки ...
- У соседа собака лохматая, а у моей собаки, наоборот, шерсть ...

II.2.3 Артефакты & блестящие

- У новой машины (снегохода) ... поверхность, блестит на солнце.
- Кожаная куртка такая ... , потрогать приятно, и даже блестит.

II.2.4 Части тела & блестящие

- У женщины волосы шикарные, блестят и аккуратно, ... уложены.
- У молодой девушки кожа ..., прямо блестит.

II.3 Дорога

- Дорога в село была плохая, разбитая, а сейчас асфальт постелили, и она стала такая ...
- Мы в лес идем по ... дороге, ни ямок на ней нет, ни бугорков.
- У нас зимник хорошо накатывают, он такой ...

II.4 Поверхность воды в водоеме

- Ветра нет, тишь да гладь, озеро / поверхность воды в озере ..., как зеркало.

II.5 Зрительно воспринимаемые поверхности артефактов

II.5.1 Горизонтальные поверхности

- Покрытие пола старое, вздулось местами, надо ремонтировать пол, чтобы стал снова ...

II.5.2 Вертикальные поверхности

- Стена должна быть ..., чтобы можно было вешать полки, а на ней везде ямы какие-то, надо выровнять сначала

II.6 Переносные употребления

II.6.1 Отсутствие недостатков, затруднений: уверенное выполнение действия, уверенная речь

- Дело казалось очень сложным, но в итоге всё прошло ... , проблем не было.
- Глава села говорил на собрании ..., уверенно, без запинок, красноречиво.
- Бабушка говорит на родном языке ..., красиво, слушать одно удовольствие.

II.6.2 Отсутствие недостатков, затруднений: характеристика человека

- Девушка такая ... , глаз не оторвать.
- Этот мужчина любит поесть и мало двигается, поэтому он очень ... , худеть ему надо.
- Бабушка очень ... , никому никогда зла не делает, всем помогает.
- Ученик очень ... , любую работу тщательно делает.

II.6.3 Отсутствие недостатков, затруднений: вкус

- Очень люблю есть это блюдо, у него вкус ... , мне очень нравится.
- Напиток совсем не терпкий, а, наоборот, ... на вкус.

II.6.4 Равномерность: статичные объекты.

- Стена покрашена ..., однотонно, нет выделяющихся цветом участков.

- Внук ездил в детский лагерь на юг, вчера только вернулся. Хорошо загорел, загар ... лег, нет белых пятен.
- Ткань ... красная: цвет везде одинаковый.
- Стулья расставлены в ... ряды: расстояния между ними одинаковые.
- Свекла на грядке ... рассажена, на одинаковом расстоянии от растения к растению.
- От нашего поселка расстояние до райцентра такое же, как до города. Эти расстояния ...

II.6.5 Равномерность: действия, процессы

- Машина по дороге едет ... : не трясется, не замедляется, не ускоряется.
- Отец с сыном говорит ..., спокойно, не ускоряясь, не замедляясь. И в целом у отца характер ... , спокойный.
- Звук мотора ... : всё время одинаковый, нет никаких резких звуков.

II.6.6 Ровная линия, край

- Гости скоро придут, скатерть должна ... свисать, а ты криво повесил, поправь!
- В прошлый раз ты ткань косо разрежала, а сейчас разрежь ...

II.6.7 Отсутствие ресурса, отличительных качеств; малая интенсивность

- У Васи ... карман: совсем денег нет.
- ... ткань – это ткань без рисунка.
- Фасад здания ... , без украшений.
- Это ... человек: ничем не выделяется на фоне остальных.
- Текст совсем ... : его очень легко понять.
- Я хожу быстро, а ты, наоборот, ...
- Вчера у меня зуб очень болел, а сегодня стало лучше, боль уже совсем ...
- Этот суп надо сначала варить на сильном огне, а затем, наоборот, на ...
огне.

III. Лексемы наличия неровностей⁹⁸

III.1 Морщинистые / сморщенные поверхности

- Бабушка старая уже, у нее кожа ..., лицо ...
- На смородине какой-то вредитель завелся, листья все негладкие, ...
- Картошка всю зиму лежала в погребе и стала ...
- Яблоко долго лежало, стало ...

III. 2 Поверхность с регулярно расположенными, твердыми, некрупными неровностями

- Язык кошки (оленья, коровы) на ощупь ...
- Я погулял на сильном морозе без перчаток. Кожа рук на ощупь ...
- У ребенка диатез. Его кожа на ощупь ...
- Точильный брусок на ощупь должен быть ...
- Доска совсем не обработана, на ощупь она вся ...

III. 3 Поверхность с регулярно расположенными, мягкими, некрупными неровностями

- Щеки немного небритые, на ощупь они ...
- Я не люблю спать под шерстяным одеялом, оно на ощупь ...

III.4 Поверхность с регулярно расположенными некрупными колючими неровностями

- Доска плохо обстругана, можно посадить занозу. Если по ней провести тряпкой, то на поверхности останутся ворсинки. Эта доска на ощупь ...
- У мужчины на щеках щетина, на ощупь щеки ..., неприятно их трогать.

⁹⁸ В анкету не включены отдельным пунктом аудиально воспринимаемые неровности, поскольку в таком случае пришлось бы вносить в эту анкету по сути отдельную анкету на ситуации звучания, что было бы вряд ли оправданно из-за значительного объема последней. Ожидается, вместе с тем, что такие лексемы могут быть выявлены и с помощью включенных в анкету вопросов, после чего может быть произведено более детальное исследование их сочетаемости и семантики.

III.5 Поверхность с регулярно расположенными крупными неровностями

- Женщина много лет моет, стирает, делает грязную работу. В молодости у нее кожа рук была гладкая, а сейчас уже давно ...
- У сосны кора не гладкая, а ...
- Стена не гладкая, а ... : я видел, как белка по ней лезла вверх, цепляясь за разные выступы.

III.6 Поверхность с регулярными неровностями & жесткая структура всего объекта

- Мешки обычно делают из ... ткани: она такая жесткая, негладкая.
- Скот привязывают ... веревками: они прочные, толстые, негладкие на ощупь.

III.7 Поверхность с нерегулярно расположенными неровностями

- На доске есть отдельные, нерегулярно встречающиеся ямки, сучки, выбоинки. Эта доска ...
- Стена старая, если по ней провести рукой, чувствуешь отдельные трещинки, сколы. Как можно сказать про эту стену?

III.8 Переносные употребления

III.8.1 Наличие недостатков, затруднений: действие, состояние

- Опять ты сделал всё так ... , переделывать всё надо.
- Стол ... сколочен, неаккуратно, на скорую руку.
- Глава села говорил на собрании ... : постоянно заикался, запинаясь.
- Ребенок ... говорит на родном языке: много ошибается, переходит на русский.
- Между этими людьми очень ... отношения: они друг друга терпеть не могут.
- Зима была очень ... : 40-градусный мороз был, сильный ветер.
- Весна в этом году была ... : была непогода, сильный паводок.
- Дождь (ветер, снег, град) очень ... : на улице находиться невозможно.

III.8.2 Наличие недостатков, затруднений: характеристика человека или его ощущение

- Петя очень ... , невежливый человек. Постоянно кричит на всех, ведет себя ... , говорит много ... слов. На него все за это обижаются.
- У него очень ... отец: наказывает его за малейшую провинность.
- Он очень ... человек: никому не помогает, чужие беды его не волнуют.
- Мне в глаз соринка попала, у меня глаз / в глазу ...
- Я очень переживаю из-за этого, у меня на душе ...

III.8.3 Наличие недостатков, затруднений: звук, голос

- Дверь целый день ... скрипит и раздражает меня.
- Машины всю ночь ездили за окном и ... шумели, не давали спать.
- У Васи голос всегда был ... , а у Пети, наоборот, нежный, мелодичный.
- Женщина много курит, поэтому у нее голос ...
- Мальчик простудился, у него голос ...
- Учительница кричала на детей и сорвала голос. У нее голос стал ...

III.8.4 Наличие недостатков, затруднений: вкус

- Вчера мясо было сочное, а сегодня стало, наоборот, ...
- Вон то вино нежное, мягкое, а это, наоборот, ... , неприятное.
- У хурмы вкус ... : она рот вяжет.

III.8.5 Интенсивность

- Ты очень ... ошибся, нельзя делать таких ... ошибок, вся работа теперь насмарку.
- Родниковая вода ... : отлично утоляет жажду.
- Между ними возник ... спор: спорили громко и до утра.
- Я на работе ... устал: когда пришел домой, сразу заснул.
- На улице было очень холодно, и я ... замерз.
- Я ... расстроен, что ты не приехал.
- Я ... рад, что ты приехал.
- Я ... люблю ездить на море, каждый год туда езжу.
- На новой работе он получает ... деньги, раньше получал гораздо меньше.

Приложение 2. Список глосс

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ACT – активный залог; ADESS – адессив; ADV – адвербиализатор; ALL – аллатив; ATTR – атрибутивизатор; CAR – каритив; CN – коннегатив (особая глагольная основа); COM – комитатив; COND – кондиционалис; CONV – деепричастие; DAT – датив; DEB – дебитив (форма, выражающая долженствование); DETR – понижающая актантная деривация; DEF – определенный артикль / определенное (указательное) склонение; DIM – диминутив; DISTR – дистрибутив; DU – двойственное число; DUR – дуратив; EL – элатив; EMPH – эмфатическая частица; ESS – эссив; EV – эвиденциальность FUT – будущее время; GEN – генитив; HAB – хабитуалис; ILL – иллатив; IMP – императив; IMPS – имперсонал; INDEF – неопределенный артикль / показатель неопределенного местоимения; INESS – инессив; INF – инфинитив; INH – инхоатив; INSTR – инструменталис; IPF – имперфектив; ITER – итератив; LAT – латив; LOC – локатив; NEG – отрицание; NMN – номинализация; NOM – номинатив; NPST – не прошедшее время; NSG – не единственное число; O – объект / объектное спряжение; OBL – косвенная основа; PART – партитив; PASS – пассив; PERF – перфектив; PL – множественное число; PLPFCT – плюсквамперфект; POSS – посессивное склонение; POT – потенциалис; PROL – пролатив; PROPR – проприетив; PRS – настоящее время; PRT – причастие; PST – прошедшее время; PST2 – второе прошедшее время; QUEST – вопросительная частица; REDUPL – неточная редупликация; REFL – рефлексивное спряжение; SG – единственное число; SO – субъектно-объектное спряжение; SOC – социатив; SS – специальная основа (special stem); SUBLAT – сублатив; SUBST – субстантиватор; SUPERESS – суперессив; TRANS – транслатив.

Библиография

- [Агранат 2009] – *Агранат Т. Б.* Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. Дисс ... д.ф.н. – М., 2009.
- [Аникин, Хелимский 2007] – *Аникин А. Е., Хелимский Е. А.* Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи – М., 2007.
- [Апресян 1974 / 1995] – *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка – М., 1974 (2-е изд. – 1995).
- [Апресян 1994] – *Апресян Ю. Д.* О языке толкований и семантических примитивах // Известия РАН. Серия литературы и языка, том 53, №4, 1994. С. 27 – 40.
- [Архангельский и др. 2011] – *Архангельский Т. А., Тагабилева М. Г., Холкина Л. С.* Качественные признаки ‘чистый’, ‘грязный’, ‘прозрачный’, ‘мутный’: к построению семантической типологии // Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследований РАН). Т. 7, ч. 3 – СПб, 2011. С. 257 – 260.
- [Ашмарин 1937] – *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Выпуск XIV (Т) – Чебоксары, 1937.
- [Байтеряков 1995] – *Байтеряков Н. С.* Съöd вальёс: Повесть, веросьёс, гожтэтьёс – Ижевск, 1995.
- [Баталова 1993] – *Баталова Р. М.* Коми-(зырянский) язык // Языки мира: уральские языки – М., 1993. С. 214 – 229.
- [Беликов 2012] – *Беликов В. И.* Ровно так говорят многие // Александр Евгеньевич Кибрик. In memoriam. Материалы научно-мемориальных чтений памяти А. Е. Кибрика. 9 декабря 2012 г. – М., 2012. С. 38 – 41.
- [Белоногов 1994] – *Белоногов Н. Е.* Азьло но берло: Повестьёс но веросьёс – Ижевск, 1994.

- [Бирюк и др. 2010] – *Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Усачёва М. Н.* Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка – Екатеринбург, 2010.
- [Бонч-Осмоловская и др. 2009] – *Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // *Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М.* (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – Киев, 2009.
- [Брицын и др. (ред.) 2009] – *Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М.* (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении – Киев, 2009.
- [Бузакова 1982] – *Бузакова Р. Н.* Словарь синонимов эрзянского языка / под ред. Д. В. Цыганкина – Саранск, 1982.
- [Буркова и др. 2010] – *Буркова С. И., Кошкарёва Н. Б., Лаптандер Р. И., Янгасова Н. М.* Диалектологический словарь ненецкого языка / под общ. ред. Н. Б. Кошкарёвой – Екатеринбург, 2010.
- [Вальгамова и др. 2011] – *Вальгамова С. И., Кошкарёва Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А.* Диалектологический словарь хантыйского языка (приуральский и шурышкарский диалекты) / под общ. ред. Н. Б. Кошкарёвой. Екатеринбург, 2011.
- [Васильев 1995] – *Васильев Ф. И.* Кылбуръёс / Люказ, поттыны дасяз, азыкыл, валэктонъёс гожтӓз Алексей Ермолаев – Ижевск, 1995.
- [Вахрос, Щербаков 2007] – *Вахрос И., Щербаков А.* Большой финско-русский словарь / Под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало – М., 2007.
- [Вершинин 2004] – *Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Том 1 – Йошкар-Ола, 2004.
- [Гальди (ред.) 1987] – Венгерско-русский словарь / под общ. ред. *Л. Гальди* – М., Будапешт, 1987.

- [Ганиев (ред.) 2004] – *Ганиев Ф. А. (ред.)* Татарско-русский словарь – Казань, 2004.
- [Добровольский, Левонтина 2012] – *Добровольский Д. О., Левонтина И. Б.* О синонимии фокусирующих частиц (на материале немецкого и русского языков) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции – М., 2012. С. 138 – 149.
- [Дыбо 1996] – *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии – М., 1996.
- [Дыбо 2011] – *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря // Слово и язык. Сб. статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна – М., 2011. С. 359 – 389.
- [Дюрович 2000] – *Дюрович Л.* Соблазн родства (о значении лексем в родственных языках) // *Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.)*. Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. – М., 2000. С. 77—81.
- [Елисеев 1993] – *Елисеев Ю. С.* Финский язык // Языки мира: уральские языки – М., 1993. С. 90 – 115.
- [Зализняк 2009] – *Зализняк Анна А.* О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы Международной конференции «Диалог-2009» – М., 2009. С. 107 – 112.
- [Иванова 2011] – *Иванова Е. Ю.* Нетривиальные свойства поверхностей как топологических объектов: материалы к лексической типологии (русские и корейские прилагательные). Дипломная работа – М.: РГГУ, 2011.
- [Казакевич 1994] – *Казакевич О. А.* Изобразительная лексика энецкого языка // Знак: сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике. Памяти А. Н. Журина – М., 1994. С. 203 – 212.

- [Кзакевич, Будянская 2010] – *Кзакевич О. А., Будянская Е. М.* Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / под ред. О. А. Кзакевич. Екатеринбург, 2010.
- [Карпова и др. 2010] – *Карпова О. С., Резникова Т. И., Архангельский Т. А., Кюсева М. В., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А., Тагабилева М. Г.* База данных по многозначным качественным прилагательным и наречиям русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16) – М., 2010. С. 163 – 168.
- [Карпова и др. 2011] – *Карпова О. С., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А.* Оценочные значения ребрендингового типа в признаковой лексике (по материалам Базы данных семантических переходов в качественных прилагательных и наречиях) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17) – М., 2011. С. 292 – 304.
- [Кашкин 2009] – *Кашкин Е. В.* Полевое изучение семантики глаголов разделения объекта на части в уральских языках (на материале эрзянского и коми-зырянского языков) // III Международная конференция по полевой лингвистике: тезисы и материалы – М., 2009. С. 95 – 99.
- [Кашкин 2010] – *Кашкин Е. В.* Семантика глаголов разделения объекта на части в эрзянском и коми-зырянском языках (прямые и переносные употребления). Дипломная работа – М.: МГУ, 2010.
- [Кашкин 2011] – *Кашкин Е. В.* Прилагательные, описывающие свойства поверхностей, в ижемском диалекте коми-зырянского языка (сопоставительно-типологическое исследование) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII. Ч. 3 – СПб., 2011. С. 302 – 307.

- [Кашкин 2012] – *Кашкин Е. В.* Категоризация фактуры поверхностей в западных говорах хантыйского языка: сопоставительно-типологическое исследование // Урало-алтайские исследования, № 2 (7), 2012. С. 26 – 38.
- [Кельмаков 1993] – *Кельмаков В. К.* Удмуртский язык // Языки мира: уральские языки – М., 1993. С. 239 – 255.
- [Кельмаков 1998] – *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии – Ижевск, 1998.
- [Кибрик 2003] – *Кибрик А. Е.* Родственные языки как объект типологии // *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка – СПб., 2003. С. 191 – 195.
- [Кириллова (ред.) 2008] – *Кириллова Л. Е. (ред.)* Удмуртско-русский словарь – Ижевск, 2008.
- [Кобозева 2007] – *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика – М., 2007.
- [Коведяева 1976] – *Коведяева Е. И.* Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки – М., 1976. С. 3 – 96.
- [Коведяева 1993] – *Коведяева Е. И.* Марийский язык // Языки мира. Уральские языки – М., 1993. С. 148 – 164.
- [Кретов, Борискина 2003] – *Кретов А. А., Борискина О. О.* Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса – Воронеж, 2003.
- [Круглякова 2010] – *Круглякова В. А.* Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс... к.ф.н. – М.: РГГУ, 2010.
- [Кузнецова 2001] – *Кузнецова А. И.* Старый Торъял на распутье: к чему ведет смешение в одном селе разных марийских диалектов, литературного марийского и русского языков? // *Volgan alueen kielikontaktit (Языковые контакты Поволжья)* – Turku, 2001. С. 38 – 39.
- [Кузнецова 2007] – *Кузнецова А. И.* Категория вербальной репрезентации в уральских языках // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-

летию К. Е. Майтинской (Москва, 12 – 16 ноября 2007 г.). Тезисы – М., 2007. С. 120-126.

[Кузнецова 2012] – *Кузнецова А. И.* Взаимовлияния и связи финно-угорских языков: финно-волжские и пермские языки глазами антропологов, этнографов и лингвистов // *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания (формальный и функциональный подходы)*. Сб. статей – М., 2012. С. 26 – 37.

[Кузнецова (отв. ред.) 2012] – *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. Сб. статей / отв. ред. А. И. Кузнецова – М., 2012.

[Кузнецова и др. 1980] – *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект). Том 1 – М., 1980.

[Кузьмина 2011] – *Кузьмина К. В.* Признаковые слова со значением времени в китайском языке. Дипломная работа – М.: РГГУ, 2011.

[Кустова 2004] – *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М., 2004.

[Кюсева 2012] – *Кюсева М. В.* Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков ‘острый’ и ‘тупой’. Дипломная работа – М.: МГУ, 2012.

[Кюсева, Рыжова 2010] – *Кюсева М. В., Рыжова Д. А.* Признаковая лексика: прилагательные ‘острый’ и ‘тупой’ в типологической перспективе // *Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследований РАН)*. Т. 6, ч. 3 – СПб., 2010. С. 90 – 93.

[Кюсева и др. 2012] – *Кюсева М. В., Рыжова Д. А., Холкина Л. С.* Прилагательные *тяжелый* и *легкий* в типологической перспективе // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.)*. Вып. 11 (18). В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции – М., 2012. С. 247 – 255.

- [Лучина и др. 2013] – *Лучина Е. С., Резникова Т. И., Стенин И. А.* Атрибутивы как источник грамматикализации: ‘прямой’ и ‘ровный’ в русском, немецком и финском языках // *Guzmán Tirado R., Votyakova I. (eds.) Tipología léxica – Granada, 2013. С. 123 – 129.*
- [Лыткин, Гуляев 1970] – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка – М., 1970.
- [Майсак, Рахилина (ред.) 2007] – *Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.)* Глаголы движения в воде: лексическая типология – М., 2007.
- [МАС 1999] – Словарь русского языка в 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой – М., 1999. Электронная версия: <http://feb-web.ru/feb/mas/>
- [Миронов 1936] – *Миронов Т. П.* Теньгушевский (шокшинский) диалект как результат скрещения – Саранск, 1936.
- [Мустайоки, Протасова 2007] – *Мустайоки А., Протасова Е. Ю.* Финские глаголы со значением плавания // *Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.)* Глаголы движения в воде: лексическая типология – М., 2007. С. 380 – 405.
- [Наний 2012] – *Наний Л. О.* «Прямой», «кривой» и «косой» как источники признаков метафор (на материале китайского и русского языков). Дипломная работа – М.: РГГУ, 2012.
- [НКРЯ] – Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: www.ruscorpora.ru
- [Норманская 2005] – *Норманская Ю. В.* Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках – М., 2005.
- [НОСС 2004] – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ред. *Апресян Ю. Д.* М.-Вена, 2004.
- [Падучева 2004] – *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.
- [Перевощиков (ред.) 1962] – *Перевощиков П. Н. (ред.)* Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология – Ижевск, 1962.

- [Плунгян 2003] – *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику – М., 2003.
- [Плунгян 2011] – *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира – М., 2011.
- [Рахилина 2000 / 2008] – *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость – М., 2000 (2-е изд. – 2008).
- [Рахилина 2007] – *Рахилина Е. В.* Глаголы плавания в русском языке // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология – М., 2007. С. 267 – 285.
- [Рахилина 2010] – *Рахилина Е. В.* Звуки Му // Проблемы грамматики и типологии. Сб. статей памяти В. П. Неद्याкова (1928 – 2009) – М., 2010. С. 283 – 302.
- [Рахилина 2013] – *Рахилина Е. В.* О Московской лексико-типологической группе (MLEXT) // *Guzmán Tirado R., Votyakova I.* (eds.) *Tipología léxica – Granada*, 2013. С. 9 – 16.
- [Рахилина и др. 2009] – *Рахилина Е. В., Карпова О. С., Резникова Т. И.* Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 420 – 425.
- [Рахилина и др. 2010а] – *Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С.* Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Лингвистика конструкций / отв. ред. *Е. В. Рахилина* – М., 2010. С. 398 – 455.
- [Рахилина и др. 2010б] – *Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Бонч-Осмоловская А. А.* Типология преобразования конструкций: предикаты боли //

Лингвистика конструкций / отв. ред. *Е. В. Рахилина* – М., 2010. С. 456 – 540.

[Рахилина, Лемменс 2003] – *Рахилина Е. В., Лемменс М.* Русистика и типология: лексическая семантика глаголов со значением ‘сидеть’ в русском и нидерландском // *Russian Linguistics*. 2003. 27:3. P. 313 – 328.

[Рахилина, Плунгян 2007] – *Рахилина Е. В., Плунгян В. А.* О лексико-семантической типологии // *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* (ред.) *Глаголы движения в воде: лексическая типология.* – М., 2007. С. 9 – 26.

[Рахилина, Прокофьева 2004] – *Рахилина Е. В., Прокофьева И. А.* Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // *Вопросы языкознания*, 2004, № 1. С. 60 – 78.

[Рахилина, Прокофьева 2005] – *Рахилина Е. В., Прокофьева И. А.* Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // *Топоров В. Н.* (ред.) *Язык. Личность. Текст.* Сб. к 70-летию Т. М. Николаевой – М., 2005. С. 304 – 314.

[Рахилина, Резникова 2011] – *Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* О работе Московской лексико-типологической группы (стенограмма доклада) // *Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов / под ред. А. А. Кретьова* – Воронеж, 2011. С. 126 – 135.

[Рахилина, Резникова 2013] – *Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*. № 2, 2013. С. 3 – 31.

[Романова 1997] – *Быльырам синкыли. Веросьёс / Дасяз Г. В. Романова* – Ижевск, 1997.

[Сахарова, Сельков 1976] – *Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка – Сыктывкар, 1976.

[Серебренников 1963] – *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков – М., 1963.

- [Серебрянников и др. (ред.) 1993] – *Серебрянников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. (ред.)* Эрзянско-русский словарь – М., 1993.
- [Серебрянников и др. (ред.) 1998] – *Серебрянников Б. А., Феоктистов А. П., Поляков О. Е. (ред.)* Мокшанско-русский словарь – М., 1998.
- [Словарь марийского языка] – Словарь марийского языка в 10 т. Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ – 1990-2005. Электронная версия: www.marlamuter.org/muter/
- [Соловар 2006] – *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь. СПб, 2006.
- [Спесивцева 2012] – *Спесивцева А. А.* Семантика прилагательных, описывающих качества поверхности, и прилагательных со значением «пустой» и «полный» (на материале испанского языка). Дипломная работа – М., РГГУ, 2012.
- [Спиридонова 2004] – *Спиридонова Н. Ф.* Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. *Апресян Ю. Д.* – М., 2004. С. 235 – 241.
- [ССКЗД 1961] – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под общ. ред. В. А. Сорвачевой – Сыктывкар, 1961.
- [Тагабилева, Холкина 2010] – *Тагабилева М. Г., Холкина Л. С.* Качественные признаки ‘пустой’ и ‘полный’ в типологическом освещении // *Acta Linguistica Petropolitana* (Труды Института лингвистических исследований РАН). Т. 6, ч. 3. – СПб., 2010. С. 167 – 169.
- [Талигина 2008] – *Талигина Н. М.* Концепт j̄iŋk ‘вода’ в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2008. Вып. 6 (58) «Уральские языки севера Сибири». С. 157 – 162.
- [Татевосов 2002] – *Татевосов С. Г.* Семантика составляющих именной группы: кванторные слова – М, 2002.

- [Тепляшина 1965] – *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века (выпуск первый) – М., 1965.
- [Терещенко 1965] – *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь – М., 1965.
- [Титов 2002] – *Титов В. Т.* Общая квантитативная лексикология романских языков – Воронеж, 2002.
- [Титов 2004] – *Титов В. Т.* Частная квантитативная лексикология романских языков – Воронеж, 2004.
- [Титов, Кретов 2011] – *Титов В. Т., Кретов А. А.* О работе Воронежской лексико-типологической группы // Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов / под ред. А. А. Кретова – Воронеж, 2011. С. 6 – 16.
- [Толстой 1963 / 1997] – *Толстой Н. И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I // *Толстой Н. И.* Избранные труды, том I. Славянская лексикология и семасиология – М., 1997. С. 44 – 69. (1-е изд.: Вопросы языкознания 1963, № 1. С. 29 – 45).
- [Федотов 1990] – *Федотов М. Р.* Чувашскомарийские языковые взаимосвязи / Под ред. И. С. Галкина – Саранск, 1990.
- [Федотова 2000] – *Федотова В. П.* Фразеологический словарь карельского языка – Петрозаводск, 2000.
- [Феоктистов 1971] – *Феоктистов А. П.* Русско-мордовский словарь – М., 1971.
- [Феоктистов 1990] – *Феоктистов А. П.* Диалекты мордовских языков // *Raasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch. Band 1. – Helsinki, 1990.
- [Хелимский 2000] – *Хелимский Е. А.* Нганасанские заимствования в долганском языке: к выходу в свет долганского словаря М. Стаховского // *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи – М., 2000. С. 320 – 322.
- [Холкина *forthc.*] – *Холкина Л. С.* Категория качества в китайской лексике: опыт типологического описания. Дисс ... к.ф.н. – М., *forthc.*

- [Шапиро (в печати)] – *Шапиро М. М.* Семантика глаголов колебательного движения в финском языке // (в печати).
- [Шрамм 1979] – *Шрамм А. Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) – Ленинград, 1979.
- [Щанкина 1993] – *Щанкина В. И.* Мокшень-рузонь валкс – Русско-мокшанский словарь – Саранск, 1993.
- [Щерба 1974] – *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность – Л., 1974. С. 24 – 39.
- [Эрнитс 1993] – *Эрнитс Э.* О происхождении и семантике корня *kVr* в финно-угорских языках // *Linguistica Uralica*. 1993, 2. С. 81 – 87.
- [Abondolo 1998] – *Abondolo D.* Finnish // *The Uralic languages* / ed. by D. Abondolo – London; NY, 1998, pp. 149 – 183.
- [Bakker 2010] – *Bakker D.* Language sampling // *The Oxford Handbook of Linguistic Typology* – Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 100 – 127.
- [Berlin, Kay 1969] – *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution – Berkeley, 1969.
- [Bierwisch 1967] – *Bierwisch M.* Some semantic universals of German adjectivals // *Foundations of Language* 3.1, 1967. P. 1 – 36.
- [Bierwisch, Lang 1989] – *Bierwisch M., Lang E.* Dimensional Adjectives: Grammatical Structure and Conceptual Interpretation – Berlin-Heidelberg-New York, 1989.
- [Bons 2009] – *Bons I.* Polysemie und Distribution Zur Theorie und Methode einer korpusbasierten Semantik deutscher Adjektive – Gießen: Gießener Elektronische Bibliothek, 2009.
- [Burenhult, Levinson 2008] – *Burenhult N., Levinson S.* Language and landscape: A cross-linguistic perspective. *Language Sciences*, 30(2/3), 2008. Pp. 135 – 150.

- [Childs 1994] – *Childs G. T.* African ideophones // *Hinton L., Nichols J., Ohala J.* (eds.) *Sound symbolism* – Cambridge, 1994. Pp. 178 – 204.
- [COCA] – The corpus of contemporary American English. Online resource: <http://corpus.byu.edu/coca/>
- [Croft 1990 / 2003] – *Croft W.* *Typology and universals* – Cambridge, 1990 (2nd edition – 2003).
- [Croft 2002] – *Croft W.* The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*, ed. *R. Dirven, R. Pörings* – Berlin, 2002. P. 161 – 205.
- [Croft, Cruse 2004] – *Croft W., Cruse D.* *Cognitive linguistics* – Cambridge, 2004.
- [Cruse 1986] – *Cruse D.* *Lexical semantics* – Cambridge, 1986.
- [Daniel 2010] – *Daniel M.* Linguistic typology and the study of language // *The Oxford Handbook of Linguistic Typology* – Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 43 – 68.
- [EKSS] – Eesti keele seletav sõnaraamat (Толковый словарь эстонского языка). Электронный ресурс: www.eki.ee/dict/ekss
- [Ernits 1975] – *Ernits E.* Ist Weps. n'il'ed eine Entlehnung aus der Komi-Sprache? // *Советское финно-угроведение*. 1975. №4. С. 242 – 243.
- [EVS] – Eesti-vene sõnaraamat (Эстонско-русский словарь). Электронный ресурс: www.eki.ee/dict/evs
- Ethnologue: languages of the world. Электронный ресурс: www.ethnologue.com
- [Fillmore, Kay 1992] – *Fillmore Ch., Kay P.* *Construction grammar course book* – Berkeley, 1992.
- [Goddard, Wierzbicka 2002] – *Goddard C., Wierzbicka A.* Semantic primes and universal grammar // *Goddard C., Wierzbicka A.* (eds.) *Meaning and Universal Grammar: Theory and Empirical Findings*. Vol. 1 – Amsterdam, 2002. P. 41 – 85.
- [Goddard, Wierzbicka 2007] – *Goddard C., Wierzbicka A.* NSM analyses of the semantics of physical qualities: *sweet, hot, hard, heavy, rough, sharp* in

crosslinguistic perspective // *Studies in Language*, Volume 31, Number 4, 2007. P. 765-800.

[Haspelmath 1997] – *Haspelmath M.* Indefinite pronouns – Oxford, 1997.

[Haspelmath 2003] – *Haspelmath M.* The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // *Tomasello M.* (ed.) *The new psychology of language*, vol. 2. – Mahwah, NJ, 2003. P. 211 – 242.

[Hinton et al. (eds.) 1994] – *Hinton L., Nichols J., Ohala J.* (eds.) *Sound symbolism* – Cambridge, 1994.

[HNC] – Hungarian National Corpus. Online resource: http://corpus.nytud.hu/mnsz/index_eng.html

[Kashkin et al. 2012] – *Kashkin E. V., Reznikova T. I., Pavlova E. K., Luchina E. S.* Verbs describing sounds of inanimate objects: towards a typology // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»* (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции – М., 2012. С. 227 – 236.

[Kibrik 1998] – *Kibrik A. E.* Does intragenetic typology make sense? // In: *Boeder W.* et al. (eds.) *Sprache in Raum und Zeit: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft* – Tübingen, 1998. Pp. 61 – 68.

[Kibrik 2009] – *Kibrik A. E.* In defence of intragenetic typology: evidence from clause coordination in Daghestanian languages // *Eighth Biennial Conference of the Association for Linguistic Typology. Abstracts. 2009.* Online publication: http://lsa2009.berkeley.edu/alt8/kibrik_aleksandr_abstract.pdf

[Kopecka, Narasimhan (eds.) 2012] – *Kopecka A., Narasimhan B.* (eds.) *Events of putting and taking* – Amsterdam, Philadelphia, Benjamins, 2012.

[Koptjevskaja-Tamm 2008] – *Koptjevskaja-Tamm M.* Approaching lexical typology // *Vanhove M.* (ed.) *From Polysemy to Semantic Change*. – Amsterdam/Philadelphia, 2008. P. 3 – 55.

- [Koptjevskaja-Tamm 2012] – *Koptjevskaja-Tamm M.* New directions in lexical typology // *Linguistics* 50 – 3 (2012). P. 373 – 394.
- [Koptjevskaja-Tamm forthcoming.] – *Koptjevskaja-Tamm M.* The Linguistics of Temperature. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins, forthcoming.
- [Koptjevskaja-Tamm, Rakhilina 2006] – *Koptjevskaja-Tamm M., Rakhilina E.* “Some like it hot”: on semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish // *STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung)*, a special issue on Lexicon in a Typological and Contrastive Perspective, ed. by Giannoulopoulou, G. & T. Leuschner, 59-2, 2006. Pp. 253 – 269.
- [König 1991a] – *König E.* Identical values in conflicting roles: The use of German *ausgerechnet*, *eben*, *genau* and *gerade* as focus particles” // Abraham W. (ed). *Discourse Particles* – Amsterdam: 1991. P. 11 – 36.
- [König 1991b] – *König E.* The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective – London, 1991.
- [Kroeber 1952] – *Kroeber A.* *Classificatory Systems of Relationship / The Nature of Culture* – Chicago, 1952.
- [Kylstra 1996] – *Kylstra A. D.* *Lexikon der älteren germanischen Lehnwörter in den ostseefinnischen Sprachen. Bd. II: K – O* – Amsterdam, Atlanta, 1996.
- [Lakoff, Johnson 1980] – *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By.* – Chicago, 1980.
- [Lang 2002] – *Lang E.* Spatial Dimension Terms // *M. Haspelmath & E. König* (eds). *Language Typology and Language Universals.* Berlin, 2002. P. 1251 – 1275.
- [Levinson 2008] – *Levinson S. C.* *Space in Language and Cognition* – Singapore, 2008.
- [Longman] – Longman dictionary of contemporary English. Электронный ресурс: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/>
- [Majid et al. (eds.) 2006] – *Majid A., Enfield N. J., Van Staden M.* (eds.). Parts of the body: Cross-linguistic categorisation [Special Issue] – *Language Sciences*, 28(2-3). 2006.

- [Majid et al. 2007a] – *Majid A., Bowerman M., Van Staden M., Boster J.* The semantic categories of cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective // *Cognitive linguistics*, 18 – 2 (2007). P. 133 – 152.
- [Majid et al. 2007b] – *Majid A., Gullberg M., Van Staden M., Bowerman M.* How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages // *Cognitive linguistics*, 18 – 2 (2007). P. 179 – 194.
- [Majid et al. 2008] – *Majid A., Boster J., Bowerman M.* The cross-linguistic categorization of everyday events: a study of “cutting and breaking” // *Cognition*, 109 (2), 2008. P. 235 – 250.
- [Matisoff 1994] – *Matisoff J. A.* Tone, intonation, and sound symbolism in Lahu: loading the syllable canon // *Hinton L., Nichols J., Ohala J.* (eds.) *Sound symbolism* – Cambridge, 1994. Pp. 115 – 129.
- [Newman (ed.) 1998] – *Newman J.* (ed.) *The linguistics of giving* – Amsterdam, 1998.
- [Newman (ed.) 2002] – *Newman J.* (ed.) *The linguistics of sitting, standing and lying* – Amsterdam, 2002.
- [Newman (ed.) 2009] – *Newman J.* (ed.) *The linguistics of eating and drinking* – Amsterdam, 2009.
- [Oxford] – Oxford dictionaries. Электронный ресурс: <https://oxforddictionaries.com/>
- [Paasonen 1948] – *Paasonen H.* *Ost-Tscheremissisches Wörterbuch*. Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro – Helsinki, 1948.
- [Paasonen 1990 – 1996] – *Paasonen H.* *Mordwinisches Wörterbuch*. Band 1-4 – Helsinki, 1990 – 1996. Электронная версия: <http://www.ling.helsinki.fi/~rueter/PaasonenMW.shtml>
- [Peirsman, Geeraerts 2006] – *Peirsman Y., Geeraerts D.* Metonymy as a Prototypical category // *Cognitive Linguistics* 2006, 17(3). P. 269 – 316.

- [Radden, Kövecses 1999] – *Radden G., Kövecses Z.* Towards a Theory of Metonymy // K.-U. Panther and G. Radden (eds). *Metonymy in Language and Thought.* — Amsterdam & Philadelphia, 1999. P. 17 – 59.
- [Rakhilina, Marushkina 2013] – *Rakhilina E. V., Marushkina A. S.* A new approach in ‘old’ studies // Association for Linguistic Typology 10th Biennial Conference (ALT 10). Abstracts. 2013. Online publication: http://www.eva.mpg.de/lingua/conference/2013_ALT10/pdf/abstracts/abstract_17_OldNewApproach.pdf
- [Rédei 1988] – *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band I – Budapest, 1988.
- [Sadeniemi 1951 – 1961] – *Sadeniemi M.* Nykysuomen sanakirja. Vol. 1 – 6 – Helsinki, 1951 – 1961.
- [Shapiro 2013] – Shapiro M. The Verbs of Oscillation in a typological perspective // Association for Linguistic Typology 10th Biennial Conference (ALT 10). Abstracts. 2013. Online publication: http://www.eva.mpg.de/lingua/conference/2013_ALT10/pdf/abstracts/abstract_176_OscillationVerbs.pdf
- [SSA] – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Vol. 1 – 3 – Helsinki, 1992 – 2000.
- [Steinitz 1966 – 1993] – *Steinitz W.* Dialektologisches Und Etymologisches Wörterbuch Der Ostjakischen Sprache - HEWOS. Akademie-Verlag. – Berlin, 1966-1993.
- Starling – Этимологическая база данных, составленная С. А. Старостиним. Электронный ресурс: www.starling.rinet.ru
- Syatko – Корпус эрзянских текстов из журнала «Сятко» (2004, 2006-2008 гг.), разрабатываемый в Секторе исследования языков Поволжья Университета Турку (Финляндия). Неопубликованный электронный ресурс.
- [Taylor 1992] – *Taylor J.* Old problems: adjectives in Cognitive Grammar // *Cognitive Linguistics* 3.1, 1992. P. 1 – 35.

- [Traugott 2006] – *Traugott E.* The semantic development of scalar focus modifiers // *van Kemenade A., Bettelou Los* (eds.) *The handbook of the history of English* – Blackwell, 2006. P. 335 – 359.
- [Uusküla 2011] – *Uusküla M.* Terms for red in Central Europe (an areal phenomenon in Hungarian and Czech) // *Biggam C., Hough C., Kay C., Simmons D.* (eds.) *New directions in colour studies* – Amsterdam, Philadelphia, 2011. P. 147 – 156.
- [van der Auwera, Plungian 1998] – *van der Auwera J., Plungian V. A.* Modality's semantic map – *Linguistic typology* 2, 1998.
- [Viberg 1984] – *Viberg Å.* The verbs of perception: a typological study // *Linguistics*, 1984, 21. Pp. 123 – 162.
- [WALS] – The World atlas of language structures. Online resource: <http://wals.info>
- [Whorf 1956] – *Whorf B. L.* *Language, Thought and reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf* – Cambridge, Mass., 1956.
- [Wierzbicka 1972] – *Wierzbicka A.* *Semantic Primitives* – Frankfurt, 1972.
- [Wierzbicka 1980] – *Wierzbicka A.* *Lingua Mentalis* – Sydney, 1980.
- [Zalizniak 2008] – *Zalizniak Anna A.* A catalogue of semantic shifts: Towards a typology of semantic derivation // *Vanhove M.* (ed.) *From Polysemy to Semantic Change.* – Amsterdam/Philadelphia, 2008. P. 217 – 233.
- [Zalizniak et al. 2012] – *Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M.* The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *Linguistics* 50 – 3 (2012). P. 633 – 669.